

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ



4

1976

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров

50 ЛЕТ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Исполнилось 50 лет со времени основания центрального печатного органа этнографов нашей страны — журнала «Советская этнография». Старейший и на протяжении многих лет единственный этнографический журнал в СССР, он не только в полной мере отразил на своих страницах развитие нашей науки, но и сам был и остается организатором ее роста. Полувековой юбилей журнала — важная веха. Поэтому целесообразно окинуть взглядом пройденный путь, оценить достигнутое и подумать о том, что еще предстоит сделать.

Журнал начал выходить в 1926 г. под названием «Этнография», а с 1931 г. — под названием «Советская этнография», являясь в те времена органом Академии наук СССР и Наркомата просвещения РСФСР. На протяжении нескольких, главным образом предвоенных и первых послевоенных, лет «Советская этнография» издавалась как сборник¹, но уже в 1946 г. возобновилось ее издание в качестве журнала — первоначально как одного из периодических изданий Академии наук СССР, а с 1957 г. как органа Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

За полвека своего существования журнал «Советская этнография» сыграл большую роль в формировании марксистской этнографической науки и смежных с ней областей знания, освоении этнографического наследия классиков марксизма-ленинизма и реализации программных документов партии². Эта организующая роль руководящего периодиче-

¹ Вып. I—1938 г., вып. II—1939 г., вып. III—1940 г., вып. IV—1941 г., вып. V—1946 г., вып. VI—VII—1947 г.

² См., например: В. Г. Тан-Богораз, К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений, «Этнография», 1930, № 1—2; А. А. Бусыгин, 50 лет «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Сов. этнография» (далее при ссылках на «Сов. этнографию» указывается только год и №), 1934, № 6; «На фронте исторической науки»,— 1936, № 1; В. В. Струве, Марксово определение раннеклассового общества.— III, 1940; И. И. Потехин, В. И. Ленин о национально-освободительном движении в колониальных и зависимых странах.— 1950, № 2; Л. П. Потапов, Ленинская национальная политика в действии.— 1957, № 5; «Теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР и задачи советских этнографов»,— 1958, № 5; «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии»,— 1959, № 6; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе.— 1960, № 6; «Основные задачи советской этнографии в свете решений XXII съезда КПСС»,— 1961, № 6; «XXIII съезд КПСС и современная советская этнография»,— 1966, № 3; И. А. Крывелев, Маркс и некоторые проблемы этнографии.— 1968, № 2; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— 1970, № 1; Н. Н. Чебоксаров, А. М. Решетов, В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока.— 1970, № 1; С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов, Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии.— 1970, № 6; В. П. Алексеев, Теоретическое наследие Энгельса и антропологическая наука.— 1971, № 2; «XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы советской этнографической науки»,— 1971, № 4; «XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов»,— 1976, № 3.

ского органа неизменно ощущалась на всех этапах складывания и развития советской этнографической школы. Вместе с тем на каждом из них она имела свою специфику, обусловленную особенностями и задачами науки на различных этапах развития советского общества.

На первом, довоенном, этапе марксистская этнография в СССР только складывалась. До начала 1930-х годов в ней еще ощущались наследие дореволюционной науки, влияние идей эволюционизма и даже господствовавших на Западе концепций венской «культурно-исторической школы». Да и сама формировавшаяся в борьбе с ними молодая наука не избежала «болезней роста» — от попыток объявить этнографию своего рода всеобъемлющей наукой наук до призывов ликвидировать ее как не имеющую специфического предмета исследования дисциплину. Между тем страна переживала один из наиболее ответственных периодов своей истории: шла борьба партии за социалистическое строительство и реализацию ленинской национальной политики. А это требовало, в частности, сложного историко-этнографического анализа общественных отношений у отдельных народов СССР, в особенности тех из них, которые в прошлом отставали в своем развитии и сохраняли многочисленные докапиталистические пережитки. В этих условиях, в обстановке острых дискуссий, центральный этнографический журнал должен был возглавить работу по освоению исторического материализма в применении к этнографическим исследованиям, уточнить их задачи, показать их научное и практическое значение. В установочных статьях 1930-х годов основная задача этнографии была определена как исследование докапиталистических пережитков или даже как изучение доклассовых и раннеклассовых обществ и архаических пережитков в обществах развитых³. Это неизбежно сузило задачи этнографии, но позволило поднять ее теоретический уровень, внести в нее методы марксистско-ленинского историзма, что нашло свое отражение в помещенных на страницах журнала статьях первого поколения советских этнографов — С. П. Толстова, Д. А. Ольдерогге, М. О. Косвена, А. М. Золотарева, С. А. Токарева, Л. П. Потапова, С. М. Абрамзона и др.

Еще на первом этапе своей деятельности журнал уделил известное внимание этнографическому изучению современной культуры и быта народов СССР и зарубежных стран. Но по-настоящему эта работа стала разворачиваться только на следующем этапе, в 1940—1950-х годах, в новую историческую эпоху, отмеченную кардинальными сдвигами в послевоенном мире. Завершение строительства социализма в СССР, образование содружества социалистических стран, распад колониальной системы империализма и возникновение десятков новых независимых государств, — все это в огромной степени активизировало социально-культурные и этнические процессы и поставило перед этнографами в качестве первоочередной задачи их всестороннее изучение. Именно об этом говорилось в статье С. П. Толстова, открывавшей первый послевоенный номер журнала и знаменательно озаглавленной «Этнография и современность»⁴.

Здесь было дано принципиально новое определение предмета и задач этнографии — как отрасли истории, исследующей культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, изучающей проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений этих народов, восстанавливающей историю их расселения и передвижения. С конца 1940-х годов журнал начал регулярно публико-

³ Н. М. Маторин, Современный этап и задачи советской этнографии.—1931, № 1; «15 лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи».—1933, № 1; В. В. Струве, Советская этнография и ее перспективы.— II, 1939.

⁴ С. П. Толстов, Этнография и современность.— 1946, № 1; см. его же, Советская школа в этнографии.— 1947, № 4; его же, Сорок лет советской этнографии.— 1957, № 5.

вать статьи, посвященные социалистическому преобразованию культуры и быта народов СССР, в следующем десятилетии ввел особый раздел «Народы мира», дававший этнографическую информацию о борющихся или завоевавших независимость народах колониальных и полуколониальных стран. В то же время журнал не ослабил внимания к историко-этнографической тематике — вопросам этногенеза, истории культуры, истории первобытного общества.

Наконец, третий этап в работе журнала открылся в 1960-х годах. Вступление нашей страны в период развитого социализма и ускорившиеся в условиях научно-технической революции темпы социально-экономического, культурного, этнического развития подняли значение общественных наук, которые, как это указывается в Программе КПСС, «составляют научную основу руководства развитием общества»⁵. Соответственно возросла роль этнографических исследований в оптимизации культурно-бытовых и этнических процессов, что в свою очередь потребовало подъема науки на качественно новый теоретический уровень. Важные задачи встали и перед этнографами — исследователями зарубежных стран, где также ускорились темпы современных процессов, требующих своих теоретических исследований, тесно увязанных с практикой революционного, национально-освободительного движения. Поэтому не случайно, что на этом новом этапе на страницах журнала впервые началась разработка таких фундаментальных проблем, как общая теория этноса и этнических процессов, этническая специфика материальной и духовной культуры и т. п. Не случайно и сформулированное на страницах журнала новое понимание этнографии как науки, изучающей этническую специфику прежде всего современных народов и даже имеющей одной из своих задач прогнозирование этнических процессов⁶. Это, разумеется, не означает, что традиционная проблематика этнографии оставлена в стороне, однако новые задачи как бы отодвинули ее на второй план.

Посмотрим, как реализовывались задачи журнала на основных этапах его истории и в различных направлениях его деятельности.

* * *

Большое место на страницах «Советской этнографии» всегда уделялось проблемам происхождения отдельных народов и целых их групп, говорящих на родственных языках или расселенных в пределах одной историко-этнографической (этнокультурной) области. Однако до Отечественной войны и в первые годы после нее проблемы эти разрабатывались большей частью на основе лингвистической теории Н. Я. Марра, который отрицал роль переселений в истории народов мира и считал этногенез исключительно результатом автохтонного развития. Труды Н. Я. Марра и его непосредственных продолжателей помогли советским этнографам пересмотреть упрощенные миграционистские взгляды на этногенетические процессы, но привели к игнорированию даже тех реальных переселений, которые нашли свое отражение в археологических, антропологических и собственно исторических материалах⁷. Резкая и не во всем справедливая критика теории Н. Я. Марра привела наряду с отказом от крайностей автохтонизма, несомненно имевшим положительное значение, к временному понижению в начале 1950-х го-

⁵ «Программа и устав КПСС», М., 1964, стр. 214.

⁶ Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан, О соотношении истории, этнографии и социологии. — 1969, № 3.

⁷ См., например: В. Г. Богораз-Тан, Н. Я. Марр о происхождении американского человека. — 1935, № 1; Л. Я. Штернберг, Яфетическая теория при свете этнографии. — 1935, № 1; Н. С. Державин, Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове. — 1946, № 1; А. Д. Удалецов, Племена Европейской Сарматии II в. н. э. — 1946, № 2.

дов интереса к внутренним закономерностям развития этнических общностей. Тем не менее комплексное изучение проблем этногенеза учеными различных специальностей, непрерывно расширяясь и углубляясь, позволило с конца 1950-х годов подойти к обобщению накопленных богатейших фактических материалов по большим региональным группам советских и зарубежных народов. Можно смело утверждать, что в той или иной степени в работах советских исследователей, опубликованных на страницах «Советской этнографии», были освещены основные этапы этнического развития всех народов мира, и в первую очередь, конечно, народов нашей страны. Большое количество статей, основанных на оригинальных полевых материалах, собранных различными экспедициями Института этнографии и других научных учреждений, а также на изучении статистико-демографических архивных данных и музейных коллекций, было посвящено вопросам этногенеза и этнической истории русских, украинцев и белорусов, народов Прибалтики, Поволжья и Прикамья, Молдавии, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока⁸. Расширение и углубление научных связей советских этнографов с зарубежными коллегами, в особенности с учеными социалистических и развивающихся стран, все более и более частые заграничные командировки, а в некоторых случаях и совместные полевые работы с иностранными исследователями обеспечили подготовку серьезных трудов по вопросам происхождения и этнической истории народов многих зарубежных стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии и Океании⁹.

В своих этногенетических исследованиях советские этнографы не ограничиваются далеким прошлым, но все большее внимание уделяют этнической истории разных периодов, в особенности этническим процессам нашего времени, речь о которых будет дальше.

⁸ См., например: А. Бернштам, К вопросу о происхождении киргизского народа.— 1955, № 2; Л. И. Лавров, Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории.— 1956, № 1; Л. П. Потапов, Происхождение и этнический состав койбалов.— 1956, № 3; С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики.— 1956, № 2; П. Н. Третьяков, У истоков этнической истории финно-угорских племен.— 1961, № 2; Я. А. Федоров, К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана (I тысячелетие н. э.).— 1961, № 1; Г. П. Васильева, Этнографические данные о происхождении туркменского народа.— 1964, № 6; Б. О. Долгих, Образование современных народностей Севера СССР.— 1967, № 3; Дискуссия о происхождении белорусов см.:— 1967, № 2, 4; 1968, № 1, 5; 1969, № 1; И. С. Вдовин, К проблеме этногенеза ительменов.— 1970, № 3; К. Г. Гуслистый, Ленин и вопросы этнической истории украинского народа.— 1970, № 5; Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков.— 1971, № 2; Г. А. Хабургаев, Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей.— 1972, № 1; А. Х. Халиков, К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья.— 1972, № 1; В. И. Васильев, О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев.— 1973, № 4; И. С. Гурвич, Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов.— 1973, № 5.

⁹ См., например: Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик, К проблеме происхождения народов мунда.— 1957, № 1; С. А. Арутюнов, К оценке роли миграций в древней истории Японии.— 1960, № 1; Р. Ш. Джарылгасинова, Когурёсы и их роль в сложении корейской народности.— 1960, № 5; Р. В. Кинжалов, Современное состояние ольмекской проблемы.— 1962, № 2; Ю. В. Кнорозов, Легенды о заселении острова Пасхи.— 1963, № 4; Т. Д. Златковская, Этнические процессы во Фракии во втором — первом тысячелетиях до н. э.— 1964, № 5; Н. А. Красновская, К вопросу об этногенезе ретороманцев.— 1964, № 1; В. Башилов, Некоторые вопросы этнической истории Боливийского Альтиплано.— 1966, № 5; Гомес-Табанери Хосе Мануэль, Происхождение и формирование народов Испании.— 1966, № 5; И. М. Семашко, Происхождение и этническая история бхиллов.— 1967, № 2; Д. Е. Еремеев, Особенности образования турецкой нации.— 1969, № 5; Ю. А. Мочанов, Древнейшие культуры Америки.— 1966, № 4; С. Я. Берзина, Материалы к этнической истории фульбе.— 1971, № 4; Нгуен Куок Лок, Этнический состав современного населения плато Тейнгуен.— 1974, № 1; В. Р. Кабо, Айнская проблема в новой перспективе.— 1975, № 6.

Непрерывно расширяется круг источников, на основе которых советские ученые освещают общие и частные вопросы этногенеза и этнической истории. Наряду с материалами об эпохальных и локальных особенностях разных элементов материальной культуры для разработки этногенетических проблем все в большей и большей степени привлекаются данные по традиционной духовной культуре (в особенности по фольклору и всевозможным видам народного декоративного и изобразительного искусства)¹⁰, а также по различным отраслям ономастики — этнонимии, топонимии и антропонимии¹¹. Использование этих новых источников, а также привлечение, как и прежде, данных смежных с этнографией общественных и естественных наук — археологии, исторической географии, этнической антропологии, демографии и демографической статистики, этнолингвистики и др. — позволило анализировать этнические процессы всех исторических эпох гораздо более полно и глубоко, чем это было возможно раньше, и вместе с тем подойти к постановке важнейших теоретических проблем, связанных с самим понятием об этносах и этнических общностях вообще, с их типологией, иерархичностью (таксономической градацией), взаимоотношениями с другими социальными и биологическими общностями — экономическими, классовыми, сословными и кастовыми, государственно-политическими, конфессиональными, популяционными, расовыми и др.¹² На страницах журнала появляются статьи, посвященные вопросам становления и развития этнического самосознания, которое рассматривается многими этнографами как своего рода результата (равнодействующая), отражающая основные условия формирования и отличительные признаки этноса, в первую очередь его культурную и языковую специфику¹³. В самое последнее время на страницах «Советской этнографии» определенное, хотя все еще недостаточное внимание уделяется вопросам этнической психологии¹⁴. Анализ сложного взаимодействия различных

¹⁰ О. С. Попова, Народное декоративно-прикладное искусство в СССР.— 1957, № 5; К. В. Чистов, Задачи изучения народного поэтического творчества.— 1958, № 3; А. Я. Аннист, Эстонская эпическая традиция и эпос «Калевипоэг».— 1965, № 1; С. И. Дмитриева, Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.).— 1969, № 4; Е. С. Котляр, Мифы бантуязычных народов Тропической и Южной Африки.— 1967, № 3; Р. С. Липец, К вопросу о генезисе былин (город в русском эпосе).— 1967, № 6; В. В. Пименов, Чудские предания как источник по этнокультурной истории Европейского Севера СССР.— 1968, № 4; Т. А. Колева, Зимний цикл обычаев южных славян.— 1971, № 3; М. В. Горелик, Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма).— 1972, № 2; Г. С. Маслова, Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник.— 1975, № 3; Б. Н. Путилов, Основные аспекты связи фольклора с традиционно-бытовой культурой.— 1975, № 2, и др.

¹¹ Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении этнонима «кыргызы».— 1964, № 2; И. В. Бестужев-Лада, Имя человеческое: прошлое, настоящее, будущее.— 1968, № 2; Н. Л. Жуковская, Отражение социальной структуры общества в монгольских этнонимах.— 1969, № 4; Д. В. Деопик, М. А. Членов, Топонимия и язык.— 1970, № 3; С. Е. Яхонтов, Древнейшие упоминания названия «кыргызы».— 1970, № 2; В. А. Никонов, Этнография и ономастика.— 1971, № 5; Я. В. Чеснов, Название народа: откуда оно?— 1973, № 6.

¹² В. И. Козлов, О понятии этнической общности.— 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— 1967, № 4; В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.— 1968, № 2; Л. П. Лащук, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов.— 1968, № 1; Г. В. Шелепов, Общность происхождения — признак этнической общности.— 1968, № 4; Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия.— 1969, № 6; В. И. Козлов, О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина.— 1969, № 6; Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия».— 1970, № 3; Ю. В. Бромлей, Опыт типологизации этнических общностей.— 1972, № 5, и др.

¹³ См., например, Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— 1967, № 4.

¹⁴ С. И. Королев, Некоторые вопросы этнопсихологических исследований за рубежом.— 1966, № 1; В. И. Козлов, Г. В. Шелепов, Национальный характер и проблемы его исследования.— 1973, № 2; Л. М. Дробышева, Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений.— 1974, № 4.

социально-экономических и естественно-географических факторов в процессе этногенеза и этнической истории вызвал необходимость выделения наряду с общепризнанными категориями племен, народностей и наций, исторически сменяющих друг друга, различных переходных общностей — этнохозяйственных и этнокультурных, этнополитических, этнорасовых и др.¹⁵

Многие вопросы типологии и классификации этнических общностей еще далеки от своего окончательного разрешения, о чем красноречиво свидетельствует дискуссия о понятии «нация» на страницах журнала «Вопросы истории» в 1966—1968 гг., в которой приняли участие многие советские этнографы, а также дискуссия об этносе на страницах «Советской этнографии», начавшаяся в 1967 г.¹⁶ и по существу продолжающаяся до настоящего времени. Эта дискуссия помогла советским этнографам пересмотреть свои во многом устаревшие взгляды на проблемы типологии этнических общностей и способствовала тому, что некоторые исследователи предложили новые схемы такой типологии, опубликованные в последние годы в разных изданиях (в том числе и в «Советской этнографии»). Впервые были введены в этнографическую науку такие понятия как «этникос» и «этносоциальный организм» (ЭСО). Уточнено было также понимание таких категорий, как соплеменность, союз племен, семья племен, вторичная, или ассоциированная, народность, этнографическая группа (локальный субэтнос), этнополитическая общность¹⁷. Научная «обкатка» этих терминов продолжается и в наши дни на страницах «Советской этнографии», красноречиво свидетельствуя о том, что проблемы этногенеза, этнической истории, современных этнических процессов и теории этноса остаются центральными проблемами этнографической науки.

На протяжении всех 50 лет существования журнала большое место на его страницах уделялось истории материальной и духовной культуры как отдельных народов или целых стран, так и всего мира. Специфичность культуры каждого народа не только не исключает, но, напротив, предполагает наличие у каждой большой или малой этнической общности культурно-бытовых особенностей, в той или иной мере сходных или даже одинаковых с аналогичными особенностями других народов. Вместе с тем каждый этнос, особенно расселенный на обширной территории, включает локальные этнографические группы (субэтноты) со своими характерными чертами традиционно-бытовой культуры. В классовом обществе значительные культурные различия существуют также между отдельными социальными слоями одного и того же народа. Ленинское учение о двух нациях в каждой современной нации, двух национальных культурах в каждой национальной культуре должно быть отнесено не только к нациям эпохи капитализма, но и к этническим общностям феодального и рабовладельческого периодов, которые также характеризуются наличием антагонистических классов и непрерывной борьбой между ними¹⁸.

В «Советской этнографии» было опубликовано много специальных исследований, посвященных истории важнейших элементов материальной культуры народов Советского Союза, а также некоторых зарубежных стран. Наибольшее внимание в этих работах было уделено разным видам хозяйственной деятельности, типам орудий производства, средствам передвижения, поселениям и жилищу, пище и утвари, костюму

¹⁵ В. И. Козлов, Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности.— 1970, № 6; Л. П. Лашук, В. И. Ленин о земляческих и национальных связях.— 1970, № 1; В. И. Козлов, Этнос и территория.— 1971, № 6, и др.

¹⁶ См. В. И. Козлов, О понятии этнической общности.— 1967, № 2.

¹⁷ Ю. В. Бромлей, Опыт типологизации этнических общностей.— 1972, № 5, стр. 61, 62, 79.

¹⁸ См. А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии.— 1967, № 5, стр. 16.

и украшениям¹⁹. Много дала развернувшаяся на страницах журнала острая дискуссия по вопросам агроэтнографии, в которой был поставлен вопрос о роли социально-экономических и экологических факторов в развитии приемов и орудий сельского хозяйства, а также вскрыто значение для их конкретной истории «обратного влияния» этнических традиций²⁰. В последние годы значительно выросло количество работ, посвященных народному художественному творчеству — изобразительно-му и прикладному искусству и разным видам фольклора — поэтического, драматического, музыкального, танцевального и т. д.²¹. Особо должны быть отмечены опубликованные в журнале работы по изучению религиозных верований и культов, преодолению религиозных пережитков, формированию новых обрядов и обычаев. Работы эти представляют большой интерес как в связи с общими теоретическими проблемами истории культуры, так и в связи с практическими задачами культурного строительства и научно-атеистической пропаганды²².

Видное место занимают также специальные исследования, посвященные дешифровке систем письменности различных древних и средневековых народов — центральноамериканских майя, создателей цивилизации Хараппы, некоторых этносов Филиппин и Океании (в частности, острова Пасхи)²³. К исследованиям историко-культурного характера

¹⁹ Библиографию см. в статьях: С. П. Толстов, Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР.— 1956, № 3; его же, Сорок лет советской этнографии.— 1957, № 5; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.; Ю. В. Бромлей, Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы.— 1974, № 2. Ю. В. Бромлей, В. Н. Басилов, Советская этнографическая наука в девятой пятилетке.— 1976, № 1.

²⁰ Некоторые итоги дискуссии по агроэтнографии, начавшейся в 1967 г., подведены в СЭ, 1976, № 3; см. там же на стр. 89 перечень статей авторов, участвовавших в этой дискуссии.

²¹ См.: Б. Н. Путилов, В. К. Соколова, Основные проблемы советской фольклористики.— 1964, № 4; В. К. Соколова, Фольклористика в Академии наук.— 1974, № 3. Из новейших работ упомянем: Г. С. Маслова, Бытовые сюжеты в русской народной вышивке.— 1970, № 6; В. К. Соколова, Баллады и исторические песни.— 1972, № 1; И. И. Земцовский, Песни, исполнявшиеся во время календарных обходов дворов у русских.— 1973, № 1; Л. Уорнер, О фольклорном происхождении некоторых эпизодов русской народной драмы «Царь Максимилиан» и ее сходстве с народным театром Англии.— 1973, № 5; Н. В. Мальцев, Типы народной художественной резьбы в бывшей Олонецкой губернии.— 1974, № 4; Г. П. Васильева, Современное состояние народного декоративно-прикладного искусства туркмен.— 1974, № 5; М. Я. Жорницкая, Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР.— 1975, № 3.

²² В. Н. Харузина, Прimitивные формы драматического искусства.— 1927, № 1—2; Л. Я. Штернберг, Избранничество в религии.— 1927, № 1—2; Д. К. Зеленин, Истолкование пережиточных религиозных обрядов.— 1934, № 4; Р. Ф. Бартоц, Использование мифов как магии у горных племен Филиппин.— 1935, № 3; Л. А. Динцес, Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства.— 1947, № 2; С. А. Токарев, Религии, церкви и секты в США.— 1950, № 1; Б. И. Шаревская, Миссионерская пропаганда на службе неокOLONиализма в Африке.— 1960, № 6; Ю. В. Гагарин, Изживание религиозных традиций и формирование новых праздничных обычаев в Коми АССР.— 1965, № 4; Л. Г. Бараг, Сказочная фантастика и народные верования.— 1966, № 5; Т. Д. Златовская, О происхождении некоторых элементов кукуерского обряда у болгар.— 1967, № 3; И. А. Крывелев, К характеристике сущности и значения религиозного поведения.— 1967, № 6; Н. Р. Гусева, Течет Джамана (Очерк народного индуизма).— 1969, № 1; Н. Л. Жуковская, К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме.— 1970, № 6; Н. П. Лобачева, О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения).— 1973, № 4; П. И. Пучков, О соотношении конфессиональной и этнической общностей.— 1973, № 6; А. М. Хазанов, Скифское жречество.— 1973, № 6; Н. И. Гаген-Торн, Анимизм в художественной системе «Слова о полку Игореве».— 1974, № 6; Я. С. Смирнова, Свадьба без новобрачных (К вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа).— 1976, № 1.

²³ Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты некоторых неоглифических таблиц с острова Пасхи (по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева).— 1947, № 4; Ю. В. Кнорозов, Письменность древних майя (опыт расшифровки).— 1955, № 1; Н. А. Бутинов и Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении пись-

должны быть отнесены и статьи, связанные с подготовкой историко-этнографических атласов, дающих наглядное представление об этнографическом распространении в различные периоды (главным образом во второй половине XIX и начале XX в.) отдельных элементов культуры и их взаимосвязанных комплексов²⁴. Развернувшаяся работа по составлению историко-этнографического атласа всей Европы также уже нашла отражение на страницах журнала²⁵.

Для понимания общих закономерностей развития культуры человечества в целом, а также складывания ее специфики у отдельных народов большое значение имеет разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурных типах (ХКТ)²⁶ и историко-этнографических областях (ИЭО)²⁷.

Продолжается работа по изучению историко-этнографических (этнокультурных) областей и их соотношения в разные исторические эпохи и в различных частях ойкумены с археологическими культурами, популяционно-расовыми, этноязыковыми, конфессиональными и политическими общностями. Для конца XIX — начала XX в. за пределами современной территории СССР намечилось 12 крупных этнокультурных регионов. Проведение границ между этими регионами и особенно между областями второго порядка внутри них затруднено вследствие существования многочисленных переходных зон, а также из-за подвижности самих этнокультурных границ в новейшее время²⁸.

Этнографическое изучение истории культуры включает также и ее социальную, или соционормативную, сферу. Как говорилось выше, особенно много внимания журнал уделял этой тематике в довоенный период, когда на преимущественно отечественных материалах интенсивно разрабатывались проблемы общественного строя отстававших в прошлом в своем развитии народов СССР и роль сохранявшихся в них архаических социальных пережитков. Таковы опубликованные в 1930-х годах статьи В. Г. Тан-Богораза о классовом расслоении у чукчей²⁹, П. И. Борисковского о родовых пережитках у народов Северо-

менности острова Пасхи. — 1956, № 4; В. А. Макаренко, К. Ю. Мешков, Основные проблемы исследования древнефилиппинского письма. — 1973, № 2.

²⁴ См., например: С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы. — 1964, № 4; К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко, Работа над историко-этнографическим атласом на Украине. — 1967, № 1; В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе, Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа. — 1967, № 2; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана. — 1971, № 4; С. И. Брук, Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы. — 1973, № 3; Б. А. Калоев, Земледелие у горских народов Северного Кавказа (Некоторые итоги работы над Кавказским историко-этнографическим атласом), там же; Н. Н. Грацианская, К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX — начале XX века (в связи с подготовкой историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии), там же; Н. Г. Борозна, Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана (в связи с подготовкой историко-этнографического атласа). — 1974, № 1.

²⁵ С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа. — 1966, № 5; С. И. Брук, Общеввропейский историко-этнографический атлас. — 1970, № 4.

²⁶ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама. — 1932, № 2; его же, Этнография и современность. — 1946, № 1; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — 1955, № 4; Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. — 1968, № 2; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина). — 1970, № 6; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — 1972, № 2.

²⁷ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования). — 1975, № 3; их же, Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии. — 1975, № 4.

²⁸ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографические области..., стр. 24.

²⁹ 1931, № 1—2.

Восточной Азии, Е. Н. Студенецкой о феодализме и рабстве в Карачае³⁰ и ряд других. Тогда же были помещены первые публикации, посвященные общественным отношениям у народов зарубежных стран — Ю. П. Аверкиевой о рабстве у северо-западных индейцев, Д. А. Ольдерогге о населении и социальном строе Эфиопии³¹.

В послевоенные десятилетия, в соответствии с задачами всестороннего изучения культуры человечества на всех этапах ее развития, журнал продолжал отводить значительное место истории социальной культуры. В обширной серии статей по этим вопросам может быть выделено несколько узловых тем, получивших наиболее заметную разработку. Таковы прежде всего работы по общественному строю тех народов, воссоздание истории которых требует широкого привлечения этнографических данных³². Это, далее, публикации, посвященные архаическим общественным структурам, сохранившимся в послепервобытных формациях, в особенности пережиточным формам родовой организации и различным формам общины³³. Не менее обширна группа статей об исторических формах семьи и брака, среди которых особенно выделяются исследования о патриархальной и позднематриархальной большой семье³⁴. Из классово-трансформированных, главным образом в эпоху феодализма, древних социальных институтов анализировались кастовая организация, грабительские набеги, аталычество, гостеприимство, куначество, патронат³⁵.

Развертывание полевых работ позволило посвятить большое число статей традиционным родильным, свадебным, погребальным и поминальным обычаям и обрядам у различных народов СССР.

С 1960-х годов в социально-историческую тематику включаются новые проблемы. Организация журналом дискуссии о роли вождей в традиционных обществах Тропической Африки³⁶ привлекает внимание к вопросам политической этнографии. По существу впервые в советской этнографической науке ставится вопрос о важности изучения обычного права³⁷. Еще более знаменательную черту нового этапа исследований

³⁰ 1935, № 4—5; 1937, № 2—3.

³¹ 1935, № 4—5; 1936, № 1.

³² В. К. Гарданов, К вопросу о характере общественного строя у якутов в XVII в. — 1946, № 2; И. С. Вдовин, Из истории общественного строя чукчей. — 1948, № 3; Л. И. Лавров, Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII—XIX вв. — 1948, № 4; Д. А. Ольдерогге, Феодализм в Западном Судане в XVI—XIX вв. — 1957, № 4; И. И. Потехин, О феодализме у ашанти. — 1960, № 6.

³³ К. В. Вяткина, Пережитки материнского рода у бурят-монголов. — 1946, № 1; В. А. Бдоян, Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян. — 1952, № 1; Н. Н. Ершов, Система водопользования в дореволюционном кишлаке. — 1955, № 4; С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — начало XX в.) — 1959, № 6; М. С. Шихарева, Сельская община у сербов в XIX — начале XX в. — 1959, № 6; Л. П. Лашук, Историческая структура социальных организаций средневековых кочевников. — 1967, № 4; Е. Н. Данилова, Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX века. — 1973, № 5.

³⁴ Д. А. Ольдерогге, Из истории семьи и брака (система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке). — 1947, № 1; Е. Н. Студенецкая, О большой семье у кабардинцев в XIX в. — 1950, № 2; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в. — 1954, № 4; Ю. В. Маретин, Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау. — 1960, № 3; И. Л. Андреев, Д. Д. Тумаркин, Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании. — 1976, № 3, и др.

³⁵ М. К. Кудрявцев, Неприкасаемые (О некоторых особенностях кастовой организации в Индии). — 1951, № 2; Я. С. Смирнова, Аталычество и усыновление у абхазов. — 1951, № 2; А. А. Росляков, Аламаны. — 1955, № 2; В. К. Гарданов, Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. — 1964, № 4.

³⁶ А. С. Орлова, О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем. — 1960, № 6; Б. И. Шаревская, О характере власти вождей у народов Тропической Африки в доколониальный период. — 1962, № 1, и др.

³⁷ В. К. Гарданов, Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. — 1960, № 5; Ю. В. Ива-

в этой области составляет обращение к анализу общих категорий соционормативной культуры. Первый опыт здесь — теоретическое исследование такой многогранной этнографической категории, как обычаи³⁸.

С проблемами истории культуры и особенно этнокультурного районирования теснейшим образом связаны вопросы этнической географии, которая в советский период сложилась в особую научную дисциплину, изучающую этнический состав населения всего мира, территориальное размещение, миграции и динамику численности отдельных народов и их групп, говорящих на родственных языках³⁹. Еще в 1943 г. в Институте этнографии АН СССР была создана лаборатория этнической статистики и картографии, в которой вскоре развернулись планомерные работы по составлению карт расселения народов всех крупнейших регионов нашей планеты. Особенно широко работы эти, нашедшие отражение во многих статьях, опубликованных в «Советской этнографии», развернулись после Великой Отечественной войны, когда повсеместно возрос интерес к этническому составу населения различных стран, к образу жизни больших и малых народов мира, их культурно-бытовым особенностям и взаимоотношениям.

Несколько статей было посвящено разработанным советскими учеными новым методам картографирования, в том числе методу этнических территорий, который дает возможность наносить на карту области со смешанным этническим составом населения⁴⁰.

Существенным стимулом для дальнейшего углубления и расширения работ по этнографическому картографированию было проведение переписей населения 1959 и 1970 гг., в подготовке которых советские этнографы принимали активное участие. Переписки показали, что в результате взаимодействия таких факторов, как неодинаковый уровень рождаемости, миграции населения и процессы этнической ассимиляции, в одних союзных республиках удельный вес коренных народов с 1959 г. по 1970 г. увеличился (Средняя Азия, Закавказье, Казахстан, Литва), в других — уменьшился⁴¹.

В настоящее время продолжают разрабатываться теоретические, часто остро дискуссионные проблемы связей этнографии и географии, взаимодействия человека с окружающей природной средой⁴².

нова, Обычное право Северной Албании как этнографический источник. — 1961, № 3; И. Е. Синицина, Новое и традиционное в праве Танзании. — 1968, № 6.

³⁸ А. Б. Гофман, В. П. Левкович, Обычай как форма социальной регуляции. — 1973, № 1.

³⁹ П. И. Кушнер, Этническая граница. — 1947, № 2; П. Е. Терлецкий, О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения зарубежной Европы. — 1949, № 3; И. И. Потехин, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы. — 1957, № 4; С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии. — 1961, № 5; их же, Население земного шара (основные демографические показатели). — 1962, № 3; В. И. Козлов, О динамике национального состава населения Румынии и Болгарии. — 1963, № 3; П. И. Пучков, Формирование современного этнического состава населения Океании. — 1964, № 5; М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы. — 1969, № 5; С. Н. Раковский, Внутренние миграции населения и сдвиги в этнической географии зарубежных социалистических стран Европы. — 1969, № 4; В. В. Покшишевский, О динамике численности и некоторых этнических показателях городского населения Эфиопии. — 1973, № 4; его же, Новейшие данные о миграционной подвижности населения Индии. — 1975, № 1, и др.

⁴⁰ П. И. Кушнер, Методы картографирования национального состава населения. — 1950, № 4; П. Е. Терлецкий, О новом методе этнического картографирования (К вопросу о составлении «Этнической карты мира»). — 1953, № 1.

⁴¹ С. И. Брук, В. И. Козлов, Этнографическая наука и перепись населения 1970 года. — 1967, № 6; С. И. Брук, Этнодемографические процессы в СССР (на материале переписи 1970 г.). — 1971, № 4; М. Н. Губогло, Социально-этнические последствия двуязычия. — 1972, № 2.

⁴² С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии. — 1961, № 5; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, О предмете и задачах этногеографии. — 1963, № 1; С. И. Брук, Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы. — 1973, № 3; В. И. Козлов, В. В. Покшишевский, Эт-

На страницах «Советской этнографии» публикуются работы по проблемам антропогенеза, расообразования и этнической антропологии, часто неотделимым от собственно этнографических проблем. Одной из важнейших проблем антропогенеза является вопрос о роли биологических факторов в формировании социальной организации древнейших гоминид, и по этому вопросу на страницах журнала была проведена интересная дискуссия, в которой наряду с антропологами приняли участие этологи, философы, этнографы и историки первобытного общества⁴³. Много споров вызывает вопрос о прародине человечества. В последние годы в связи с новыми палеоантропологическими и археологическими находками в Южной и особенно в Восточной Африке многие специалисты именно в этих регионах локализуют область первоначального перехода от животных к человеку. Такая точка зрения преобладала, например, на симпозиумах по проблемам ранних этапов этнической истории народов Восточной Азии, которым посвящена специальная статья⁴⁴. Не меньшей научной актуальностью отличается вопрос о времени и месте сапиентации и связанных с ней первичных очагов расообразования. Еще в 1946 г. «Советской этнографией» была развернута убедительная критика взглядов Ф. Вейденрейха о множественности центров возникновения людей современного вида и выдвинута концепция их формирования на широкой, но единой территории Восточного Средиземноморья, Передней и Южной Азии, а может быть, также Восточной Африки⁴⁵. В дальнейшем концепция эта, принятая в настоящее время большинством советских антропологов, была изложена в развернутом виде в ряде статей Я. Я. Рогинского, опубликованных на страницах журнала⁴⁶. Попытки некоторых зарубежных и советских ученых возродить полицентрические взгляды на происхождение *Homo sapiens* в различных вариантах (например, в форме «дицентризма») ⁴⁷ не встретили поддержки у ряда специалистов.

По расоведению и этнической антропологии за годы Советской власти был накоплен огромный фактический материал, значительная часть которого публиковалась на страницах «Советской этнографии», как по народам СССР, так и по некоторым народам зарубежных стран⁴⁸. Антропологические исследования велись как над костными остатками разных эпох от палеолита до XX в., так и над современным живым населением. К настоящему времени СССР стал страной с наиболее полно изученным расовым составом населения. Авторы антропологических статей, публикуемых в «Советской этнографии», стараются осветить те или иные проблемы этногенеза и этнической истории исследуемых народов, используя антропологический материал как исторический источник и

нография и география. — 1973, № 1. См. также статьи С. И. Брука об этнодемографической ситуации в послевоенном мире. — 1976, № 1—3.

⁴³ См. СЗ, 1974, № 5.

⁴⁴ В. И. Гохман, А. М. Решетов, Два симпозиума по проблемам ранних этапов этнической истории народов Восточной Азии. — 1974, № 6.

⁴⁵ М. Г. Левин, Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха. — 1946, № 1.

⁴⁶ Я. Я. Рогинский, Происхождение современного человека и теория «полицентризма». — 1947, № 1; его же, К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа. — 1954, № 1; его же, Некоторые проблемы происхождения человека. — 1956, № 4; его же, Об этапах и темпах эволюции гоминид. — 1957, № 6.

⁴⁷ В. П. Алексеев, О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования. — 1969, № 1; его же, О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования. — 1969, № 6.

⁴⁸ Количество работ по конкретным антропологическим материалам очень велико. Сводные данные см.: М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский, Советская антропология за 30 лет. — 1947, № 4; и х же, Советская антропология к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — 1957, № 5; В. П. Алексеев, Антропологические исследования в СССР. — 1964, № 4; его же, Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет. — 1967, № 5; его же, Антропология в Академии наук за 250 лет. — 1974, № 4.

сопоставляя его с данными смежных наук⁴⁹. Особое внимание привлекали материалы по этнической антропологии русских, народов Сибири и Дальнего Востока⁵⁰. В ряде случаев результаты оригинальных полевых и лабораторных исследований, впервые увидевшие свет на страницах «Советской этнографии»⁵¹, легли в основу монографий по этнической антропологии и этногенезу восточных славян, народов Прибалтики, Поволжья и Прикамья, Кавказа, и Средней Азии. Из работ по зарубежным народам, посвященных той же тематике и основанных на оригинальных материалах, в журнале были опубликованы статьи по Болгарии, Финляндии, МНР, Афганистану, Индии, Китаю, Японии, Папуа Новой Гвинее и некоторым другим странам⁵².

Из теоретических и методологических вопросов расоведения и этнической антропологии, кроме статей о способах использования антропологических материалов в качестве исторических источников⁵³, в «Совет-

⁴⁹ См., например: Г. Ф. Дебец, Тешик-Таш. Палеолитический человек.— 1950, № 1; В. П. Якимов, Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов.— 1954, № 3; И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы из раннеолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье.— 1958, № 1; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.— 1959, № 1; Я. Я. Рогинский, О проблеме «пресапиенса» в современной литературе.— 1959, № 6; Т. А. Трофимова, Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии.— 1960, № 2; В. П. Алексеев, Краниологические материалы к проблеме происхождения западных латышей.— 1966, № 2; Р. Я. Денисова, Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры.— 1966, № 4; Н. С. Розов, В. А. Дремов, Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья.— 1966, № 5; М. С. Великанова, Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы по антропологическим данным.— 1970, № 2; А. Г. Козинцев, Демография тагарских могильников.— 1971, № 6; И. И. Гохман, Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы.— 1973, № 2; Р. Я. Денисова, Антропологический состав и генезис мезолитического населения Латвии.— 1973, № 1; Э. Влчек, Пропорции конечностей неандертальского ребенка из Киик-Кобы.— 1974, № 6.

⁵⁰ М. Г. Левин, Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Средней Азии).— 1950, № 2; В. В. Бунак, О задачах и плане антропологического изучения русского народа.— 1954, № 4; В. П. Алексеев, Основные этапы истории антропологических типов Тувы.— 1962, № 3; Т. И. Алексеева, Этногенез восточных славян по данным антропологии.— 1971, № 2; И. М. Золотарева, О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебца).— 1971, № 1; Г. М. Давыдова, Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза.— 1975, № 6.

⁵¹ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии.— 1946, № 2; Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей.— 1950, № 3; Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы.— 1952, № 1; Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики.— 1961, № 6; Р. М. Касимова, О соотношении морфологического типа населения и распространения бешика в Азербайджане.— 1969, № 2; И. И. Саливон, Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVIII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов.— 1969, № 4; Д. О. Ашилова, Антропологическая характеристика современных калмыков.— 1971, № 5.

⁵² См., например: М. Г. Левин, Проблема пигмеев в антропологии и этнографии.— 1946, № 2; Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев.— 1947, № 1; Т. А. Трофимова, Краниологические данные к этногенезу западных славян.— 1948, № 2; А.—В. Валлуа, Негрилли Камеруна.— 1957, № 1; П. Н. Боев, Результаты антропологического исследования скелета «чрыгубия» Мостича.— 1958, № 5; М. Г. Левин, Некоторые проблемы этнической антропологии Японии.— 1961, № 2; Н. М. Постникова, Антропологическая характеристика средневекового населения Болгарии (IV—XV и XIX—XX вв.).— 1966, № 6; Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Афганистане.— 1967, № 4; А. А. Зубов, О физическом типе древнейшего населения Америки.— 1968, № 4; К. Пакраси, О некоторых социально-исторических факторах, влияющих на соматические особенности бенгальских брахманов.— 1968, № 6; М. Г. Абдушелишвили, Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индосредиземноморской расы.— 1972, № 6; В. П. Алексеев, О положении папуасов в расовой систематике.— 1973, № 2; Н. Н. Чебоксаров, К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун).— 1973, № 5.

⁵³ Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза.— 1952, № 1; М. Г. Левин, Этнографические и антропологические материалы как исторический источник.— 1961, № 1.

ской этнографии» было опубликовано немало работ, посвященных пониманию самой категории «раса» у человека, принципам расовых классификаций, методам расового анализа, приемам пластической реконструкции, факторам расообразования, эпихальной изменчивости антропологических признаков, характеру их наследования, возрастной динамике и половому диморфизму, а также соотношению рас с этническими, хозяйственно-культурными, языковыми и другими социальными общностями⁵⁴. Почти все советские антропологи в настоящее время отвергают широко распространенное за рубежом формально типологическое понимание расы и выступают за популяционную концепцию этой ареально-биологической категории. В последние годы в связи с быстрым развитием генетики и молекулярной биологии большое значение для этнической антропологии приобрели данные о пространственно-временных вариациях дискретных признаков, играющих при анализе генетических связей между популяциями роль своеобразных «маркеров». Очень велики успехи в изучении серологических особенностей — эритроцитарных групп крови, белков сыворотки, различных ферментов и др.⁵⁵ Значительны также достижения дерматоглифики, изучающей изменчивость кожных узоров на подушечках пальцев рук и ног, а также на ладонях и ступнях⁵⁶. Совсем недавно выделилась особая специализированная отрасль антропологической науки — этническая одонтология⁵⁷. В настоящее время советские антропологи собрали большой материал по серологическим, дерматоглифическим, одонтологическим и некоторым другим дискретно-варьирующим признакам по многим народам СССР и по отдельным этническим общностям зарубежных стран (Финляндии, МНР, Индии). Все эти данные позволяют по-новому осветить ряд проблем расовых классификаций, расообразования и этногенеза народов Советского Союза и сопредельных с ним государств.

Особое место в деятельности журнала с первых лет его существования заняла разработка проблем первобытной истории. Это и понятно: хорошо известно, что история первобытного общества — одна из тех областей знания, где идет особенно острая борьба между учеными марксистской и антимарксистской ориентации, и в частности не прекраща-

⁵⁴ Дискуссию о происхождении человеческих рас см.: СЭ, 1956, № 1, 4; 1958, № 3, 4; В. В. Бунак, Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии. — 1951, № 4; Н. Волянский, Некоторые проблемы механизма и факторов эволюции человека. — 1957, № 6; Я. Я. Рогинский, Закономерности связей между признаками в антропологии. — 1962, № 5; В. П. Алексеев, Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций. — 1964, № 4; Г. В. Лебединская, О корреляции между размерами мягких тканей и костной основы носа. — 1965, № 3; В. П. Алексеев, Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков. — 1967, № 1; его же, Теоретическое наследство Энгельса и антропологическая наука. — 1971, № 2.

⁵⁵ М. Г. Левин, Группы крови у чукчей и эскимосов. — 1958, № 5; его же, Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов. — 1959, № 3; В. П. Алексеев, Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова, Антропологические исследования на Лене. — 1968, № 5; А. А. Воронов, Этногеография основных типов гаптоглобина — сывороточного белка крови. — 1968, № 2; И. М. Золотарева, А. Г. Башлай, Серологические исследования в Якутии. — 1968, № 1; И. М. Золотарева, Геногеографическая характеристика Монголии по системе крови АВО. — 1972, № 2.

⁵⁶ Г. Л. Хитъ, Дерматоглифика населения Западного Памира. — 1964, № 5; ее же, Материалы по дерматоглифике русских Сибири. — 1969, № 3; ее же, Пальцевые узоры у населения Европейской части СССР. — 1968, № 1; Л. И. Тегако, Дерматоглифика белорусов. — 1970, № 3; Г. Л. Хитъ, Дерматоглифика населения Финляндии. — 1973, № 3.

⁵⁷ А. А. Зубов, Антропологическая одонтология и исторические науки. — 1965, № 1; его же, К выделению новой области в системе антропологии (Принципы этнической одонтологии). — 1966, № 1; П. Банерджи, Некоторые эволюционные аспекты одонтологии бенгальцев. — 1967, № 3; А. А. Зубов, О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков. — 1968, № 3; его же, Одонтологические данные по населению Прибалтики. — 1972, № 1; его же, Материалы по одонтологии казахов. — 1972, № 4.

ются попытки буржуазных исследователей показать, что новые научные факты якобы опровергают историко-материалистическую концепцию первобытного коллективизма. Отсюда — необходимость в углубленном исследовании наследия основоположников научного коммунизма в области истории первобытного общества, истории изучения ими этого круга вопросов и прежде всего в ограничении основных методологических положений от второстепенных тезисов, которые базировались на этнографических обобщениях XIX в. и не могли не устареть в ходе развития науки.

Хотя многие статьи, опубликованные «Советской этнографией» в довоенные годы, не избежали схематизма и догматичности, уже тогда на страницах журнала появились серьезные, до сих пор не утратившие своего значения работы. В их числе были и общетеоретические исследования, и работы, в которых на материалах отдельных народов выявлялись закономерности развития родового строя, и фундаментальные историографические очерки⁵⁸.

В послевоенные десятилетия новые факты и обобщения позволили журналу поднять и в той или иной мере решить ряд новых проблем, относящихся преимущественно к социальной истории первобытности. Это периодизация истории первобытного общества, особенности структуры первобытных коллективов на различных этапах их развития, эволюция ранних форм брака и семьи, типология и развитие систем родства, соотношение рода и племени, рода и общины, материнского и отцовского рода и многие другие. Упомянем хотя бы некоторые из них, давшие, пусть даже в форме предварительных публикаций, толчок к разработке соответствующей проблематики в последующих работах.

Начало созданию современной периодизации первобытной истории было положено статьей С. П. Толстова, в которой показывалась несостоятельность как устаревших тезисов периодизации Л. Г. Моргана, так и попыток отказаться от ее общих, высоко оцененных Марксом и Энгельсом методологических принципов. Работа в этой области была продолжена в последующие годы⁵⁹. Она еще не завершена, но важно отметить, что журнал сыграл первостепенную роль в ее организации.

Заметный импульс к последующим исследованиям дала серия статей М. О. Косвена, и в особенности его статья об архаических пережитках у народов Кавказа⁶⁰. В ней на региональном материале, но в универсально-исторической перспективе рассмотрены вопросы первоначальной дислокальности брака, перехода от матриликальности к патрилокальности, иерархичности патриархального рода и эволюции семейной общины. Здесь, в частности, была по существу впервые широко развернута концепция патронимической организации, вскоре получившая широкое признание этнографов и историков.

На страницах журнала Д. А. Ольдерогге был поднят вопрос о трехродовом союзе. Его же работы о системах родства явились вкладом в обоснование в советской науке новой схемы их эволюции⁶¹.

⁵⁸ С. П. Толстов, Проблемы родового общества.— 1931, № 3—4; С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии.— 1933, № 2—6; А. М. Золотарев, Новые данные о групповом браке.— 1933, № 3—4; М. О. Косвен, Л. Г. Морган.— 1932, № 1; его же, И. Я. Бахофен.— 1933, № 1; его же, Проблема доклассового общества в эпоху Маркса—Энгельса.— 1933, № 2, и др.

⁵⁹ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества.— 1946, № 1; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории.— 1952, № 3; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— 1955, № 4; Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории.— 1965, № 5; М. К. Сапожникова, К вопросу о периодизации первобытно-общинного строя.— 1973, № 5.

⁶⁰ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа.— 1946, № 2; его же, Авункулат.— 1948, № 1; его же, Семейная община.— 1948, № 3.

⁶¹ Д. А. Ольдерогге, Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии.— 1946, № 4; его же, Некоторые вопросы изучения систем родства.— 1958, № 1; его же, Основные черты развития систем родства.— 1960, № 6.

Большое значение имела проведенная журналом оживленная дискуссия о соотношении рода и различных форм общины. В ходе ее был исследован, в том числе количественно, состав первобытной общины и, что особенно существенно, показана неправомерность противопоставления основных структур развитого первобытного общества — общины и рода⁶².

Значительное внимание уделено процессам классообразования. В ряду публикаций, посвященных различным аспектам этой темы, особого упоминания заслуживает статья С. А. Токарева о феодализации на островах Тонга, в которой делаются новые теоретические выводы о конкретных механизмах этого процесса⁶³. Ю. П. Аверкиевой обобщены данные о военной демократии у индейцев Северной Америки и продвинут поднятый раньше вопрос о ее исторической универсальности⁶⁴. Продолжается многолетняя дискуссия об особенностях классообразования и социальной организации у кочевых скотоводов⁶⁵. На примере античной Европы впервые начата типологизация процессов взаимодействия классовых обществ с их доклассовой периферией⁶⁶.

Заметное, хотя и меньшее место уделит журнал генезису различных компонентов материальной и духовной культуры первобытного человечества. Отдельные статьи посвящены происхождению огня, одежды, изобразительного искусства⁶⁷, многие — ранним формам религии и их пережиткам. Как большую заслугу журнала следует отметить организацию дискуссии о мустьерских погребениях с публикацией статьи А. П. Окладникова, ставшей поворотным пунктом в наших представлениях о зачатках духовной жизни в первобытном обществе⁶⁸.

Заканчивая рассмотрение этого круга вопросов, отметим продолжающуюся плодотворную работу в области историографии первобытной истории. Центральное место здесь принадлежит публикациям, прослеживающим формирование взглядов основоположников научного коммунизма, их развитие в позднейшей науке, а главное оценке их наследия в области первобытной истории в свете данных современной науки⁶⁹.

* * *

Большая и все возрастающая роль принадлежит «Советской этнографии» в публикации результатов исследований культурно-бытовых и этнических процессов современности, в чем особенно тесно связаны на-

⁶² М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации. — 1967, № 6; Н. А. Бутинов, Община, семья, род. — 1968, № 2; Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности. — 1968, № 4; А. И. Першиц, К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности. — 1970, № 2; Д. Д. Тумаркин, К вопросу о сущности рода. — 1970, № 5, и др.

⁶³ С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга. — 1958, № 1.

⁶⁴ Ю. П. Аверкиева, О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — 1970, № 5.

⁶⁵ С. М. Абрамзон, Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. — 1970, № 6; Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, там же; Л. П. Лашук, Кочевничество и общие закономерности истории. — 1973, № 2, и др.

⁶⁶ А. М. Хазанов, Первобытная периферия античного мира (на примере Европы). — 1971, № 6.

⁶⁷ Н. П. Горбачева, К вопросу о происхождении одежды. — 1960, № 3; А. П. Окладников, К вопросу о происхождении искусства. — 1952, № 2; Б. Ф. Поршнев, О древнейшем способе получения огня. — 1955, № 1.

⁶⁸ А. П. Окладников, О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры. — 1952, № 3.

⁶⁹ С. П. Толстов, К. Маркс и Л. Г. Морган. — 1946, № 1; П. И. Кушнер, Н. И. Зибер. — 1948, № 4; В. Е. Гусев, Г. В. Плеханов о первобытном обществе и его культуре. — 1952, № 4; Ю. И. Семенов, Учение Моргана, марксизм и современная этнография. — 1964, № 4, и др.

ука и жизнь, этнография и возможности ее практического приложения.

Как уже говорилось, работа в этой области в известной мере началась еще до Великой Отечественной войны, когда было опубликовано несколько статей о задачах этнографии в социалистическом строительстве у народов СССР (главным образом Крайнего Севера и Поволжья), но широко развернулась только в конце 1940-х и в 1950-х годах. Первые публикации были посвящены преобразованиям в культуре и быте колхозного крестьянства, в большинстве своем на примере отдельных колхозов, причем рассматривались сдвиги во всех областях жизни, включая экономику и профессиональную культуру. Это, естественно, определило их недостаточную глубину, зачастую граничившую с описательством и публицистичностью. Вот почему очень большое значение имела организованная журналом в 1952—1953 гг. дискуссия об этнографическом изучении колхозного крестьянства, в ходе которой были значительно четче определены задачи и методы работы⁷⁰. Аналогичную эволюцию проделали начавшиеся несколькими годами позднее публикации о современной культуре и быте рабочего класса, предметная область которых была уточнена организованными журналом теоретическими статьями⁷¹. Появились и первые работы, посвященные современным этническим процессам у народов СССР⁷².

С 1960-х годов публикации «Советской этнографии» отражают новый этап, принесший с собой иные масштабы и методы, степень конкретизации и уровень обобщений. Этнографическое изучение современных культурно-бытовых и этнических процессов охватывает едва ли не большинство народов СССР — от Прибалтики до Дальнего Востока и от Крайнего Севера до Средней Азии. Наряду с прежними методами непосредственного наблюдения начинает все шире применяться количественный анализ результатов анкетных обследований, а также статистических материалов. Исследования углубляются: наряду с прежними работами, посвященными монографическому изучению отдельных колхозных и рабочих коллективов, а затем также локальных общностей — городов, поселков, селений, появляются статьи, выявляющие конкретные изменения отдельных компонентов культуры и быта, особенно поселений и жилища, одежды, семейно-брачных обрядов, важнейших празднеств, обычаев и обрядов. Многие из них содержат и практические рекомендации по оптимизации культурно-бытовых процессов⁷³. Все это дает журналу возможность перейти к организации обобщающих теоретических статей, посвященных современным культурно-бытовым и этническим процессам в нашей стране и имеющих как собственно этногра-

⁷⁰ Н. И. Воробьев, К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства. — 1952, № 1; Н. А. Кисляков, К вопросу об этнографическом изучении колхозников, там же; А. И. Робакидзе, К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта. — 1952, № 2; П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении культуры и быта народов СССР (К итогам дискуссии). — 1953, № 1, и др.

⁷¹ См., например, В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Терентьева, Основные проблемы этнографического изучения народов СССР. — 1961, № 3.

⁷² Л. П. Потапов, К вопросу о национальной консолидации алтайцев. — 1952, № 1; И. С. Гурвич, Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии. — 1960, № 5.

⁷³ См., например: Л. И. Файко, Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера. — 1960, № 2; А. К. Крастыня, О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР, там же; Я. С. Смирнова, Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. — 1961, № 2; Г. П. Васильева, Н. А. Кисляков, Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в эпоху строительства социализма и коммунизма. — 1962, № 6; Е. Н. Студенецкая, О современной народной одежде. — 1963, № 2; В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера. — 1966, № 3; Н. С. Королёва, Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР. — 1972, № 5.

фический⁷⁴, так и этносоциологический характер⁷⁵. В своей значительной части они также содержат практические рекомендации. Выявляя и прогнозируя тенденции развития и сближения социалистических наций и их культур, эти публикации вносят свой, и немалый, вклад в фундаментальное исследование процессов складывания в СССР новой исторической общности — советского народа.

Освещение современных этнических и культурно-бытовых процессов в зарубежных странах началось в 1950-х годах, причем основное место было отведено наиболее актуальным исследованиям социально-культурной и этнической ситуации в колониальных и новоразвивающихся странах. Тогда же «Советская этнография» привлекла внимание к положению коренного населения в таких странах, как Соединенные Штаты Америки, Австралия, Южно-Африканская Республика⁷⁶. В последующий период разработка этой проблематики расширяется, и в то же время определяются новые линии работы, приводящие к появлению на страницах журнала нескольких групп публикаций как конкретного, так и обобщающего характера. В крупнейшей из них рассматривается развитие молодых государств Африки, Азии и Океании, причем освещаются их современная культура и быт, роль в них архаических пережитков и в особенности протекающие в этих странах этнические процессы⁷⁷. Одновременно впервые в советской этнографической науке начинают освещаться современные культурно-бытовые и этнические процессы в капиталистических странах — характерные для них формы быта, кризис буржуазной культуры, специфика положения иммигрантских и других не абсорбированных групп населения, особенности развития буржуазных наций в однопациональных и многонациональных государствах⁷⁸.

⁷⁴ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР. — 1961, № 4; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике. — 1965, № 5; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. — 1967, № 5; В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования). — 1969, № 2; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — 1969, № 3; В. В. Покишевский, Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. — 1969, № 5; Л. Ф. Моногорова, Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения. — 1972, № 6; О. А. Ганцкая, Этнос и семья в СССР. — 1974, № 3; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. — 1975, № 1; И. С. Гурвич, К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР. — 1976, № 1, и др.

⁷⁵ Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (По материалам Татарской АССР). — 1968, № 4; его же. О некоторых тенденциях изменения культурного облика нации. — 1973, № 4; О. И. Шкаратан, Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР (По материалам социологического обследования). — 1970, № 3; Л. М. Дробижева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки (По материалам исследований в Татарской АССР). — 1971, № 6; С. И. Брук, М. Н. Губогло, Факторы распространения двуязычия у народов СССР (По материалам этносоциологических исследований). — 1975, № 5, и др.

⁷⁶ И. И. Потехин, Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран. — 1951, № 3; М. И. Брагинский, Социальные сдвиги в Тропической Африке после второй мировой войны. — 1960, № 6; И. А. Золотаревская, Национальное угнетение индейцев в США. Навахи. — 1953, № 2; А. Б. Давидсон, Дискриминация африканцев в Южно-Африканском Союзе. — 1960, № 3, и др.

⁷⁷ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки. — 1961, № 4; И. И. Потехин, Проблемы борьбы с пережитками прошлого на Африканском континенте. — 1964, № 4; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии. — 1966, № 2; Л. Е. Куббель, Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности. — 1970, № 2; П. И. Пучков, Современная профессиональная ситуация в Океании и ее влияние на этническое развитие океанийских стран. — 1975, № 5, и др.

⁷⁸ Ш. А. Богина, Некоторые вопросы иммиграции в США. — 1963, № 1; С. А. Арутюнов, Традиции и заимствования в современной материальной культуре японского города. — 1964, № 6; И. Р. Григулевич, Кризис культуры и просвещения в странах Латинской Америки. — 1965, № 5; Э. Л. Нитобург, Субурбанизация и негритянские гетто в США. — 1968, № 5; Ш. А. Богина, В. И. Козлов, Э. Л. Нито-

Появляются, хотя еще в небольшом количестве, работы о культурном и этническом развитии социалистических стран⁷⁹. Впервые «Советская этнография» стала публиковать теоретические работы, посвященные специфике этнографического изучения народов высокоразвитых индустриальных стран⁸⁰.

* * *

Важная линия работы журнала, являющаяся одним из воплощений ленинских принципов национальной политики в организации советской науки, — его роль в развитии этнографических исследований в союзных и автономных республиках. Значительное и все возрастающее число авторов «Советской этнографии» — ученые из Украины, Белоруссии и Молдавии, республик Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Прибалтики, Поволжья, Сибири. Как центральный периодический орган, журнал не только информирует национальные отряды ученых страны об исследованиях, проводимых в Академии наук СССР, но и знакомит их с деятельностью других этнографических центров. Уже в первых послевоенных номерах были опубликованы сообщения об этнографической работе в Грузии, Армении, Азербайджане, Киргизии, Туркмении; эта практика сохранилась и в последующие годы⁸¹. Тем же целям служит регулярная информация о работе международных, всесоюзных, региональных и других конгрессов, конференций, симпозиумов. С 1967 г. эта деятельность «Советской этнографии» была расширена: наряду с разделом «Хроника» введен раздел «Научная жизнь».

В своей критико-библиографической работе журнал уделяет много внимания рецензированию выходящих в союзных и автономных республиках монографий, серийных изданий, украинскому журналу «Народна творчість та етнографія». Так, только в 1970-х годах были помещены критические обзоры новых публикаций о традиционных формах хозяйства населения Туркменской ССР, новых работ таджикских и грузинских фольклористов, рецензии на книги, опубликованные этнографами и фольклористами Украины, Литвы, Башкирии, Якутии, Бурятии и т. д.

Нельзя не упомянуть и о работе «Советской этнографии» в области изучения научного наследия зачинателей этнографической работы у различных народов СССР. Достаточно сказать, что журнал посвятил ряд статей Т. Г. Шевченко, И. Франко, П. П. Чубинскому, Ч. Ч. Валиханову, А. А. Диваеву, Е. А. Лалаюну, К. Хетагурову, Ш. Б. Ногмову, М. Н. Хангалову, М. Е. Евсееву и другим просветителям и исследователям, оставившим глубокий след в этнографии нашей многонациональной страны.

Особо надо отметить то практическое значение, которое имеет публикация журналом методических статей, программ и разработок в различных областях и направлениях исследований. Это касается и общих принципов полевой работы⁸², и осуществляемой Институтом этнографии

б у р г, Л. Н. Ф у р с о в а, Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки. — 1975, № 5, и др.

⁷⁹ См., например: Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. — 1969, № 1; М. Баряктарович, К вопросу об изменении этнического самосознания (на материалах Югославии). — 1974, № 2.

⁸⁰ С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — 1967, № 5.

⁸¹ См., например: А. И. Вишняускайте, Этнографические исследования в Литве в 1940—1960-х годах. — 1960, № 3; Г. А. Гулиев, Этнография Азербайджана за 40 лет. — 1961, № 4; Г. П. Строд, Развитие и ближайшие задачи латвийской советской этнографии. — 1963, № 2; К. В. Мелик-Пашаян, Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР. — 1971, № 3; С. Ш. Гаджиева, Этнографическое изучение народов Дагестана за годы Советской власти. — 1973, № 6.

⁸² Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянская, Л. Н. Терентьева, Об организации и методике полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР). — 1956, № 3.

в сотрудничестве с местными учреждениями подготовки региональных историко-этнографических атласов⁸³, и разработки новой проблематики⁸⁴. Здесь журнал не только помогает развертыванию и совершенствованию этнографической деятельности в союзных и автономных республиках, но и позволяет координировать и унифицировать ее методику в масштабах всей страны.

* * *

Журнал сыграл свою роль в борьбе за мир и сотрудничество народов против расизма и шовинизма, за распространение марксизма и содружество прогрессивных ученых. Уже в 1940-х годах на страницах «Советской этнографии» нашел свое отражение быстрый рост всех видов научных и организационных связей между этнографами СССР и зарубежных стран, ставший особенно интенсивным в 60—70-х годах⁸⁵. Связи эти осуществляются путем все более и более частых, иногда длительных командировок советских исследователей в зарубежные страны всех частей света, посещения иностранными учеными разных специальностей Советского Союза, организации совместных работ над коллективными трудами и полевых экспедиционных исследований, участия этнографов и антропологов СССР в международных конгрессах, конференциях, симпозиумах и других форумах, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом. Впервые после второй мировой войны советская делегация в составе трех человек приняла участие в V Международном конгрессе этнографов и антропологов в Филадельфии в 1956 г.⁸⁶ В работе VI МКАЭН (Париж, 1960 г.) участвовало уже 18 человек из СССР. Некоторые доклады, зачитанные на пленарных и секционных заседаниях конгресса, были опубликованы на страницах нашего журнала⁸⁷. Очень большое значение для развития советской этнографии и упрочения ее престижа во всем мире имел VII МКАЭН в Москве (1964)⁸⁸. Активную, по многим проблемам ведущую роль советские этнографы и антропологи играли также на двух следующих МКАЭН: VIII (1968 г., Токио — Киото)⁸⁹ и IX (1973 г., Чикаго)⁹⁰. В настоящее время Институт этнографии АН СССР и научные этнографические центры всех союзных республик ведут активную подготовку к X МКАЭН, который должен состояться в 1978 г. в Дели (основные заседания) и других городах Индии (дискуссии по специальным темам). Проблематика конгресса уже опубликована в «Советской этнографии»⁹¹.

⁸³ См. работы, указанные в сн. 24.

⁸⁴ Н. И. Воробьев, Программа для сбора материалов и изучения современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народностей Поволжья. — 1951, № 4; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города. — 1968, № 3; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христорождова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования). — 1970, № 2; Ю. В. Арутюнян, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования). — 1972, № 3.

⁸⁵ См., например: Ю. В. Бромлей, Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы. — 1974, № 2; Ю. В. Бромлей, В. Н. Басилов, Советская этнографическая наука в девятой пятилетке. — 1976, № 1.

⁸⁶ Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин, 5-й Международный конгресс этнографов и антропологов. — 1957, № 1.

⁸⁷ Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, Шестой Международный конгресс антропологов и этнографов. — 1961, № 1.

⁸⁸ «К итогам работы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (МКАЭН)». — 1965, № 3.

⁸⁹ Ю. П. Аверкиева, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — 1969, № 1.

⁹⁰ Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей, IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — 1974, № 1.

⁹¹ «Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнографических наук». — 1975, № 6.

Перечислить все международные форумы, в которых принимали участие советские этнографы и антропологи путем личных выступлений или представления докладов, невозможно. Назовем только важнейшие из них, в первую очередь те, которые нашли наиболее полное отражение на страницах «Советской этнографии». К их числу относятся Тихоокеанские научные конгрессы, имеющие комплексный характер⁹², I Международный конгресс европейской этнологии, проходивший в Париже в 1971 г.⁹³, международные конгрессы финно-угроведов⁹⁴, международные конгрессы востоковедов, II Международный конгресс монголоведов⁹⁵.

На страницах журнала получили широкое отражение командировки советских этнографов, антропологов, социологов, фольклористов и ученых других специальностей в разные страны для участия в научных форумах, стажировки, чтения лекций в высших учебных заведениях, работы над музейными коллекциями и архивными материалами. Наибольшее количество таких поездок приходится на социалистические страны⁹⁶. Из командировок в развивающиеся страны «третьего мира» отражены командировки в Индию, Шри Ланка, Иран, Ирак, Турцию, Индонезию, Бирму, Малайзию, Сингапур, Филиппины, многие государства Северной и Тропической Африки, в меньшей степени Латинской Америки и Океании⁹⁷. К развитым капиталистическим странам, в которых бывали и работали советские этнографы и антропологи, относятся США, Канада, многие государства Западной Европы, Япония, Австралия. В некоторых из перечисленных стран ученые СССР собрали оригинальные материалы, на основе которых были подготовлены научные работы⁹⁸.

Совместно с учеными социалистических государств Европы, Китая, Вьетнама, Кубы, Финляндии, Индии советские антропологи и этнографы проводили полевые исследования. Большим событием было участие советских ученых разных гуманитарных специальностей в шестом рейсе научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев» в июле — октябре 1971 г. Во время этого рейса были собраны этнографические и антропологические материалы в деревне Бонгу на Новой Гвинее, где 100 лет тому назад работал Н. Н. Миклухо-Маклай, и посещены многие другие острова Океании⁹⁹. На протяжении всего послевоенного периода из года в год возрастало также число зарубежных этнографов и антропологов, приезжавших в СССР. Многие из них уже опубликова-

⁹² С. И. Корольев, Вопросы этнографии на X Тихоокеанском научном конгрессе. — 1962, № 5; Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе. — 1967, № 2.

⁹³ Л. В. Покровская, Первый Международный конгресс европейской этнологии. — 1972, № 1.

⁹⁴ З. П. Соколова, Международный конгресс финно-угроведов. — 1961, № 3; ее же, III Международный конгресс финно-угроведов. — 1971, № 3; И. М. Золотарева, З. П. Соколова, Л. Н. Терентьева, Исторические науки на IV Международном конгрессе финно-угроведов. — 1976, № 3.

⁹⁵ «Этнографическая тематика на XXV Международном конгрессе востоковедов». — 1961, № 2; Н. Л. Жуковская, Второй Международный конгресс монголоведов. — 1971, № 1.

⁹⁶ См., например: Л. В. Маркова, Научная командировка в Болгарию. — 1957, № 2; Н. Н. Грацианская, Научная командировка в Чехословакию. — 1957, № 2; А. И. Мухлинов, В Демократической Республике Вьетнам (Этнографические заметки). — 1960, № 1; В. В. Гинзбург, Поездка на Кубу (в сентябре 1964 г.). — 1965, № 6, и многие другие.

⁹⁷ См., например: И. И. Потехин, Этнографические наблюдения в Гане. — 1958, № 3; В. И. Кочнев, Население Цейлона. — 1959, № 2; П. В. Комин, Полгода в Западном Иране (Этнографические и экономико-географические заметки). — 1964, № 1; И. Г. Косиков, Два года в Камбодже. — 1970, № 4.

⁹⁸ Многие работы такого рода уже были упомянуты выше, кроме того, см.: Д. Е. Еремеев, Изучение этнографии в современной Турции. — 1960, № 2; И. А. Золотарева, Индийское влияние в культуре народов США. — 1962, № 6; Л. В. Маркова, Долевое землевладение в Родопском крае Болгарии (XIX — первая четверть XX в.). — 1963, № 5; В. Е. Гусев, Песни польских партизан. — 1964, № 3; И. И. Потехин, Проблемы борьбы с пережитками прошлого на африканском континенте. — 1964, № 4, и мн. др.

⁹⁹ См.: Д. Д. Тумаркин, По островам Океании. — 1972, № 2

ли интересные статьи в «Советской этнографии», защитили диссертации и работают по избранной специальности в своих странах¹⁰⁰. Институт этнографии неоднократно принимал гостей из социалистических, развивающихся и капиталистических стран, статьи которых нередко публиковались в «Советской этнографии»¹⁰¹. В качестве примера плодотворного сотрудничества советских и зарубежных ученых можно привести совместные антропологические исследования в Финляндии и СССР или проведение в конце 1972 г. в Москве советско-финляндского симпозиума «Вопросы этногенеза финно-угорских народов по данным антропологии»¹⁰².

Все формы контактов между советскими и зарубежными учеными играют прогрессивную роль во взаимном ознакомлении исследователей разных стран с новейшими теоретическими данными, фактическими и методическими достижениями этнографии и антропологии, в распространении и укреплении во всем мире позиций марксистско-ленинской методологии в биологических и общественных науках, в острой идеологической борьбе между коммунистическим и буржуазным мировоззрением.

В то же время большое место в этой идеологической борьбе занимает разоблачение и критика всевозможных, по своей сути всегда реакционных и антинаучных, концепций расизма, буржуазного национализма и шовинизма, в основе которых лежит тезис неравноценности народов, выделение среди них «высших» и «низших», ложное представление о существовании «избранных» рас или наций, призванных играть ведущую роль в мировой истории. Журнал «Советская этнография» за все время своего существования, особенно в послевоенные годы, уделял значительное место критике расистских концепций. Во многих специальных статьях, критических обзорах и рецензиях, опубликованных в нашем журнале, была вскрыта на базе неопровержимых фактов полнейшая научная несостоятельность и человеконенавистническая направленность всех разновидностей расизма и близких к нему концепций мальтузианства, социал-дарвинизма, антропологического биорасизма, буржуазной евгеники, разных форм психорасизма в этнографии и социологии, используемых в той или иной степени для оправдания политики расовой и этнической дискриминации, сегрегации и геноцида¹⁰³. Созданные

¹⁰⁰ А. Н. Пулянос, О месте петралонда среди палеоантропов.—1965, № 2; Р. Лопес-Вальдес, Индейцы на Кубе.—1968, № 2; Т. А. Колева, О некоторых вопросах развития обычаев (на болгарском материале).—1969, № 1; Мак Дьонг, Основные этапы развития этнографических знаний во Вьетнаме.—1970, № 2; его же, Расселение и этнический состав народов в горных районах Севера Центрального Вьетнама.—1972, № 2; Т. А. Колева, Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов.—1974, № 5; Нгуен Куок Лок, Системы родства горных индонезийских народов Вьетнама.—1974, № 6; М. Х. А. Ариф, Литература на арабском и курдском языках по этнографии курдов Ирака (историографические заметки).—1975, № 3, и др.

¹⁰¹ См., например: В. Е. Дыновский, Научные работы по этнографии и фольклору в Польше.—1948, № 3; Андри Валлуа, Современное состояние антропологии и этнографии во Франции.—1956, № 4; Н. Волянский, Некоторые проблемы механизма и факторов эволюции человека.—1957, № 6; И. Влэдуюцу, О горно-скотоводческом хозяйстве румынских мокан (по материалам Цара Бырсей).—1962, № 6; К. Вилкуна, Народная культура Финляндии (хозяйство, постройки, средства передвижения).—1968, № 3; М. Баряктарович, Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косово и Метохии (Южная Сербия).—1969, № 3; А. Пранда, К некоторым вопросам теории изучения народной культуры.—1969, № 4; А. Кутшеба-Пойнорова, Польская этнография в системе мировой науки. Предмет и методы исследований.—1969, № 6; Х. Гандев, Болгарская этнография и фольклористика в Этнографическом институте и музее БАН (1889—1969).—1970, № 1; Д. Ортутаи, Традиционное и новое в народной культуре.—1970, № 4; И. Георгиева, Д. Московска, Л. Радева, Опыт изучения системы кровного родства у болгар.—1973, № 2; Э. Влечек, Пропорции конечностей неандертальского ребенка из Кник-Кобы.—1974, № 6, и др.

¹⁰² И. М. Золотарева, Советско-финляндский симпозиум «Вопросы этногенеза финно-угорских народов по данным антропологии».—1973, № 3.

¹⁰³ Ю. П. Аверкиев, Психологическое направление в современной американской этнографии.—1947, № 1; М. Г. Левин, История, эволюция, диффузия (по поводу од-

в 1964 г. в Москве и в 1967 г. в Париже совещания экспертов ЮНЕСКО приняли «Предложения по биологическим аспектам расовой проблемы» и «Декларацию о расе и расовых предрассудках». Оба эти документа, подчеркивающие, что «все современные люди относятся к одному виду и происходят от одного корня», были опубликованы в «Советской этнографии»¹⁰⁴. Журнал поместил также несколько рецензий на сборники статей и материалов под общим заглавием «Расизм в странах „свободного мира“ и новый этап борьбы против него» и на сменявшие их ежегодники «Расы и народы». Продолжается публикация критических статей, посвященных различным антимарксистским буржуазным концепциям в области этнографии и социологии¹⁰⁵.

Наметившийся еще в годы Великой Отечественной войны поворот советской этнографии в сторону актуальных научных и политических проблем наших дней нашел яркое отражение в уже упоминавшейся программной статье «Этнография и современность». В ней наряду с указанием необходимости разработки теоретических и конкретных вопросов этнографии и антропологии были освещены задачи журнала в борьбе за мир и дружбу народов всех стран нашей планеты, за распространение марксизма-ленинизма в сфере всех общественных и биологических наук, занимающихся человеком, за сотрудничество прогрессивных ученых разных стран¹⁰⁶. «Советская этнография» уделяла большое внимание важнейшим событиям политической жизни в нашей стране и за рубежом, политике КПСС, коммунистических и рабочих партий всего мира в решении национального вопроса, успехам национально-освободительного движения, распаду системы колониализма, образованию новых независимых государств в Азии и Африке, в некоторых регионах Латинской Америки, а в последнее время также в Океании. Актуальные проблемы современности широко освещались в специальных статьях, посвященных важнейшим решениям съездов КПСС, таким юбилейным датам, как 30-, 40- и 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, столетие со дня рождения Ленина, 50-летие образования СССР, 250-летие создания в нашей стране Академии наук, завершение девятой пятилетки¹⁰⁷. Много ценных конкретных данных о

ной дискуссии). — 1947, № 2; И. И. Потехин, Функциональная школа этнографии на службе британского империализма. — 1948, № 3; Б. Шаревская, Апология расизма в американской этнографии. — 1948, № 2; И. И. Потехин, В. И. Ленин о национально-освободительном движении в колониальных и зависимых странах. — 1950, № 3; Б. И. Шаревская, Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. — 1953, № 3; Ю. П. Аверкиев, Этнофрейдизм в США. — 1962, № 4; В. П. Алексеев, О рецидивах расизма в антропологии. — 1963, № 4; Ю. А. Громов, ЮНЕСКО и борьба против расизма. — 1968, № 2.
¹⁰⁴ «Предложения по биологическим аспектам расовой проблемы». — 1965, № 1.
«Декларация о расе и расовых предрассудках». — 1968, № 2.

¹⁰⁵ См., например: Э. Л. Нитобург, Ленин о негритянском вопросе в США. — 1970, № 2; Ю. П. Аверкиев, Этнография и культурная/социальная антропология на Западе. — 1971, № 5; Ю. В. Ганковский, Интернациональное значение опыта решения национального вопроса в СССР. — 1972, № 4; Л. Б. Теплинский, Расизм в политике израильских сионистов. — 1972, № 3; В. Я. Кацман, Традиции и национально-освободительная революция. — 1972, № 6; Ю. П. Аверкиев, О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада. — 1973, № 3; Н. М. Кейзеров, Г. В. Мальцев, Современные буржуазные теории происхождения политической власти. — 1974, № 6; И. Р. Григулевич, Социальная антропология: есть ли у нее будущее. — 1975, № 2; Ю. И. Семенов, Марксизм и первобытность (о книге Э. Терреа «Марксизм и примитивные общества»). — 1975, № 4.

¹⁰⁶ С. П. Толстов, Этнография и современность. — 1946, № 1.

¹⁰⁷ Кроме статей, уже упомянутых выше, см.: «Великий юбилей». — 1947, № 9; «XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и вопросы этнографии». — 1952, № 1; «Величественная программа строительства коммунизма и задачи этнографов». — 1959, № 2; «Величайший исторический документ современности». — 1961, № 5; «XXIII съезд КПСС и современная советская этнография». — 1966, № 3; «Международное совещание коммунистических и рабочих партий и советская этнографическая наука». — 1969, № 6; «XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы советской этнографической науки». — 1971, № 4; «К пятидесятилетию образования СССР». — 1972, № 5; «Славный юбилей». — 1974, № 5; «Бессмертный подвиг советского народа». — 1975, № 3.

судьбах молодых государств развивающихся стран «третьего мира» публиковалось на страницах журнала в 1953—1972 гг. в разделе «Народы мира. Информационные материалы». Было отражено в «Советской этнографии» также провозглашение Организацией Объединенных Наций 1971 года Международным годом действий по борьбе против всех видов расовой дискриминации, а 1974—1984 годов — десятилетием максимально эффективной борьбы с расизмом¹⁰⁸. В 1975 г. «Советская этнография» опубликовала передовую статью, посвященную итогам совещания в Хельсинки по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе¹⁰⁹, а также отметила Международный год женщины¹¹⁰. Журнал начал публикацию статей о задачах советской этнографической науки в свете исторических решений XXV съезда КПСС¹¹¹.

* * *

Как ни значительны достижения журнала за полвека его существования, много еще предстоит сделать, и об этом надо сказать даже в юбилейной статье.

Хотя с каждым десятилетием в «Советской этнографии» появляется все больше работ, посвященных фундаментальным теоретическим проблемам, на ее страницах еще можно встретить немало сообщений по второстепенным, а подчас и не входящим непосредственно в предметную зону этнографии вопросам. Крупным резервом дальнейшего улучшения работы редакции остается регулярная публикация обзорных статей об итогах и задачах фундаментальных исследований по различным разделам этнографической науки. Другая важная задача — привлечь внимание этнографов к тем разделам науки, которые пока еще не получили у нас надлежащего развития, в частности к экономической, политической и нормативной этнографии, этнопсихологии, этноботанике и этнозоологии, этнографическим аспектам медицины.

Не всегда на высоте организация дискуссий. Некоторые из них не находят завершения в форме авторской или редакционной итоговой статьи, а есть и такие, которые остаются представленными единственной публикацией¹¹². Между тем ясно, что помещение той или иной статьи в отделе дискуссий означает не просто спорность ее положений, а как бы обязательство редакции организовать широкое обсуждение проблемы.

В библиографическом отделе журнала следовало бы увеличить число таких информативных публикаций, как критические обзоры тематически однородных работ, уделить больше внимания рецензированию наиболее крупных, профилирующих исследований советских и зарубежных авторов, регулярно помещать обзоры работ, вышедших на языках народов СССР. Необходимо усилить собственно критический аспект рецензий, многие из которых сейчас имеют преимущественно информационный характер.

В последние годы на карте мира появилось немало новых независимых государств. Журнал мог бы откликнуться на эти события в разде-

¹⁰⁸ См. рецензии на ежегодники «Расы и народы». — 1971, № 6; 1976, № 1.

¹⁰⁹ «Европа: мир, безопасность, дружба народов». — 1975, № 6.

¹¹⁰ Г. П. Васильева, Женщины республик Средней Азии и Казахстана и их роль в преобразовании быта сельского населения. — 1975, № 6; Ж. Б. Логашова, Международный год женщины. — 1975, № 6.

¹¹¹ «XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов». — 1976, № 3; Г. Е. Марков, Советский образ жизни и проблемы этнографии. — 1976, № 2; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробинжева, Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — 1976, № 3.

¹¹² См., например: Л. П. Лашук, О некоторых аспектах трактовки первичной формации. — 1970, № 5

ле «Народы мира. Информационные материалы». К сожалению, с 1972 г. статьи в этом разделе перестали появляться.

«Советская этнография» внесла свой вклад в формирование марксистской этнографической науки, в создание многонационального отряда ученых нашей страны, помогла и продолжает помогать в решении практических задач коммунистического строительства в СССР, в борьбе за мирное сосуществование и сотрудничество народов. Однако «на нынешнем этапе развития страны потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей. Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности общественных и естественных. Их следует использовать в полной мере»¹¹³. Это относится и к руководящему периодическому органу советской этнографической науки, который может и должен еще полнее отвечать задачам, поставленным Коммунистической партией.

FIFTY YEARS OF THE «SOVETSKAYA ETNOGRAFIYA»

During all the 50 years of its existence «Sovetskaya Etnografia» (Soviet Ethnography) this central organ of Soviet ethnographers, not only mirrored in its pages the progress of ethnography but was itself (and still remains) an organizing force in its development. The periodical has played a vital part in forming Marxist ethnography, in raising up the multi-national cohort of Soviet ethnographers. Its leading role has been felt at every period in the evolution of the Soviet ethnographical school. At the same time, specific features appeared at each stage depending upon the issues faced by our scientific field at different moments in the history of Soviet society. In the pre-war years the periodical was in the forefront in mastering historical materialism as applied to ethnographical research and in defining the aims of this research. In the forties and the fifties it took the initiative in promoting studies of present-day social-cultural and ethnic processes. Since the sixties the «Sovetskaya Etnografia» has concentrated (without relaxing its efforts in previous directions) upon basic research into the general theory of ethnos, ethnic processes and ethnic specificity in culture. The periodical's potentialities for further improvement are not exhausted: it can and must rise to a still higher level in meeting the demands of Soviet ethnographical science.

¹¹³ Л. И. Брежнев, Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, М., 1976, стр. 87.

Л. Н. Чижикова

ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. ИТОГИ И ЗАДАЧИ КЛАССИФИКАЦИИ

Жилище — один из наиболее существенных и чрезвычайно сложных элементов культуры. С одной стороны, в нем сохраняются древние традиции, порой восходящие к ранним историческим эпохам, с другой — в жилище происходят постоянные изменения, усвершенствуются его формы. Развитие жилища, как известно, определялось совокупностью многих факторов, и в первую очередь уровнем общественного и экономического развития. Поэтому исследование жилища может пролить свет на многие вопросы этнической и культурной истории народов, их социальной жизни, культурно-бытовых связей на разных этапах исторического развития.

Изучение жилища трех восточнославянских народов, родственных по происхождению, близких по языку и культуре, является составной частью исследования историко-культурных связей восточнославянских народов, что в свою очередь помогает решению более широких вопросов, связанных с проблемами общеславянской и общеевропейской этнографии. Необходимость углубленного и тщательного сравнительного изучения жилища восточных славян и их ближайших соседей особенно выявилась в последнее время в связи с подготовкой таких крупных обобщающих изданий, как трехтомник «Этнография славянских народов»¹ и «Европейский историко-этнографический атлас»².

Сельское жилище русских, украинцев и белорусов сравнительно хорошо изучено³. Исследованием его занимались и занимаются этнографы, археологи, архитекторы, социологи, искусствоведы, историки и др. Более или менее полноценные описания жилищ разных народов появились во второй половине XIX в., особенно в связи с деятельностью различных научных обществ. В начале XX в. вышли в свет и крупные обобщающие работы по крестьянским постройкам русских, украинцев и белорусов⁴. Эти и другие книги в свое время сыграли большую роль в накоплении фактических данных о крестьянском жилище.

¹ Решение о создании этого труда было принято в 1971 г. на совещании представителей этнографических учреждений НРБ, ГДР, ПНР, СССР, СФРЮ.

² В 1953 г. была организована Постоянная международная комиссия по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран, основная цель которой — подготовка сводных картографических трудов (см. С. И. Брук, Общеевропейский историко-этнографический атлас, «Сов. этнография», 1970, № 6).

³ В данной статье мы не затрагиваем вопросов, связанных с изучением городского жилища.

⁴ А. Харузин, Славянское жилище в Северо-Западном крае, Вильна, 1907; K. R h a m m, Germanische Altertümer aus der Slawisch-Finnischen Urheimat, Erstes Buch, Die Altslawische Wohnung, Braunschweig, 1910; Ф. Волков, Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ в его прошлом и настоящем, ч. II, Пг., 1916.

За годы Советской власти и особенно в послевоенный период Институтом этнографии АН СССР и этнографическими учреждениями академий наук союзных республик были организованы многочисленные этнографические экспедиции в разные районы страны, собравшие обширные материалы о жилище, которые были опубликованы в различных изданиях и рассмотрены в ряде диссертаций. В послевоенный период вышли в свет и капитальные обобщающие работы.

Основные проблемы изучения восточнославянского жилища связаны с общим направлением советской этнографической науки, основанной на прочном фундаменте исторического материализма. Крестьянское жилище рассматривается советскими этнографами как ценный источник для исследования проблем этнической истории народов либо этнических и локальных групп и их историко-культурных связей и взаимовлияний. Как и другие элементы культуры, жилище исследуется в историческом развитии. При выявлении генезиса и развития отдельных элементов жилища либо всего его сложного комплекса исследователи наряду с этнографическими привлекают и другие источники: археологические, документальные, изобразительные и др.

Значительный вклад в проблему изучения истории древнерусского жилища внесли археологи⁵. В 1970-х годах появляются крупные обобщающие работы, посвященные истории развития древнерусских и восточнославянских жилищ VI—XIII вв.⁶ Особенно следует отметить книгу «Древнее жилище народов Восточной Европы» (под редакцией М. Г. Рабиновича) — ценное исследование развития жилища разных племен и народов, населявших территорию Восточно-Европейской равнины (с I тысячелетия до н. э. по XVIII в. н. э.), в том числе и восточных славян (статьи П. А. Раппопорта, М. Г. Рабиновича, Н. П. Приходько)⁷. В связи с расширением фронта археологических раскопок, а также с введением в научный оборот новых письменных документов XVI—XVII вв., в результате накопления большого фактического материала во многих публикациях этнографов и архитекторов был поднят ряд принципиальных вопросов, таких, как время и причины формирования отдельных особенностей и важных типологических черт жилища восточных славян⁸. В последние два десятилетия среди исследователей

⁵ Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища, Рязань, 1931; А. Л. Монгайт, Древнерусские жилища XI—XIII вв. (по раскопкам в Старой Рязани), «Сов. этнография», 1948, № 4; В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Сов. археология», т. XI, 1949; т. XII, 1950; И. И. Ляпушкин, О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв., «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 68, 1957; М. К. Каргер, Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958; П. Н. Засурцев, Усадьбы и постройки древнего Новгорода, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123, М., 1963 и др.

⁶ Ю. П. Спегальский, Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв., Л., 1972; П. А. Раппопорт, Древнерусское жилище, Л., 1975, и др.

⁷ «Древнее жилище народов Восточной Европы», М., 1975.

⁸ С. П. Толстов, К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России, в кн.: «Культура и быт населения Центрально-промышленной области», М., 1929; В. Петров, З історії житла на Україні, «Наукові записки Інституту історії матеріальної культури», кн. 1, Київ, 1934; М. Т. Милославский, Деревянное зодчество в России в XVI—XVII вв. (по архивным источникам), Автореф. канд. дис., М., 1949; Л. Н. Чижикова, Русское народное жилище Верхнего Поволжья, Автореф. канд. дис., М., 1952; Г. Г. Громов, История крестьянского жилища Владимирского края IX—XIX веков, Автореф. канд. дис., М., 1954; Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, в кн.: «Восточнославянский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, М., 1956; Л. А. Молчанова, К вопросу о развитии белорусского крестьянского жилища, «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 1, М., 1959; И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье, М., 1962; А. А. Шенников, Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. (средняя и южная части Европейской России), «Архитектурное наследство», вып. 14, М., 1962; е го же, Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России), «Архитектурное наследство», вып. 15, М., 1963; Г. Г. Громов, Русское крестьян-

выявились различные точки зрения на процесс развития жилища восточных славян. Большинство ученых считает, что многие особенности крестьянского жилища XIX — начала XX в. имеют глубокие исторические корни, истоки некоторых восходят к периоду Древней Руси⁸. Согласно другой концепции, многие черты русского жилища XIX в., которые обычно считали древними (например, двухкамерная и трехкамерная планировки дома, слитные формы усадебной застройки и др.), сформировались сравнительно поздно и распространились в сельской местности не ранее XVII—XVIII вв.¹⁰ Таким образом, до настоящего времени многие аспекты этой сложной проблемы остаются спорными.

Лучше других исследована история русского жилища. Нам кажется, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что жилище — это область культуры, которая формировалась в процессе длительного развития. Причем развитие отдельных особенностей жилища происходило с разной степенью интенсивности, обусловленной влиянием многообразных факторов. Так, одним из наиболее устойчивых признаков справедливо считается основной принцип внутренней планировки жилого помещения. По новейшим данным, приводимым в работе П. А. Раппопорта¹¹, четыре типа внутреннего плана жилого помещения, выделяемые в восточнославянском жилище XIX в. (см. ниже), имеют древние традиции и восходят к X—XII вв. Древними являются и основные приемы срубной строительной техники. Более сложная датировка возникновения и распространения таких особенностей, характерных для жилища XIX в., как формы дворовой застройки, план жилого дома, высотность дома и крытого двора и другие черты, развитие которых определялось сложной совокупностью хозяйственных, социально-экономических и многих других факторов.

Окончательное решение вопросов о времени появления и развития отдельных особенностей русского, а также белорусского и украинского жилища требует тщательного анализа самых разнообразных материалов и прежде всего археологических памятников и письменных документов XIII—XVIII вв., поскольку история жилища этого периода наименее освещена.

В непосредственной связи с историческими и генетическими вопросами стоит и проблема классификации жилища, а также изучение пространственного распространения явлений, выявление ареалов отдельных элементов или комплексов жилища в их историческом развитии, определяемое методом картографирования (об этом см. ниже).

Во многих работах, посвященных исследованию жилища, большое внимание уделяется таким вопросам, как степень и характер зависимости жилища от географической среды, от уровня экономического развития и хозяйственной деятельности населения, от социальной структуры общества, от классовых различий, от форм семейного быта и других важнейших факторов, влиявших на развитие жилища¹². До

ское жилище XV—XVII веков по письменным источникам, «Вестник Московского ун-та, серия историческая», 1965, № 6; Е. Э. Бломквист, О. А. Ганцкая, Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX в., «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967; «Беларускае народнае жылё», Мінск, 1973; Н. П. Приходько, Некоторые вопросы истории жилища на Украине, в кн.: «Древнее жилище народов Восточной Европы», М., 1975; М. Г. Рабинович, Русское жилище в XIII — XVII вв., в кн.: «Древнее жилище народов Восточной Европы», и др.

⁸ С. П. Толстов, Указ. раб.; Л. Н. Чижилова, Указ. раб.; Е. Э. Бломквист, Указ. раб.; И. В. Маковецкий, Указ. раб.; Е. Э. Бломквист, О. А. Ганцкая, Указ. раб.; Н. П. Приходько, Указ. раб.

¹⁰ В. Петров, Указ. раб.; Г. Г. Громов, Указ. работы; А. А. Шенников, Указ. работы; М. Г. Рабинович, Указ. раб.

¹¹ П. А. Раппопорт, Указ. раб., стр. 137—141.

¹² «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края», Л., 1926; Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, М., 1929; К. А. Соловьев, Жилище крестьян Дмитровского края, Дмитров, 1930; С. К. Жегалова, Крестьянское жилище Нижегородской губернии в

сих пор дискуссионным остается вопрос о значении этнической традиции в процессе формирования и развития тех или иных особенностей жилых и хозяйственных построек¹³.

Внимание этнографов, искусствоведов, архитекторов привлекает также анализ художественных достоинств восточнославянского жилища, как одной из ярких особенностей национальной культуры народов. Во многих трудах анализируется и исследуется все многообразие форм и видов художественного оформления и архитектурной композиции сельских построек, их своеобразие в разных районах восточнославянской территории, зависимость от природных и экономических условий, от степени развития в этих районах кустарных и отхожих промыслов, характера и уровня плотничного мастерства и художественных традиций. Изучение архитектурно-художественных особенностей крестьянских построек раскрывает богатство народного искусства, в котором отражаются непосредственные наблюдения народа над окружающей действительностью, его верования и творческая фантазия¹⁴.

Одна из важнейших проблем, стоящих перед исследователями восточнославянского жилища, — изучение общих закономерностей изменений жилища в ходе коммунистического строительства. Значительный вклад в освещение процесса изменения сельского жилища за годы существования Советской власти внесли монографии, посвященные всестороннему исследованию культуры и быта одного села, района, области, или работы по отдельным вопросам данной проблематики¹⁵. В этих трудах вскрываются типичные для различных периодов развития советского общества перемены в сельском строительстве, которые отражают общий характер основных процессов, протекающих в нашем

середине XIX в., Автореф. канд. дис., М., 1951; Г. Г. Громов, История крестьянского жилища Владимирского края IX—XIX веков; Е. Э. Бломквист, Указ. раб.; Е. П. Бусыгин, Русское сельское население Среднего Поволжья, Казань, 1966; Л. А. Молчанова, Материальная культура белорусов, Минск, 1968; М. Г. Рабинович, Древний ландшафт и жилище, «Сов. этнография», 1969, № 2, и др.

¹³ С. П. Толстов, Указ. раб.; Г. Г. Громов, Указ. работы; А. А. Шенников, О русских крестьянских усадьбах XVI века, «Географическое общество СССР. Доклады отделения этнографии», вып. 2, Л., 1966; Е. Э. Бломквист, О. А. Ганцкая, Указ. раб.

¹⁴ М. П. Званцев, Домовая резьба, М., 1935; П. Г. Юрченко, Народное жилище Украины, М., 1941; Е. А. Ащепков, Русское народное зодчество в Западной Сибири, М., 1950; Т. В. Станюкович, Происхождение русской народной пропиленной резьбы, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1950, вып. 10; И. В. Маковецкий, Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, М., 1952 и др. его книги; Е. А. Ащепков, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, М., 1953; Л. Н. Чижикова, Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей «Сов. этнография», 1953, № 3; Е. Э. Бломквист, Указ. раб.; Л. А. Молчанова, Беларуская народная архітэктурная резьба, Мінск, 1958; В. П. Самойлович, Народна творчість в архітектурі сільського житла, Київ, 1961; Л. Н. Чижикова, Архитектурные украшения русского крестьянского жилища, «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1970; Т. В. Космина, Локальні особливості народного житла південних районів Поділля, «Народна творчість та етнографія», 1973, № 4; С. Б. Рождественская, Декор народного жилища центральных и южных областей России, в кн.: «Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.», ч. I, М., 1974, и др.

¹⁵ Г. С. Маслова, Селения и постройки колхозов Московской области, «Сов. этнография», 1951, № 2; ее же, Русские постройки Среднего Поволжья, «Сов. этнография», 1953, № 1; «Рязанское село Кораблино», «Ученые записки Рязанского государственного педагогического ин-та», т. XVIII, Рязань, 1957; «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLI, М., 1958; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964; «Народы Европейской части СССР», т. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 312—324, 661—664, 822—828; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; А. Маланчук, Нове в культурі й побуті колгоспного селянства (історико-етнографічне дослідження на матеріалі Сокальського району Львівської області), Київ, 1970; «Современные этнические процессы в СССР», М., 1975, стр. 159—205, и др.

обществе, — сближение жизненного уклада сельского и городского населения, взаимообогащение национальных культур и возникновение общесоветских форм быта, характерных для всех народов СССР. Вместе с тем, как показали исследования, в сельском жилище сохранились и получили дальнейшее творческое развитие рациональные народные традиции, сложившиеся в предшествующие исторические периоды.

Новые задачи в изучении современного сельского жилища встают перед учеными в связи с решениями XXV съезда КПСС. В директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. предусматривается всемерное развертывание массового жилищного строительства, которое в сельской местности будет осуществляться за счет государства, жилищно-строительной кооперации, а также индивидуального жилищного строительства¹⁶.

Исследование основных направлений в области современного жилищного строительства дает ценные результаты в познании путей развития современной культуры, соотношения в ней традиций и инноваций. Изучение наиболее прогрессивных строительных и художественных традиций восточнославянских народов помогает практике современного жилищного строительства. Творческие искания строителей и архитекторов должны базироваться как на хорошем знании современного быта и культуры сельских жителей, так и на ценных традициях прошлого. Необходимы также социологические исследования современного сельского жилища. Определение основных функций жилого дома в условиях постоянно растущего технического прогресса, направленного на выравнивание уровня быта городской и сельской семьи, изучение характера использования жилых помещений, отношения сельских жителей к строительным и художественным традициям, их бытовых и культурных запросов, а также многих других вопросов, выявляющих ценностные ориентации населения, поможет строителям и архитекторам при проектировании в селе новых жилых комплексов.

Эти далеко не полностью перечисленные основные проблемы изучения восточнославянского жилища ставятся во многих работах советских ученых. Причем в одних из них затрагиваются отдельные вопросы, в других жилище изучается более разносторонне. Разумеется, в данной статье невозможно даже кратко перечислить все вопросы, интересующие исследователей восточнославянского жилища. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на состоянии изученности одной и очень актуальной, на наш взгляд, проблемы — классификации восточнославянского жилища, касаясь попутно и других непосредственно связанных с этой проблемой вопросов.

Классификация жилища, как и всякой другой области культуры, это необходимая часть познания изучаемого явления, позволяющая обобщить и привести в систему путем выбора определенных признаков (оснований деления) все многообразие его форм и особенностей. Классификация проводится с целью расширения познания закономерностей изменения жилища в разные исторические периоды общественного развития. Сам метод систематизации дает возможность широких сопоставлений, выявления специфики и общих черт в жилище как одного народа, так и группы народов. Это касается не только народов, живущих в непосредственной близости друг от друга.

Попытки систематизации жилища восточных славян были предприняты уже в дореволюционные годы в обобщающих работах К. Рамма, А. Н. Харузина, Ф. К. Волкова. Однако в основу построенных ими систем классификации были положены ограниченные, довольно пестрые,

¹⁶ «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», «Правда» 7 марта 1976 г.

неравноценные и часто несравнимые по отдельным районам материалы.

В послереволюционные годы в связи с расширением изучения восточнославянского жилища, появлением новых публикаций о крестьянских постройках отдельных сел, районов, областей был издан ряд работ обобщающего характера с попытками их классификации¹⁷. Семь типов дворовой застройки на европейской территории расселения восточных славян выделил в своей работе В. Д. Мачинский¹⁸, пять типов дворовой застройки для русских областей наметил М. Я. Феноменов¹⁹. В этих классификационных схемах и на карте, прилагаемой к работе М. Я. Феноменова, ареалы выделенных типов намечены схематично и не охватывают всего многообразия исследуемых авторами явлений. Систематизация жилища предлагается также в работе Д. К. Зеленина, посвященной характеристике основных особенностей материальной и духовной культуры восточных славян²⁰. Автор, следуя за К. Раммом, положил в основу типологизации высотный показатель, выделив два типа восточнославянских построек: избу на подклете и низкое поземное жилище (хату) без подклета. Намеченные Д. К. Зелениным четыре типа дворовой застройки не отражают сложных форм организации усадебной застройки у восточных славян.

На высоком научно-теоретическом уровне была разработана в 20-е годы систематизация русского жилища С. П. Толстовым²¹. Не ограничиваясь показом основных морфологических особенностей типов жилища, он стремился рассматривать жилище как категорию историческую. Это была первая попытка классифицировать жилище по совокупности его важнейших особенностей, в результате чего были выделены три комплекса «культуры жилища»: «севернорусский», «поволжский», «южнорусский». Формирование основных особенностей выделенных комплексов С. П. Толстов относит к весьма отдаленному прошлому, считая, что многие их истоки восходят к этническим традициям восточнославянских племен. К сожалению, состояние изученности русского жилища того времени не позволило автору учесть многообразие форм русских построек и правильно наметить ареалы их распространения.

Продолжая начатую С. П. Толстовым систематизацию русского жилища по совокупности наиболее важных признаков, нам удалось выделить в Верхнем Поволжье два комплекса жилища — «севернорусский» и «среднерусский». Была также сделана попытка выявить их генезис и причины развития²². На территории Владимирского края Г. Г. Громов выделил «поволжский двухрядный» тип жилища и выдвинул новые для того времени положения о сравнительно позднем формировании основных типов русского крестьянского жилища (конец XVII—XIX в.)²³.

Значительные успехи в систематизации восточнославянского жилища были достигнуты Е. Э. Бломквист в ее капитальном труде, представляющем собой теоретическое исследование и обобщение всех многообразных материалов о крестьянских постройках русских, украин-

¹⁷ В данной статье мы сможем рассмотреть лишь наиболее интересные обобщающие работы, в которых систематизируется восточнославянское жилище (или его отдельные элементы) крупных регионов.

¹⁸ В. Д. Мачинский, Крестьянское строительство в России, М., 1924.

¹⁹ М. Я. Феноменов, Типы крестьянской застройки у великорусов, «Крестьянские постройки», М., 1929.

²⁰ D. Zelenin, Russische (Ostslawische) Volkskunde, Berlin — Leipzig, 1927.

²¹ С. П. Толстов, Указ. раб.

²² Л. Н. Чижикова, Русское народное жилище Верхнего Поволжья.

²³ Г. Г. Громов, История крестьянского жилища Владимирского края в IX—XIX вв.

цев и белорусов, накопившихся к середине 50-х годов²⁴. Предложенная Е. Э. Бломквист типология крестьянских построек до сих пор является уникальной по территориальному охвату и по обилию положенного в ее основу фактического материала. Е. Э. Бломквист наметила три типа усадеб: с крытым двором, с открытым сверху замкнутым в плане двором и с открытым сверху незамкнутым в плане двором. Затем в пределах этих типов по совокупности признаков она определила комплексы жилища: первому типу усадьбы соответствуют «севернорусский» и «среднерусский» комплексы, второму — «комплекс покособразного двора» и «южновеликорусский», третьему — «украинский». Отдельно выделен белорусский комплекс жилища. К сожалению, в основу данной типологии положен тип застройки усадьбы, который не всегда служит определяющим и дифференцирующим признаком. Так, усадьба с открытым и незамкнутым в плане двором характерна не только для украинского, но и для южнорусского жилища, а замкнутые в плане дворы, которые по данной схеме считаются принадлежностью южнорусского комплекса, бытовали на Украине и в Белоруссии. По отдельным признакам автор выделил типы застройки усадьбы, «типы жилища», типы внутренней планировки жилого помещения. В схеме распространения типов застройки усадьбы в качестве главного признака было принято наличие в составе двора пространства, не покрытого крышей. Внутри крупных «групп», выделенных по этому признаку, определены типы и подтипы, различающиеся как по высотности дворовых построек, так и по характеру связи жилой и хозяйственной частей.

Новую классификацию типов застройки усадьбы восточных славян предложил в 1958 г. М. В. Витов²⁵, который, как и предыдущие исследователи, стремился показать в классификационной схеме историю развития типов застройки. В основу данной классификации положен один принцип — «характер расположения и группировки построек, входящих в комплекс жилища». М. В. Витов выделил три основных типа застройки усадьбы: «свободная», «замкнутая», «сомкнутая». В пределах каждого типа намечено несколько подтипов и вариантов. Классификация М. В. Витова, однако, не лишена известной условности (как, впрочем, и всякая классификация) и некоторых недостатков в определении наиболее существенных особенностей застройки усадьбы при выделении подтипов и вариантов.

Классификация русского жилища по одному признаку — плану жилого дома — предложена в интересной и богато иллюстрированной книге историка культуры И. В. Маковецкого, внесшего большой вклад в изучение русского народного зодчества. Выделив пять типов жилого дома, он предложил схематическую карту их распространения²⁶.

Последующие успехи в типологизации восточнославянского жилища связаны с картографированием его элементов, а следовательно, с изучением пространственного распространения явлений, определением ареалов отдельных элементов и комплексов жилища, их изменений и развития в определенные исторические периоды. В 1967 г. был издан историко-этнографический атлас «Русские»²⁷. В течение последнего

²⁴ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.

²⁵ М. В. Витов, Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища (классификация типов застройки усадьбы), «Вестник Московского ун-та, серия историко-филологическая», № 4, 1958.

²⁶ И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье.

²⁷ П. И. Кушнер, О русском историко-этнографическом атласе. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXII, 1955; М. Г. Рабинович, Историко-этнографический атлас «Русские» (принципы и методы составления), «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов», М., 1963.

десятилетия ведется работа над региональными историко-этнографическими атласами «Украина, Белоруссия, Молдавия»²⁸, а также «Прибалтика», «Средняя Азия и Казахстан», «Кавказ». Первые выпуски большинства из них уже завершены авторами. Карты по жилищу для данных атласов подготавливаются на основе обширных этнографических сведений, накопленных за несколько столетий. Каждая карта отражает два или три хронологических периода, что позволяет проследить развитие картографируемых явлений примерно за последние 100—150 лет. Поскольку при помощи картографирования лучше выявляется многообразие элементов построек и более точно определяются их ареалы, возникает возможность для обобщений и более детальной систематизации жилища.

При подготовке историко-этнографического атласа «Русские» под руководством ответственного редактора атласа П. И. Кушнера была выработана методика картографического определения типов и комплексов русского жилища по совокупности его особенностей. На первом этапе работы было подготовлено 18 карт. При этом 17 карт отражали одну из особенностей жилища (строительный материал, форма крыши, материал покрытия, внутренняя планировка избы и др.) и показывали степень ее распространенности по уездам. На одной карте (№ 33) совмещалось два признака — тип двора (крытый, открытый, полукрытый) и характер расположения дворовых построек относительно дома (однорядная, двухрядная и другие типы связи). Одним из авторов атласа, О. А. Ганцкой, были составлены две сводные карты типов и комплексов русского крестьянского жилища. Это было сделано на основе сопоставления и обобщения материалов нескольких тематических карт, датируемых серединой XIX в., с помощью нанесения на бланковку границ распространения основных особенностей жилища и выделения их на карте цветовой заливкой²⁹. Картографическим методом О. А. Ганцкой выделены шесть комплексов русского крестьянского жилища, распространенных на территории Европейской России: севернорусский, среднерусский, западнорусский, южнорусский, комплексы жилища русского населения бассейнов Дона, Кубани и Терека. Таким образом, метод картографического определения типов и комплексов жилища, как нам кажется, наиболее удачно позволил определить их главные особенности и более точно показать области преобладания и распространения каждого из них. Картографирование и построенная на его основе классификация помогли не только представить общую характеристику русского сельского жилища и тенденции его развития в XIX — начале XX в., но и всесторонне выявить черты этнографической специфики и общности в жилище русского населения отдельных регионов, определить границы распространения различных явлений и смешанные зоны, что отражает сложные этнические и социально-экономические связи между отдельными группами населения в прошлом, а в конечном счете дает ценнейший материал для исследования этнокультурной истории народа.

Значительно хуже изучено и систематизировано жилище русских за пределами Европейской части страны, в частности в Сибири. Ценные обобщающие сведения о сельском жилище русских Западной и Восточной Сибири содержатся в книгах архитектора Е. А. Ащепкова³⁰. Автор

²⁸ К. Гуслистый, М. Рабинович, Работа над региональным историко-этнографическим атласом України, Білорусії та Молдавії, «Народная творчість та етнографія», 1969, № 4.

²⁹ Подробно об этом см. О. А. Ганцкая, Методика картографического определения типов и комплексов крестьянского жилища (по материалам историко-этнографического атласа «Русские»), «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 5, М., 1970.

³⁰ Е. А. Ащепков, Указ. работы.

попытался систематизировать материалы по организации планировки жилого дома и усадебной застройки на основе сравнительного анализа жилища обследованных районов Западной и Восточной Сибири. С 1960-х годов систематическое изучение жилища русских Сибири стали проводить сотрудники Института этнографии АН СССР³¹. Результатом этих исследований явился первый серьезный опыт классификации типов застройки усадьбы русского населения Западной Сибири, предложенный В. А. Липинской³². В основу своей классификации В. А. Липинская положила один принцип деления — «порядок расположения хозяйственных построек относительно дома» и предложила три типа усадебной застройки: «замкнутая», «слитная», «свободная». Наиболее интересно разработан первый тип, более всего распространенный в Сибири.

Работа над региональным историко-этнографическим атласом «Украина, Белоруссия, Молдавия» открыла большие возможности для классификации жилища украинцев и белорусов. При систематизации украинского и белорусского жилища ученые также используют метод выделения типов по совокупности признаков.

По материалам, подготовленным для атласа, белорусские этнографы Э. Р. Соболенко, В. С. Гурков, В. М. Иванов, Д. Д. Супрун (ответственный редактор В. К. Бондарчик) издали ценную книгу (с 18 картами) — обобщение и исследование развития основных особенностей белорусского жилища на протяжении XIX—XX ст.³³ Авторы данной работы, учитывая значительное единообразие белорусского жилища в целом, выделили типы жилища на основании нескольких признаков. Эти нередко очень дробные признаки в своей совокупности и создают своеобразные локальные варианты жилища (приемы соединения венцов сруба, конструкция и форма крыши, способы соломенного покрытия, типы усадебной застройки). При исследовании построек по такой программе на территории Белоруссии были выявлены три их типа: «среднебелорусский», «северо-восточный» и «западнополесский»³⁴. Выделение западнополесского типа (юго-западные районы Белоруссии), отличающегося рядом специфических особенностей, вполне убедительно. Определение же двух других типов вызывает сомнение, так как в основу одного из них — северо-восточного — положена консервативность развития отдельных элементов жилища в конце XIX — начале XX в. (архаичные формы конструкции крыши, способы покрытия соломой и др.). На территории распространения среднебелорусского и северо-восточного типа, как пишут авторы, некогда господствовал один тип жилища. В связи с этим, нам кажется, было бы целесообразнее на первом этапе обобщающей работы систематизировать жилище середины XIX в., когда по всей Белоруссии лучше сохранялись его традиционные формы. Составленные карты распространения особенностей белорусских построек дают большие возможности для разработки классификации как белорусского, так и восточнославянского жилища в целом.

Систематизация украинского жилища в плане подготовки украинского атласа была выполнена Г. Е. Стельмахом и Н. П. Приходько. Ими были составлены тематические карты, а на их основе — сводная обобщающая карта. Это позволило выделить на территории Украины, включая западные области, восемь локальных типов «чернигово-сиверский», «правобережнополесский», «центральнополтавский», «западно-

³¹ См. «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969; «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. I.— «Приангарье», Новосибирск, 1971.

³² В. А. Липинская, Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири, «Сов. этнография», 1975, № 5. В данной работе использован принцип классификации типов застройки усадьбы, предложенный М. В. Витовым (см. выше).

³³ «Беларускае народнае жыллё».

³⁴ Там же, стр. 93—98, карта 19.

полтавский», «слабожанский», «южнокиевский», «подольский», «жюноукраинский», а также четыре переходных между ними типа ³⁵. К сожалению, мы не можем судить о методике и основных принципах данной систематизации, так как материалы картографирования и классификации еще не опубликованы.

Систематизацией традиционного жилища в украинских Карпатах занималась Н. Н. Грацианская. По совокупности признаков она наметила несколько региональных типов жилищ, связав ареалы распространения некоторых из них с территорией расселения основных этнографических групп ³⁶.

Классификация украинского жилища по определенным признакам — архитектурно-художественным решениям и объемно-пространственной композиции — предложена известным исследователем сельской архитектуры Украины В. П. Самойловичем ³⁷. Характеристика типичных архитектурно-художественных черт жилища в разных районах Украины предпринята в этой работе впервые и является большой заслугой автора.

Однако с основными принципами предложенной им систематизации нельзя согласиться. При ее разработке автор, видимо, исходил прежде всего из этнографического районирования Украины. Анализ же архитектурных особенностей показал, что границы этнографических районов и ареалы распространения локальных архитектурно-художественных особенностей часто не совпадают. Как справедливо отметил в рецензии на эту работу Г. Е. Стельмах ³⁸, нельзя по архитектурным особенностям объединять жилища Карпат, Полесья или Среднего Приднепровья, потому что в пределах каждой из этих больших зон оно различалось довольно существенными архитектурными (и не только архитектурными) особенностями.

Даже краткий обзор основных исследований советских ученых свидетельствует о большой работе, проделанной ими в области картографирования и систематизации восточнославянского жилища. Почти все авторы отмеченных выше классификаций стремились не только выделить внешние отличительные особенности жилища, определить ареалы их распространения, но и исследовать происхождение и развитие типов жилища с учетом конкретной природной среды, этнической и социально-экономической истории народов. Как мы могли убедиться, большинство предложенных систематизаций являются вкладом в науку, поскольку обычно они подытоживают и обобщают имеющиеся на данный период многообразные и часто разрозненные сведения о жилище.

В настоящее время возникает задача дальнейшей разработки многих аспектов данной проблемы. Каждая классификация жилища, как известно, должна быть целенаправленной. Достигнутые научные успехи в разработке классификации жилища отдельных народов требуют постановки задач, расширяющих рамки исследований. Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения целесообразность составления региональных атласов, охватывающих целые историко-этнографические области, направленным на историко-сравнительное изучение культурных ареалов народов, населяющих эти области. В связи с этим возникает необходимость классификации жилища в более широком масштабе.

³⁵ Г. Е. Стельмах, Н. П. Приходько, Классификация типов украинского народного жилища конца XIX — начала XX ст., «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов», Тбилиси, 1970.

³⁶ Н. Н. Грацианская, К типологии традиционного народного жилища в Украинских Карпатах в XIX — начале XX века. «Сов. этнография», 1973, № 1.

³⁷ В. П. Самойлович, Українське народне житло, Київ, 1972.

³⁸ Г. Е. Стельмах, Нова праця про українське народне житло, «Народна творчість та етнографія», 1974, № 4.

Систематизация жилища на больших территориях требует совершенствования принципов классификации. С интересной теоретической разработкой проблемы типологизации жилых построек на обширной территории зарубежной Европы выступили советские ученые³⁹. Анализируя ранее разработанные способы классификации жилища, а также имеющиеся материалы по жилищу всех народов Европы, исследователи пришли к выводу, что в основу его классификации на большой территории целесообразнее брать один, но наиболее существенный признак. В качестве такого признака для жилища народов зарубежной Европы была выбрана планировка дома в ее историческом развитии⁴⁰.

Если обратиться к анализу материалов по жилищу восточных славян, то наряду с разнообразием его форм нетрудно выявить и ряд общих черт, многие из которых уходят своими корнями ко времени существования древнерусской народности. План жилого дома, один из важнейших признаков, который берется в основу типологии жилища при сравнительном его изучении на большой территории, был единым для всех восточнославянских народов. Наличие в доме жилой избы (хаты), неотапливаемых сеней, а нередко также клетки (коморы) или второй избы (хаты) — характерный признак жилища восточных славян, выделяющий его из построек многих других народов (значительной части Западной Европы, Кавказа, Средней Азии). Специфичны для восточнославянского жилища и особенности внутренней планировки и обстановки жилого помещения — наличие духовой русской печи, строго традиционное расположение печи, переднего угла, деревянных полатей, стола, неподвижных лавок и пр. Для восточнославянского домостроительства характерны и многие общие особенности строительной техники. Отмеченная общность позволяет выделить восточнославянское жилище в особый тип лишь в том случае, если учитывать только определенные из вышеуказанных признаков и рассматривать их в масштабе всей Европы или более обширной территории. При этом нельзя забывать, что многие из особенностей, свойственных постройкам всех восточных славян, были характерны и для жилища других народов Европы.

Вместе с тем, принимая во внимание, что наряду с отмеченной общностью в разных районах расселения восточных славян жилище характеризовалось разнообразием форм, на первом этапе обобщающей работы было бы целесообразно систематизировать постройки по их отдельным особенностям⁴¹.

Так, одним из наиболее существенных и устойчивых признаков, наиболее стойко сохранявших этническую специфику, была внутренняя планировка жилого помещения. В зависимости от положения печи и переднего угла, а также от направления устья печи в восточнославянском жилище выделяются четыре типа внутреннего плана избы (хаты), имевшие в XIX — начале XX в. определенные ареалы распространения: северо-среднерусский, украинско-белорусский (также западнорусский), восточный южнорусский и западный южнорусский. Зоны бытования типов внутренней планировки хотя в основном и совпадали с территорией расселения отдельных народов или их этнографических групп, однако границы их распространения обычно были значительно шире. Так, белорусско-украинская планировка хаты, совпадавшая с районами расселения украинцев и белорусов, бытовала также в жилище западных русских губерний, у кубанского, терского и донского казачества, в русских селениях Казахстана и Киргизии, у русских переселенцев в степных районах Алтая, а также в Польше, Молдавии, в восточных районах Прибалтики, в Карелии. Северно-среднерусский план избы, характер-

³⁹ «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы», М., 1968.

⁴⁰ Там же, стр. 4—10, 361—370.

⁴¹ Как отмечалось выше, систематизация восточнославянского жилища по типам дворовой застройки уже проводилась исследователями и дала интересные результаты.

ный для жилища северных и среднерусских нечерноземных губерний Европейской части России, встречался в отдельных районах поздней колонизации, например в некоторых районах Курской губернии, области Войска Донского, Терской области, у русского населения Сибири, Восточного Казахстана и частично Киргизии. В то же время такой план жилища был распространен у соседних с русскими народами Севера и Поволжья, а также в Словакии и Чешской Моравии.

Существенными признаками жилого комплекса считаются план застройки усадьбы, характер двора, способы соединения жилых и хозяйственных построек, отличавшиеся большим разнообразием на территории расселения восточных славян. Хотя для русских, украинцев и белорусов были характерны специфичные типы дворовой застройки, однако зоны их бытования обычно не совпадали с границами расселения народов, поскольку на развитие усадебной застройки в значительно большей степени, чем на внутреннюю планировку избы, оказывали влияние климатические, экономические и социальные факторы. Широкие ареалы, не совпадающие с этническими границами, выявились бы при определении границ распространения многих других особенностей восточнославянского жилища (строительный материал, форма крыши, высота дома, типы хозяйственных построек и др.).

Что касается целесообразности выделения комплексов восточнославянского жилища по совокупности признаков, то этот вопрос требует серьезного изучения. Решению этой задачи, нам кажется, очень способствовало бы создание составленных по единой программе карт, показывающих распространение отдельных особенностей жилища на всей территории расселения восточных славян. Необходимо также продолжить работу и по определению типологии жилища в пределах расселения отдельных народов с точным учетом материалов карт по отдельным элементам. Картографирование особенностей восточнославянского жилища покажет чрезвычайно сложное соотношение и частое несовпадение границ ареалов распространения этих особенностей. Так, жилые постройки, сходные по строительной технике (например, срубные дома в северных и среднерусских районах, в Белоруссии, в северных, восточных и западных районах Украины) различались между собой такими существенными особенностями, как внутренняя планировка избы (хаты), форма крыши, характер дворовой застройки, внешняя отделка стен. И наоборот, дома, имевшие одинаковую внутреннюю планировку жилого помещения (например, на основной территории Украины, Белоруссии, в западных русских губерниях), были несхожи по строительному материалу, форме крыши, типам дворовой застройки и др. Сравнительно низкое, обмазанное глиной и побеленное жилище без подклета с глинобитным полом, под четырехскатной соломенной крышей, со свободным расположением построек на усадьбе и ориентацией фасадной стены дома на юг, представлявшее классический тип, характерный для значительной части Украины, в разных районах имело локальные особенности (строительный материал и конструкции, архитектурно-художественная отделка, способы усадебной застройки и др.). Эти примеры показывают, что при классификации многообразных форм построек, распространенных на огромной территории расселения русских, украинцев и белорусов, чрезвычайно трудно установить основной принцип классификации. Если мы будем стремиться к систематизации жилища по единым определяющим критериям, то, очевидно, набор признаков должен быть небольшим. Классификация жилища всех восточных славян окажется более общей по сравнению с типологизацией жилища отдельных народов. При этом необходимо выработать общие принципы для определения градаций между такими распространенными в классификационных системах терминами, как «комплекс», «тип», «подтип» и «вариант» жилища, на что до сих пор не обращалось должного внимания. Кроме того, в су-

ществующих этнографических систематизациях жилища нет единства в терминологии. Разнобой в терминах особенно характерен для выделяемых этнографами типов застройки усадьбы (например, тождественны по планировке дворы «глаголеобразный» и «охватывающий», «замкнутый» и «веночный», «открытый двор с несвязанными постройками» и «свободная застройка» и т. д.).

Как известно, многие, в том числе и основные признаки, не являются принадлежностью только восточнославянского жилища, а распространены на обширной территории расселения как славянских, так и неславянских народов. В традиционном жилище западных славян прослеживается общность с восточнославянскими постройками в планировке дома с холодными сенями, в плане жилого помещения, в типах дворовой застройки, в строительном материале и конструкциях. В жилых постройках южных славян имеются черты, сходные с жилищем южных районов Украины, однако в целом южнославянское жилище, видимо, развивалось более изолированно от восточнославянского. Восточнославянское зодчество находилось в постоянном взаимодействии со строительством соседних тюркских, финских, балтийских народов Восточной Европы и оказало большее или меньшее влияние на их народную архитектуру. Формированию общности в жилище способствовала также и давняя близость культур народов, населяющих Восточно-Европейскую равнину, обусловленная сходными историческими, социально-экономическими и природными условиями их жизни. Строительная культура восточных славян оказала большое влияние также на формирование жилища народов Севера, Сибири, Северного Кавказа, Средней Азии. Многие из кочевых народностей России, переходя на оседлость, целиком заимствовали жилище восточнославянских переселенцев.

Имеющиеся фактические материалы достаточно убедительно определяют задачи систематизации жилища народов отдельных историко-этнографических областей и более обширных территорий. В связи с этим особенно интересна начавшаяся в последние годы работа над сводными картами по жилищу народов Европы для Европейского историко-этнографического атласа. В соответствии с разработанной для этого атласа единой программой сотрудники Института этнографии АН СССР с участием ученых союзных республик подготовили три карты по теме «Материал стен жилого дома». Данные карты, выявившие ареалы основных картографируемых явлений на территории Восточной Европы, позволили наметить основные типы жилища по строительному материалу, технике сооружения стен жилого дома, фундаменту, способам обработки стен. Эти материалы послужат основой для систематизации жилища в более широком масштабе.

Только картографирование жилища на больших территориях и сравнительное исследование материалов могут выявить сходство и различие в культуре народов определенных регионов и позволят решить многие вопросы, связанные как с генезисом и развитием жилища, так и с более широким кругом проблем этнокультурной истории народов, их этнических связей и взаимовлияний.

Необходимо систематизировать жилище и в сравнительно небольших районах с целью более детальной характеристики отдельных компонентов построек, особенно в тех местах, где наблюдается наибольшее варьирование локальных форм. В этих целях целесообразно проводить микрокартографирование. Особенно интересные результаты оно может дать в районах со смешанным этническим составом населения, в полосе этнических границ или в местах активных миграций.

Систематизацию жилища почти все исследователи связывают с изучением происхождения и развития выделяемых типов жилища. Важными задачами являются дальнейшее углубленное исследование процесса формирования восточнославянского жилища, определение значения всех

факторов развития его локальных типов, места и значения в этом процессе этнической традиции, выявление причин возникновения смешанных форм жилища в пограничных зонах бытования выделенных типов, а также в этнически неоднородных районах и многие другие вопросы, связанные с генезисом жилища.

Неоспоримо, например, значение географического и социально-экономического факторов в формировании больших высоких рубленых изб на подклете с концентрацией всех построек в единый общий «дом-двор» в северных лесных районах и в широком распространении низких поземных хат, покрытых соломой, с разобщенной усадебной застройкой в южных степных и лесостепных районах. Вместе с тем известно и значение древних этнических традиций, которые в особых исторических и социальных условиях развития способствовали сохранению определенных различий и национального своеобразия в постройках русских, украинцев и белорусов, расположенных в пределах примерно одних и тех же природных и хозяйственных зон. Так, жилище населения южнорусских губерний и восточных и центральных районов Украины при известной общности, возникшей под влиянием сходных природных условий, различалось важными признаками, детерминированными не столько этими условиями, сколько другими факторами (план хаты, постройка дома по отношению к улице, внешняя обработка стен, украшение дома).

Существенное влияние на развитие жилища оказывали постоянные миграции населения эпохи формирования Московского государства и более поздних периодов, особенно после шведско-литовской интервенции. Ими объясняется, по всей вероятности, большое разнообразие жилища, возникновение смешанных форм в пограничных зонах, бытование внутри района распространения одного комплекса жилища построек, не свойственных данному типу. Так, в жилище западных русских губерний, особенно в районах, расположенных в полосе, граничащей с белорусскими и латышскими поселениями, встречаются черты, сходные с жилищем белорусов и латышей (внутренняя планировка хаты, подвесные котлы у печи, полуальмовые крыши, стесывание бревен с четырех сторон и др.). Совместное проживание латышей, русских и белорусов, древние и более новые исторические и этнокультурные связи населения этих районов — все это обуславливало сходное развитие их построек. Много общих черт прослеживается в жилище русско-украинского пограничья. Они формировались под влиянием активных перемещений русских и украинских групп населения на этой территории во времена ее заселения и хозяйственного освоения (XVI—XVIII вв.). Сходство жилища бассейнов Кубани и Терека с украинским в значительной степени определялось тем, что в эти районы в XVIII—начале XIX в. переселялись выходцы с Украины.

В заключение хочется обратить внимание еще на один существенный вопрос — на необходимость создания типологии жилища, которая характеризовала бы его в разные исторические периоды развития. Приступая к систематизации жилища, исследователи обычно берут за основу жилище одного хронологического периода, рассматривая его вместе с тем как категорию историческую. Попытки обобщения и систематизации древнерусского жилища, а также русских построек XVI—XVII вв. были предприняты в работах М. Г. Рабиновича, П. А. Раппопорта, А. А. Шенникова и др.⁴² Этнографы с целью типологизации обычно исследуют более устойчивые традиционные формы жилища, сформировавшиеся к середине XIX в. Известно, что в конце XIX — начале XX в., в период интенсивного капиталистического развития России, происходили изменение и нивелировка многих локальных особенностей и типов восточнославянского жилища, причем процессы изменений быта разли-

⁴² М. Г. Рабинович, Русское жилище в XIII—XVII вв.; П. А. Раппопорт, Древнерусское жилище; А. А. Шенников, Указ. работы.

чались в отдельных районах России в зависимости от степени развития товарно-денежных отношений в деревне.

Огромные изменения в жилище русских, украинцев и белорусов, как и в жилище других народов нашей страны, произошли за годы существования Советского государства. Хотя мы и имеем публикации, освещающие развитие жилища русских, украинцев и белорусов в условиях советского строя (см. выше), совершенно очевидна необходимость дальнейшего углубленного и детального исследования современных построек восточных славян, их обобщения, систематизации и выявления тенденций дальнейшего развития. Как известно, для регионального атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия» были составлены карты, характеризующие особенности жилища в 50—60-е годы XX в., что создает предпосылки для обобщения этих материалов⁴³. Думается, что картографирование современного жилища русских представило бы большой научный и практический интерес.

Изучение и обобщение материалов, характеризующих жилище 50—70-х годов XX в., показывает процесс постепенной нивелировки многих традиционных локальных особенностей. Новые социально-экономические условия жизни приводят к созданию общих черт в жилище, многие из которых типичны и для других районов страны. В интенсивном развитии нового проявляется характерный для настоящего времени процесс преодоления существенных различий между городом и деревней. В результате увеличивается смешение типологических особенностей жилища, что значительно осложняет выделение его региональных типов. И все же, несмотря на нивелировку и в настоящее время на территории расселения восточных славян, очевидно, можно выделить локальные особенности или типы жилища по строительному материалу, внешней отделке стен, характеру архитектурно-художественных решений, отчасти по плану застройки усадьбы и др. Бытование их еще и сейчас в известной мере определяется влиянием природных условий и развитием местных строительных традиций. Границы распространения специфических особенностей современного жилища, очевидно, не всегда совпадают с территорией бытования локальных типов жилища во второй половине XIX в., а сами ареалы этих особенностей значительно менее выражены, поскольку влияние на жилище многих существенных прежде факторов теперь заметно ослаблено. Процессы индустриализации и урбанизации, рост материального благосостояния и культуры сельских жителей, постоянные миграции населения, развитие средств массовой коммуникации и многие другие факторы, определяющие образ жизни советских людей, с каждым годом усиливают тенденции, свидетельствующие о развитии общности в сельском жилище народов нашей страны при сохранении национального своеобразия.

THE STUDY OF RURAL DWELLINGS OF THE EAST SLAVS: RESULTS AND PROBLEMS OF CLASSIFICATION

Major problems in the study of East Slav dwellings by Soviet researchers are examined in the paper. It concentrates particularly upon the systems of classifying the East Slav dwelling. Problems in the study of the geographical distribution of individual elements and whole dwelling complexes in their historical evolution are touched upon, as well as those of their mapping. The author regards the scientific classification of the East Slav dwelling, both in its chronological and in its spatial aspect, as far from being completed. She adduces the indubitable close relationship between the East Slav dwelling and that of other European peoples. The mapping of dwelling types over extensive areas and their comparative study will help to reveal similarities and differences in the cultures of peoples of certain regions. This will permit the solution of many problems concerning both the evolution of dwellings and investigations in a wider field of the ethno-cultural history of peoples.

⁴³ См. «Беларускае народнае жылё», стр. 99—124, карты 2, 6, 8, 14.

С. И. Вайнштейн

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЖИЛИЩА СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Первая обстоятельная попытка разработать историю жилища степных кочевников была сделана в конце XIX в. Н. Н. Харузиным¹. Он сопоставил конструкции жилищ кочевых и полукочевых тюрко-монгольских народов России XVIII—XIX в., исходя при этом из предпосылки, что среди современных жилищ кочевников должны были сохраниться основные типы, возникавшие в прошлом и отражающие историю их развития. Чем проще конструкция конкретного типа, считал Н. Н. Харузин, тем раньше он возник и может рассматриваться как прототип для более сложной формы. Интересная работа Харузина, в которой был собран большой фактический материал, наряду с ценными наблюдениями и выводами содержала ряд весьма спорных положений, вызванных существенными недостатками примененного им метода исследования. Вместе с тем, строго говоря, Н. Н. Харузин предложил свою типологическую схему развития жилищ, основываясь преимущественно на их современных формах, а не разработал историю жилища. Метод Н. Н. Харузина лежал в основе последующих разработок этой проблемы, предпринятых главным образом в связи с вопросами эволюции монгольской архитектуры².

Проблемы истории жилища кочевников остаются поныне недостаточно разработанными, хотя они и вызывают все возрастающий интерес, о чем свидетельствуют вышедшие в последние годы труды³. Вопросы истории жилища кочевников степной зоны Евразии рассматривались также мною⁴.

Одна из наиболее существенных и интересных проблем в истории жилища кочевников — это генезис юрты, которую несомненно можно отнести к числу важнейших достижений материальной культуры степных кочевников.

Нередко юртами называют совершенно различные типы жилищ охотничьих, скотоводческих, а иногда и оседло-земледельческих народов — от чума (конического шалаша) до многоугольных срубов. Любое упоминание в источниках о наличии у того или иного народа жилища, крытого

¹ Н. Харузин, История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896.

² См., например, А. А. Драги, Самобытность и эволюция архитектуры Монголии, Автореф. канд. дис., Л., 1975.

³ Н. М. Щепетильников, Архитектура Монголии, М., 1960; Д. Майдар, Архитектура и градостроительство в Монголии, М., 1971; Д. Пюрвеев, Солнце, пространство и жилище, Элиста, 1971; Н. Дажаев, Юрта — основа монгольского зодчества, в кн.: «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», Улан-Батор, 1974; Л. Г. Нечаева, О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке, в кн.: «Древнее жилище народов Восточной Европы», М., 1975.

⁴ С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, Автореф. докт. дис., М., 1969, стр. 30—32.

войлоком, рассматривается отдельными авторами как указание на существование у них юрт. А. А. Попов в своей великолепной классификации жилища сибирских народов справедливо рассматривает юрту как совершенно своеобразный по конструкции цилиндрический шалаш, имеющий решетчатый складной каркас стен⁵. Вполне правомерно, чтобы избежать неоправданного разнобоя в названиях, именовать юртами лишь жилища с цилиндрическим складным решетчатым каркасом стен.

О времени возникновения юрты в литературе высказывались самые противоречивые точки зрения. Так, Н. Н. Харузин, касаясь истории юрты, писал, что она «вне сомнения должна была пройти длинный путь, прежде чем развиться до настоящего ее вида. Но проследить это развитие последовательно нелегко: возможно на основании имеющегося материала лишь наметить это развитие в общих чертах и высказать некоторые гипотезы»⁶. Суть их сводилась к тому, что юрта возникла из чума в процессе его модификации. Он же на примере ногайцев склонялся к выводу, что «решетчатая юрта» получила распространение сравнительно поздно — лишь в XVII в.⁷

Вместе с тем широко распространена точка зрения о крайней древности юрты кочевников. Так Н. М. Щепетильников писал в работе, посвященной монгольской архитектуре, что «время возникновения юрты установить невозможно, она уходит в глубь веков»⁸. В самое последнее время к этой точке зрения присоединился А. М. Хазанов, утверждающий, что юрта была уже известна древним кочевникам⁹.

Некоторые из авторов, отрицающие какой-либо существенный прогресс материальной культуры кочевников, ссылаются, в частности, на то, что их жилище на протяжении свыше двух с половиной тысячелетий не претерпело изменений. Таким образом, вопрос о генезисе юрты представляет не только самостоятельный интерес, но и тесно связан с общей проблемой истории культуры кочевников.

Обратимся к фактам. Ранним кочевникам евразийских степей — скифам, сарматам, гуннам, усуням и др. — юрта, вопреки мнению некоторых исследователей, известна не была. Для доказательства существования у них юрты ссылаются обычно на изображение жилища кочевников (I в. до н. э. — I в. н. э.) в одном из керченских склепов (склеп Анфестерия)¹⁰. Однако никаких черт, присущих юрте, у этого жилища (рис. 1, а) не было. Еще М. Ростовцев отмечал, что оно имеет форму двух поставленных одна на другую усеченных пирамид и держится на деревянном остове, главным образом на четырех столбах¹¹. Неосновательна ссылка и на работы археологов¹², так как описываемые ими «юрты» у древних кочевников имели не складной решетчатый остов, а характерный для чума каркас из жердей¹³.

Л. Г. Нечаева пишет в своей работе, что скифам времен Геродота была известна «примитивная коническая юрта» (т. е. чум); вместе с тем она признает, что пользуется термином «юрта» лишь «весьма условно» из-за неразработанности терминологии¹⁴.

⁵ А. А. Попов, Жилище, «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961, стр. 149.

⁶ Н. Харузин, Указ. раб., стр. 21.

⁷ Там же, стр. 46.

⁸ Н. М. Щепетильников, Указ. раб., стр. 20.

⁹ А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975, стр. 271.

¹⁰ На это изображение ссылается, например, А. М. Хазанов (Указ. раб., стр. 271).

¹¹ М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, т. I, СПб., 1914, стр. 173. Попутно заметим, что изображение этого жилища в книге Б. Н. Гракова «Скифы» (М., 1971, стр. 37) искажено. Оно показано не пирамидальным, а округлым.

¹² См., например, А. М. Хазанов, Указ. раб.

¹³ Например, П. Н. Шульц пишет: «...остов юрты, таким образом, был сооружен из двух рядов шестов» (П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции, «Сов. археология», вып. III, М.—Л., 1937, стр. 253).

¹⁴ Л. Г. Нечаева, Указ. раб., стр. 13.

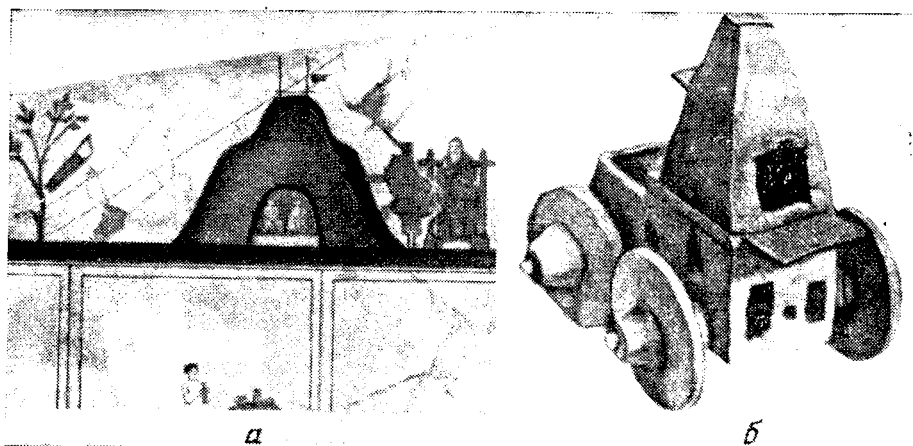


Рис. 1. Жилища европейских кочевников скифо-сарматского времени: а — фрагмент рисунка из склепа Анфестерия; б — игрушечная кибитка, глина (Керчь)

Ряд авторов основывают свое мнение о существовании юрт у ранних кочевников — усуней ссылкой на стихотворение китайской принцессы Сиц Зюн, выданной замуж в конце II в. до н. э. за усунского гуньмо¹⁵. Однако из текста стихотворения следует лишь, что она жила в шалаше с войлочными стенами¹⁶. Не знали юрту ни хунну в Центральной Азии, ни гунны в Европе¹⁷.

Имеющиеся источники позволяют сделать вывод о том, что скифы и другие ранние кочевники степей Восточной Европы пользовались либо разборными жилищами — шалашами с остовом (коническим или пирамидально-усеченным) из жердей, либо кибитками — неразборными жилищами на колесах¹⁸. Изображения кибиток мы видим на глиняных игрушечных моделях¹⁹, а рисунок пирамидально-усеченного шалаша — в упомянутом выше склепе Анфестерия. Судя по моделям, пирамидально-усеченные шалашы устанавливались также на повозках (рис. 1, б; 6, 5, 6). Исходной формой пирамидально-усеченного шалаша был чум, однако основные шесты его остова не скрещивались вверху, а как бы скреплялись квадратной рамой, на что справедливо обратила внимание Л. Г. Нечаева²⁰, но вряд ли с ней можно согласиться, что эта «рама» (скорее функцию скрепления выполняли отдельные палки-обвязки верхушек основных шестов) послужила прототипом дымового круга юрты. Сопоставив рисунок шалаша из склепа Анфестерия со сходной по форме игрушечной моделью кибитки, Л. Г. Нечаева высказала предположение, что стены подобных жилищ делались в виде плотного

¹⁵ Л. А. Евтюхова, Развалины дворца в «земле хягас», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXI, М., 1947, стр. 85; Н. М. Щепетильников, Указ. раб., стр. 19; А. К. Абетеков, О типах жилищ у древних усуней, в кн.: «Первобытная археология Сибири», Л., 1975, стр. 138.

¹⁶ Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 78.

¹⁷ Сохранилось известное свидетельство Аммиана Марцеллина, что гунны не имеют даже шалашей и постоянно кочуют в кибитках (История, XXXI, 2, 10).

¹⁸ Подобные кибитки неоднократно упоминали античные авторы. См.: Геродот, IV, 121; Гиппократ, О воздухе, водах и местностях, 25; Страбон, VII, 3, 17.

¹⁹ Глиняные игрушки в виде кибиток, найденные в Керчи, свидетельствуют о нескольких их разновидностях. Подробнее см.: Э. Р. фон Штерн, Из жизни детей в греческих колониях на Северном побережье Черного моря, «Сборник археологических статей, преподнесенный графу А. А. Бобринскому...», СПб., 1911, стр. 28; Л. Г. Нечаева, Указ. раб., стр. 11—13.

²⁰ Л. Г. Нечаева, Указ. раб., стр. 14.

частокола²¹. Не говоря уже о том, что изгиб стены на упомянутом рисунке противоречит такому выводу (рис. 1, а) столь громоздкую конструкцию было бы крайне трудно перевозить на повозках. Логичнее предположить, что рассматриваемый шалаш имел остов из четырех конических установленных шестов с тремя квадратными обвязками из горизонтальных жердей (рис. 6, 3), прикрывавшихся войлоком (рис. 6, 4). Меняя длину некоторых из жердей, можно было несколько варьировать и форму жилища.

О знакомстве скифов с конструкцией конического шалаша с тремя основными шестами (рис. 6, 1, 2) свидетельствует описание Геродотом их «бани»²².

У племен «скифского мира» в Центральной Азии и Южной Сибири во второй половине I тысячелетия до н. э., по всей вероятности, был распространен наряду с чумом и полусферический шалаш из согнутых в дугу жердей, верх которого укреплялся в скрещивании конических установленных жердей в центре жилища (рис. 6, 8, 9). Жилища из полусферически согнутых дуг известны еще поныне ряду кочевых скотоводческих народов Евразии. Рисунок жилища полусферической формы, в центре которого мы видим скрещивающиеся жерди (они могли быть и опорой конструкции, и служить для подвешивания котла над очагом), был найден мною в 1954 г. при раскопках одного из курганов казылганской культуры скифского времени в Туве²³ (рис. 6, 7).

В центрально-азиатских степях у хунну не позднее конца I тысячелетия до н. э. начали употреблять более приспособленный к степным условиям и перевозкам на телегах неразборный куполообразный шалаш, полусферический остов которого сплетали из гибких ивовых прутьев. Куполообразный верх жилища переходил в невысокую шейку-дымоход. Основание шейки, вероятно, скреплял деревянный круг. По-видимому, употреблялись внутренние опорные столбы. Купол такого шалаша покрывался войлоком, защищавшим от проникновения влаги во время дождя. В холодное время года все жилище прикрывалось войлочными крышками (войлок получил широкое распространение у кочевых скотоводов еще в скифское время). О деталях конструкции этого типа жилища у хунну и сопредельных с ними народов можно судить по косвенным свидетельствам синхронных источников, а также по более поздним описаниям этого типа жилища, сохранявшегося у некоторых групп поздних кочевников. Назовем это жилище (рис. 6, 10) шалашом хуннского типа.

Рисуя образ жизни хунну, один из китайских сановников в конце I в. отмечал, что у них «сплетенная ива служит домом, войлочная циновка служит крышей»²⁴. Интересно в этом отношении и свидетельство китайской поэтессы Цай Вэнь-цзи, жившей среди хунну во II в. Она писала в своем стихотворении, что живет в куполообразном шалаше (*цюнлу*) с плетеными (*лань-тань*) стенами²⁵.

Уникальный рисунок жилища такого типа сохранился среди петроглифов, изображающих поселок рубежа нашей эры на известной Боярской писанице в Минусинской котловине (рис. 2). Здесь мы видим в конце ряда срубных построек юртообразное жилище со слегка конусовидным остовом и куполообразным верхом, переходящим в короткую и широкую шейку-дымоход. На остовах видны четкие ряды горизонтальных

²¹ Там же.

²² Геродот, IV, 73.

²³ См. С. И. Вайнштейн, Памятники скифского времени в Западной Туве, «Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы, истории», вып. III, Кызыл, 1955, стр. 82—87.

²⁴ «Материалы по истории сюнну», М., 1973, Примечание 147 на стр. 142.

²⁵ Го Мо-жо, Цай Вэнь-цзи, Пекин, 1959 (на кит. яз.). Перевод и разъяснение терминов сделаны по моей просьбе М. В. Крюковым, за что приношу ему глубокую благодарность.

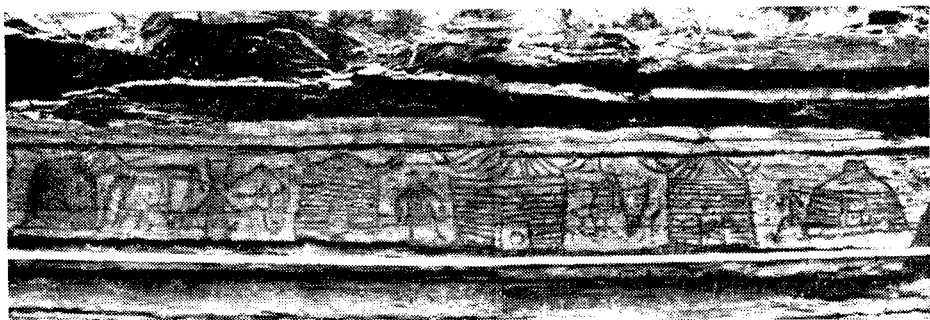


Рис. 2. Фрагмент Малой Боярской писаницы (Минусинская котловина)

полос, которые, очевидно, изображают волосяные веревки, стягивающие остов, сплетенный из ивовых веток. Верхняя часть жилища, по-видимому, покрыта войлоком, скрывающим детали конструкции. По поводу конструкции этого жилища высказывались различные точки зрения. Хотя М. П. Грязнов был прав, отказываясь считать его «войлочной юртой»²⁶, но нельзя согласиться с ним, что это жилище не могло принадлежать кочевникам, так как, по его мнению, в одном поселке не могли находиться постройки оседлого и кочевого населения. Но есть основания полагать, что уже в древности на зимниках у кочевников могли быть наряду с переносными и оседлые постройки.

Следует отметить, что хотя хуннуский тип древнего кочевнического шалаша с полусферическим плетеным остовом и короткой широкой шейкой на куполе не сохранился, но юртообразные постройки с плетеным остовом или его частями были известны у многих народов еще в недавнем прошлом. Жилище с плетеным остовом было, например, у дагестанских кумыков²⁷, а отдельные плетеные детали юрты использовались рядом народов Средней Азии, в том числе джемшидами, у которых еще в XIX в. дверь плелась из ивы²⁸.

Наиболее важный этап развития кочевнического жилища заключался в переходе к разборно-складному решетчатому остову стен жилища. Изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н. э. и связано с древнетюркской средой. Это было одним из весьма крупных достижений культуры кочевников, знаменовавших переход от раннекочевнического к позднекочевническому этапу ее развития. Назовем такое жилище (рис. 3; 6, 14—17) юртой древнетюркского типа.

Преимущества юрты по сравнению с другими типами жилища кочевников степей очевидны. Она не нуждается в транспортировке в громоздких повозках, ее можно было быстро собрать и разобрать, сравнительно легко перевезти выюком в малодоступные ранее места, включая горные пастбища, к которым вели лишь узкие тропы. Размеры юрты зависели от количества звеньев решетки и могли быть весьма большими, не делая ее из-за этого значительно менее транспортабельной. Юрта имела лишь один существенный недостаток сравнительно с предшествующими типами жилищ степных кочевников: ее остов нельзя было изготовлять, как прежде, в каждом кочевом хозяйстве. Изготовление решеток было доступно лишь особым мастерам-ремесленникам. Даже в конце XIX—

²⁶ См. М. П. Грязнов, Боярская писаница, «Проблемы истории материальной культуры», М., 1933, № 7—8, стр. 41—45.

²⁷ С. Ш. Гаджиева, Народное жилище каякентских кумыков, «Сов. этнография», 1953, № 3, стр. 88.

²⁸ Музей антропологии и этнографии, колл. № 4035—45. См. также Э. Г. Гафферберг, Жилище джемшидов Кушкского района (к истории жилища кочевников), «Сов. этнография», 1948, № 4, стр. 129.

начале XX в. из-за дороговизны решеток семьи многих обездоленных кочевников-бедняков не имели юрты. Например, у тувинцев и алтайцев все богатые скотоводы жили в юртах, в то время как значительная часть бедняков довольствовалась чумами.

Еще с середины I тысячелетия юрта распространилась у кочевников степей очень широко — от Восточной Азии до Восточной Европы. Лишь у кочевых скотоводов к югу от Великого пояса степей юрта не стала преобладающим типом жилища. Здесь у кочевников продолжали господствовать шатер и палатка²⁹. Юрта получила распространение почти исключительно у тюрко-монгольских народов. Ираноязычные кочевники Евразии в процессе тюркизации восприняли юрту; однако любопытно, что, например, в Афганистане (как и в других районах Азии) исконно ираноязычные скотоводы-кочевники не знают юрты, в отличие от живущих здесь же тюркоязычных соседей — кочевых узбеков и туркмен, а также хазара и джемшидов — иранизированных тюрко-монгольских по происхождению групп.

С тюрками в период их экспансии новый тип жилища проник в Китай, где древнетюркская юрта использовалась еще в 630 г.³⁰

В стихотворениях китайского поэта Бо Цзюй-и (772—846 гг.) воссоздан поэтический образ юрты, который вместе с тем дает представление о ее конструкции. Поэт также подтверждает, что юрта пришла в Китай от северных кочевников-тюрков. Из этого стихотворения следует, что ее решетчатый остов сделан из ивы, а войлок, который покрывал юрту, при необходимости скатывали³¹, как это поныне делают кочевники, обнажая решетчатый остов жилища. Купол ее крыши был заострен посередине³².

Не позднее 756 г. выполнен рисунок юрты на лаковой чашечке из г. Нара (Япония), обнаруженной в сокровищнице Сёсоин (рис. 3, а). На рисунке хорошо видна решетка, с внешней стороны покрытая циновками (обычай, сохранившийся у многих кочевых народов степей и до наших дней), за которыми скрыто острие над куполом³³. А. фон Габен полагает, что юрты с округлым куполом появляются уже в XI—XII вв. Свой вывод она основывает на относящихся к этому времени турфанских свидетельствах об округлых хижинах с купольным верхом³⁴. Однако из них отнюдь не следует, что у этих хижин был решетчатый остов.

«Тюркская юрта» (так ее именовали средневековые арабские и собственно тюркские источники, в последних — *тюрк эви*) проникла, по-видимому, еще в конце I тысячелетия к степным племенам Средней Азии, в частности к огузам³⁵. Так, например, Ибн-Фадлан говорит о встреченных им у кочевников «тюркских куполообразных домах» (*куббати биут тюркиа*) из шерсти и войлока³⁶.

²⁹ C. G. Feilberg, *La tente noire*, København, 1944.

³⁰ Liu Mau-Tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe)*, Wiesbaden, 1958, Bd. I, S. 470.

³¹ В переводе Лю Мао-Цзая: «Завеса остается изо дня в день скатанной» (Там же).

³² Там же, стр. 471, 472. Прекрасный в художественном отношении перевод стихотворения на русский язык по подстрочнику Лю Мао-Цзая опубликован Л. Н. Гумилевым в его кн. «Древние тюрки» (М., 1967, стр. 72), но с весьма существенными фактическими неточностями. По Бо Цзюй-и юрта «имеет крышу с острием в середине», однако у Гумилева эта строка осталась не упомянутой. Бо Цзюй-и пишет: «Сотни колец соединены». Л. Н. Гумилев переводит: «Сотни две сковали мне колец», но это неверно, так как речь идет не о кованых кольцах, а о поэтическом образе решетки.

³³ W. Speiser, *China. Geist und Gesellschaft*, Baden-Baden, 1959, S. 158. Детальный анализ рисунка этого жилища дает А. фон Габен: A. von Gabain, *Frühe Zeugen der Scherengitter-Jürte*, «Studia Turcica», Budapest, 1971, S. 169—173.

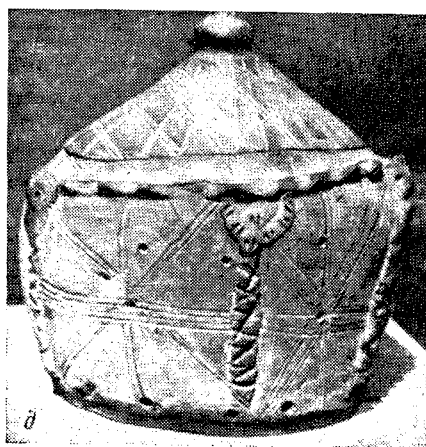
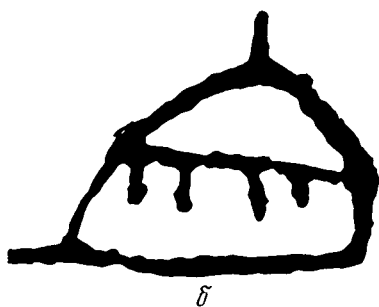
³⁴ A. von Gabain, Указ. раб., стр. 173, рис. 1—3.

³⁵ С. Г. Агаджанов, Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв., в кн.: «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 184.

³⁶ А. Н. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу, Харьков, 1956, л. 199 об., 207а.



Рис. 3. Юрты древнетюркского типа:
 а — рисунок на лаковой чашечке (Япония, не позднее 756 г.); б — фрагмент петроглифа (Монголия); в — фрагмент персидской миниатюры 1315 г.; г — юрта хазарейцев, вид сзади (XX в.); д — глиняный зороастрийский оссуарий, вид сзади (Гос. музей истории культуры и искусства Узбекской ССР им. А. Икрамова, Самарканд), вторая половина I тыс.



Средневековые источники, рисующие огузов IX—XIII вв., характеризуют их юрту как жилище, крытое войлоком, с деревянным решетчатым остовом.

Наряду с юртами жилищами служили чумы шатыр (чашыр) и алячк и палатки из различных покрытий и деревянных опор. Часть огузов устанавливала свои жилища при перекочевках на телеги³⁷.

Древнетюркский тип юрты с цилиндрическим остовом и куполом, в центре которого над дымовым отверстием имелся конус из перегнутых планок, дожил до наших дней. Жилище этого типа, обнаруженное у афганских хазарейцев (рис. 3, г; 6, 17, 17а), было впервые описано Э. Г. Гафферберг³⁸. Она сопоставила его с юртами Эджен-хоро (так называемой усыпальницы Чингисхана) в Ордосе³⁹ (рис. 6, 16) и высказала предположение о сходстве их конструкции. При этом Э. Г. Гафферберг сочла возможным рассматривать юрты Эджен-хоро как «по-видимому, старинную форму юрты, сохранившуюся с очень старых времен, возможно даже со времени Чингизхана»⁴⁰. Однако в литературе вопрос о принадлежности реликвий Эджен-хоро к эпохе великого монгольского завоевателя ставился под сомнение. Отмечалось, что прежние реликвии были сожжены еще в XIX в.⁴¹, что большая часть сохранившихся реликвий к эпохе Чингисхана отнесена быть не может⁴². Однако, судя по фотографиям юрт Эджен-хоро, они вполне могли существовать у монголов в XIII в., так как в древнетюркской среде такой тип распространился еще в середине I тысячелетия, а у монголов, судя по рисунку юрты на изображении процессии монгольского двора на персидской миниатюре, датированной 1315 г., он был известен и в начале XIV в. (рис. 3, в)⁴³. Что же касается юрты хазарейцев, то она может быть сопоставлена с зороастрийским оссуарием из Самаркандского музея (рис. 3, д)⁴⁴, который датируется второй половиной I тысячелетия. Судя по форме этого уникального оссуария с коническим куполом, заостренным посредине, и символическим рисункам крупной решетки на стенах, он изображает юрту древнетюркского типа⁴⁵. Попутно хотелось бы отметить чрезвычайно любопытный факт: на задней стене юрты хазарейцев нашита орнаментированная полоса, идущая вертикально от ее основания до кровли, как бы изображая своеобразную кариатиду с раскинутыми и поднятыми вверх руками⁴⁶. Совершенно аналогичную орнаментальную полосу мы видим на задней стенке оссуария — «юрты».

Есть все основания предполагать в хазарейской юрте не только реликт жилища монголов XIII в., но и более архаичного жилища — древ-

³⁷ С. Г. Агаджанов, Указ. раб., стр. 185.

³⁸ Э. Г. Гафферберг, Хазарейская юрта ханаи хырга, «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIV, М.-Л., 1953.

³⁹ Г. Н. Потанин, Поминки по Чингис-хане, «Изв. Русского географического о-ва», т. XXI, 1885.

⁴⁰ Э. Г. Гафферберг, Хазарейская юрта ханаи хырга, стр. 91.

⁴¹ Ц. Жамцарано, Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг., «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», Серия II, № 2, Спб., 1913.

⁴² С. Д. Дылыков, Эджен-хоро, в кн.: «Философия и история монгольских народов», М., 1958.

⁴³ F. R. Martin, The miniature paintings and painters of Persia, India, and Turkey from the 8th to the 18th century, vol. II, London, 1912, pl. 43.

⁴⁴ Гос. музей истории культуры и искусства Узбекской ССР им. А. Икрамова, coll. A-403-1 (КП—1779). Дирекция музея предоставила мне приведенную в статье фотографию оссуария; пользуюсь случаем выразить за это глубокую благодарность.

⁴⁵ В разных районах Средней Азии, Казахстана, Болгарии было найдено несколько оссуариев, имеющих юртообразную форму. См., например, Т. Н. Сенигова, Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.), в кн.: «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 54. рис. 1—7; Ж. Н. Выжарова, Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность, «Сов. археология», 1968, № 3 и др. Однако в какой мере они изображают юрту, т. е. жилище с цилиндрическим решетчатым остовом, неясно, так как решетка на стенах не изображалась.

⁴⁶ Э. Г. Гафферберг, Хазарейская юрта ханаи хырга, рис. 13.

нетюркской юрты. Сопоставляя имеющиеся материалы, можно сделать вывод, что у древнетюркской юрты решетки стен были сделаны из ивовых палочек (решетки, вероятно, нередко устанавливали в два ряда — одну над другой, увеличивая тем самым высоту стен); коническую или полусферическую крышу делали из прямых или выгнутых жердей, низ которых скреплялся с решеткой остова, а верх — с обручем дымового отверстия; с ним же скреплялись концы перегнутых и связанных сверху планок, создававших впечатление своеобразного заострения купола (подобно конструкции хазарейской юрты, см. рис. 6, 17 а). По всей вероятности, изображения юрт древнетюркского типа сохранились среди петроглифов Ульзит-сомона в Монголии. В центре куполов юртообразных жилищ мы видим узкие возвышения, а с верхнего края остова как бы свисают короткие веревки для подвязывания приподнятых войлочных покрышек (рис. 3, б). Опубликовавшие эти рисунки Д. Дорш и Э. А. Новгородова вряд ли правы, утверждая, что это жилища «на пяти подпорках с островерхой крышей и торчащей из нее трубой»⁴⁷.

У других народов юрты, подобные хазарейской, не описаны, но, судя по фотографии жилища алтайских найманов, опубликованной А. Н. Самойловичем, оно также имело конусовидный купол, завершавшийся островерхим перекрытием дымового отверстия⁴⁸. Возможно, что подобный тип жилища сохранился и у некоторых других народов, его выявление представило бы значительный интерес.

Какой же тип жилища мог послужить прототипом древнетюркской юрты? Н. Н. Харузин считал таковым модифицированный чум, у которого верхние концы жердей надломаны, образуя внизу вертикальный цилиндрический остов, а вверху конус. Как пример Харузин приводил шалаш чулымских тюрок, описанный в XVIII в. Палласом. Далее, считал Харузин, был совершен переход от надламывания жердей к привязыванию их к кольям остова, пример чему он видел в шалаше алтайцев, описанном В. Радловым⁴⁹. Близки Н. Н. Харузину и точки зрения ряда других исследователей, в частности Э. Г. Гафферберг, которая рассматривала в качестве прототипа юрты шалаш джемшидов, остов которого состоял из цилиндрической стены, образованной из вертикально вбитых в землю кольев, и крыши — пологого конуса из деревянных же, более тонких, жердей. Последние внизу привязаны к кольям, а вверху связаны вместе⁵⁰. Б. Х. Кармышева высказала любопытную точку зрения о том, что исходной формой «тюркской юрты» является тип жилища, характерный для карлуков — «карлукская юрта», остов которой состоит из жердей, согнутых в дугу⁵¹. Как мы отметили выше, шалаш из согнутых дуг был скорее прототипом плетеного шалаша хуннского типа.

Вместе с тем следует иметь в виду, что некоторые современные юртообразные постройки, которые Н. Н. Харузин и некоторые другие авторы рассматривали как прототип юрты, в действительности не только не были таковыми, но, напротив, сами возникли под ее влиянием после ее распространения и укоренения в быту кочевников. Известно, что у кочевых народов описаны юртообразные жилища без решетчатых остовов — сооружения, в которых стремились приблизить форму к привычному облику юрты. Так, у ряда народов, переходивших к оседлости, были широко распространены многоугольные срубы, генетическая связь которых с юртой бесспорна. Бедняки у сагайцев заменяли решетчатые остовы в

⁴⁷ Д. Дорш, Э. А. Новгородова, Петроглифы Монголии, Улан-Батор, 1975, стр. 32.

⁴⁸ А. Н. Самойлович, Казахи Кошагачского аймака Ойротской автономной области, в кн.: «Казахи», Л., 1930, рис. 3.

⁴⁹ Н. Харузин, Указ. раб., стр. 22, 23.

⁵⁰ Э. Г. Гафферберг, Жилище джемшидов Кушкинского района (к истории жилища кочевников).

⁵¹ Б. Х. Кармышева, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Известия Отделения общественных наук Таджикской ССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 23.



Рис. 4. Жилища половцев: а, б — миниатюры Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи; в — реконструкция остова половецкого наземного шалаша (все реконструкции в данной статье выполнены автором, подготовлены к печати художницей М. Р. Семашкевич)

своих жилищах кольями и досками⁵², а кызыльцы для этой же цели применяли поставленный по кругу плетень⁵³, заимствованный у русских. Подобным же образом в лесостепных районах могли видоизменяться и конические шалашы (надламывали жерди, привязывали жерди к кольям и т. п.). Несомненно, что за длительное время, прошедшее после изобретения древнетюркской юрты, могли сложиться новые типы жилищ, которые создавали кочевники-бедняки. Хотя они были гораздо менее удобными, но сравнительно более простыми по конструкции и доступными для изготовления в условиях домашнего производства любой кочевой семьи. Таковыми, по всей вероятности, были отмеченные выше и шалашы чулымских тюрков и джемшидов.

Есть все основания считать прототипом юрты описанный выше хунуский тип жилища кочевников — полусферический шалаш с плетеным остовом. Переходной формой должно было стать жилище, конструкция которого состояла бы из цилиндрических плетеных стен и крыши из выгнутых или прямых жердей, низ которых скреплялся со стенами, а верх был связан. Такие переходные типы жилища не дожили до наших дней, однако их существование в прошлом более чем вероятно. Возможно, что одна из разновидностей этого типа жилищ сохранилась спустя века в жилище половцев, запечатленном на миниатюре Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи⁵⁴. Здесь наряду с кибитками на повозках — знаменитые вежи половцев (рис. 4) мы видим на втором плане (рис. 4, а) наземное жилище, имеющее, по всей вероятности, остов из цилиндрических плетеных стен, конической крыши из жердей, завершающейся дымовым кругом со сферическим перекрытием из согнутых планок⁵⁵.

⁵² А. А. Попов, Указ. раб., табл. 16, рис. 3.

⁵³ Там же, табл. 17, рис. 2.

⁵⁴ «Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись», т. I (фототехническое воспроизведение рукописи), Спб., 1902, рис. на л. 232 об., 237 об., 242 об.

⁵⁵ Л. Г. Нечаева (Указ. раб., стр. 37) полагает, что здесь изображен «шаровидный предмет», которым закрывалась труба. Но трудно представить себе, что люди регулярно забирались на верх жилища, чтобы закрывать трубу таким предметом. Этнография не знает подобных приспособлений. Перекрытие дымового круга здесь без труда могло покрываться войлочной накидкой, как это делается на юртах:

Возникнув в середине I тысячелетия, древнетюркская юрта как узко-специализированная форма претерпела в последующие века сравнительно небольшие изменения, однако они несмотря на несомненный интерес оставались почти совершенно неизученными.

Дальнейшая эволюция форм юрты с XIII в. была в значительной мере связана с развитием материальной культуры в мире монгольских кочевников и подчиненных им народов.

Среди источников для характеристики жизни монголов этого времени важное место занимает «Сокровенное сказание», или «Секретная история монголов», написанная в 1240 г.⁵⁶ Мы находим здесь упоминание нескольких типов жилищ: 1) неразборного жилища на телегах; 2) войлочной разборной решетчатой юрты; 3) дворцового жилища; 4) чума; 5) шалаша из ветвей. Упомянуты также крытые повозки.

Повозки для жилищ именуются *кер* (*гэр*) *теркен*⁵⁷. Яркое описание монгольских жилищ на повозках дано Рубруком⁵⁸. Для юрты в одном случае встречается название *чорган кер*⁵⁹, которое Козин переводит как «крутоверхие юрты»⁶⁰. Может быть дан другой перевод: «островерхие юрты», предлагая который я исхожу из монгольского шор — «вертел», «заостренная палочка». Название дворцового жилища *ордо кер*⁶¹ разъясняется из монгольского *орд*⁶².

Чум *алачуг*⁶³ упоминается лишь один раз в «Сокровенном сказании» как жилище табунщиков. Козин переводит алачуг как шалаш⁶⁴; мне думается, что речь идет о коническом шалаше с остовом из жердей, т. е. о чуме. Слово это не монгольское, а тюркское. У тюрков Северной Азии — соседей монголов — этим словом обозначается чум. Наконец, в «Сокровенном сказании» упоминается шалаш *ембулле*⁶⁵, а также жилище из ивовых веток — *бургасун кер*⁶⁶.

Для истории кочевого жилища представляют интерес и другие названия жилищ в «Сокровенном сказании». У тангутов жилище названо *терме гер*⁶⁷. *Терме* в современном монгольском языке означает «решетка»⁶⁸. *Терме* — название для решетки юрты у западных монголов, и в древней форме *терме*, *тербе* сохранилось у тувинцев, алтайцев, юраков и некоторых других народов. Между тем применительно к жилищу собственно монголов в «Сокровенном сказании» ни разу не употреблено подобное название⁶⁹.

⁵⁶ С. А. Козин, Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 г. ..., т. I, М., 1941 (далее — ССК).

⁵⁷ ССК, § 232. В «Сокровенном сказании» упоминается также термин *qara'utai tergen* (ССК, § 6), который С. А. Козин переводит как «крытый возок»; близкий ему термин в летописи «Алтан тобчи» (содержащей более поздний пересказ «Сокровенного сказания») *qarqidaï tergen* Н. П. Шастина переводит — «повозка с козырьком» или «повозка с навесом» (Лубсан Данзан, Алтан тобчи, М., 1973, прим. 18 на стр. 306).

⁵⁸ В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, в кн.: «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 91—92.

⁵⁹ ССК, § 115, Н. П. Шастина переводит этот термин в «Алтан тобчи» — «юрта, имеющая выступающую верхнюю часть» (Лубсан Данзан, Указ. раб., прим. 43 на стр. 329).

⁶⁰ ССК, § 105.

⁶¹ ССК, § 232.

⁶² В современном монгольском языке *орд*, *ордон* — дворец («Монгольско-русский словарь», М., 1957, стр. 304). Чан-чунь, посетивший монголов в XIII в., писал: «орда, по-нашему сказать, — походный дворец» (см. В. В. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 45).

⁶³ ССК, § 118.

⁶⁴ ССК, стр. 106.

⁶⁵ ССК, § 24.

⁶⁶ ССК, § 103. Речь, судя по контексту памятника, идет, несомненно, о шалаше, а не о юрте.

⁶⁷ ССК, § 265, 266.

⁶⁸ К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 60, М.—Л., 1960, стр. 184.

⁶⁹ В «Сокровенном сказании» в похвале гвардии Чингисхана его жилище носит название *siltesutai k'er* (ССК, § 230). С. А. Козин это название переводит в трех разных

С. А. Козин переводит термин *терме кер* как «решетчатая юрта»⁷⁰, Н. П. Шастина — как «юрта с острой (конической) верхушкой»⁷¹. Для кочевых тангутов основным жилищем служит войлочная палатка⁷².

Отметим, что «Сокровенное сказание» не только не дает общего термина для решетчатой юрты монголов, но и не содержит определенного названия дымового круга юрты, ее верхнего отверстия. Мы не встречаем в монгольской хронике ни позднейшего западно-монгольского названия дымового круга *хараача*, ни термина *тоно*, характерного для современных халха-монголов. Юрты названы здесь также *орукетий кер*⁷³, т. е. «имеющие верхнее отверстие», вероятно, в отличие от неразборных жилищ на повозках, увенчанных сверху трубой-шейкой.

Если о жилищах тюрко-монгольских кочевников до XIII в. мы можем судить главным образом на основании косвенных свидетельств, то развитие юрты в последующие столетия освещено значительно более широким кругом источников.

Важным источником для суждения о жилищах монголов XIII в. служат свидетельства европейских и китайских путешественников. Последние, к сожалению, для разработки этой проблемы почти не привлекались. Китайские послы Пэн Да-я и Сюй Тин побывали у степных монголов ранее европейских путешественников — в 30-х годах XIII в. Они обратили внимание на неразборные жилища на повозках (ср. «Сокровенное сказание» *кер теркен*). Эти жилища имели круглые стены, сплетенные из ивовых прутьев и обвязанные волосяными веревками. Их покрывали войлоком. Повозки тащили быки, лошади или верблюды⁷⁴. Дополняя эти сведения наблюдениями Рубрука, можно сделать вывод, что верхняя часть каркаса жилища завершалась кругом «в виде маленького колеса», над которым возвышалась «шейка наподобие печной трубы»⁷⁵. Жилища-повозки достигали огромных размеров, отдельные повозки с жилищами тащили десятки быков⁷⁶. Согласно Рубруку, во время стоянок такое жилище снималось с повозки и устанавливалось на земле. Оно обычно стояло между двумя рядами повозок, на которых были установлены сплетенные из прутьев и крытые войлоком ящики с имуществом⁷⁷. Рисунок, относящийся, по всей вероятности, к монгольскому времени и изображающий такое неразборное жилище с шейкой, стоящее между повозок с «ящиками», был найден на горе Манхай в Прибайкалье и подробно описан А. П. Окладниковым (рис. 6, 12)⁷⁸.

Эти неразборные монгольские жилища на повозках (рис. 6, 13) со-

местах указанной работы по-разному: сетчатая юрта (стр. 171), решетчатая юрта (стр. 172), плетеная юрта (стр. 603).

⁷⁰ ССК, стр. 190.

⁷¹ Лубсан Данзан, Указ. раб., стр. 237 (Н. П. Шастина ссылается на глоссу *begm-e-tei ger*).

⁷² Н. М. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, М., 1946, стр. 224.

⁷³ ССК, § 230.

⁷⁴ «Краткие сведения о черных татарах Пэн Да-я и Сюй Тина. Публикация Лань Кюн-и и Н. Ц. Мункуева», «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 137, 138.

⁷⁵ В. Рубрук, Указ. раб., стр. 91.

⁷⁶ В. Рубрук, Указ. раб., стр. 91. Г. Юл — английский комментатор путешествия Марко Поло — предложил, на наш взгляд, наиболее близкую к действительным формам реконструкцию монгольского жилища на повозках (см. H. Yule, The book of ser Marco Polo, London, 1903, vol. I, p. 255, pict.). Неоднократно высказывалось мнение, что характерные для половецких вежей дымоходы в виде длинных и узких рукавов аналогичны монгольским жилищам с шейкой, описанным Рубруком (см., например: С. А. Плетнева, Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, М.—Л., 1958, стр. 200). Из изложенного выше очевидно, что для такого вывода нет достаточных оснований.

⁷⁷ В. Рубрук, Указ. раб., стр. 92.

⁷⁸ А. П. Окладников, Археологические данные о появлении первых монголов, в кн.: «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 208—210; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская, Ленские писаницы, М.—Л., 1959, стр. 137, 138, рис. 65.

храняли, вероятно, конструкцию шалашей хуннского типа, распространяющуюся у кочевников еще в конце I тысячелетия до н. э.

Но уже с 30-х годов XIII в. монголы несомненно знали и разборную решетчатую юрту. Доказательством появления у монголов такой юрты служат сведения, приводимые как китайскими, так и европейскими путешественниками. Особенно интересны в этом отношении свидетельства Пэн Да-я и Сюй Тина. Они пишут, что у монголов «куполообразные хижины бывают двух видов» и указывают, что наряду с неразборными жилищами на повозках были жилища, у которых каркас «сворачивается и разворачивается». Он сделан из ивовых прутьев и «совершенно похож на сито». Его «верх (изнутри) похож на каркас зонта». Вверху имеется отверстие. Юрта покрывается войлоком. А при перевозке транспортируется выюком на лошадях⁷⁹. Эти сведения дополняются наблюдениями Плано Карпини, из которых следует, что двери делались из войлока, а круглое отверстие вверху жилища служило источником света и дымоходом⁸⁰. Из свидетельств другого китайского путешественника Чан Чуня можно сделать вывод, что разборные юрты монголы предпочитали покрывать, как и много позднее, белым войлоком⁸¹.

Решетчатая разборная юрта получила распространение у монголов, будучи, вероятно, заимствованной ими у тюрков⁸². О позднем заимствовании решетчатой юрты монголами, помимо указанных выше соображений, косвенно свидетельствует сообщение Сюй Тина о том, что во время его пребывания среди черных татар решетчатые юрты делали для них в Яньцзине (Пекин), сами же они умели делать лишь неразборные жилища. Он писал: «В тех (шатрах), которые изготавливаются в степях, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. (Они) не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках»⁸³. В этом сообщении нет ничего неожиданного, если учесть, что китайцы познакомились с решетчатой юртой древних тюрков еще в VII в., причем она приобрела в Китае известную популярность. Изготовление решеток юрты требовало высоких навыков. Нельзя не учитывать и того, что еще в XIII в. в значительной части монголы были лесными племенами⁸⁴. Позднее, овладев секретом изготовления таких решеток, монгольские мастера делали их на продажу. По свидетельству Радлова, в середине XIX в. хорошие решетчатые остовы юрт на Алтае были монгольского производства⁸⁵.

Для суждения о развитии форм юрты у евразийских кочевников со второй половины XIII в. могут быть использованы их изображения на персидских миниатюрах и китайских рисунках. Есть все основания полагать, что монгольские ханы и подражавшая им высшая монгольская аристократия на всем пространстве подвластных им земель жили в юртах сходной конструкции. Изменения в устройстве ханских юрт быстро заимствовались высшей знатью. Поэтому изучение изменения форм юрт монгольских ханов и кочевой аристократии в XIII—XVI вв. представляет значительный интерес для сравнительно-типологического исследования истории жилища кочевников в это время.

⁷⁹ «Краткие сведения о черных татарах...», стр. 138.

⁸⁰ Плано Карпини, История монголов, «Путешествия в восточные страны...», стр. 27.

⁸¹ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 287, 288.

⁸² Сделанный мною в 1969 г. вывод о том, что монголы заимствовали юрту у тюрков (см. С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, стр. 32) разделяется ныне и другими исследователями. См., например, Л. Р. Кызласов, Ранние монголы, в кн.: «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века», Новосибирск, 1975, стр. 173.

⁸³ «Краткие сведения о черных татарах...», стр. 138.

⁸⁴ В. Владимиров, Указ. раб., стр. 45; Рашид ад-Дин, Указ. раб., т. I, стр. 123.

⁸⁵ W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, Leipzig, 1884, S. 268, 269.

На персидской миниатюре, относящейся к началу XIV в. (1315 г.), изображающей процессию монгольского двора, мы видим юрту древнетюркского типа с островерхим куполом. На рисунке показана высокая юрта, у основания купола которой часть остова прикрыта не войлоком, а какой-то иной, более легкой декоративной тканью (рис. 3, в; 6, 15). Возможно, что стены юрты имели два ряда решеток, благодаря чему достигалась ее сравнительно большая высота.

Следовательно, можно полагать, что и ранее, в XIII в., монгольские ханы, в том числе Чингисхан, пользовались юртами древнетюркского типа. По всей вероятности, форма юрты монгольского завоевателя была близка той, которая сохранилась среди жилищ упомянутой выше так называемой «усыпальницы Чингисхана» в Эджен-хоро.

В XIV — начале XV в. в конструкции купола юрты происходят изменения. Заостренное перекрытие дымового отверстия на куполе юрты становится уже нехарактерным для жилищ кочевников, особенно их аристократии. Появляются новые типы юрт, в том числе высокие и вместительные жилища кочевой знати. На рисунках на свитке минского времени (XIV—XVII вв.) с описанием путешествия китайки Цай Вэнь-цзи к гуннам анонимный художник изобразил с большим мастерством и точностью быт современных ему монголов-кочевников (рис. 5, а, б) и в том числе два типа юрт (рис. 5, а)⁸⁶. Слева — жилище, принадлежавшее, вероятно, рядовому кочевнику; оно имеет решетчатый цилиндрический остов и конический купол — «монгольская» юрта по современной терминологии (ее реконструкция: рис. 6, 22, 23). Справа — жилище хана: юрта трехъярусная с решетчатым цилиндрическим остовом стен и округлым куполом, над которым поднимается высокий сферический купол меньшего диаметра (ее реконструкция: рис. 6, 20, 21). Подобные жилища изображены и на других рисунках (рис. 5, в)⁸⁷. В куполе трехъярусной юрты этого типа мы видим отверстие для света и вентиляции, но сделано оно не в середине купола, а несколько вынесено вперед. Решетчатые стены юрты покрывались циновками, летом сверху еще декоративной тканью, а зимой войлоком. Ткань и войлок можно было закатывать вверх. У входа иногда сооружали высокий парадный полог, опирающийся на столбы. Последний тип юрты (мы называем его позднемонгольским — рис. 6, 20, 21), ныне не известный ни одному из кочевнических народов, получил распространение, вероятно, лишь в конце XV в. Близкое по конструкции, но типологически несколько более раннее, жилище находим на персидском рисунке, изображающем Тимура на троне (1467)⁸⁸. Оно также имеет округлый купол, над которым возвышается второй сферический купол. С последнего частично приподнята войлочная крышка, благодаря чему становится понятной его конструкция, состоящая из высоких перекрещивающихся полукруглых дуг, возвышающихся над широким дымовым отверстием (ее реконструкция: рис. 6, 18, 19). Любопытно, что в этом типе юрты по традиции купол еще увенчан небольшим острием, но оно уже не связано с характером конструкции дымового круга, а несет, по-видимому, только декоративные функции (возможно, это лишь деревянный конус, укрепленный над согнутыми дугой планками дымового круга).

⁸⁶ Го Мо-жо, Указ. раб., рис. 3—7, 9, 10. Свиток хранится в Нанкинском музее.

⁸⁷ Приведенный здесь фрагмент рисунка (рис. 5, в) из частного собрания в Нью-Йорке опубликован М. Диамандом, который высказывает предположение о его датировке второй половиной XIII в. См. M. Diamond, *Mongol prototypes of Anatolian rugs of the XIV and XV centuries*, «Atti del secondo congresso internazionale di arte Turcha», Napoli, 1965, p. 61—64. Однако такая датировка представляется недостаточно аргументированной. Этот рисунок, как и аналогичный на упомянутом свитке из Нанкинского музея, иллюстрирует путешествие китайки Цай Вэнь-цзи и от последнего почти ничем не отличается. Судя по изображению юрты рисунок не мог быть выполнен ранее XV в.

⁸⁸ F. R. Martin, Указ. раб., т. II, табл. 69.

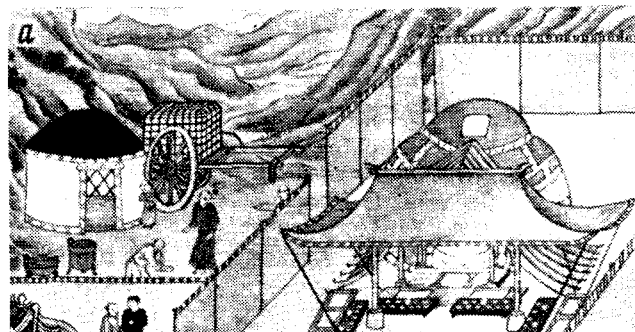
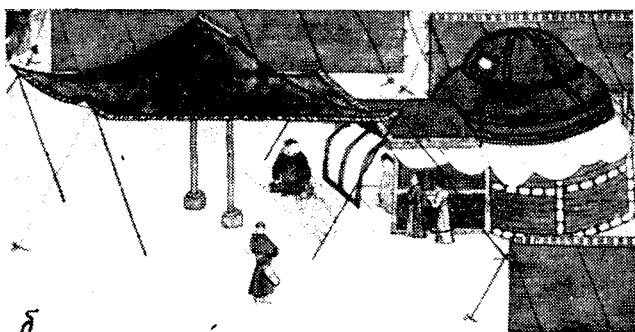
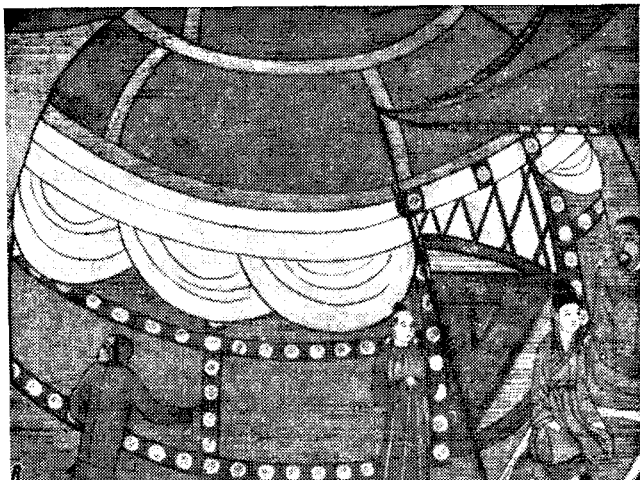


Рис. 5. Изображения юрт на китайских рисунках: а, б — фрагменты рисунков анонимного художника на свитке минского времени (Нанкинский музей, КНР); в — фрагмент рисунка из частного собрания (Нью-Йорк)

Высокий сферический купол на ханской юрте, запечатленный художником минского времени в монгольских степях, а в рисунке персидского мастера — на юрте Тимура, был прототипом позднейшего выпуклого перекрытия в юртах.

Уже в XVI в. полукруглое возвышение над куполом юрты конструктивно меняется, становится гораздо приземистее и приобретает формы, характерные для современной юрты тюркского (рис. 6, 24, 25) и монгольского (рис. 6, 27—29) типов⁸⁹. Об этом также свидетельствуют пер-

⁸⁹ Следует отметить, что в XIX — начале XX в. у ряда тюркоязычных народов (башкиры, киргизы, казахи и др.) встречались юрты как тюркского, так и монгольско-

сидские миниатюры⁹⁰. По всей вероятности, процесс изменения формы верхней части купола юрты протекал у кочевников на широких пространствах евразийских степей от Восточной Европы до Центральной Азии. Это обстоятельство позволяет нам также датировать концом XV — первой половиной XVI в. (по изображенным на нем жилищам кочевников) упомянутый выше чрезвычайно интересный в историко-этнографическом отношении анонимный китайский свиток минского времени, посвященный жизни поэтессы Цай-Вэнь-цзи.

Юрты с округлым сферическим куполом, образованным изогнутыми планками, именуемые в этнографической литературе тюркскими, исчезают у монголов, по-видимому, уже в XVI в. Возможно, что этот процесс был обусловлен большей устойчивостью монгольского типа юрты по сравнению с тюркским в условиях сильных степных ветров, столь характерных для Центральной Азии. О большей устойчивости первого пишет и Г. Н. Потанин. «Монгольская юрта» с ее коническим верхом, указывает Потанин, «по созданию самих киргизов» устойчивее тюркской и лучше выносит удары ветра⁹¹. У монголов и тех народов, которые испытали сильное влияние монгольской культуры, распространяются юрты с коническим куполом.

Для суждения о времени появления юрт монгольского типа значительный интерес представляет упомянутый выше рисунок (рис. 5, а), на котором недалеко от трехъярусной юрты показана юрта с коническим куполом, близкая по своим очертаниям к современным юртам монгольского типа, ближайшим прототипом которых ее, по всей вероятности, и можно считать. Этот рисунок позволяет сделать вывод, что оба типа юрт очевидно сосуществовали уже в конце XV в.

Итак, на основании сравнительно-типологического анализа различных источников, в том числе этнографических, письменных и археологических, мы пришли к выводу о достаточно сложном генезисе жилища кочевников степной зоны Евразии, результатом чего явилось изобретение в середине I тысячелетия н. э. чрезвычайно приспособленной к кочевому быту узкоспециализированной его формы — юрты. В середине I тысячелетия н. э. завершается формирование хозяйственно-культурного типа (ХКТ) кочевых скотоводов евразийских степей, переход от ранне-кочевнического этапа к позднему этапу этого ХКТ⁹². В области материальной культуры этот переход ознаменовали такие достижения, как изобретение и распространение юрты и наиболее приспособленных к кочеванию в степях форм утвари, жесткого седла и стремян⁹³, сыгравших важную роль в развитии транспорта и военного дела и др., а в сфере духовной культуры — появление письменности и литературы, распространение «великих религий» и др. Все это — конкретные свидетельства

го типов. У монголоязычных народов (монголов, бурят, калмыков) встречались юрты только монгольского типа.

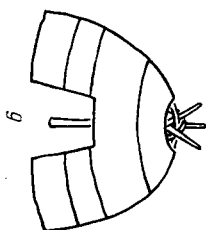
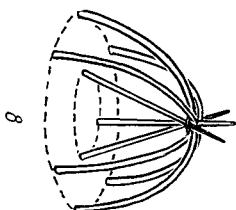
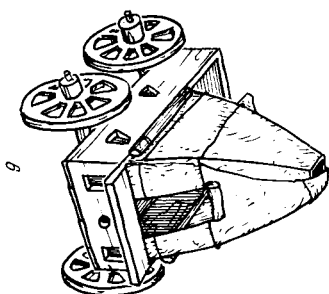
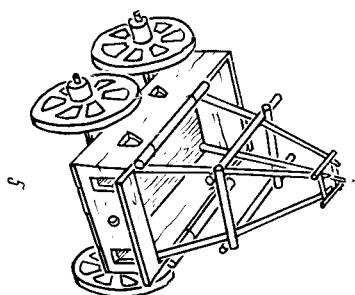
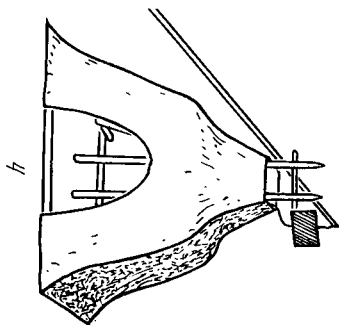
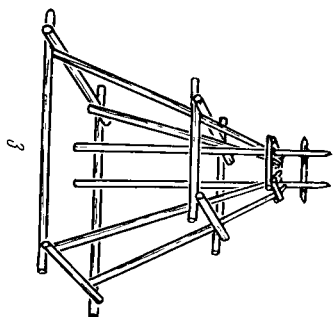
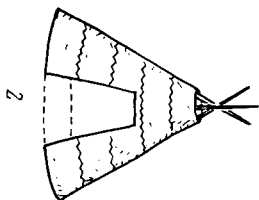
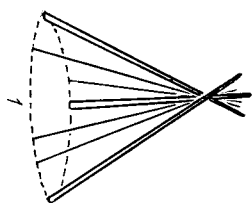
⁹⁰ Например, на одной из миниатюр, относящихся к 1539 — 1543 гг., мы видим их изображение. См.: F. R. Martin, Указ. раб., pl. 134.

⁹¹ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II, СПб., 1881, стр. 108.

⁹² Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, М., 1973. Следует сказать, что, хотя поздний этап ХКТ кочевых скотоводов евразийских степей сложился у большей части номадов этой зоны в середине I тысячелетия, но у некоторых из них, в частности у монголов, переход к нему по разным причинам произошел значительно позднее. В условиях раннего этапа ХКТ кочевых скотоводов развитие их материальной культуры в процессе ее приспособления к кочевому хозяйству и быту, а также к экологическим условиям среды обитания шло сравнительно быстрее, чем в условиях сформировавшегося ХКТ, когда уже сложились ее весьма узкоспециализированные формы и возможности их дальнейшего совершенствования были ограничены, что отражало общие закономерности развития кочевничества.

⁹³ См.: С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3; А. К. Амброз, Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (VI — VIII вв.), «Сов. археология», 1973, № 4.

I



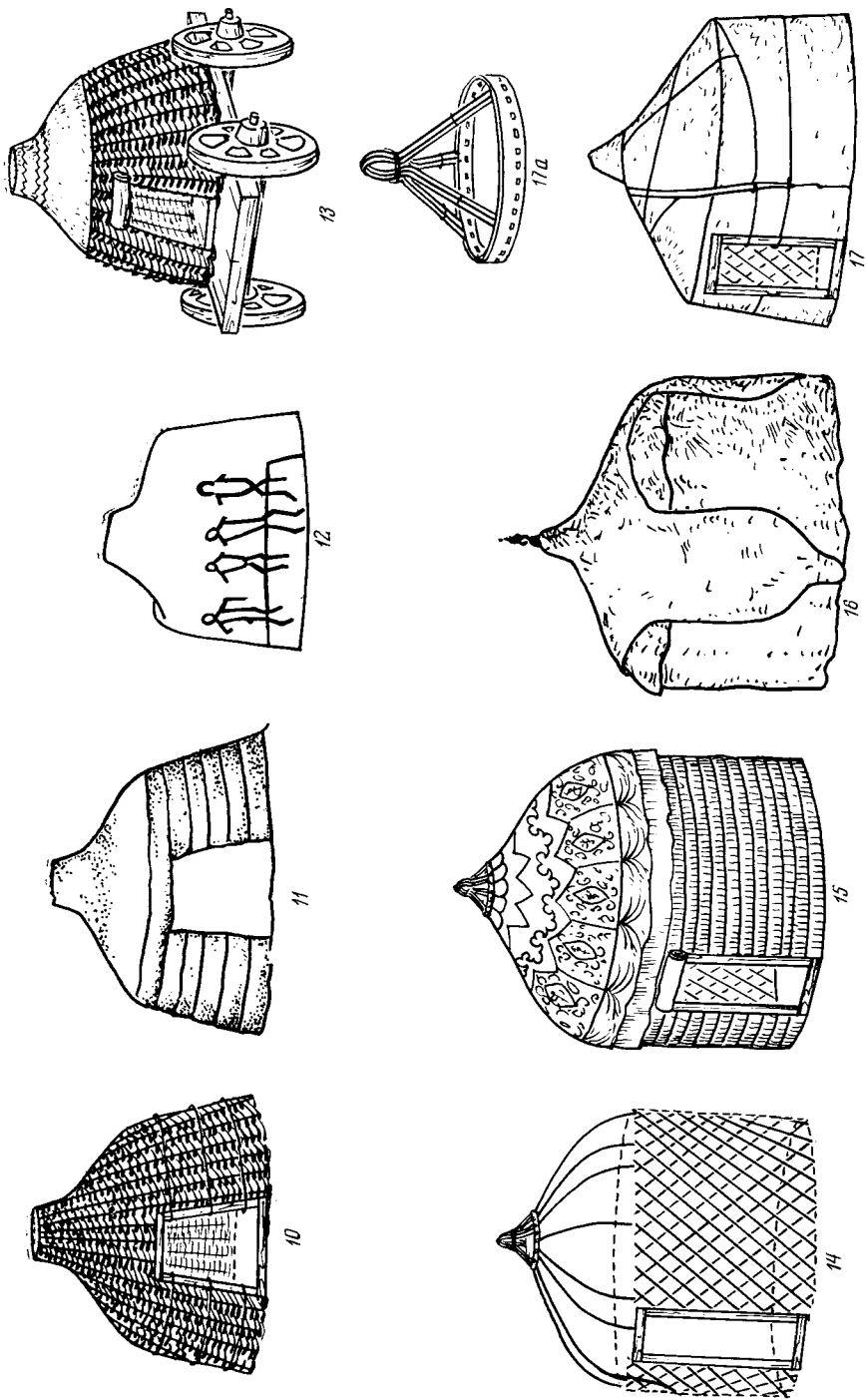
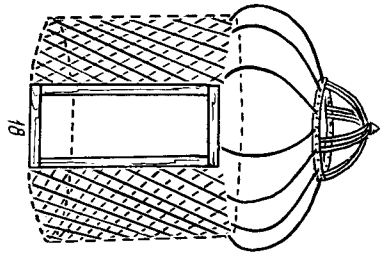
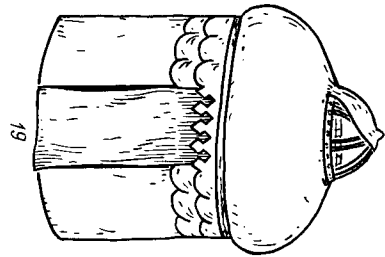


Рис. 6. Жилища кочевников степной зоны Евразии

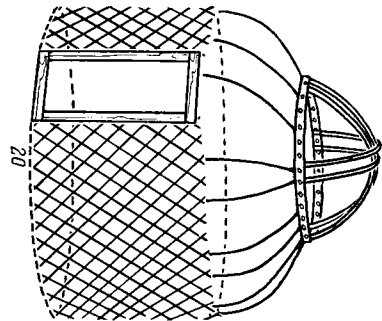
IV



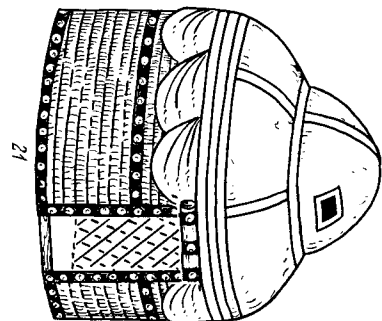
18



19

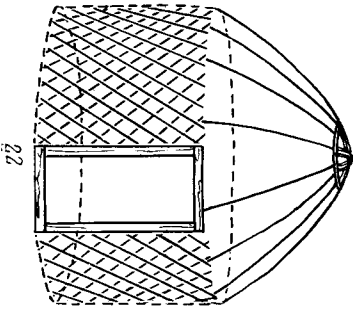


20

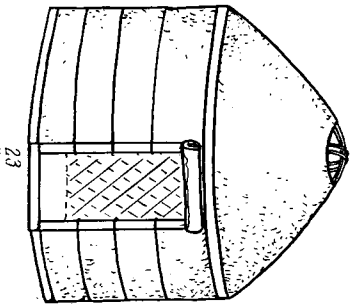


21

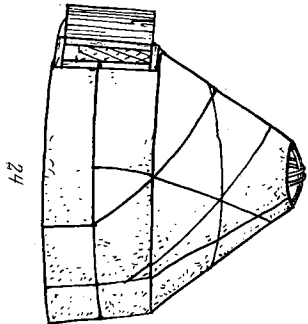
V



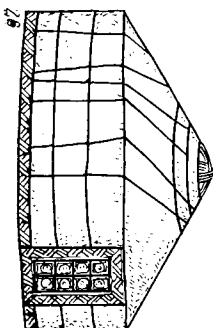
22



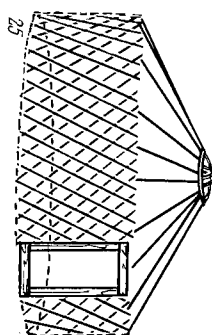
23



24



25



26

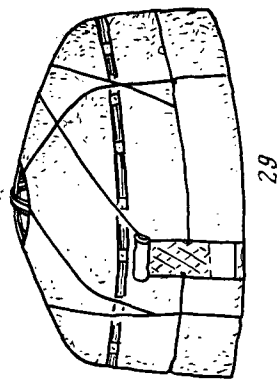
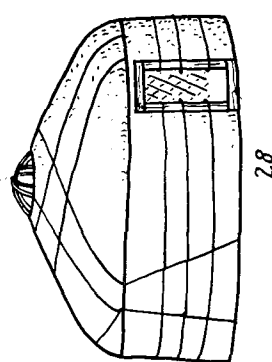
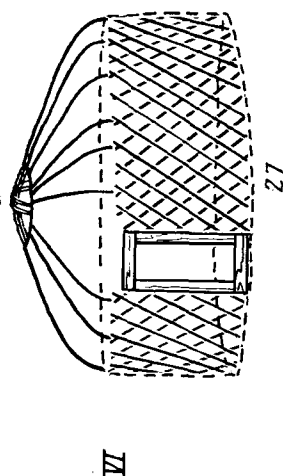


Рис. 6. Жилща кочевников степной зоны Евразии

I—Шалаш и кочевников «скифского мира»: 1, 2—конический шалаш, реконструкция остова и внешнего вида; 3, 4—пирамидально-усеченный шалаш, реконструкция остова и внешнего вида; 5, 6—пирамидально-усеченный шалаш на повозке, реконструкция остова и внешнего вида; 7—гравированный рисунок полусферического шалаша на костяном амулете (Могильник Кызылган, Тува, V—III вв. до н. э.); 8, 9—полусферический шалаш, реконструкция остова и внешнего вида.

II—Шалаш хуннского типа: 10—реконструкция внешнего вида; 11—схематический рисунок шалаша по изображению на петроглифе (Минусинская котловина, рубеж н. э.); 12—рисунок на петроглифе (Забайкалье); 13—реконструкция внешнего вида шалаша на повозке у монголов XIII в.

III—Юрты древнетюркского типа: 14—реконструкция остова; 15—внешний вид юрты монгольской знати в конце XIII—начале XIV в., реконструкция; 16—юрта из Эджен-Хоро (Внутренняя Монголия); 17, 17a—юрта хазарейцев и реконструкция ее дымового круга.

IV—Юрты позднемонгольского типа: 18, 19—юрта монгольской знати в середине XV в., реконструкция остова и внешнего вида; 20, 21—юрта монгольской знати в конце XV—первой половине XVI в., реконструкция остова и внешнего вида.

V—Юрты монгольского типа: 22, 23—юрта конца XV—первой половины XVI в., реконструкция остова и внешнего вида; 24—26—современные юрты, остова и внешний вид.

VI—Юрты тюркского типа: 27—29—остов и внешний вид современных юрт

несостоятельности устаревшей и противоречащей современным достижениям науки⁹⁴ концепции об изначальной неспособности кочевых скотоводческих народов к культурному развитию, об отсутствии какого-либо существенного прогресса в их культуре на протяжении почти всей истории кочевничества.

PROBLEMS IN THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE DWELLINGS OF STEPPE NOMADS

Problems in the evolution of the dwellings of pastoral nomads in the steppe zone of Eurasia are examined in the paper. Characteristic of early nomads in East European steppes (Scythians and others) were conical (fig. 6, 1, 2) and truncated-pyramidal (fig. 6, 3, 4) huts; these last were transported in carts (fig. 6, 5, 6). Tribes of the «Scythian world» in Central Asia used also a semi-spherical hut with a framework of a few poles bent into arches (fig. 6, 7, 9). The huts were covered with felt and other materials. The Central Asian Hunnu had at the close of the first millenium B. C. already been using a non-collapsible semi-spherical hut with a neck-shaped flue, its framework woven of withes (fig. 6, 10).

In the middle of the first millenium A. D., the yurta came into wide use among Central Asian nomads (the author applies this term only to a type of dwelling having for walls a collapsible trellised framework). The author distinguishes several types in the evolution of the yurta. The early Turkic type had in the upper part of the cupola a kind of pointed edge formed by some small planks, bent at an angle, that were fixed into the circular outlet for smoke. This type, whose descriptions and drawings (fig. 6, 14—17) are known since early in the second half of the first millenium, has survived among the Afghan Khazara until modern times. The late Mongolian type of yurta (fig. 6, 18—21) has been widespread since the late 15th — early 16th centuries. It was gradually ousted by yurtas of the modern Mongolian (fig. 6, 24—26) and Turkic (fig. 6, 27—29) types.

The emergence in the middle of the first millenium of the yurta and of other culture forms exceedingly well adapted to nomadic life signified that the economic-cultural type of pastoral nomads was completely formed and had passed from the early to the late nomadic stage. The historical evolution of the nomads' dwelling, as well as that of their transportation (the diffusion of the hard saddle and stirrups by the end of the first half of the first millenium A. D. and of other forms of material and intellectual culture (writing, literature, «great» religions, etc.), testifies, in the author's opinion, to the erroneousness of the conception that denies any substantial progress in the culture of pastoral nomads in the course of their history.

⁹⁴ См., например: С. Г. Кляшторный, О генетических корнях древнетюркской культуры, «Финно-угорские народы и восток», Тарту, 1975.

Г. В. Лебединская

ПЛАСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Пластическая реконструкция — одно из новых направлений в антропологии. Его основал доктор исторических наук М. М. Герасимов, которому принадлежит главная заслуга в создании метода, позволяющего восстановить по черепу мягкие покровы лица. Этот метод в свою очередь открыл путь к изучению антропологического состава населения прошлых исторических эпох с точки зрения характеристики внешнего облика человека, т. е. в несколько ином аспекте, чем это принято в палеоантропологии. Метод нашел применение и в других областях знаний. Им воспользовались криминалисты в своей оперативной деятельности по розыску и установлению личности погибших на основе черепа. Это послужило источником новых сведений о соотношении между мягкими покровами лица и черепом, наглядно подтвердило возможность получения близкого индивидуального сходства. Работы в области криминалистики явились базой для создания серии документальных портретов исторических деятелей прошлого, чей облик не сохранило нам время. Подобные реконструкции — интересный материал для историков и художников, ищущих утраченные черты в подчас разноречивых и отрывочных воспоминаниях современников. Не следует также забывать о значении пластической реконструкции в музейном деле. Об этом напоминают многочисленные просьбы различных музеев, желающих пополнить свои экспозиции портретами, воссоздающими облик людей, населявших в прошлом те или иные территории страны.

Пластическая реконструкция может быть выполнена в виде скульптурного или графического портрета. Скульптурное изображение в силу своей объемности более выразительно и дает большую информацию о характерных особенностях лица, чем графическое. Этот метод представляет интерес для работ антропогенетического плана, где приходится довольствоваться индивидуальными характеристиками. Однако из-за своей трудоемкости он не может быть применен в широких масштабах. Для поздних исторических эпох, представленных большими краниологическими сериями, М. М. Герасимов предложил графическое решение портрета. «Этот прием имеет огромное преимущество перед скульптурной реконструкцией — он очень прост, требует меньшего времени и нагляден, так как позволяет видеть весь процесс построения лица; для расовой диагностики, т. е. для антропологической характеристики типа, он в должной степени точен»¹. Отсюда следует, что М. М. Герасимов придавал большое значение графическому методу, видел его потенциальные возможности, полностью реализовать которые ему, однако, было не суждено. Фактически это был переход к принципиально новому этапу пласти-

¹ М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXVIII, М., 1955.

ческой реконструкции. Суть его в том, чтобы по возможности в полном объеме использовать имеющиеся в настоящее время палеоантропологические материалы, получить серии портретов, и с этой точки зрения рассмотреть взаимосвязь отдельных групп населения как в пространственном, так и во временном отношении. Этот материал сможет принести большую пользу также и для сравнения современных и древних популяций. Поэтому мы сочли своим долгом продолжить работу в указанном направлении.

В последние годы в результате интенсивных работ археологических экспедиций палеоантропологические коллекции значительно пополнились. Их обработка требует усилий большого коллектива и, следовательно, подготовки кадров специалистов. Необходимо также найти объективные приемы реконструкции некоторых деталей лица. Во всем этом заинтересованы не только антропологи, но и криминалисты, желающие иметь для своих практических целей более разработанную методику.

Многочисленные контрольные опыты восстановления лица по черепу, произведенные самим М. М. Герасимовым и сотрудниками Лаборатории пластической реконструкции с помощью его метода, давали хорошие результаты, хотя в ряде случаев имели место определенные отклонения. Материалом служили черепа современных людей, переданные следственными органами с целью опознания личности. Для контроля использовались либо фотографии, либо свидетельства родственников. Анализируя совместно с М. М. Герасимовым полученные данные, мы убедились в том, что причиной многих ошибок является субъективный подход к оценке ряда фактов. Это подтвердилось опытами по реконструкции профиля, производимыми на одном и том же черепе различными лицами. Наиболее существенные ошибки были допущены при определении положения кончика носа и воспроизведении контура его спинки. Поэтому наши поиски мы направили прежде всего на разрешение этого вопроса.

Еще в прошлом веке И. Колльман², Фр. Меркель³ и др. высказывали мысль о существовании связи между формой наружной части носа и формой его костной основы. Г. Вирхов⁴ и Э. Эйкштедт⁵ считали, что такая зависимость вряд ли существует, однако не отрицали необходимости поисков в этом направлении.

В распоряжении М. М. Герасимова было значительно больше фактов по сравнению с предшественниками, полученных рентгенологическим и анатомическим методами исследования. Он пришел к выводу, что форма мягких частей носа и форма его костной основы взаимообусловлены: «Линия профиля мягкого носа или, как принято называть ее, спинка носа определяется общим характером вырезки грушевидного отверстия, которое как бы повторяет перегибы линии профиля носа»⁶.

С. А. Буров⁷, основываясь также на рентгенологическом материале, не усматривает зависимости между контуром хрящевой части носа и его костной основы. Полученные нами коэффициенты корреляции между формой грушевидного отверстия и формой хрящевой части носа в боль-

² J. Kollman, Die Weichteile des Gesichts und die Persistenz der Rassen, «Anatomischer Anzieger», Bd 15, Jena, 1899; его же, Plastische Anatomie des menschlichen Körpers ..., Leipzig, 1910.

³ Fr. Merkel, Rekonstruktion der Weichteile auf einem Welblichen Sadel aus einem altsachs Graberfeld zu Grone bei Göttingen, «Korrespondenz-Blatt Anthropologischer Gesellschaft», Bd 39, № 1/2, 1908.

⁴ H. Virchow, Die Anthropologische Untersuchung der Nase, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd 44, Berlin, 1912; его же, Gesichtsschädel und Gesichtsmaske, «Deutsche Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte Korrespondenz-Blatt», XLIII, Braunschweig, 1912.

⁵ E. Eickstedt, Beiträge zur Rassenmorphologie der Weichteilnase, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd 25, Heft 2, 1926.

⁶ М. М. Герасимов, Указ. раб.

⁷ С. А. Буров, Отождествление личности по черепу и прижизненной фотографии, Автореф. канд. дис., Саратов, 1961.

шинстве мужских групп могли быть охарактеризованы как средние (0,5—0,6) и достигали требуемого уровня значимости (5%). Исключение составляла лишь группа мужчин 36—45 лет, что, правда, могло быть результатом ее малой численности. На женских группах коэффициенты корреляции ниже (0,3—0,6) и при заданном уровне в большинстве своем недостоверны. Но, во всяком случае, полученные данные не дают права опровергнуть точку зрения М. М. Герасимова⁸.

Что касается зависимости между формой верхней губы и формой альвеолярной части верхней челюсти, то по этому поводу в книге Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина сказано: «У обезьян слизистая часть развита очень слабо. А кожная — плотно прилегает к костной основе и в значительной степени повторяет ее профиль; для человека, напротив, характерно сильное развитие слизистой части и самостоятельный рельеф кожной губы»⁹.

М. М. Герасимов считал, что прогейлия верхней губы зависит от степени прогнатизма верхней челюсти и характера прикуса.

Наше исследование и приведенные мнения других авторов убеждают в необходимости дальнейшего поиска. Разноречивость суждений является результатом относительно слабой изученности этой части лица и отсутствия объективной оценки полученных данных.

Насущная необходимость решения практических задач пластической реконструкции навела на мысль воспользоваться методом, редко применяемым в наших исследованиях — действовать по принципу «наоборот». Иначе говоря, на основе рентгенограмм профиля лица и черепа следует решить, что нужно сделать, чтобы получить наиболее близкое сходство с оригиналом при соблюдении единого плана построения профиля лица.

Такой, на первый взгляд слишком рационалистический, подход позволяет при накоплении достаточного количества наблюдений обнаружить и теоретически осмыслить подчас ускользающие от нашего внимания закономерности в строении исследуемой области лица.

Материалом для данной работы послужили рентгенограммы архива лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР. Было изучено 209 рентгенограмм мужчин русской национальности в возрасте от 14 до 45 лет. Во избежание влияния возрастных особенностей материал был разбит на следующие группы: 14—15 лет (14 чел.), 16—20 лет (69 чел.), 21—25 лет (58 чел.), 26—35 лет (43 чел.) и 36—45 лет (25 чел.).

На прозрачную пленку были нанесены светокопии лицевого отдела черепа и профиля лица, впоследствии контуры их накладывались один на другой и их отдельные участки совмещались.

Определение степени сходства и различий приходилось делать «на глаз», так как иными критериями мы пока еще не располагали. Этот вопрос сложен и требует особого рассмотрения (о чем уже упоминалось в моих предшествующих работах), к нему я вернусь при дальнейшем изложении¹⁰.

Такой анализ показал близкое сходство формы профиля верхнего отдела лица и его костной основы. В некоторых случаях ошибки могли возникнуть в результате искажения на рентгенограммах и естественной асимметрии лица; он показал также, что «ось симметрии», т. е. вертикаль, относительно которой располагаются оба контура (мягкая ткань и череп), является существенным признаком, требующим особого исследования.

⁸ Г. В. Лебединская, Соотношения между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями. Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии, М., 1973.

⁹ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Антропология, М., 1963.

¹⁰ Г. В. Лебединская, Указ. раб.

На данном этапе работы, целью которого было обеспечить наиболее объективный метод восстановления мягких тканей лица, важно было подобрать ориентир, удобный для нахождения его на черепе и более всего соответствующий «оси симметрии». Из всех проверенных нами линий, соединяющих две краниометрические точки, лучшие результаты дала линия, соединяющая назнон и простион. Эта вертикаль была принята нами за основную.

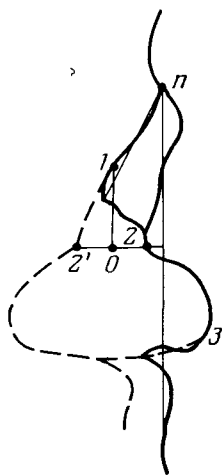


Рис. 1. Первый этап реконструкции мягких тканей верхнего отдела лица

Далее следовало решить вопрос, через какую точку на носовых костях следует провести линию, параллельную основной вертикали (назнон — простион), для того чтобы она могла быть как бы «осью симметрии». Ринион не соответствовал этим требованиям. Контур костей слишком часто не укладывался параллельно контуру мягких частей носа. Выяснилось, что в данном случае нужно брать наиболее высокую точку изгиба носовых костей, которая определяется относительно линии назнон — ринион (рис. 1). «Осью симметрии», таким образом, служит линия, параллельная линии назнон — простион и проведенная через наиболее высокую точку носовых костей (1). Указанная точка на носовых костях соединяется линией с носовым выступом верхнечелюстных костей (2).

От носового выступа (точка 2) перпендикулярно «оси симметрии» проводится линия, на которой во фронтальном направлении от точки пересечения этих прямых (0) откладывается отрезок $0-2'$, равный отрезку $0-2$. К этой точке проводится линия из наиболее высокой точки носовых костей (1). Как правило, эта линия является продолжением костной спинки носа и дает контур, очень близкий контуру наружной части носа на этом участке.

Ниже точки $2'$ располагается контур носовой вырезки, вернее, ее зеркального изображения, показанной на рис. 1 пунктиром.

При построении контура основания носа наиболее удовлетворительные результаты удалось получить, продолжив линию, соединяющую наиболее низко расположенную точку (3) на контуре носовой вырезки черепа с точкой на вершине передней носовой ости до «оси симметрии», и получив затем ее зеркальное изображение.

Анализ полученных схем указывает на то, что при реконструкции верхнего отдела лица, выполненной разработанным нами более объективным методом, можно получить довольно близкое сходство с оригиналом. Однако на некоторых участках необходимо ввести ряд поправок (рис. 2). Так, на уровне назнона контур более плавный, чем на кости. Это можно объяснить тем, что здесь располагается мышца гордецов (*m. procerus*), которая начинается от спинки носа и идет, веерообразно расширяясь, ко лбу, где она вплетается в кожу глabellaрной области. Расположение мышцы гордецов объясняет «нивелирование» угла между лобной и носовыми костями ($n-n_1$ на рис. 2) и большую толщину мягких тканей в этой области, определяемую на рентгенограммах.

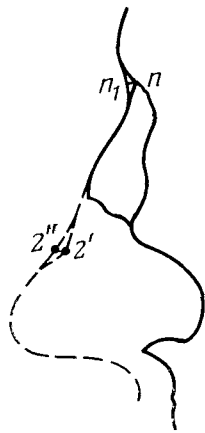


Рис. 2. Участки, на которых требуется поправка

На уровне $2'$ также имеется некоторое несовпадение контуров, кото-

рое, вероятно, связано как с различной степенью выступания крыльных хрящей относительно латеральных, формирующих верхний участок хрящевой спинки носа, так и с толщиной апоневроза носовой мышцы.

На мужской группе 16—20-летнего возраста, численно наиболее представительной ($n=64$), была высчитана средняя величина поправки

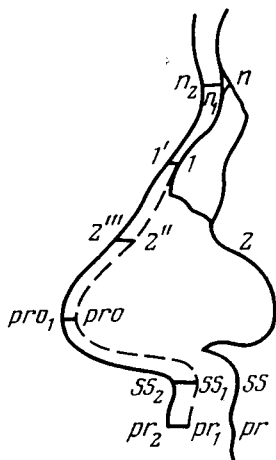


Рис. 3. Толщина кожного покрова

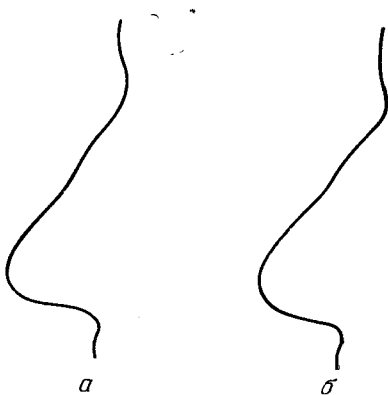


Рис. 4. Контур лица; а — восстановленный; б — истинный

2''—2', равная $1,48 \pm 0,11$, $\sigma = 0,09 \pm 0,08$ и толщина кожного покрова в точках профиля, указанных на рис. 3.

При попытке воспроизведения профиля верхней губы наиболее удовлетворительных результатов удалось достичь, когда на уровне риниона проводили кривую, повторяющую рисунок альвеолярного отростка верхней челюсти (см. рис. 1). Небольшое увеличение толщины мягкой ткани на субспинальном участке объясняется глубиной фильтра верхней губы.

Средняя величина кожного покрова верхнего отдела лица

Наименование точек	n	$M \pm m (M)$		$\sigma \pm m (\sigma)$	
n — n ₁	69	7,58	0,15	1,24	0,11
1—1'	69	3,56	0,12	0,98	0,08
2''—2''	64	4,02	0,20	1,56	0,14
pro — pro ₁	66	3,52	0,26	2,13	0,18
ss ₁ — ss ₂	67	4,70	0,20	1,68	0,14
pr ₁ — pr ₂	68	3,68	0,18	1,52	0,13

Согласно приведенным данным, была получена серия графических реконструкций профиля верхнего отдела лица, как это изображено на рис. 4.

Оставалось решить наиболее сложную задачу — выбрать путь оценки сходства, т. е. определить, в какой мере допущенные нами отклонения от истинного изображения влияют на наше восприятие сходства.

Введение измерительных признаков привело к значительной потере информации, касающейся общей формы, т. е. того, что лежит в основе пластической реконструкции и в чем заключается ее основной смысл.

Здесь мы вплотную подошли к той области исследования, которая получила в настоящее время название «распознавание образов». Эта проблема интересует психологов, физиологов, криминалистов и т. п.¹¹

¹¹ См. подробнее: «Распознавание образов. Исследование живых и автоматических распознающих систем», пер. с английского М., 1970.

В антропологии ей до сих пор не уделялось внимания, в то время как это чрезвычайно существенно не только для пластической реконструкции, но и для антропологической фотографии. Развитие этого направления весьма актуально для работ этногенетического плана.

Нами был проделан следующий опыт. Карточки с изображением профиля, скопированного с рентгенограмм и восстановленного нами по черепу, были розданы различным лицам с просьбой определить: «похож» или «непохож» один контур на другой. Ответы были столь различны, что не могли быть систематизированы. Оказалось, что весьма существенную роль при такой оценке играла не только форма контура, но и такие мелкие детали, как толщина линии, ее протяженность и т. п. Даже один и тот же контур, положенный в качестве контроля, часто был определен как различный.

На этом примере наиболее отчетливо выявилась психологическая сторона восприятия контурной фигуры. Такой путь оценки полученных результатов был явно ошибочным.

В другом случае карточки для определения формы спинки носа были даны сотрудникам отдела антропологии Института этнографии АН СССР И. М. Золотаревой и Г. М. Давыдовой. Сама постановка вопроса и многолетний опыт работы И. М. Золотаревой и Г. М. Давыдовой в области этнической морфологии дали следующие результаты. Получено 63% полного совпадения, 28% расхождения на 1 балл и 9% на 2 балла (во всех случаях это были 2-й и 4-й баллы), что возможно и при работе с живыми объектами. Это позволяет уже сейчас применить данный метод для выполнения серий реконструкций.

Скульптурное изображение, при восприятии которого внимание не концентрируется только на одной линии, более просто для определения степени полученного сходства. Предложенный нами объективный прием реконструкции дает весьма обнадеживающие результаты в работах криминалистов и судебно-медицинских экспертов по идентификации личности по черепу.

Из всего сказанного, думаю, можно сделать вывод о необходимости продолжения исследований, для повышения эффективности которых требуется применение современных методов автоматизации. При решении столь сложной задачи необходимы постоянные контакты между математиками и антропологами. В противном случае неизбежны весьма существенные промахи как со стороны антропологов в области математики, так и со стороны математиков в области антропологии и пластической реконструкции. Наглядным примером тому может служить недавно вышедшая в свет книга В. С. Файна¹². Автор ее, будучи математиком, имеет весьма отдаленное представление о задачах пластической реконструкции и о самом методе. В результате, та программа, которую он предполагает ввести в память машины, не выдерживает критики.

Первый этап программы Файна состоит в предварительном введении в память машины криометрических данных (координаты примерно 50-ти точек) для некоего среднего типичного для этой этнической группы человека и результатов обмера (во всех точках) поверхности головы того же человека. При предъявлении нового черепа производятся измерения его «геометрии» в тех же точках, что и на эталонном черепе. Вторым этапом программы Файна является реализация неформализованного начала — интуиции, косвенных данных о характере человека и т. д.

К сожалению, программа Файна, верная с математической точки зрения, не может отвечать требованиям пластической реконструкции, ибо она не учитывает сложности индивидуального воспроизведения формы носа, глаз, рта, овала лица и т. п. Трудно также себе представить, что Файну удалось найти в каждой этнической группе субъекта, обладаю-

¹² В. С. Ф а й н, Алгоритмическое моделирование формообразования, М., 1975.

щего всеми средними параметрами. Вероятность подобной удачи ничтожно мала. И уж совсем невероятно, чтобы этот «средний» субъект к тому же дал возможность исследователю обмерить не только свою голову, но и череп.

Однако сама идея автоматизации процесса реконструкции весьма заманчива. Воплощение ее в жизнь как нельзя более отвечает нашим запросам. Ускорение процесса работы позволит получить серии портретов и тем самым даст в руки антропологов богатый материал для исследования. Что же касается индивидуального исторического портрета, то в данном случае применение этого метода вряд ли целесообразно. Продолжительность работы над такого рода портретами не столь важна; цель ее — максимальная передача индивидуального сходства, которое безусловно будет страдать при работе с машиной.

Во всяком случае, выполнении реконструкции компьютером должна предшествовать серьезная подготовительная работа. ЭВМ может принести большую пользу в исследованиях соотношений между мягкими покровами лица и черепом, в отыскании более объективных приемов реконструкции, что само по себе не менее ценно.

Руководствуясь такой задачей, мы проводим исследования совместно с сотрудниками Электронно-вычислительного центра Алтайского политехнического института в следующих направлениях.

1. Углубление и расширение антропологической части исследований: оценка сходства и различия контуров черепа и контуров мягких тканей на рентгенограммах; закономерности в их строении; взаимообусловленность отдельных отрезков контуров и положение оси симметрии.

2. Разработка математического аппарата, обеспечивающего достаточную гибкость синтезирующих форм поверхности лица человека, исходными данными для которого являются координаты точек на поверхности черепа; разработка алгоритмов и программ, обеспечивающих машинный синтез подобных поверхностей; поиски форм наглядного отображения такого синтеза.

3. Разработка технических средств отображения результатов машинного синтеза и специализированных технических средств подготовки исходных данных для ввода в ЭВМ.

4. Поиск формальных критериев сходства между оригиналом и синтезированным объектом и разработка методики оценки машинных результатов¹³.

Толщина мягких тканей головы имеет существенное значение для пластической реконструкции и коннекции между кефало- и краниометрическими признаками. Установлению стандартов толщины мягких тканей посвящена обширная литература¹⁴, однако каждый из авторов располагал весьма малочисленными данными и пользовался своим методом измерений, вследствие чего полученные результаты оказались несопоставимыми. Шкала толстот, разработанная М. М. Герасимовым, наиболее полная, однако и она в настоящее время требует значительных дополнений.

Анатомический материал для этих целей малопригоден из-за неизбежной посмертной деформации мягких покровов головы. Рентгенологический метод более эффективен, но измерения возможны только в медианно-сагиттальной плоскости.

¹³ Л. А. Козлов, Г. В. Лебединская, В. Л. Пешков, Автоматизация научных исследований в области пластической антропологической реконструкции, «Труды Алтайского политехнического ин-та им. И. И. Ползунова», вып. 46, Барнаул, 1975.

¹⁴ F. Birkner, Die Dicke der Gesichtsweichteile bei verschiedenem Alter, Geschlecht und Rasse, «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Morphologie und Physiologie», München, 1907; W. His, Bericht an der Rath der Stadt Leipzig; Johann Sebastian Bach. Forschungen über dessen Grabstätte, Gebeine und Antlitz, Leipzig, 1895; J. Kollman, Указ. паб.; H. Welcker, Schiller's Schädel und Totenmaske nebst Mitteilungen über Schädel und Totenmaske Kant's, Braunschweig, 1883.

Поэтому дальнейшее изучение толщины мягких тканей требует поиска новых путей и применения новейшей техники, в частности ультразвуковой. Экспериментальные работы в этой области предприняты лабораторией пластической реконструкции.

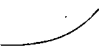
Начало исследований в указанных направлениях знаменует собой новый этап в развитии пластической антропологической реконструкции.

PLASTIC RECONSTRUCTION OF THE FACE UPON THE SKULL AND THE TRENDS OF ITS DEVELOPMENT

Plastic reconstruction belongs to the younger branches of anthropology. It was founded by Professor M. M. Gerasimov to whom belongs the greatest achievement in elaborating a method for reconstructing the facial tissues upon the skull. This method, in its turn, paved the way for studying the anthropological composition of past populations as regards the outward aspect of the people.

Wider applications of the reconstruction method demand further research into the linkage between the skull and its covering tissues. The study of these relationships helps to make reconstruction considerably more precise.

In the Plastic Reconstruction Laboratory of the Institute of Ethnography electronic computers and ultra-sonic installations have begun to be used for this purpose.



А. И. Шаскольский

НЕГРИТЯНСКИЕ ГЕТТО — «ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЯ» АМЕРИКИ!

В середине 1950-х годов, в начале третьего этапа общего кризиса капитализма, намечился подъем освободительного движения африканских народов и борьбы американских негров за гражданские права. Успехи борьбы за независимость их пробуждающейся прародины привлекли пристальное внимание американских негров и породили тенденцию искать в Африке и вообще в «третьем мире» ответы на вопросы, которые возникают в ходе освободительной борьбы. В 1960-х годах резко усилились встречавшиеся и ранее попытки идентифицировать положение и борьбу негров в Африке и Америке. «Мы все — африканцы», — заявлял Стокли Кармайкл, самый известный из молодых воинственных лидеров негритянского движения в США, а «африканцы сегодня, — твердил он, — независимо от их географического размещения, имеют общего врага и сталкиваются с общими проблемами»¹.

Сложилась ставшая широко популярной (особенно среди леворадикальных лидеров и в академических кругах) схема, согласно которой черные гетто США являются внутренней колонией, эксплуатируемой колонизатором — американским империализмом. Сторонниками этого тезиса в той или иной мере выступали практически все леворадикальные лидеры черных — в частности, Малкольм Икс, Стокли Кармайкл, Элдридж Кливер, Хью Ньютон, Джеймс Формэн, Рэп Браун, Джулиан Бонд, Джулиус Лестер, а также Том Хейден и другие лидеры ведущей организации «новых левых» «Студенты за демократическое общество». Колониальный статус гетто прослеживается на трех главных уровнях: политическом, экономическом, социальном². «Черные гетто являются социальными, политическими, образовательными и прежде всего — экономическими колониями», — писал видный негритянский социолог Кеннет Кларк³. Другой известный негритянский социолог Гарольд Крюз отмечал, что вместо установления своей колониальной империи в Африке Соединенные Штаты ввели колониальную систему у себя на Юге⁴. «Негры в Америке переживают то, что можно описать лишь как колониальное положение», — заключал выдающийся английский философ Бертран Рассел⁵.

¹ S. Carmichael, Stokely speaks. Black power back to Pan-Africanism, N. Y., 1971, p. 176, 200—201, 222.

² S. Carmichael, Ch. Hamilton, Black power. The politics of liberation in America, London, 1968, p. 6.

³ K. Clark, Dark ghetto, N. Y., 1965, p. 11.

⁴ См. R. Allen, Black awakening in capitalist America. An analytic history, N. Y., 1969, p. 5.

⁵ Цит. по: Л. Н. Митрохин, Негритянское движение в США: идеология и практика, М., 1974, стр. 144.

Насколько обоснованны подобные заявления? Где границы этой идентификации? Чем она может быть полезна при изучении положения и проблем борьбы черных в США?

Согласно определению, данному в «Большой Советской Энциклопедии», колониями следует считать страны, находящиеся под властью метрополии, не являющиеся ее равноправной частью, лишенные политической и экономической самостоятельности, угнетаемые и подчиненные господству капиталистических государств⁶.

При внимательном рассмотрении положения черных в США беспристрастный исследователь выделит в экономической, политической, социальной, культурной, психологической и других областях множество черт, аналогичных особенностям положения угнетенного населения колоний.

В экономической области ограбление «колонии» выражается 11-значными цифрами. Так, совет экономических консультантов при президенте США в 1964 г. заключил, что негры из-за неравенства с белыми в образовании, зарплате и уровне безработицы теряют более 20 млрд. долларов в год⁷, а профсоюзная статистика США определяла сверхприбыли монополий за счет расовой дискриминации негров в 30 млрд. долл. в год⁸.

Рабочий-негр в США, как и в колонии, занят на малоквалифицированной, «черной» работе, получая за равный труд меньше белого рабочего (в среднем — 76% зарплаты белого рабочего, по данным американского экономиста В. Перло⁹); негритянская буржуазия, подобно национальной буржуазии в колониях, лишена политической власти, ограничена в своей деятельности рамками гетто (колониальный анклав), зависима от монополистического капитала и занимает подчиненное положение даже в системе мелкого бизнеса (только одному из тысячи негров принадлежит предприятие, в то время как среди белых американцев — одному из 40¹⁰, на негритянские фирмы приходится только 0,24% валового дохода всех американских фирм)¹¹.

Аналогии в «базисе» порождают и аналогии в «надстройке». Так, бросается в глаза узурпация власти «метрополией»: даже после некоторого прогресса, достигнутого в результате отчаянной борьбы во второй половине 1950—1960-х годах, к марту 1972 г. только 0,4% всех выборных постов в органах власти занимали негры¹², а к началу 1974 г. из 500 тыс. выборных постов, существующих в США, только 3 тыс., или 0,6%, занимали черные¹³, хотя негры составляют более 11% населения страны. Полиция (в непропорциональном большинстве — из белых¹⁴) держит в повиновении гетто — «колонию», выполняя функцию «оккупационной армии» — этот термин проделал путь от страниц книг Джеймса

⁶ См. «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2-е, т. 22, стр. 30.

⁷ J. Kain (ed.), *Race and poverty. The economics of discrimination*, Englewood Cliffs, N. Y., 1969, p. 58, 59.

⁸ См. А. П. Королева, 20 миллионов против Джима Кроу, М., 1967, стр. 130.

⁹ V. Perlo, *Economics of racism USA*, N. Y., 1975.

¹⁰ «Time», 18.X.1968, p. 98.

¹¹ И. А. Геевский, «Черный капитализм», «США — экономика, политика, идеология», 1973, № 10, стр. 24.

¹² И. А. Геевский, США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945—1972), М., 1973, стр. 276.

¹³ J. Britton, Jr., *Fueling the Black political participation movement: The Joint Center for Political Studies, «Political Science»*, vol. VII, № 1, 1974, p. 8.

¹⁴ Ниже приводятся данные о расовом составе полиции в основных центрах деятельности партии «Черная пантера», стремительный рост которой во второй половине 1960-х годов отражал крайнее обострение извечной вражды белой полиции и черных обитателей гетто: в Нью-Йорке доля черных в полиции достигала 5% при доле черных в населении, равной 21%, в Вашингтоне соответственно 37 и 72%, в Чикаго — 16 и 33%, в Атланте — 10 и 52%, в Окленде (Калифорния) — 3 и 44% (R. Major, *A panther is a black cat*, N. Y., 1971, p. 1; «People's world», 13.III.1971, p. 9; «Ramparts», May, 1972, p. 24, 25; W. Gerberding and D. Smith (eds.), *The radical left*, Boston, 1970, p. 248; Э. Л. Нитобург, Черные гетто Америки, М., 1971, стр. 9).

Болдуина¹⁵ и воинственной риторики «Черных пантер» до текстов докладов национальных и президентских комиссий по расследованию причин отчаянных бунтов в гетто в бурные 1960-е годы¹⁶.

Обилие и весомость черт сходства в этих и других областях, а также широкий круг сторонников данной концепции превращают «колониальную аналогию» в достойный объект внимательного и беспристрастного разбора, предполагающего, кроме констатации недостатков, выделение и конструктивных моментов.

Основной методологический недостаток воззрений наиболее ярких сторонников «колониальной аналогии» (таких, как С. Кармайкл) — недостаток, свидетельствующий об их инфантильном, дилетантском мышлении — это неспособность выделить, кроме сходного, различия и должным образом их оценить.

Еще в тезисах VI конгресса Коминтерна (1928 г.) в разделе, посвященном негритянскому вопросу в Северной Америке и Африке, подчеркивается: «Положение негров в разных странах различно и требует поэтому конкретного изучения и анализа»¹⁷. Возвращаясь к этому вопросу в 1930 г., Исполком Коминтерна в своей резолюции объявил неправильными попытки рассматривать негритянскую зону Юга как колонию США, ибо «при такой характеристике черного пояса пришлось бы в некоторых отношениях опираться только на искусственно построенные аналогии»¹⁸.

Разбирая «колониальную» теорию, Г. Уинстон, Национальный председатель Коммунистической партии США, исходил из очевидности того факта, что «...анalogии часто подводят и совершенно неправомерны без конкретного анализа каждой ситуации в ее историческом контексте»¹⁹. «Колониальная аналогия», по точному замечанию Г. Уинстона, «сосредоточивает внимание на тех аспектах положения черных в США, которые наиболее напоминают колониальные условия»²⁰ и тем самым затушевывает, вместо того чтобы прояснять, особенности статута черных в США²¹, так как «сходство в условиях жизни настолько велико, что может отвлечь внимание от особенностей положения втройне угнетаемого черного населения в колониальных или полуколониальных условиях в прошлом или в настоящем»²².

Несмотря на то что «характер угнетения и суперэксплуатации афро-американцев имеет много черт, напоминающих положение „колонизованных народов“ Африки», — писал Клод Лайтфут, секретарь Национального комитета компартии США, — недостаточно видеть в нашем, похожем на колониальный, статуте только то, что напоминает опыт Африки. Политика освобождения в Соединенных Штатах налагает неизбежную обязанность также выделить то, что является уникальным и отличительным в опыте афро-американцев»²³.

Выступая, подобно большинству либеральных и умеренных лидеров, против «колониальной аналогии», Мартин Лютер Кинг приводил следующий бесспорный аргумент: «Борьба негров в Америке очень сложна и отличается от борьбы за независимость. Завтра американскому нег-

¹⁵ Классическое описание взаимной ненависти полицейских и жителей гетто прозвучало в его книге: J. Baldwin, *Nobody knows my name. More notes of a native son*, N. Y., 1961, p. 65—67.

¹⁶ См. Ph. Foner (ed.), *The Black Panthers speak. The Manifesto of the party: the first complete documentary record of the Panthers' program*, Philadelphia — New York, 1970, p. XVII.

¹⁷ «Коммунистический Интернационал в документах», М., 1933, стр. 865.

¹⁸ Цит. по: Г. Уинстон, *Стратегия борьбы черного населения*, М., 1975, стр. 292.

¹⁹ Там же, стр. 228.

²⁰ Там же, стр. 271.

²¹ H. Winston, *The «internal colony» fallacy*, «Political Affairs», January 1975, p. 13.

²² Г. Уинстон, *Указ. раб.*, стр. 271, 272.

²³ C. Lightfoot, *Ghetto rebellion to black liberation*, N. Y., 1968, p. 128, 129.

ру придется жить рядом с теми людьми, против которых он сегодня борется. Американский негр живет не в Конго, откуда бельгийцы смогли вернуться в Бельгию после того, как борьба была окончена, и не в Индии, откуда англичане смогли уехать к себе в Англию после того, как Индия стала независимой. В ходе борьбы за национальную независимость можно говорить об освобождении сейчас, а об интеграции позднее, но в борьбе за расовую справедливость в многорасовом обществе, где угнетатель и угнетенный оба находятся «дома», освобождение должно прийти через интеграцию»²⁴.

Действительно, одна из наиболее уязвимых сторон «колониальной аналогии» — это попытки некоторых пылких «сверхреволюционеров» обосновать, абстрагируясь от реальности, возможность самоопределения черных в рамках городских центров или нескольких штатов на Юге и построения обособленного от империалистической «метрополии» своего рода «афро-американского социализма» (что под разными «неотрапизмо революционными» вывесками проповедовали Стокли Кармайлл, Хью Ньютон, Амири Барака и др.). Эти вариации У. Табб, осторожный и вдумчивый сторонник «колониальной аналогии», автор известной книги «Политическая экономия черного гетто», написанной в основном с марксистских позиций²⁵, назвал «утопическими: в контексте современного американского капитализма»²⁶. Интегрированная экономика Соединенных Штатов не позволяет всерьез говорить о каком-либо экономическом отделении черных. Если даже представить себе возможность такого отделения (это было реально, скажем, до превращения сельского хозяйства на Юге в крупнокапиталистическое)²⁷, то, продолжая аналогию с Африкой, слабая экономика черных не смогла бы избежать неоколониалистской кабалы монополий крупнейшей империалистической страны мира.

Добросовестные сторонники этой аналогии неизбежно приходят к выводу, что «в отличие от заморских колоний, которые могут завоевать свободу и идти своим путем, черные должны переделать всю экономическую и социальную систему в Америке, если они хотят изменить свое собственное положение»²⁸, что «черная Америка не сможет быть действительно освобождена до тех пор, пока белая Америка не будет трансформирована в гуманное общество, свободное от эксплуатации и классового разделения»²⁹.

Г. Уинстон обращал внимание на совпадение симпатий к «колониальной» теории ультралевых и правых³⁰. «В отличие от марксизма-ленинизма, — замечает Г. Уинстон, — такие (более «революционные») теории столь подвижны, что могут быть использованы как правящим классом, так и радикальными кругами»³¹. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» — эта незатейливая формула в данном вопросе неожиданно объединяет ярых недругов — радикалов и апологетов «черного капитализма». Причину такого странного, на первый взгляд, единомыслия найти несложно — ведь и в колониях в борьбе за независимость заинтересованы как круги национальной буржуазии, так и демократические элементы. Потом, конечно, их пути расходятся — если первые после достижения политической независимости ориентируются на неоколониа-

²⁴ M. L. King, *Where we go from here: chaos or community*, N. Y., 1967, p. 62 (см. также М. Л. Кинг, *Есть у меня мечта...*, М., 1974, стр. 213).

²⁵ См. рецензию на эту книгу В. М. Матвеева в журнале «США — экономика, политика, идеология», 1972, № 3.

²⁶ W. Tabb, *Black Americans: Internal colony or marginal working class? Presented to the VII World Congress of Sociology, September 1970, Varna*.

²⁷ Г. Уинстон, Указ. раб., стр. 290.

²⁸ W. K. Tabb, *The Political economy of the black ghetto*, N. Y., 1970, p. 33.

²⁹ R. Allen, Указ. раб., стр. 237.

³⁰ Г. Уинстон, Указ. раб., стр. 275.

³¹ H. Winston, Указ. раб., стр. 17.

лизм, то наиболее последовательные из вторых стоят за некапиталистический путь развития, за создание предпосылок перехода к социализму. Африка в этом отношении демонстрирует ясные и недвусмысленные модели обоих путей, которые служат наглядным примером для соответствующих классовых сил в американских черных гетто.

Малколм Икс, предшественник радикальных негритянских деятелей второй половины 1960-х годов, рассматривал ориентацию многих стран Азии и Африки на социализм как вполне приемлемую и для негритянского движения в США³². О влиянии революции в Африке на рост интереса к социализму среди афро-американцев указывал К. Лайтфут, секретарь Национального комитета компартии США³³.

«Неоколониализм» — та стадия, в которую, по мнению одного из самых известных летописцев «негритянской революции» Р. Аллена, вступила черная Америка, вполне устраивает американскую буржуазию — как белую, так и большинство черной; «некапиталистический», вернее, социалистический путь (это ясно каждому здравомыслящему человеку) невозможен без ликвидации не только черной, но и белой буржуазии, тем самым социалистическое переустройство всей Америки — единственное условие полного освобождения черных.

Попытки объяснить негритянский протест главным образом экономическими причинами, особенно экономическим положением черных «пасынков Америки», представляются неудачными. Подобная концепция не в силах, в частности, дать ответ на вопрос, почему движение достигло такого невиданного накала именно во второй половине 1960-х годов — ведь негры оставались спокойными в гораздо более тяжелые времена, и, с другой стороны, прекращение бунтов в конце 1960-х годов вовсе не свидетельствовало о благополучном разрешении проблем гетто.

Например, слишком просто было объяснять бунты особо бедственным положением в гетто, где они разразились. Когда в июле 1967 г. взбунтовалось гетто Ньюарка и мятеж оказался особенно яростным, он, казалось, делал этот тезис наиболее приемлемым: в Ньюарке была наибольшая в стране доля плохих домов, наибольший уровень преступности на 100 тыс. населения, наивысшие уровни венерических и туберкулезных заболеваний, второе место по детской смертности, седьмое место по абсолютному числу наркоманов, уровень безработицы среди черных достигал 12—15%³⁴. Но через 10 дней произошел бунт в Детройте, где, наоборот, условия жизни черных были значительно лучше, чем в среднем по стране³⁵. Этот и другие мятежи показали, а исследования социологов³⁶ подтвердили, что не уникальные бедствия в отдельных гетто, а общее бедственное положение черных «пасынков Америки» привело к такой напряженной обстановке, когда незначительных поводов было достаточно для яростных, разрушительных бунтов. Такой вывод явно перекликается с «колониальной» теорией, объясняющей причины негритянского протеста комплексно — экономическими, политическими, психологическими и другими категориями. Согласно такому взгляду, например, период ненасильственных действий (середина 1950 — начало 1960-х годов), прошедший под реформистскими лозунгами, аналогичен борьбе за национальное политическое освобождение в колониях; в этом движении участвуют все слои населения, причем особую активность проявляет национальная буржуазия (черная буржуазия). С нарастанием революционных настроений черная буржуазия отходит от движения (о чем осо-

³² «Malcolm X Speaks», N. Y., 1965, p. 128, 129.

³³ C. Lightfoot, Указ. раб., стр. 113.

³⁴ R. Allen, Указ. раб., стр. 109.

³⁵ H. Schuman, B. Gruenberg, The impact of city on racial attitudes, «American Journal of Sociology», vol. 76, № 2, 1970, p. 214.

³⁶ См. статьи: S. Lieberman, A. Silverman (December, 1965); M. Bloombaum (February, 1968); S. Spilerman (June, 1971) в журнале «American Sociological Review».

бенно заботятся «неоколониалисты», поощряя «черный капитализм»). Черные рабочие оказались неспособными в союзе с белыми рабочими возглавить революционную борьбу — здесь расизм опять помог правящему классу разъединяя властвовать.

Спад к концу 1960-х годов массового движения черных в целом и падение популярности его воинственного крыла, приведший в начале 1970-х годов к почти полному штилю, объясняется комплексом причин — внешних (действия правительства, полиции и т. д.) и внутренних (связанных с саморазвитием движения). Суть последних, на наш взгляд, заключается в особенностях непролетарской революционности — революционности низов гетто. Легковоспламеняющаяся опора «Черных пантер» и других воинственных групп черных (которых ФБР в 1969 г. насчитало более ста³⁷), состоящая из люмпенпролетариата, городских низов, классически быстро рассосалась при спаде движения. В. И. Ленин отмечал, что, кроме пролетариата, и другие классы могут быть революционны, но «революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях»³⁸. Ленин предупреждал о неустойчивости такой революционности, о ее свойстве «быстро превращаться в покорность, апатию,... даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным „модным“ течением»³⁹. Трансформация партии «Черная пантера» из ультрареволюционной в апологета «черного капитализма» — наиболее наглядная иллюстрация к этому выводу⁴⁰. Упадок «Пантер» и других воинственных групп черных наглядно доказал правильность ленинского тезиса о том, что, кроме пролетариата, другие слои трудящихся и эксплуатируемых масс неспособны к самостоятельной борьбе за свое освобождение, хотя буржуазия их «эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев»⁴¹, и что «в индустриально развитых странах, — по словам Генерального секретаря КП США Гэса Холла, — существуют объективные *пределы* развертывания борьбы непролетарских слоев, если они не выступают в союзе с рабочим классом»⁴².

Переходя к подведению итогов, начнем с мнения, которое рассматривается нами как основополагающее. У. Табб считает конструктивными те элементы «колониальной аналогии», которые укладываются в рамки классового подхода⁴³; попытки нарушить эту субординацию не выдерживают научной критики. Такого же мнения придерживается Л. Н. Митрохин, допускающий, что «идея институционального расизма («колониализма») действительно была бы содержательной, если бы была проанализирована реальная социальная основа угнетения негров, его связь с классовой эксплуатацией»⁴⁴.

Необходимо отметить, что если имеется возможность тщательного изучения сравниваемых объектов, то «вероятностные, проблематичные суждения, добываемые при помощи аналогии, становятся излишними»⁴⁵. Введение гипотетических конструкций оправдано только в исключительных случаях — например, при крайне неудовлетворительном состоянии источников. Но в силу того, что у низших слоев негритянского населения

³⁷ «The „New Left“ in action», «U. S. News and World Report», 19.V.1969, p. 35.

³⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 388.

³⁹ Там же, т. 41, стр. 14, 15.

⁴⁰ См. Н. Winston, The crisis of the Black Panther party, «Political Affairs», August, 1971.

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 25, 26.

⁴² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, Москва, 1969», Прага, 1969, стр. 549.

⁴³ W. K. Tabb, Marxian exploitation and domestic colonialism: A reply to Donald J. Harris, «The Review of Black Political Economy», Summer 1974, p. 86.

⁴⁴ Л. Н. Митрохин, Негритянское движение в США: идеология и практика, стр. 164.

⁴⁵ Н. П. Французова, Исторический метод в научном познании, М., 1972, стр. 230.

США — социальной опоры воинственного крыла негритянского движения — эмоциональное восприятие подчас довлеет над рациональным, вывод по аналогии часто оказывался убедительнее глубокого научного анализа (чем меньше запас знаний, тем охотнее субъект обращается к ассоциативной аналогии).

Нам представляется неприемлемым огульное отрицание «колониальной аналогии» прежде всего потому, что ведь не сравнение само по себе неправомерно, а те неверные выводы, которые из этого сравнения делаются. Логически недопустимо отождествление теории с ее вульгаризацией, и лишённые здравого смысла выводы, делаемые некоторыми сторонниками «колониальной аналогии», лишь подтверждают тот факт, что «...всякую истину, ...если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»⁴⁶. Следует далее отметить, что сторонники «колониальной аналогии» неоднородны и не представляют собой безнадежно реакционной массы. И наконец, в колониальной аналогии можно выделить, на наш взгляд, следующие конструктивные моменты:

1) она стимулировала рассмотрение борьбы черных в США как части мировой революции, тем самым интернационализировались борьба, союзники, враг (особое значение имеет приобщение к богатейшему опыту борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки и социалистических стран);

2) она способствовала росту самосознания черных, укреплению их единства и усилению радикализации.

При оценке же «колониальной» теории в целом чрезвычайно важна следующая ее черта, на которую обращал внимание Г. Уинстон. Он писал: «Конечно, имеется значительное сходство между угнетением черного меньшинства в США и угнетением народов нынешних и прежних империалистических колоний. Но с точки зрения стратегии (выделено мною. — А. Ш.) освободительного движения черных в США, отличия в положении доминируют над сходством в угнетении»⁴⁷. С этим мнением соглашается и У. Табб⁴⁸. В этой особенности «колониальной аналогии» следует видеть причину того, что в целом ее можно оценить как приносящую больше вреда, чем пользы. Итак, ее полезность относительна, а вред очевиден, особенно с функциональной точки зрения, т. е. использования ее как политической доктрины в конкретных условиях современной Америки.

THE BLACK GHETTO — AN «INTERNAL COLONY» OF AMERICA!

The author analyses the attempts of several Afro-American leaders to prove an analogy in the status and consequently in the liberation problems of black people in Africa and in America. The shortcomings as well as the few constructive elements in this concept are discussed. The tendency to apply the strategy and tactics of liberation movements in Africa to the fundamentally different situation in America appears to be unacceptable.

⁴⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

⁴⁷ Г. Уинстон, Указ. раб., стр. 285.

⁴⁸ См. W. Tabb, Black Americans: Internal colony or marginal working class?

Б. Б. Парникель

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МАЛАЙЗИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МАЛАЙСКОМ РАССКАЗЕ

Возникновение в 1957 г. независимой Малайской Федерации, в 1963 г. ассоциировавшей ряд новых территорий и получившей наименование Федерация Малайзия, как нельзя более актуализировало проблему взаимоотношений между коренными обитателями молодого государства — малайцами (46,8%) и осевшим здесь преимущественно в конце прошлого — первых десятилетиях нашего века пришлым населением — китайцами (34,1%), уроженцами Индостана (9%) и другими менее значительными этническими группами. Взаимоотношения между различными группами населения страны и в особенности отношения китайской и малайской общин, выливавшиеся в такие серьезные кризисы, как отпадение Сингапура от Федерации Малайзии в 1965 г. или кровопролитные столкновения между китайским и малайским населением Куала Лумпура 13 мая 1969 г., являются предметом внимания специалистов разного профиля. В частности, в советской литературе освещался вопрос о дискриминационных нормах по отношению к китайскому и индийскому населению в малайзийском законодательстве о гражданстве и о закрепленном конституцией Малайзии особом положении малайцев¹, заходила речь и о проводящейся в Малайзии уже много лет школьной политике, направленной на сокращение числа китайских школ и превращение их в так называемые национальные с преподаванием на малайском языке², а также о принудительном внедрении малайского языка среди взрослого иноязычного населения страны³. Естественно, большой интерес представляет в этой связи и подход самих малайзийцев к решению национального вопроса в стране. Обзор ряда малайзийских и сингапурских работ, посвященных межобщинным отношениям в Малайзии, содержится в опубликованной недавно статье В. В. Гордеева. Однако, как резонно полагает автор, в связи с поправками к малайзийской конституции 1971 г., запрещающими (под страхом тюремного заключения!) публичное обсуждение любых вопросов, имеющих отношение к национальной проблематике, «в ближайшее время вряд ли можно ожидать появления работ национальных авторов, содержащих анализ состояния и развития национального вопроса в современной Малайзии»⁴.

¹ См., например: А. С. Герасимов, Федерация Малайзия (государственный строй), Киев, 1969, стр. 219, 221, 227—229, 251; И. А. Рябова, Рабочий класс и профсоюзы Малайзии, М., 1972, стр. 8—14.

² См.: М. Г. Журавлева, Китайцы Малайской Федерации, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 107; В. А. Жеребилов, Рабочий класс Малайи, М., 1962, стр. 166, 167.

³ См. И. Иверт, Малайзия — трудности и надежды, «За рубежом», 1971, № 19.

⁴ См. В. В. Гордеев, Историография Малайзии и Республики Сингапур по национальному вопросу Малайзии, в сб. «Национальная историография стран Юго-Восточной Азии», М., 1974, стр. 186, 187.

В создавшихся условиях особое значение приобретает анализ произведений художественной литературы, в той или иной степени затрагивающих интересующую нас тему. При этом сугубый интерес представляют не столько сравнительно редкие в нынешних условиях декларации, высказываемые непосредственно авторами или вкладываемые ими в уста своих героев, и даже не прозрачные параболы вроде той, к которой прибегает крупнейший малайзийский писатель Шахнон Ахмад в своей повести «Министр», вызвавшей нарекания в разжигании национальной розни и шовинизме⁵, сколько «простые», «бесхитростные» произведения, в которых тем или иным образом действуют, соприкасаются, конфликтуют персонажи-малайцы и персонажи-китайцы, представляющие две наиболее крупные общины Малайзии. Анализируя их взаимоотношения, мы поймем, как сами малайзийцы — или по крайней мере достаточно репрезентативная часть местной интеллигенции — писатели — представляют себе межэтнические отношения в своей стране, увидим, как рисует им разрешение межэтнических противоречий. Не владея китайским языком, автор вынужден ограничиться в поисках ключа к данной проблеме лишь малайзийской литературой, а именно жанром рассказа на малайском языке. Сделав этот выбор, мы можем заранее предположить, что перед нами откроется преимущественно малайская точка зрения, так как литература на малайском языке, которая по прогнозам малайских культурных деятелей в недалеком будущем должна стать средством выражения и китайских, и тамильских писателей, в настоящее время остается полем деятельности преимущественно писателей-малайцев. Что же касается популярнейшего в современной литературе на малайском языке жанра рассказа, то он представляется чрезвычайно удобным для выяснения интересующего нас вопроса, так как будучи, с одной стороны, определенным обобщением действительности, этот жанр, с другой стороны, не терпит излишнего груза слов или нравоучений и сводится, как правило, к описанию отдельного события в жизни человека. Вот почему, проанализировав достаточное количество рассказов-событий и выяснив ту роль, которую играют в этих событиях представители обеих общин, мы сможем представить себе различные варианты малайской модели межэтнических отношений в Малайзии. При этом торопливость и известная поверхностность, свойственные некоторым из рассматриваемых нами рассказов, позволяют особенно отчетливо увидеть те стереотипы и клише, с помощью которых нередко строится картина отношений малайцев с их согражданами китайского происхождения.

Анализируя «социальное устройство художественного мира» отобранных рассказов, мы постараемся в первую очередь выяснить, в каких случаях действующие в них малайцы и китайцы составляют некое «мы» — универсальную психологическую форму самосознания всякой общности людей, а в каких случаях эти действующие лица противопостоят друг другу (отношения «они» и «мы»). Подобного рода анализ с заведомым этносоциологическим прицелом оказывается во многом близок структурному анализу сюжета художественного текста. Недаром, приводя примеры обратимости сюжетов, литературовед Ю. М. Лотман, самым естественным образом пользуется теми же категориями, что и любой этнопсихолог или этносоциолог: «один из „нас“, преодолев границу (...переделав „по-ихнему“, заговорил „не по-нашему“, „вскликнул Ма-

⁵ См.: Y a h y a I s m a i l, Malay literary guide for 1966 and 1967, «Tenggara», vol. II, № 2, 1968, p. 91; C. S k i n n e r, A note of communalism in Malay literature, в сб. «The Tragedy in Malaysia», Monash, 1969. Герои Шахнона Ахмада, министр-малаец, во сне переносится из 1967 в 1987 г. и с ужасом видит, что «люди с желтой кожей и приплюснутыми носами» (китайцы!) безраздельно хозяйничают в малайзийских городах, в то время как смуглокожие соплеменники министра обречены на голодное прозябание в диких горах и джунглях (S h a h n o n A h m a d, Menter, Penang, 1967, m. 107—117).

гомета“, как советует Афанасий Никитин, оделся французом, как Долохов), проникает к „ним“ или один из „них“ проникает к „нам“»⁶. В связи с этим вводимые Ю. М. Лотманом понятия «бессюжетной структуры текста» — членения мира художественного произведения на два разнородных, враждебных, противопоставляемых друг другу поля (сферы) и «движения сюжета» (события) как пересечения той запрещающей границы, которую утверждает «бессюжетная структура»⁷, оказываются как нельзя более кстати для уяснения этносоциологического содержания соответствующих рассказов.

Естественно, что полнота описания потребует внимания и к тем случаям малайско-китайских контактов, которые упоминаются лишь вскользь и не представляют собой события, составляющего движение сюжетов соответствующих рассказов.

Я ознакомился примерно с 400 рассказами малайских писателей, опубликованными за последние 15 лет в журналах «Dewan Sastra», «Dewan Masyarakat», «Dewan Bahasa», в воскресном выпуске газеты «Utusan Malaysia» — «Mingguan Malaysia», в антологиях «Cherita Pendek DPB», «Mekar dan Segar», «Pertentangan», «Suara Semusim», а также в сборниках рассказов Криса Маса, Усмана Аванга, А. Самада Саида, Касима Ахмада, Анис Сабирин, С. Османа Келантана, Ибрагима Омара, Харуна Аминуррашида и Яхьи Самаха. Среди них я обнаружил 42 рассказа, где в той или иной форме заходила речь об отношениях между представителями двух крупнейших общин малайзийского населения⁸. Если в предварительном порядке сгруппировать эти рассказы по типам описываемых или упоминаемых в них отношений, то окажется, что 8 рассказов заключают в себе чисто конфликтные ситуации, в 20 идет речь об амбивалентных любовных (или эротических) отношениях и, наконец, 14 содержат некоторую информацию о дружественных или, на худой конец, нейтральных отношениях представителей обеих общин. Сосредоточим сперва наше внимание на первой, «конфликтной» группе рассказов.

В наиболее раннем из этих рассказов, «Чувство долга» («Tugas») Усмана Аванга, главная коллизия подается как чисто социальная. Действительно, заурядное внушение, сделанное полицейским нарушившему правила владельцу машины, оказывается событием не потому, что первый из них был малайцем, а второй китайцем, а потому, что китаец — богатый делец, да еще личный знакомый начальника отдела кадров в полицейском управлении, а малаец — мелкий чиновник, дрожащий за свое место. И разве целый хор свидетелей происшествия — в большинстве своем малоимущих китайцев — не поддерживает полицейского, нашедшего в себе смелость осадить зазнавшегося богача!? Напротив, покушение малайского матроса Мата Лондона в одноименном рассказе Виджайи Мала «Mat London» на жизнь своего старого товарища Бабы⁹ вызвано только тем, что в повредившемся сознании Мата не кто иной как инноплеменник Баба предстает как ренегат, пособник их белого капитана, как подсознательный вызов мужскому достоинству Мата.

Центральный персонаж рассказа С. Османа Келантана «На чужом горбу» («Dedalu») дядя Касран — основатель и бессменный староста деревни Белукар Нангка, в которую все чаще и чаще навещаются со своими товарами китайский купец Ли Тун-хэ и индийский торговец Мо-хандар Сингх. Соблазнившись обещанной ему долей в прибылях, дядя

⁶ См. Ю. М. Лотман, Структура художественного текста, М., 1970, стр. 289.

⁷ См. там же, стр. 286—289.

⁸ Из рассмотрения был исключен глухой символический рассказ Азизи Хаджи Абдуллы «Мать-родина» (Pertiwi), хотя у малайского критика Хашима Аванга не вызывает сомнения то, что главный герой рассказа — аллегорическое изображение малайского национализма, а любовники его матери, убитые им заодно с нею, олицетворяют собой «чужаков», «пришлый элемент», незаконно пользующийся благами малайской земли (см. «Dewan Sastra», Mei 1973, т. 13).

⁹ Баба — прозвище натурализовавшихся китайцев в Малайзии.

Қасран помогает инородцам с их чадами и домочадцами закрепиться в Белукар Нангка и тем самым развязывает события, приводящие к резкому ухудшению положения его семьи. Рассказ без малейшего насилия поддается социологической интерпретации: жители Белукар Нангка («мы») олицетворяют в нем натуральное хозяйство, а китайцы и индийцы выступают носителями товарно-денежных отношений, и соответственно образы Ли Тун-хэ и Мохандар Сингха не более чем стереотипы жадных накопителей-иностранцев, которые держатся только за «своих» и абсолютно равнодушны к интересам местного населения.

По своему интересен и рассказ С. Османа Келантана «Борение» («Perjuangan»), герой которого покидает ряды партизанской «Армии национального освобождения», действующей и до сего дня в малайских провинциях Южного Таиланда, и пробирается в родной город. В рассказе нет действующих лиц-китайцев, и, однако, нетрудно догадаться, кто такие иностранцы, бок о бок с которыми столько лет воевал герой рассказа. Вряд ли можно считать случайным, что возвращение героя не состоится: обманом завлеченный 15 лет назад в сферу влияния китайской по своему составу партизанской армии, он снова обманывается, заглянув в окно родного дома, и уходит, так и не догадавшись, что мужчина, которого он увидел рядом со своей женой, не кто иной, как его родной брат.

Читая рассказ Афанди Хасана «Аутсайдер» («Orang Luar»), можно догадаться, что он имеет какое-то отношение к интересующей нас теме. Засучив рукава действует в порученной ему области герой рассказа — молодой ответственный работник Мустахим. Он внушает взбунтовавшимся малайским сквоттерам уважение к законности, отражает наскоки депутата парламента и политического демагога Саида Долаха, вежливо гнет свою линию в разговоре с министром, советуящим ему больше прислушиваться к голосу обществу. Только из заключения рассказа мы узнаем, что без малого все оппоненты Мустахима — и бедные сквоттеры, и их пылкий защитник Саид Долах — подставные лица, марионетки в руках китайских предпринимателей. Тем самым «неантагонистические» противоречия между «нашими» оказываются вдруг противоречиями между «нами» и «ими», катастрофически глубоко проникающими на «нашу» территорию.

Под занавес произносятся и другие слова в конце рассказа Шахнона Ахмада «Привет от всей родни» («Salam Sekeluarga»). С необычайной живостью и теплым юмором рассказывает писатель о далекой и бедной малайской деревне, рассказывает так, что перед глазами читателя ожидают, материализуются, покоряя своей неподдельностью, заботы, странности, ежедневные думы и забавы семьи рассказчика. Эта нескладная и в то же время устоявшаяся, верная сельскому календарю жизнь перебивается вдруг спешными и беспомощными приготовлениями к жакерии — против кого, почему — неизвестно. И за бездонным провалом — заключительные слова: «Проводи же в последнюю дорогу отца! Проводи в последний путь мать!». Через два года писатель объяснил, что рассказ был навеян сбивчивыми известиями о малайско-китайских столкновениях в мае 1969 г., попавшими из Малайзии в Австралию, где Шахнон Ахмад в это время стажировался в университете¹⁰.

Тему малайско-китайской резни — на этот раз уже в потоке сочувственных воспоминаний рассказчика — мы встречаем и в блестящем рассказе Шахнона Ахмада «Если мать поднимется на третью ступеньку» («Kalau Ibu Naik Takah Tiga»). Не всякому понятно, каких «неверных» крошил покойный отец рассказчика у подножья горы Селамбоу, на какую священную войну собирала мужа мать рассказчика, предстоящим похоронам которой посвящен рассказ. Но комментарии писателя не ос-

¹⁰ Sha h n o n A h m a d, Keringnya Daya Kreatif Sendiri, «Dewan Sastra», September 1972, m. 65.

тавляют сомнений: речь идет здесь о местности в штате Кедах, поблизости от города Гурун, где в конце 40-х годов имела место малайско-китайская резня¹¹.

И наконец, неподражаемый по своей естественности рассказ Шахнона Ахмада «Семейные неурядицы» («Di Tengah Keluarga») — история сложных отношений между сыном и родителями, окончательно прерывающийся с того момента, когда нахватавшийся новых гуманистических веяний сын, зная, что отец мечтает о внуке — продолжателе рода, усыновляет... китайчонка. Чужеродное тело с горечью и возмущением отторгается «нашим» социальным организмом, пусть даже в данном случае речь идет о тельце годовалого ребенка.

Подводя итоги, нельзя не обратить внимание на то, что в большинстве приведенных выше рассказов китайцы рассматриваются как группа-конкурент¹², опасность которой тем более велика, что в качестве ее фактических пособников или прямых агентов нередко выступают сами малайцы («Борение», «Аутсайдер», «Семейные неурядицы»). Следует заметить, что лишь в двух рассказах мы сталкиваемся с распространенным в Малайзии этническим стереотипом китайца — богатого, влиятельного, безжалостного буржуа¹³ и еще в одном подразумеваются китайские деятели того же типа, в остальных же рассказах китайцы противопоставляются малайцам скорее в качестве этнической группы как таковой. Обращает на себя внимание то, что «бессюжетная структура» шести из рассмотренных рассказов строится на строгом разделении «нашей» и «их» сфер влияния, причем во всех этих рассказах китайцы (сами или с помощью связавших с ними судьбу малайцев) действуют как нарушители границы между сферами влияния, что опять-таки характерно для нации-конкурента.

В 20 рассказах второй — самой многочисленной — группы 14 раз упоминается о взаимоотношениях малайцев с китайками и 6 раз о взаимоотношениях китайцев с малайками. В девяти рассказах китайка выступает как воплощение чувственного начала, причем во всех этих случаях, кроме одного — «Доброе дело» («Budi») Усмана Аванга — она вольно или невольно совлекает малайца с истинного пути, а то и откровенно соблазняет его. Так, в рассказе Усмана Аванга «Стручок и горошина» («Kacang Dan Kulitnya») Че Шукур, новоиспеченный депутат совета народных представителей, потанцевав на вечеринке с обольстительной молодой китайкой, решает подыскать себе новую жену. По сути дела, об аналогичной ситуации упоминается в рассказе Анис Сабинин «Отцеубийца» («Dia Telah Membunuh Bapanya»), где отец героя, покинув жену и малолетнего ребенка, «оформляет отношения» со своей возлюбленной-китайкой. У нас нет оснований подозревать в бесчестных намерениях кокетливую вторкурсницу Мими (рассказ Исмаила Хаджи Аднана «Прозрение» («Insaf»)), но факт остается фактом — ее смазливое личико, отличная фигурка и неподражаемая манера напевать «Honey Come Back» чуть не заставили студента Хамида забыть о его самоотверженной невесте, скромной сельской учительнице Тине. В ту же ситуацию попадает было и герой юмористического рассказа Хамдана Яхьи «Я читала Ницше» («Saya Kenal Nietzsche»), на которого производят неизгладимое впечатление не только женские чары и профессиональное мастерство парикмахерши Мей Лин, но и ее университетская эрудиция, обращаваю-

¹¹ Личная информация Шахнона Ахмада автору статьи в письме от 20 декабря 1972 г.

¹² См. И. Кон, Психология предрассудка (о социально-политических корнях этнических предубеждений), «Новый мир», 1966, № 9, стр. 188, 198.

¹³ Как замечает В. Ф. Вертхейм, в традиционных обществах Юго-Восточной Азии торговлей занимались иностранцы, прежде всего китайцы, «и хотя с течением времени китайцы были допущены или оказались в состоянии попытать счастье и в других сферах деятельности, над ними до сих пор тяготеет презрение, которое испытывает к профессии торговца деревенское общество» (W. F. Wertheim, East-West Parallels. Sociological Approach to Modern Asia, The Hague, 1964, p. 44).

щаяся в конце концов для героя астрономической платой за обслуживание. Из рассказа Криса Маса «Задняя комната» («Bilik Belakang») мы узнаем о том, как во время рамазана молодой малайский бюрократ Че Юсуф тайком от жены предается возлияниям в компании чиновника-европейца, китайского дельца и молодой хорошенькой и улыбочивой китайочки, которая не отказывает ему в знаках внимания, равно, как, впрочем, и другим его собутыльникам. В другом рассказе того же писателя «Падение» («Runtuh») проститутирующий общественный деятель Хашим делит свое свободное время между потерявшей к нему любовь и уважение женой и некой Ханси, безотказной и любвеобильной содержанкой богатого китайца, тем самым как бы получая от ее покровителя плату вперед за будущие услуги.

Искушение Айдиля, молодого ответственного сотрудника одного из малайзийских министерств, составляет сюжет рассказа Яхьи Самаха «Линда берется за дело» («Linda Di Tengah Gelanggang»). Попав в спальню к роскошной китайке Линде, герой забывает обо всем... кроме своего служебного долга. Однако Линда тоже не забывает о деле: прежде всего ей нужно получить от Айдиля документ, который позволил бы ее мужу и впредь безнаказанно загрязнять природную среду вокруг своего рудника, не обращая внимания на жалобы малайского населения. В итоге основная задача Линды приводит в столкновение с основной задачей Айдиля, и соблазнительница терпит фиаско. В рассказе Рубайдина Сивара «Ночь медового месяца» («Malam Bulan Madu») испытанию снова подвергается лояльность — на этот раз супружеская — состоятельного молодожена-малайца. Его соблазнительнице, юной и привлекательной Дженет Лян, приходится выйти на улицу, чтобы обеспечить хоть какое-то существование своей семье и заработать деньги на право учения для себя и своего младшего брата. Не на шутку испуганному молодожену лишь ценой величайших усилий удается спастись из объятий настойчивой проститутки.

Как нетрудно заметить, во всех обрисованных выше ситуациях по-прежнему присутствует отчетливая двумерность изображаемого. Персонажи-малайцы, поддающиеся искушению, тем самым навсегда переходят в антиполе, сливаются с ним, что равносильно для них нравственной гибели. Персонажи, выдержавшие испытание, неизменно возвращаются в «свой» малайский мир.

Если исходить из того, что мы имеем дело с системой представлений, общей для значительного количества рассматриваемых рассказов, можно предположить, что переход китайки в «малайский мир» и органическое слияние ее с этим миром («миром нравственности», «миром духовности») должно оцениваться самым положительным образом. Действительно, вполне благополучно выглядят малайско-китайские браки, венчающие собой рассказы Халида бин Аббаса «Приемная дочь старосты Маджида» («Anak Angkat Panghulu Majid») и Буанга Алиаса Ибрагима «Случай из времени Чрезвычайного положения» («Secoret Kesah Dharurat»), а в рассказе Агуса Салима «Последняя оборона» («Pertahanan Terakhir») подобный брак старшей дочери консервативного буржуа Го вызывает плохо скрытое сочувствие и второй дочери Го — Ми Лань. Само собой разумеется, что при вступлении в брак молодые китайки должны принять ислам — «вскликнуть Магомета» — формальный, но чрезвычайно существенный акт, поскольку религия, по справедливому замечанию Ю. В. Маретина, является в странах Юго-Восточной Азии этнообразующим фактором для большинства населения, исповедующего данную религию¹⁴. Препятствия на пути героев к объединению могут исходить исключительно от родственников и соплеменников невесты («Последняя

¹⁴ См. Ю. В. Маретин, Этнонациональные процессы в современной Юго-Восточной Азии: основные факторы и направления, «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)», Ленинград, февраль, 1972», Л., 1972, стр. 41, 42.

оборона»), что же касается родни жениха, то она принимает в свой круг молодую с распростертыми объятиями.

Различия в восприятии малайского и китайского миров особенно наглядно проявляются при сопоставлении упоминавшихся выше рассказов Рубайдина Сивара и Буанга Алиаса Ибрагима. Когда первый из них описывает китайский квартал, его тревожит и неприятно поражает здесь все: темные закоулки, подозрительно сгрудившиеся дома, вонючие канавы и лужи с тинистой застоявшейся водой. Отвращение героя усугубляется по мере того, как перед ним раскрывается окружение Дженет: ее неопрятная и злобно смотрящая на него бабка, безнадежный курильщик опиума — дед, «которому давно пора было бы отправиться на тот свет и не обременять собой землю», рахитичный брат Дженет, пережевывающий остаток риса, держа за обнаженную грудь своей рябой матери... Напротив, целомудренные встречи героя Буанга Алиаса Ибрагима с его будущей женой Ким Ли происходят под голубым небесным шатром, над влюбленными пробегают купы облаков, их овеивает свежий ветерок, приводящий в движение окружающую их пышную зелень (оппозиция: «своя» деревня — «чужой» город), а будучи принятой в малайскую семью, Ким Ли находит общий язык со своей свекровью с такой же легкостью, с какой нашла язык с мужем («Хотя нас разделяло многое — и религия, и обычаи, и культура, и происхождение, нашему чувству не было до этого дела. Повинуясь зову молодости, мы приняли друг друга в наши сердца, давно уже изнывавшие в ожидании любви». «Моя мать полюбила ее от всей души, и Ким Ли тоже привязалась к матери и прониклась к ней глубоким уважением»). В этом противопоставлении трудно не увидеть реликта этноцентрического сознания, в восприятии которого собственная группа и все присущие ей черты трактуются как единственно правдивые, естественные и совершенные в отличие от черт всех прочих групп¹⁵.

Несколько иное отношение к «их» миру мы обнаруживаем у Хашима героя рассказа Хасана Али «Сожженный кораблик» («Kapalnya Dibakar»). Он не испытывает ни ужаса, ни брезгливости, входя в дом Сю Фын, избавленной, впрочем, автором от каких бы то ни было родственников, с интересом приглядывается к обрядам и обычаям, к которым привержена его избранница. Однако и Хашиму кажется само собой разумеющимся, что его будущая жена должна отказаться от унаследованной ею от отцов культуры и принять «простую», «естественную» мусульманскую религию. Но напрасно Сю Фын сжигает бумажный кораблик, символизирующий собой мечту о возвращении в край предков, которую она лелеяла вместе со своим прежним возлюбленным Ким Ва. Инертность мешает ей войти в гостеприимно раскрытые ворота малайского мира — в конце концов ее мужем становится китаец.

Единственным рассказом, в котором не заходит речь ни о слиянии малайца с китайским миром ни об ассимиляции его возлюбленной — китаянки, оказывается рассказ Касима Ахмада «Влюбленные из Куала-Лумпура» («Percintaan Di Kuala Lumpur»). Герой рассказа, образованный малаец Абдул Рахим, поборник истинного взаимопонимания между народами Малайи. Встретив полное понимание со стороны страстно любящей его чуткой и целомудренной Ким Лянь он надеется создать вместе с нею семью — ячейку и прообраз новой малайзийской нации. Духовная близость обоих влюбленных только подчеркивает их свободу по отношению к своему окружению (мы ничего не узнаем о родне Абдула Рахима, а родственники Ким Лянь упоминаются лишь один раз, когда идет речь о ее решимости порвать с ними ради своего любимого). Имя, которым Абдул Рахим называет свою возлюбленную, — китайское Лянь, которое он шутливо переосмысливает как уменьшительное от ма-

¹⁵ См. J. Obrębski, Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie, «Przegląd socjologiczny», t. IV, 1—2, 1936, s. 111.

лайского имени Камалиан, объединяющий их язык — обоим приходится прибегать к английскому (языку-посреднику), отведенное им для общения пространство — ресторан, улица (от которой они отделены лишь стенками машины Абдула Рахима) — все это говорит о межеумочности и бездомности героев, убеждает в том, что перед нами сюжет нового типа: преодолев каждый границу своего мира, герои не торопятся вернуться к себе, захватив нечто, но пытаются задержаться в пограничной «ничейной» полосе и освоить ее. Однако заданная структура текста решительно восстает против чрезмерно подвижных героев, игнорирующих особый режим пограничной области¹⁶. По сквоттерам открывают огонь: за влюбленными следят двое незнакомых китайцев, они получают анонимные письма с угрозами, затем Абдул Рахима шантажирует в ресторане незнакомый ему малаец и, наконец, за несколько дней перед свадьбой Абдул Рахим гибнет от руки молодого китайца — орудия в руках неизвестных злоумышленников, а Ким Лянь принимает яд. Таким образом, «Любовники из Куала-Лумпура» подтверждают то, что в малайском рассказе влечение малайца к китайке может привести к благополучному (матримониальному) концу лишь в тех случаях, когда предмет его чувств готов принять ислам и раствориться в малайском мире.

Мало хорошего происходит и в тех случаях, когда китаец проявляет интерес к малайке. В рассказе А. Самада Саида «Приемный покой» («Sebuah Bilek») описывается безуспешный флирт немолодого женатого ассистента Луаня с медсестрой Хатиджей. Убитой находят Амину, героиню рассказа Харуна Аминуррашида «Молодая» («Isteri Muda»), причем среди арестованных по подозрению в убийстве находится и содержатель Амины — китаец, обещавший жениться на ней и принять ислам. У Аванга Хада Салеха в рассказе «Я так чувствую» («Kesah Perasaan-ku») «свободный художник» Роберт (крещенный китаец) бросает забеременевшую от него Салму, после чего она кончает жизнь самоубийством. Напрасные надежды зашевелились в сердце крупного административного работника Лима (рассказ Хасбимы «Мунши»): приехав в гости к своей очаровательной учительнице малайского языка Зарине, он узнает, что инициатором приглашения был, собственно говоря, отец Зарины, в свое время уволенный им с работы за то, что вынужден был направо и налево брать в долг, стараясь дать образование дочери. Наконец, из рассказа «До тла» («Ketandusan») писательницы Сары Рахим мы узнаем о том, как бессмысленно гибнет страстно влюбившийся в учительницу Муниру одинокий в своей склочной буржуазной семье подросток Вон Кью. Оставив за скобками упоминание о внушающей определенные надежды любви сына старого рутинера Го к юной малайке Норани из приводившегося рассказа «Последняя оборона», можно сказать, что конструкция мира, с которой мы сталкиваемся в наших рассказах, исключает благоприятный исход подобных связей.

Рассматривая рассказы этой группы, можно сказать, что в них сохраняется та же «бессюжетная структура» текста, как и в рассказах первой группы, и то же противопоставление малайской и китайской общин. Китайские женщины обладают несомненными достоинствами в глазах малайцев, что говорит о сравнительно высоком статусе китайской общины с малайской точки зрения. В то же время сравнительно низкий нравственный уровень «группы-конкурента»¹⁷ приводит к тому, что в

¹⁶ Как замечает Ю. М. Лотман, «все виды препятствия... в тексте, как правило, сконцентрированы на границе и структурно всегда представляют собой ее часть» (см. Ю. М. Лотман, Указ. раб., стр. 291).

¹⁷ Говоря о психологическом стереотипе национального меньшинства (группы) — конкурента, И. Кон отмечает, что «ей не отказывают в умственных способностях, наоборот, эти способности часто преувеличивают — страх перед конкурентом побуждает переоценивать его опасность, но говорят, что они «плохо направлены», «группа-конкурент» осуждается и соответственно признается «низшей» в моральном отношении» (И. Кон, Указ. раб., стр. 198).

качестве членов своей общины китайянки отрицательным образом влияют на увлеченных ими малайцев, и лишь в тех немногих случаях, когда, преодолев сопротивление китайского окружения, малайцам удастся перетянуть китайянок в свою среду, они могут превратиться в верных супруг и добродетельных матерей. При всей условности этой модели (смешанные браки китайянок с малайцами остаются по сей день явлением чрезвычайно редким¹⁸), нельзя не обратить внимание на ее односторонность: ведь говорить о создании интеграции, об установлении отношений свойства между обеими группами можно лишь при соблюдении принципа взаимности¹⁹. Между тем о взаимности нет и речи в вырисовывающейся модели, где не учитываются матримониальные союзы китайцев с малайками и где редкие смешанные браки выглядят не как синтетическая форма обмена дарами, а скорее как малайский вариант похищения сабинянок.

Среди рассказов третьей группы половина заключает в себе уже знакомые нам ситуации. Так, в рассказе Криса Маса «Дети — дело серьезное» («Banyak Anak») вдумчивого Хамзу, пытающегося понять, как в одном лице совместить обязанности любящего сына и мудрого предусмотрительного отца семейства, безуспешно сбивает с толку некий Тянь Лянь, любитель легкой жизни и сомнительных развлечений; в рассказе Авам-ил-Саркама «Слежка» («Pengintipan») говорится о том, что главный персонаж, малаец Палил, стал грабителем с помощью некоего Тань А-би, вместе с которым он в конце концов попадает за решетку; наконец, рассказ Армина Сани «Плохая погода» («Mendung») — история постепенного разлечения среднего малайского служащего двумя негодями — А Ляном и его подручным Семауном. Все эти три случая смело могут быть классифицированы как новые варианты «искушения» малайца представителем китайской общины, притом, однако, что искусителем оказывается здесь лицо мужского пола. С другой стороны рассказы Ибрагима Омара «Харья Мелина» и «Плоды сердечных трудов» («Berkat Usaha Dari Kehendak Hati») и Л. Ч. Ланя «Девушки в баджу куронг» («Gadis Berbaju Kurong»)²⁰ смыкаются со знакомыми нам рассказами о девушках-китайянках, перешедших в ислам и сочетавшихся законным браком с малайцами. В первом рассказе речь идет о молодой акушерке-китайянке, с помощью малайской бабки принимающей роды у малайки; во втором — о китайянке, нашедшей свое призвание в профессии учительницы малайского языка в китайской школе; рассказ (скорее очерк) Ланя посвящен двум студенткам, воплощающим в себе идеал ассимилированной китайянки: в обеих не осталось почти ничего китайского, разве что одна из них еще умеет читать китайскую газету! Движение сюжета во всех трех рассказах опять-таки сводится к тому, что героини покидают свою общину, отказываются от атрибутов своей культуры, чтобы содействовать умножению малайской общины (пусть в качестве восприимчивцев малайских детей) или же приобщаться, а затем приобщать и своих соплеменников к малайской культуре. Тем больший интерес представляет собой рассказ Асмала «А Хоу — кандидат в рай» («Ah Khaw Masok Syorga»), в котором та же самая тема предстает перед нами в другом освещении.

В самом деле, пожилая домохозяйка, предоставившая в своем доме убежище тоже немолодому уже безработному рикше А Хоу, мало-помалу старается приобщить его к внешним формам малайской культуры и отучить от одиозных для нее привычек — принятой у малайских ки-

¹⁸ Так, судя по хорошо изученным сингапурским материалам, «браки между малайцами и китайцами заключаются чрезвычайно редко. Как правило, это браки между китайской девушкой, воспитанной в малайской семье и принявшей ислам, и малайцем» (см. И. П. Груфанов, Сингапур, М., 1967, стр. 68, 69).

¹⁹ См. С. Lévi-Strauss, Les structures élémentaires de la parenté. Paris, 1949, p. 79.

²⁰ Баджу куронг (мал.) — глухая женская кофточка, одевающаяся через голову.

тайцев легкой «неприличной» одежды, их излюбленного лакомства — свинины, трубки с опиумом в момент критической жизненной ситуации и т. д. Кряхтя и вздыхая, А Хоу шаг за шагом сдает свои позиции, с одной стороны, он понимает, что женщина на свой лад желает ему добра, с другой стороны, ему не приходится выбирать — если бы не хозяйка и ее старший сын — приятель А Хоу, его давно схватили бы японцы, оккупировавшие Сингапур и устраивающие облавы на китайцев. Кажется, еще немного — и старая женщина добьется исполнения сокровенной своей мечты, а бедный язычник А Хоу станет, наконец, мусульманином Ахмадом. И однако, чем дальше мы читаем рассказ Асмала, тем больше укрепляется в нас ощущение всей условности перемен, происходящих в образе жизни А Хоу, всей мнимости предстоящего ему обращения в «истинную веру». Психолог объяснил бы это тем, что А Хоу меняет образ жизни под давлением обстоятельств, что неосмысленное, непрочувствованное обращение в ту или иную религию является чисто формальной акцией — и был бы прав; с точки зрения сюжета так и несостоявшееся в конце концов обращение А Хоу в ислам не могло бы рассматриваться как событие, так как его вступление в ряды правоверных было бы не более чем перемещением героя внутри уже отведенного ему «нашего пространства». Истинным событием можно считать выведенное за рамки повествования появление А Хоу в семье его малайского друга, вступление его в дружественный мир малайской семьи из мира, где властвуют японские оккупанты, «мира, где убивают» (характерно, что сыновья отрицательно или по меньшей степени безразлично относятся к прозелитической деятельности своей матери, а младший сын, от лица которого ведется рассказ, прямо помогает вылазкам А Хоу в область привычных для него ценностей)²¹. Второе событие, приходящееся на конец повествования, — это скоропостижная смерть А Хоу, которая вновь исторгает его из мира, где ему удалось уцелеть от гонений, где он почувствовал себя «своим».

Таким образом, рассказ Асмала открывает собой последнюю и наиболее интересную для нас подгруппу из восьми рассказов, в которой в конечном счете оппозиция «мы» (малайцы) — «они» (китайцы) заменяется неким общим гетерогенным «мы», противопоставленным новому «они» (не беда, что внутри этого «мы» могут быть свои противоречия и трения). В четырех рассказах за этим «они» стоит социально чуждая среда. В рассказе А. Самада Саида «У обочины шоссе» («Di Tepi Jalan») маленькой, но пестрой в национальном отношении группе дорожных рабочих противостоит отнюдь не лишенный привлекательности, но закрытый для них мир, где люди живут в свое удовольствие, не зная ни изнурительного труда, ни вечной спешки. С аналогичной ситуацией сталкиваемся мы в рассказе С. Хамисала «Два человека, две надежды» («Dua Makhluk, Dua Harapan»), в котором общая судьба сближает двух женщин, вынужденных зарабатывать себе на хлеб нелегким трудом уборщицы, — многодетную малайку Рамлах и молодую китайку А Ким. Та же ситуация обрисована и в тщательно сконструированном рассказе Амира Тана «Гости» («Tamu»), герой которого Мен Тат покидает богатых родителей и находит новую семью среди простых малайцев — покорителей лесной целины, не забывая при этом родной культуры (он как раз устраивает пир в честь китайского «праздника фонарей» для своих соседей-малайцев в то время, когда к нему приезжают

²¹ Гуманистичность позиции рассказчика тем более очевидна, что по существу «причиной» напряженности (между китайцами и коренным населением Юго-Восточной Азии. — Б. П.) является совсем не культурная разобщенность. Ожесточение начинает возникать как раз тогда, когда культурная разобщенность стирается до такой степени, что становится возможной конкуренция. Культурная отчужденность не есть подлинная причина (шовинистической) кампании, это — удобный способ ее рационального объяснения» (W. F. Wertheim, Указ. раб., стр. 79).

родители и старший брат, чтобы безуспешно попытаться вернуть е к обеспеченной городской жизни). С другой стороны, у Османа Келатана (рассказ «Подонки» — «Sisa») кучка отверженных подростков, б пяти минут уголовников, в том числе трусоватый китайчонок Гуань Се противопоставляет себя законопослушному миру взрослых, которым н до них никакого дела.

В четырех рассказах подгруппы, как и в рассказе Асмала, втор... членом оппозиции, способствующим формированию нового «мы», оказы... вается внешний враг, иноземный агрессор, вредитель, наносящий ущерб всем народам Малайзии. Если у Асмала «наша» территория реализуется в виде семейного дома, то в рассказе Криса Маса «Наши торговые ряды» («Kedai Sederet Di Kampong Kami») она предстает перед нами как некая идеальная деревня, в которой созданы все условия для междообщинной гармонии. Китайцы тут не пришлый элемент, а такие же старожилы, как малайцы, вдобавок такие же, как они, бедняки. С другой стороны, «у них», в городе, оседают деморализующиеся выходцы из деревни, будь то разбогатевшие китайцы или приблизившиеся к кормилу власти малайцы. И когда с объявлением чрезвычайного положения (1948—1956 гг.) уходит в лес староста деревни, а с ним сколько-то его товарищей — молодых китайцев и малайцев (опять равное представительство!), то разве они уходят не для того, чтобы воспрепятствовать проникновению в свою родную («нашу») деревню движущихся из города карательных частей, послушных приказам властей (в рассказе, впервые опубликованном в 1956 г. еще в колониальной Малайе, по понятным соображениям ни разу не упоминается слово «англичанин»). Братские связи, установившиеся в годину испытаний, неподвластны времени, как бы продолжает эту тему Осман Келантан. Встреча разноплеменных ветеранов борьбы за независимость в его рассказе «Ваша мать жива» («Ibu Tidak Mati»), их неумолкающий смех и не лишенные эротизма шутки выглядят вряд ли осознанной реконструкцией архаического ритуала, знаменующего собой победу жизни над смертью (умерла жена одного из боевых соратников — малайца), неиссякаемое плодородие и мощь земли (в данном случае малайской земли — общей матери предающихся по воле автора ритуальному веселью членов боевого братства). Однако оптимистические картины, нарисованные Крисом Масом и Османом Келантаном, несколько тускнеют, стоит лишь обратиться к рассказам А. Самада Саида, также затрагивающего тему малайско-китайской общности, намечающейся в годы войны.

Рассказы А. Самада Саида «Война и люди» («Perang Dan Manusia») и «Капитуляция» («Penyerahan») можно рассматривать как своего рода диптих, и если в первом рассказе «они», наступающие на Сингапур японцы, сами остаются за кадром, во втором рассказе захватчики вступают в город и ни один горожанин не застрахован уже от вторжения «чужих» на его территорию, ограниченную отныне ненадежными стенами его дома. Кажется, как никогда раньше, ощущает свое единство подвергающееся общей опасности пестрое население Сингапура: водитель автобуса Сю Фын, узнав, что его товарищ по работе Сапуан остался без крова, предлагает ему разделить с ним жилье и принимает самое живое участие в судьбе его близких, малаец Маруф чувствует себя членом одной семьи с приютившим его мусульманином-китайцем и его дочкой Зубейдой. Однако когда выясняется, что в оккупированном Сингапуре самое опасное — это быть китайцем, а значит и оказывать ему помощь, жить с ним под одной крышей, групповое сознание новой общности дает глубокую трещину, и вот уже Латифа, жена Маруфа, со слезами на глазах чуть ли не выталкивает Зубейду к явившимся в дом японцам, а четверть часа спустя Маруф, глядя на испугавшиеся рожицы своих детей и чувствуя на себе умоляющий взгляд жены, не решаетесь прийти на помощь девушке, которую насилует японский офицер. В жестких услови-

ях, заданных автором, возникшее было малайско-китайское единство не выдерживает пробы на прочность.

Наш обзор подошел к концу. Как мы имели возможность убедиться, бессюжетная структура текста большинства рассмотренных нами рассказов подразумевает четкое разграничение «нашего» (малайского) и «не нашего» (китайского) поля деятельности, причем в 21 случае (50%) китайцы (китайки) оказываются носителями некоего вредоносного начала, зачастую связанного с богатством, а общение с ними приносит ущерб малайцам. Пересечение границы, разделяющей малайский и китайский мир, оценивается положительно в шести случаях (14%), когда в малайский мир переходит китайка, порывающая со своей средой и посвящающая себя служению малайскому миру. Естественно предположить, что воспринятые малайскими читателями, эти рассказы в какой-то степени должны способствовать консолидации малайцев и благоприятствовать консервативным (этноцентрическим) тенденциям в малайзийском обществе. Этого нельзя сказать о девяти рассказах (21%), в которых — чаще всего в связи с некоей внешней опасностью или же совместным трудом — моделируется новое «мы», где персонажи-малайцы выступают на равных правах с персонажами-китайцами²². Именно эти неравные в художественном отношении произведения, среди которых наиболее яркими представляются рассказы Асмала и А. Самада Саида, по идее своей могут рассматриваться как ростки новой малайзийской литературы на малайском языке, свободной от малайского национализма и способствующей дальнейшему сплочению народов Малайзии.

INTER-ETHNIC RELATIONS IN MALAYSIA AND THEIR REPRESENTATION IN THE MODERN MALAY SHORT STORY

Out of 400 Malay (Malaysian)-language short stories published between 1958 and 1974 in periodicals, anthologies and collections of works by individual authors, 42 stories, in which Malay and Chinese characters are depicted in their interrelations, have been selected. Preliminarily, the stories were classified into three groups: the first (8 stories) with purely conflict situations, the second (20 stories) with erotic or love interrelations between the characters, and the third (14 stories) showing friendly (amicable) relations. Analysis of the stories in all three groups permits the conclusion that in 21 cases (50 p. c.) the Chinese («they») are revealed as bearers of a certain injurious principle often associated with wealth; intercourse with them is prejudicial to Malays («us»). Transition from «their» world to «ours» is favourably assessed only in 6 cases (14 p. c.) where it is made by Chinese women who sever themselves from their environment and devote themselves to serving the Malay world. Only in 9 stories (21 p. c.) does a new «we» become modelled in connection with some outside danger or with joint working activity in which Malay and Chinese characters appear as co-equals. It is just these stories (of which those by Asmal and by A. Samad Said may be said to be the best) that may be regarded in their basic principles as germs of a new Malaysian literature, free from Malay nationalism and filled with a sense of responsibility for the future of Malaysia and its peoples.

²² Наши выводы заметно расходятся с выводами малайского литературоведа Мохаммада Таиба Османа, выступившего недавно со статьей «Межобщинные отношения в малайском рассказе после беспорядков 13 мая» (Mohd. Taid Osman, Tema Antara Kaum Dalam Cerpen Melayu Semenjak Rusuhan 13 Mei, «Dewan Sastra», Januari, 1976). Тот факт, что из 55 рассказов, рассмотренных Мохаммадом Таибом Османом, около двух третей оказываются посвященными идиллическим межобщинным отношениям, объясняется, на мой взгляд, конъюнктурой, сложившейся в малайской печати после событий 13 мая (см. выше, стр. 78), тем, что малайский автор избрал для анализа наиболее чутко реагирующие на конъюнктуру газетные публикации и, наконец, то, что все без исключения рассказы о смешанных браках интерпретируются Мохаммадом Таибом Османом как рассказы о гармонических, хотя и весьма далеких от действительности, межобщинных отношениях.

С. М. Абрамзон

**«СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»
В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ**

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЭТНОГРАФА)

Как известно, с 1926 по 1930 г. в Москве издавался журнал «Этнография». На страницах последнего были опубликованы статьи, внесшие большой вклад в этнографическую науку. Достаточно назвать хотя бы две из них, напечатанные в 1930 г. в № 1—2 журнала: В. Г. Тана Богораза — «К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений» и С. П. Толстова — «К проблеме акультурации».

В 1931 г. журнал был переименован в «Советскую этнографию», и его издание было перенесено в Ленинград. Журнал был тесно связан с развертывавшим тогда свою работу новым учреждением Академии наук СССР — Институтом по изучению народов СССР (ИПИН). Этот Институт в качестве одной из основных задач выдвигал, как мы теперь сказали бы, «вторжение в жизнь». Он стремился объединить силы этнографов и фольклористов нашей многонациональной страны для решения насущных задач этнографической науки, призванной способствовать поступательному развитию советского общества. Важная роль в этой работе отводилась новому журналу.

Первым ответственным редактором журнала (и одновременно директором Музея антропологии и этнографии и заместителем директора ИПИН) был Николай Михайлович Маторин. Можно с полным правом сказать, что Н. М. Маторин в начале 1930-х гг. был душой всех начинаний в области этнографии в Академии наук СССР. Обладая блестящими организаторскими способностями, чутко улавливая «пульс времени», имея глубокую теоретическую подготовку, Н. М. Маторин — энтузиаст, влюбленный в науку — сумел сплотить вокруг себя всех, кто считал себя этнографом или хотел им стать. И когда в 1931 г. после пятилетней работы по созданию первых научных учреждений в Киргизской АССР я вернулся в Ленинград, то с первых же дней пребывания там я встретил теплый прием, доброжелательную поддержку и внимание со стороны Николая Михайловича.

Его деятельным помощником в организации работы редколлегии, в создании авторского актива, в установлении связей журнала с научными учреждениями и учеными на местах, в получении самой свежей информации обо всем, что происходило на этнографическом фронте, был секретарь редакции Андрей Григорьевич Данилин. С самоотверженным трудом этих ученых были связаны становление и первые годы

существования журнала. Вся работа с авторами проводилась в одном из кабинетов Н. М. Маторина (в МАЭ или в ИПИНе), а часто и у него дома. Здесь рождались все идеи и замыслы, воплощавшиеся потом в очередных номерах журнала. А. Г. Данилин был буквально вездесущим: он успевал договариваться с авторами, получать необходимую информацию, посещать научные заседания и другие мероприятия в ИПИНе и МАЭ, окончательно комплектовать номер, читать гранки...

Как только я приехал в Ленинград и побывал у Николая Михайловича, я тут же получил предложение написать статью об этнографической работе в Киргизии, и она успела попасть в первый же выпуск журнала (№ 1—2). После того, как я поделился с Н. М. Маториным своими впечатлениями о социальных процессах, происходивших в то время в Киргизии, он заказал мне статью на эту тему, которая вскоре и была опубликована («Современное манаство в Киргизии», 1931, № 3—4).

Так же активно редакция стремилась использовать в интересах журнала каждого, кто попадал в поле ее зрения. Мне не раз приходилось наблюдать, как деловито и обстоятельно работал с авторами Н. М. Маторин, как в жарких спорах рождался и формировался тот или иной материал для журнала. Это, конечно, не значит, что номера журнала формировались стихийно. Убедительное тому свидетельство — содержание журнала в рассматриваемый период, когда его страницы украшали такие оригинальные по своим идеям исследования, как статьи В. Г. Тана-Богораза «Классовое расслоение у чукок оленеводов» (1931, № 1—2) и «Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—27 гг.» (1932, № 4), работы С. П. Толстова «Проблемы дородового общества» (1931, № 3—4) и «Очерки первоначального ислама» (1932, № 2). Заслуживает внимания практиковавшаяся в те годы журналом публикация в каждом выпуске предполагаемого содержания следующего номера.

Редакция журнала последовательно решала задачи, выдвинутые в программной статье Н. М. Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии» (1931, № 1—2). На страницах журнала развертывалась активная борьба с буржуазной идеологией, с чуждыми течениями в этнографической науке, с идеализацией пережитков родового и феодального укладов у народов СССР, за действенную помощь этнографов местным партийным и советским органам в подъеме хозяйства и культуры ранее отсталых народностей и этнографических групп.

Оценивая деятельность журнала и его редколлегии в те годы с позиций сегодняшнего дня, можно было бы найти в ней немало крупных пробелов и недостатков. Но правильнее оценивать ее, учитывая как состояние самой этнографической науки в начале 1930-х гг., так и особенности того этапа общественного развития, который переживала вся страна (развертывание индустриализации, переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства и т. д.). Журнал не только ставил и пытался решать некоторые острые вопросы развития самой науки, ее теории и методологии, но и выполнял очень важную для того времени задачу сплочения кадров этнографов и фольклористов, работавших в центре и на местах, играл роль своего рода организатора и пропагандиста этнографии и фольклористики. Его разносторонняя деятельность в те, теперь уже далекие, годы заслуживает высокой оценки.

В редколлегии журнала были представлены ученые Ленинграда и Москвы. С первого же номера редколлегия оповещала читателей о своем авторском активе. В него входили не только сотрудники научных учреждений Ленинграда и Москвы (ИПИНа, МАЭ, Государственной академии истории материальной культуры, Музея истории религии, Института народов Севера, Яфетического института, этнографического отдела Государственного Русского музея, Педагогического института им. Герцена, Института народов Востока, Центрального музея народо-

ведения, Коммунистической Академии, Московского областного музея и др.), но и ученые из других городов страны.

В журнале широко освещались деятельность этнографических учреждений (в том числе музеев), научная жизнь, работа экспедиций; рецензировались последние труды советских и зарубежных ученых.

В разделе «Критика и библиография» особенно активно сотрудничали Д. К. Зеленин и Е. Г. Кагаров; Д. К. Зеленин, в частности опубликовал «Обзор советской этнографической литературы за 15 лет» (1932, № 5—6), Е. Г. Кагаров — статью «Идеалистические и механистические течения в современной буржуазной этнографии» (1932, № 4).

Журнал предоставлял свои страницы для опубликования трудов первых аспирантов ИПИИ и МАЭ М. Ю. Пальвадре, Ю. П. Аверкиевой и Л. П. Потапова. Перу М. Ю. Пальвадре принадлежит статья на актуальную тему: «Буржуазная финская этнография и финляндский фашизм» (1931, № 1—2), Ю. П. Аверкиева, прошедшая полугодовую стажировку у проф. Ф. Боаса (США) и основательно ознакомившаяся с американской научной литературой, выступила с содержательной статьей «Современная американская этнография» (1932, № 2), Л. П. Потапов, посвятивший многие годы этнографическому изучению народов Алтая, опубликовал крупное исследование «Исторический путь Ойротии» (1932, № 5—6).

К числу положительных сторон деятельности редакции нужно отнести и ее постоянное стремление привлекать к участию в журнале молодых этнографов. Могу это засвидетельствовать прежде всего потому, что и сам (неожиданно для себя) был включен в состав редколлегии журнала, состоял в ней в течение 1932—1933 гг. и участвовал в ее работе, в частности, устанавливая контакты с научной молодежью. Это же подтверждается и тем, что секретарями редакции журнала последовательно работали молодые этнографы и фольклористы А. Г. Данилин, М. И. Шахнович и Н. И. Гаген-Торн, успешно продолжавшие свою исследовательскую деятельность в области этнографии до сегодняшнего дня.

Сейчас уже трудно восстановить детали всех событий, связанных изданием «Советской этнографии» в 1931—1933 гг. (с начала 1934 приступил к работе новый состав редколлегии во главе с акад. И. И. Мещаниновым), но хорошо запомнилась та творческая атмосфера, в которой работали редколлегия и весь авторский актив журнала. Можно уверенно сказать, что деятельность журнала «Советская этнография» в 1931—1933 гг. способствовала оживлению фольклорно-этнографических исследований в нашей стране.

«SOVETSKAYA ETNOGRAFIA» IN THE THIRTIES (AN ETHNOGRAPHER'S REMINISCENCES)

The paper comprises an ethnographer's reminiscences about the activities of the «Sovetskaya Etnografia» during 1931—1933.

Ю. И. Семенов

О СПЕЦИФИКЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ) ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

I

Одной из самых важных в науке о первобытности является проблема социально-экономической структуры доклассового общества. Последние десятилетия характеризуются резким усилением внимания этнографов к первобытной экономике. К настоящему времени в рамках этнографической науки оформилась дисциплина, объектом исследования которой являются экономические отношения, во-первых, доклассовых и предклассовых обществ (так называемая «примитивная экономика»), во-вторых, крестьянских общин (так называемая «крестьянская экономика»). В зарубежной литературе она получила название *экономической антропологии*¹. Исходя из терминологии, принятой в советской науке, эту дисциплину, находящуюся на стыке этнографии и политической экономии, следует именовать либо *экономической этнографией* (эконом-этнографией), либо *этнографической экономией* (этноэкономией).

В 50—70-х годах в зарубежной этноэкономии отчетливо выделились два основных теоретических направления, одно из которых получило название *формализма*, а второе — *субстантивизма*². Представители первого являются сторонниками так называемой формальной экономической теории (формальной экономии), созданной последователями одного из основных направлений вульгарной буржуазной политэкономии — субъективной школы, или маржинализма. Их основной тезис заключается в том, что формальная экономическая теория является универсальной, т. е. в одинаковой степени применимой к экономической структуре всех обществ без исключения, начиная с первобытного и кончая капиталистическим.

«...Предположение, что может быть более одной экономической теории, абсурдно, — писал один из самых последовательных защитников формализма Д. Гудфеллоу. — Если современный экономический анализ с его инструментальными понятиями не может быть в равной степени применен к австралийскому аборигену и к лондонцу, не только экономическая теория, но и социальная наука в целом могут быть в значитель-

¹ История и современное состояние этой отрасли знания подробно рассмотрены в работе: Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

² Эти два течения подробно проанализированы в той же работе.

ной степени дискредитированы»³. С этим неизбежно связано отрицание качественной грани между первобытной и капиталистической экономикой.

Совершенно иных взглядов придерживаются субстантивисты. Стронники данного направления исходят из того, что между первобытной экономикой, с одной стороны, и капиталистической, с другой, существует коренное, качественное различие. Как убедительно было показано в их работах, все основные понятия и положения маржинализма имеют своим источником капиталистические рыночные отношения. Отсюда следовал вывод, что формальная экономика совершенно неприменима к анализу экономических отношений первобытного общества. Необходимо стью является создание специальной теории первобытной экономики отличной не только от формальной экономики, но и вообще от любой теории капиталистической экономики.

Сама идея о существовании качественной грани между первобытной и капиталистической экономикой и о необходимости создания особой теории первобытной экономики является совершенно верной. Задолго до субстантивистов она была выдвинута и обоснована К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как известно, не только вульгарные экономисты, но и классики буржуазной политической экономики рассматривали созданные ими теории капиталистических отношений как всеобщие и универсальные. Иную позицию занимал К. Маркс. Раскрыв законы функционирования и развития буржуазной общественно-экономической формации, он показал, что капиталистический способ производства является всего лишь одной из стадий эволюции общественного производства, что кроме капитализма существуют и иные, качественно отличные от него системы экономических отношений, которые также нуждаются в теоретическом освещении.

В четкой форме задача создания теорий и иных, кроме капиталистической, систем производственных отношений была поставлена Ф. Энгельсом, который впервые провел различие между политэкономией в узком смысле — наукой о капиталистических экономических отношениях — и политэкономией в широком смысле — наукой о всех экономических системах. «Политическая экономия, в самом широком смысле, — писал он, — есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе»⁴. И тут же Ф. Энгельс подчеркивал, что политэкономия в широком смысле нельзя понимать как одну единую универсальную экономическую теорию, как теорию экономики вообще. Она с неизбежностью должна включать в свой состав столько отдельных теорий, сколько имеется особых систем общественного производства. «Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, — указывал Ф. Энгельс, — изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь, — от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох... Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии, — тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу — историческая наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»⁵.

³ D. Goodfellow, Principles of economic sociology, London, 1939, p. 4.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 150.

⁵ Там же, стр. 150, 151.

Но если с выдвинутым субстантивистами положением о существовании качественного различия между первобытной и капиталистической экономиками нельзя не согласиться, то иначе обстоит с развиваемым в их работах пониманием этого различия. Правильным его признать нельзя. Если формалисты отрицали существование качественной грани между первобытной и капиталистической экономиками, то субстантивисты стали на путь абсолютизации этой грани. Особенно наглядно это проявилось в работах основоположника субстантивистского направления — экономиста и историка экономики К. Полани. Он ставил вопрос несколько шире, чем многие субстантивисты. В центре его внимания находилось различие не столько между первобытной и капиталистической экономиками, сколько между всеми докапиталистическими экономическими системами, включая и первобытную, и капитализмом. Но среди докапиталистических экономик его прежде всего интересовали «примитивные» («племенные») и «архаичные». Под первыми он понимал экономики доклассовых и переходных к классовым обществ, под вторыми — экономики раннеклассовых, прежде всего древневосточных, обществ.

По мнению К. Полани, отличие экономики «примитивных» и «архаичных» обществ от капиталистической не есть различие просто между разными экономиками. Оно носит значительно более глубокий характер. Вся суть дела, считает К. Полани, заключается в том, что в «примитивных» и «архаичных» обществах экономика занимает совершенно иное место, чем в капиталистическом. Характерную особенность капитализма К. Полани видит в том, что процесс производства организован в нем через посредство специфических экономических институтов. Капиталистическая экономика отделена от общества, образует особую самостоятельную сферу со своими собственными законами, которая противостоит всем остальным сферам и определяет последние. Что же касается «примитивных» и «архаичных» обществ, то специфических экономических институтов в них не существует. Экономический процесс организован там через посредство неэкономических социальных институтов, таких, например, как родство, брак, возрастные группы, тотемные ассоциации, государство и т. п. Если в капиталистическом обществе экономика образует особую сферу, противостоящую остальному обществу, то в «примитивном» она «погружена», «встроена», «врезана» в само общество⁶.

К. Полани обычно не употреблял в своих работах термина «экономические отношения», предпочитая говорить об «экономических институтах». Редко пользовался он и термином «социальные отношения», чаще всего говоря о «социальных институтах». Все это затрудняет понимание взглядов К. Полани. Но основная его мысль ясна: при капитализме существуют специфические экономические отношения, которые образуют особую систему, определяющую все прочие общественные отношения; в «примитивном» же и «архаичном» обществах особых экономических отношений не существует, их функцию выполняют родственные, семейно-брачные, моральные, религиозные, политические и иные неэкономические отношения. Отсюда следует вывод, что «экономический детерминизм», под которым К. Полани понимает, в частности, и марксово материалистическое понимание истории, справедлив лишь по отношению к капиталистическому обществу. Распространение его на все человеческое общество К. Полани расценивает как заблуждение⁷.

Другой видный представитель субстантивизма — Дж. Дальтон, принимая положение К. Полани о том, что в «примитивном» обществе экономика «погружена» в общество, в то же время несколько его модифицирует. Если К. Полани упорно подчеркивает, что родственные, мораль-

⁶ «Primitive, archaic and modern economies. Essays of K. Polanyi», N. Y., 1968, p. 7, 23, 65, 66, 84.

⁷ «Primitive, archaic and modern economies...», p. 61, 70, 71.

ные, политические отношения, через посредство которых организован, по его мнению, экономический процесс в «примитивном» обществе, являются неэкономическими, социальными, то Дж. Дальтон характеризует их как одновременно и социальные и экономические, как социально-экономические, что, конечно, не меняет сущности взгляда.

Но развивая такого рода воззрения на первобытную экономику, и К. Полани, и Дж. Дальтон с неизбежностью должны были столкнуться с противоречием. Ведь если в первобытном обществе функцию экономических связей выполняют родственные, моральные, религиозные отношения, то отсюда следует, что не может существовать и особой теории первобытной экономики. Теории родственных, моральных, религиозных отношений должны быть одновременно и теориями первобытной экономики. А между тем и К. Полани, и Дж. Дальтон ставят своей задачей создание особой теории первобытной экономики, отличной от теорий религии, морали, родства и т. п.

И пытаясь преодолеть эту трудность, они, опять-таки вступая в противоречие со своими же собственными положениями, допускают существование в «примитивном» обществе особых экономических отношений⁸. Дж. Дальтон, например, в своих работах неоднократно говорит об экономической организации, экономической структуре первобытного общества. Но если и в «примитивном» обществе существует особая экономическая организация, то возникает вопрос об ее отношении к остальным общественным связям. «Маркс был неправ,— отвечает на этот вопрос Дж. Дальтон,— распространяя экономическое детерминирование социальной организации на ранние и примитивные общества. Действительный урок экономической антропологии заключается в том, что экономическая организация в примитивном обществе не оказывает определяющего влияния на социальную организацию и культуру. Скорее именно родство, племенная принадлежность, политическая власть и религиозные обязательства контролируют, управляют и выражаются в экономике в примитивных обществах»⁹. «Эти примитивные экономики,— подчеркивает он в другой работе,— так организованы, что распределение труда и земли, организация труда в производственном процессе и распределение благами и услугами — короче, производство и распределение — представляют собой выражение лежащих под ними родственных обязательств, племенной принадлежности и религиозного и морального долга»¹⁰. Если К. Полани указывал на несовместимость с материалистическим пониманием истории взгляда, по которому в примитивном обществе нет особых экономических связей, а их функцию выполняют родственные, моральные, религиозные отношения, то Дж. Дальтон подчеркивает несовместимость с историческим материализмом понимания экономических отношений первобытного общества как производных от родственных, моральных, политических и т. п. И с ним в этом отношении нельзя не согласиться. Действительно, обе эти точки зрения, не просто сосуществующие, но буквально переплетающиеся на страницах работ почти всех, если не всех, субстантивистов¹¹, совершенно несовместимы с материалистическим пониманием истории.

Это обстоятельство важно подчеркнуть потому, что имеются исследователи, которые, принимая подобного рода взгляды на экономические отношения как первобытного, так и докапиталистических классовых обществ, в то же время объявляют, что они полностью согласуются с марксизмом. Так, например, Э. Террей в книге «Марксизм и „прими-

⁸ Там же, стр. 307—310; G. Dalton, The economic system, «Handbook of method in cultural anthropology», N. Y., 1970, p. 462 и др.

⁹ G. Dalton, Introduction, «Primitive, archaic and modern economies...», p. XVII.

¹⁰ G. Dalton, The development of subsistence and peasant economies in Africa, «International social science journals», vol. 16, № 3, 1964, p. 381.

¹¹ Помимо работ К. Полани и Дж. Дальтона см. также: M. Sahlin, Stone age economics, Chicago and N. Y., 1972, p. 76—78, 101, 102, 111—123.

тивные общества“», обращаясь к анализу докапиталистического общества, в конечном счете приходит к тем же выводам, что и Полани¹². Начав с утверждения, что в докапиталистических обществах в производственные отношения в качестве составляющего элемента входят неэкономические, надстроечные связи — политические, юридические, идеологические, Э. Террей в конечном счете приходит к выводу, что именно последние в докапиталистических обществах и выполняли те самые функции, которые в капиталистическом обществе несут экономические отношения¹³. И утверждение Э. Террея, что он стоит на позициях материалистического понимания истории, ибо, согласно его точке зрения, и в докапиталистических обществах «экономический базис» является если не доминирующим, то детерминирующим, ничего не меняет. О каком «экономическом базисе» и какой детерминации может идти речь, если сам этот базис состоит из неэкономических, надстроечных отношений?

Следует сказать, что и при жизни К. Маркса отдельные авторы выступали с утверждением, что его положение о системе производственных, экономических отношений как основе всех прочих общественных отношений, фундаменте общества в целом, будучи справедливым в отношении капитализма, совершенно неприменимо к докапиталистическим обществам. И К. Маркс давал им совершенно четкий и недвусмысленный ответ: «Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира... Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы „К критике политической экономии“, 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — „экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания“, что „способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“ — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, когда господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм»¹⁴.

Но совершенно недостаточно установить ошибочность того или иного взгляда. Тот факт, что рассмотренная выше точка зрения снова и снова возрождается и каждый раз находит сторонников, не может быть оставлен без объяснения.

¹² E. Terray, *Marxism and «primitive» societies*, N. Y. and London, 1972. Подробный разбор этой работы см.: Ю. И. Семенов, *Марксизм и первобытность*, «Сов. этнография», 1975, № 4.

¹³ E. Terray, Указ. раб., стр. 148—150.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 91, 92 (примечание).

Объяснение может быть найдено лишь в том, что в этой в целом неверной точке зрения есть крупницы истины, что это заблуждение выросло на основе абсолютизации одной из сторон действительности, причем такой, которая до сих пор не была подвергнута детальному анализу с позиций исторического материализма.

К. Полани был неправ, когда абсолютно противопоставлял экономику капиталистического и экономику докапиталистических, включая первобытное, обществ. Но доля истины в его рассуждениях была. Действительно, отличие первобытной экономики от капиталистической не сводится к тому, что в первобытном обществе существуют производственные отношения иного типа, чем в капиталистическом обществе, как это нередко представляют. Производственные связи в первобытном обществе в самом деле находятся в несколько ином отношении к прочим общественным связям, чем производственные отношения в капиталистическом обществе. Игнорирование этой специфики, попытки рассматривать взаимоотношение производственных и прочих социальных связей в первобытном (и других докапиталистических обществах) как абсолютно такое же, что и в капиталистическом обществе, порождало и порождает представление о том, что материалистическое понимание истории либо совершенно неприменимо к первобытному обществу (К. Полани, Дж. Дальтон), либо неприменимо в том виде, в котором оно сформулировано в предисловии к «К критике политической экономии» (Э. Террей)¹⁵.

II

✓ Как следует из высказываний К. Маркса, сущность материалистического понимания общества заключается во взгляде на систему производственных, социально-экономических отношений как на основу всех прочих социальных отношений, как на фундамент общества в целом. Каждый базис порождает соответствующую надстройку. Но данное положение нельзя понимать упрощенно. Социально-экономические отношения, взятые сами по себе, не порождают прочих общественных отношений. Их создают сами люди, которые, однако, не могут существовать иначе, как в системе определенных производственных отношений. И эти отношения, возникшие и существующие независимо от воли и сознания людей, определяют их мысли, желания, намерения, короче, их волю и сознание, определяют их действия и поступки, их поведение, а тем самым и все прочие их социальные связи.

✓ Для той или иной системы производственных отношений существовать — значит определять волю людей, проявляться в их действиях и поступках. Если та или иная система производственных отношений не определяет целей и намерений людей, не проявляется в их поведении, это означает, что она просто-напросто не существует. Каждый поступок человека есть определенный волевой акт, есть единичное конкретное волевое отношение. Таким образом, материальные объективные связи людей, какими являются производственные отношения, не могут существовать иначе, как проявляясь в человеческих волевых отношениях. Бытие определенных производственных отношений с необходимостью предполагает и существование определенных волевых отношений. Без определенных волевых отношений не могут существовать и соответствующие производственные.

Иначе говоря, независимость системы производственных отношений, т. е. общественного бытия, от воли и сознания людей, первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию ни в коем случае не означает возможности существования производствен-

¹⁵ Е. Террей, Указ. раб., стр. 2, 14, 184.

ных отношений до сознания и без сознания, до волевых отношений и без волевых отношений. Общественное бытие может существовать только в неразрывной связи с общественным сознанием. Производственные отношения независимы от воли и сознания людей только в том смысле, что ни сам факт их существования, ни их характер не определяются ни волей, ни сознанием людей, живущих в системе этих связей. Их природа, как известно, определяется уровнем развития производительных сил. Система производственных отношений первична по отношению к общественному сознанию в том смысле, что сама, не определяясь взглядами людей, т. е. не завися от них, она в конечном счете определяет все их взгляды, а тем самым и все их волевые отношения. Именно в этом заключается материальность, объективность производственных отношений.

Система производственных отношений, определяя сознание и волю людей, порождает волевые отношения и проявляется в последних. Но в разных волевых отношениях она проявляется несколько по-разному.

Производственные, социально-экономические отношения людей в своей сущности есть не что иное, как отношения собственности. К. Маркс, как известно, неоднократно определял буржуазную частную собственность как всю совокупность буржуазных производственных отношений в целом, а стоимость, цену, деньги, прибыль и т. п. как разные формы частной собственности¹⁶. Собственность как производственное, социально-экономическое отношение существует в виде отношений собственно производства, распределения и обмена. Вполне понятно, что никаких отношений собственно производства, распределения и обмена не может существовать без действий людей по производству, распределению и обмену материальных благ. Для обозначения совокупности этих действий обычно применяется термин «производственная деятельность». Он имеет два смысла. В узком смысле под производственной деятельностью понимаются только собственно действия по производству материальных благ, в широком — акты как собственно производства, так и распределения и обмена. Для обозначения всей совокупности актов собственно производства, распределения и обмена применяются также термины «экономическая деятельность» и «экономическое поведение». Иногда, впрочем, последний термин применяется для обозначения только актов распределения и обмена.

Как уже указывалось, каждое человеческое действие есть единичное, конкретное волевое отношение. Конкретными волевыми отношениями являются, вполне понятно, и все акты производства, распределения и обмена. Собственно производственные действия суть волевые отношения человека к природе, в которых, однако, всегда проявляются его отношения к другим людям. Действия по распределению и обмену непосредственно являются волевыми отношениями между людьми. Волевым отношением между людьми является, в частности, любой акт обмена товарами, любой акт купли-продажи¹⁷.

Эти экономические по своей функции волевые отношения некоторые исследователи стали именовать «конкретными волевыми экономическими отношениями»¹⁸. Это вызвало возражение со стороны других авторов, заявивших, что экономические отношения могут быть только материальными, объективными, но ни в коем случае не волевыми, и что поэтому сам термин «волевые экономические отношения» является

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 34; т. 3, стр. 218, 219; т. 4, стр. 318; т. 16, стр. 27; т. 27, стр. 406.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94; т. 25, ч. 1, стр. 373.

¹⁸ См. Н. Г. Александров, Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе, «Вопросы философии», 1958, № 2, стр. 13, 14; С. Н. Братусь, Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР, «Вопросы общей теории советского права», М., 1969, стр. 70—83, 95; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 1, Свердловск, 1963, стр. 54—57.

ся в принципе ошибочным¹⁹. Но суть дела не в названии, а в решении вопроса об отношении между данными связями и теми отношениями, которые в марксистской общественной науке принято именовать производственными, социально-экономическими, а нередко и просто экономическими.

Прежде всего ясно, что те и другие отношения не тождественны. Волевые отношения, имеющие экономическую функцию, бесспорно, субъективны по своей форме. Признание их тождественными производственным отношениям равносильно отрицанию материального, объективного характера последних. Столь же ошибочно и включение данных волевых связей в производственные отношения в качестве одного из элементов, к чему склоняются некоторые авторы из числа тех, что используют термин «волевые экономические отношения»²⁰. Оно с неизбежностью ведет к тому же результату, т. е. к отрицанию объективного характера производственных отношений.

И в то же время нельзя рассматривать волевые отношения с экономической функцией и производственные отношения как существующие рядом, параллельно, и лишь взаимодействующие друг с другом. Производственные отношения могут существовать, только проявляясь в волевых отношениях с экономической функцией. Последние представляют собой не что иное, как форму проявления, форму бытия производственных отношений. Будучи субъективными по форме, волевые отношения с экономической функцией объективны по своему содержанию, ибо этим их содержанием являются материальные социально-экономические отношения. «Это юридическое отношение, формой которого является договор, — писал К. Маркс, характеризуя акт товарообмена, — все равно закреплён ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением»²¹.

Но, проявляясь в содержании волевых отношений, производственные отношения никогда полностью не совпадают с ними. Все конкретные акты обмена, купли-продажи мимолетны и преходящи. Каждое из этих конкретных волевых отношений могло быть, а могло и не быть. В отличие от них производственные отношения есть связи необходимые, связи, которые не могут не быть. Производственные отношения есть то прочное, повторяющееся, необходимое, что проявляется во всех волевых отношениях с экономической функцией.

Отношение первых и вторых в какой-то степени есть отношение общего и отдельного. Но оно не сводится к последнему. Система производственных отношений есть то, что связывает людей воедино, делает их совокупность обществом, одним единым социальным организмом, развивающимся по законам, не зависящим от сознания и воли людей. Тем самым система производственных отношений связывает воедино все конкретные волевые отношения с экономической функцией, делая их частичками единого целого. Система производственных отношений есть то объективное единство, та объективная целостность, та объективная структура, которая проявляется и воплощается во всем многообразии волевых отношений с экономической функцией.

Социально-экономические, производственные отношения, находящие свое проявление в волевых отношениях с экономической функцией, суть отношения собственности. Соответственно и волевые отношения, в которых воплощаются производственные отношения, также являются отношениями собственности, но только иными по своей природе.

¹⁹ В. В. Малькевич, Об одной правовой конструкции, «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 139—141.

²⁰ См. С. Н. Братусь, Указ. раб., стр. 95.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94.

де. Если одни являются материальными отношениями собственности, то другие — волевыми отношениями собственности. Последние представляют собой не просто воплощение собственности как экономического отношения, но и реализацию права собственности. В классовом обществе право собственности закрепляется в законах и охраняется государством. Поэтому волевые отношения собственности всегда являются в нем правовыми, юридическими отношениями.

Именно потому, что отношениями собственности являются в действительности как производственные отношения, так и волевые, в которых они воплощаются, К. Маркс употреблял термин «собственность» для обозначения как первых, так и вторых. Однако при этом Маркс указывал на необходимость строго различать отношения собственности как производственные, экономические отношения, и отношения собственности как юридическое выражение первых, как волевые отношения. «То, о чем в сущности шла речь у Прудона, — писал он в письме к И. Б. Швейцеру, — была существующая, *современная буржуазная собственность*. На вопрос, что она такое? — можно было ответить только критическим анализом „политической экономики“, охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как *волевых отношений*, а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений*»²².

Употребление термина «собственность» для обозначения как производственных, так и волевых отношений, являясь оправданным, в то же время создает определенные неудобства. Говоря о собственности, мы каждый раз должны пояснять, идет ли речь о материальных или волевых отношениях собственности. Для облегчения изложения мы в дальнейшем волевые отношения с экономической функцией, т. е. волевые отношения собственности, будем именовать *имущественными отношениями*. В русской марксистской литературе давно уже существует традиция использования термина «имущественные отношения» для обозначения исключительно лишь волевых отношений собственности²³.

Конкретные имущественные отношения существовали на всех этапах эволюции общества. Однако они никогда не были единственными существующими волевыми отношениями. Производственные отношения, определяя волю и сознание людей, порождали, кроме имущественных, и иные конкретные волевые отношения. Отличие их от имущественных прежде всего состояло в том, что они не имели экономической функции, не были актами производства, распределения и обмена. Поэтому хотя в этих отношениях, как и в имущественных, находили свое проявление экономические отношения, однако они не были формой существования последних. Производственные отношения в них проявлялись, но не воплощались.

III

Характерным для капитализма является то, что различия между имущественными и неимущественными волевыми отношениями не ограничивались только наличием у первых и отсутствием у вторых экономической функции. При капитализме производственные отношения определяли имущественные иным способом, чем прочие волевые отношения. В этом обществе существовало два разных механизма определения (детерминации) воли людей системой производственных отношений, один из которых действовал в сфере экономической деятельности, а другой — во всех остальных сферах человеческого поведения.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 26.

²³ См. Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, «Избранные философские произведения», т. I, М., 1956, стр. 528 сл.

Не рассматривая капитализм в целом, ибо его сущность достаточно хорошо известна, остановимся лишь на тех особенностях системы капиталистических производственных отношений, которые необходимы для понимания рассматриваемой проблемы. Напомним прежде всего, что капитализм есть высшая форма товарного производства. А характерная особенность товарного производства заключается в том, что отношения людей, втянутых в его процесс, с необходимостью приобретают вещный характер. Иными словами, материальные производственные отношения между участниками товарного производства, продолжая существовать в форме конкретных имущественных отношений людей, одновременно с неизбежностью предстают в их глазах как вне их сознания существующие общественные отношения вещей, как рынок товаров²⁴.

Приняв форму системы общественных отношений вещей, рынка, система производственных отношений выступает перед людьми как объективная реальность, к которой они должны приспособляться, которая не только не находится под их контролем, но, наоборот, господствует над ними, определяет их экономическую деятельность. «Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать»²⁵.

Власть рынка над человеком тем значительней, чем большая часть продуктов приобретает форму товара. Капитализм, как известно, характеризуется тем, что «все или, по крайней мере, большинство продуктов принимает форму товара...»²⁶. В эпоху домонополистического капитализма рынок всецело детерминировал поведение людей в сфере экономики. Он определял как мотивы, стимулы, цели деятельности, так и способы достижения поставленных целей.

В обществе, в котором все продукты приобрели форму товара, человек может получить необходимые жизненные средства только на рынке за деньги. Людям, лишенным средств производства, не остается ничего другого, как продавать рабочую силу собственникам средств производства. Причем вполне понятно, что пролетарий стремится продать рабочую силу по возможности дороже, а полученные деньги израсходовать так, чтобы обеспечить максимально возможное при данной сумме удовлетворение потребностей.

Капиталиста же эти производственные отношения заставляют стремиться к прибавочной стоимости. Вся деятельность капиталиста в экономической сфере подчинена одной задаче — такого использования имеющегося в его распоряжении капитала, которое обеспечит ему максимальную возможную прибыль. Тщательный расчет, постоянное рациональное калькулирование является для капиталиста объективной необходимостью. В противном случае он не выдержит конкуренции и разорится, т. е. перестанет быть капиталистом. Это обуславливает важность теорий рационального расчета затрат и выручки, которая позволила бы из всех возможных вариантов использования имеющихся в распоряжении предпринимателя средств выбрать такой, который в данных условиях обеспечил бы наибольшую прибыль. Такой теорией и является формальная экономика, о которой уже шла речь выше.

Объективность, материальность рыночных капиталистических отношений проявляется столь отчетливо, что ее не могли не заметить буржуазные экономисты. В частности, независимость капиталистических рыночных отношений от воли и сознания людей подчеркивается в работах основоположника субстантивизма — К. Полани. Капиталистиче-

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 43—165; т. 46, ч. 1, стр. 99—108.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 85.

²⁶ Там же, стр. 180.

скую экономику он характеризует как рыночную, как саморегулирующуюся систему рынков. «В рыночной экономике, — писал он, — производство и распределение материальных благ в принципе осуществляется через саморегулирующуюся систему рынков со свободно устанавливающимися ценами. Она управляется своими собственными законами — законами спроса и предложения и стимулируется страхом перед голодом и погоней за прибылью»²⁷. С этим и связано признание им справедливости материалистического понимания истории по отношению к капиталистическому обществу.

Система производственных отношений, выступая как система общественных отношений вещей, прямо, непосредственно определяет волю каждого конкретного человека в сфере экономической деятельности. Другие стимулы, кроме прямых экономических, кроме стремления к денежной выгоде, в этой сфере не действуют. Поэтому имущественные отношения при капитализме имеют только одно содержание — экономическое. Они являются, если можно так выразиться, вдвойне экономическими: во-первых, по своей функции, во-вторых, по способу непосредственной детерминации. И это обстоятельство резко обособляет их от всех прочих волевых отношений. Последние в отличие от конкретных имущественных отношений не только не имеют экономической функции, но и, как правило, детерминируются производственными отношениями не прямо, не непосредственно, а через массу посредствующих звеньев, например через мораль, право и т. п. С этим связано достаточно четкое отграничение в этом обществе сферы экономической деятельности от всех остальных сфер человеческого поведения — политической, религиозной и т. п.

И бросающееся в глаза различие имущественных и прочих волевых отношений нередко истолковывается исследователями неверно. Оно понимается как различие между производственными, базисными отношениями, с одной стороны, и идеологическими, надстроечными — с другой. Все отношения в политической сфере есть политические отношения. По аналогии с этим и все отношения в сфере экономической деятельности понимаются как материальные производственные отношения. А это ошибка. Сфера производственной деятельности не в меньшей степени, чем прочие области человеческого поведения, представляет собой совокупность огромного множества волевых отношений людей. Эти отношения не в меньшей степени, чем, скажем, политические, являются идеологическими, надстроечными. Это отчетливо проявляется, в частности, в том, что эти отношения представляют собой правовые, юридические отношения. Базис общества образуют вовсе не эти волевые отношения, которые мы условились именовать имущественными, а непосредственно определяющие эти отношения и существующие в этих отношениях как их сущность, целостность, структура, материальные производственные отношения людей.

IV

От капиталистического общества перейдем теперь к первобытному. Чтобы не усложнять задачи, возьмем последнее таким, каким оно было на ранних ступенях первой фазы своего развития. Оно характеризовалось тогда существованием общественной, коллективной собственности как на средства производства, так и на весь созданный обществом продукт²⁸. Общественная собственность на весь добываемый членами коллектива продукт находила свое наглядное выражение в отношениях так называемого уравнительного распределения.

²⁷ «Primitive, archaic and modern economies...», p. 81.

²⁸ О фазах эволюции первобытного общества см.: Ю. И. Семенов, Первобытно-общинный строй, «Большая Советская Энциклопедия», т. II, стр. 357.

В обыденном представлении уравнительность в распределении материальных благ нередко понимается, как раздел их *поровну* между всеми членами коллектива. Однако во всех известных этнографии социальных организмах, находившихся на стадии первобытного общества, различные члены общества чаще всего получали неодинаковые доли продукта. Это обстоятельство и побудило некоторых авторов выступить с призывом отказаться от термина «уравнительное распределение» и заменить его иным, более четко выражающим сущность отношений. В качестве такового был предложен термин «равнообеспечивающее распределение»²⁹. Однако более удачным признать его нельзя. Ведь его буквальное значение: *равное* обеспечение всех членов коллектива, что может быть понято только как распределение общественного продукта между ними поровну. По сравнению с этим термином старый выглядит значительно лучше, ибо его буквальный смысл не *равенство*, а *уравнивание*. Учитывая, что он является общепринятым, мы будем им пользоваться.

Социально-экономические отношения распределения, получившие название уравнительных, не предполагают с необходимостью распределения поровну, хотя это может иметь место. Суть их заключается в том, что каждый член данного социального организма имеет право на часть созданного в нем общественного продукта, прежде всего пищи, совершенно независимо от того, участвовал ли он сам в его производстве или не участвовал. Достаточным основанием для получения доли продукта, созданного в коллективе, является членство в нем. Никаких других оснований нет и не нужно. Уравнительное распределение является выражением того, что весь общественный продукт принадлежит всем членам коллектива вместе взятым. Именно поэтому каждый из них имеет полное право на его долю.

Но если при распределении общественного продукта не учитывается вклад человека в его создание, то при отсутствии частной собственности доля продукта, полученная каждым членом коллектива, может определяться только тремя факторами, во-первых, общим объемом произведенного продукта, во-вторых, потребностями данного индивида, в-третьих, интересами коллектива, которые в определенных условиях могут потребовать увеличения доли одних его членов за счет доли других. Но в главном, основном, уравнительное распределение было распределением по потребностям. Особенно наглядно это проявлялось в такие периоды в жизни первобытных социальных организмов, когда добытой пищи, которая всегда была основным объектом распределения, было вполне достаточно для полного удовлетворения потребностей всех членов коллектива. Пища тогда распределялась по потребностям в точном смысле слова, т. е. каждый член общества получал столько, сколько ему было нужно. Но и в периоды, когда добытого продукта было недостаточно для полного удовлетворения потребностей членов общества, он все равно распределялся по потребностям, т. е. в соответствии с реальными потребностями индивидов, пропорционально их потребностям. Взрослые мужчины, занятые тяжелым физическим трудом, требовавшим значительной отдачи энергии, нуждались в большем количестве пищи, чем дети и старики, и соответственно получали большие доли продукта.

Таким образом, при уравнительном распределении каждый трудоспособный член коллектива был обязан вносить созданный им продукт в общий фонд коллектива, или, иными словами, он был должен делиться им с другими членами коллектива. И непосредственно в качестве силы, заставлявшей его поступать именно так, а не иначе, выступ-

²⁹ Г. Ф. Хрустов, К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 16—36.

пала мораль, находившая свое выражение в общественном мнении коллектива и закреплявшаяся в обычаях и традициях. Требование делиться добытым продуктом, прежде всего пищей, с другими членами коллектива было одной из самых важных норм первобытной морали. Об этом единодушно пишут все исследователи.

Экономические действия, а тем самым и волевые отношения с экономической функцией, существовали и в первобытном обществе. Но в качестве фактора, непосредственно определявшего эти действия, в первобытном обществе выступали не производственные отношения непосредственно, а мораль. Поэтому имущественные отношения в первобытном обществе были одновременно и моральными.

Причем они были моральными далеко не в том же самом смысле, в каком имущественные отношения при капитализме были правовыми. Имущественные отношения капитализма являются правовыми только по своей форме, своей оболочке. Право при капитализме не выступает в качестве фактора, определяющего содержание поведения людей. Капиталистическая экономика, взятая сама по себе, не только не нуждается, но наоборот, исключает внеэкономическое принуждение. Ее функционирование основывается на экономическом принуждении. И роль права как формы внеэкономического принуждения сводится в экономической сфере к предотвращению внеэкономического принуждения (например, насильственного присвоения чужой собственности), к обеспечению действия в ней лишь экономического принуждения. Иными словами, право при капитализме играет роль лишь рамок, в которых разворачиваются действия людей, определяемые экономическими стимулами.

Иную роль играет мораль в первобытном обществе. Она выступает как фактор, определяющий действия людей по производству и распределению материальных благ. Имущественные отношения первобытного общества являются моральными не только по форме, но и по содержанию.

Все сказанное выше делает понятным появление взглядов на первобытную экономику, подобных тем, что развивали К. Полани, Дж. Дальтон и другие субстантивисты. Под экономическими отношениями К. Полани понимал не собственно материальные производственные отношения, существование которых он, не будучи марксистом, не признавал, а и проявление этих отношений в форме объективных общественных отношений вещей и одновременно непосредственно определяемые ими имущественные отношения. Причем только такого рода отношения он соглашался считать экономическими. Но в первобытном обществе производственные отношения не выступают как общественные отношения вещей и соответственно в нем нет волевых отношений, которые не только обладали бы экономической функцией, но и детерминировались бы непосредственно экономически. Именно это и привело К. Полани к выводу, что в первобытном обществе вообще нет экономических отношений, что их функции выполняют отношения моральные. Другие субстантивисты были менее требовательными. Для признания волевых отношений экономическими им было достаточно наличия у этих связей экономической функции. Поэтому в отличие от К. Полани они прямо признавали существование в первобытном обществе экономических отношений. Однако они тут же либо подчеркивали, что эти отношения являются не только экономическими, но одновременно и моральными, либо, что эти отношения, представляя собой несомненно экономические связи, являются в то же время производными от моральных отношений (Дж. Дальтон). Нетрудно заметить, что различия между взглядами К. Полани и других субстантивистов не носят принципиального характера. В сущности эти взгляды совпадают. И недаром тот же самый К. Полани, вступая в противоречие с собой, говорит в некоторых работах о существовании в первобытном обществе особых экономических отношений,

но производных, разумеется, от морали³⁰. И суть взглядов всех субстантивистов заключается в том, что все отношения в первобытном обществе являются волевыми, производными от сознания.

С тем, что имущественные отношения в первобытном обществе прямо, непосредственно определяются моралью, нельзя не согласиться. Это несомненный факт. Мораль в первобытном обществе определяла все действия людей, не исключая экономических. Но ограничиваться констатацией того, что имущественные отношения в первобытном обществе определялись моралью, совершенно недостаточно. Необходимо найти ответ на естественно возникающий вопрос, чем же определяется сама мораль первобытного общества, почему в этом обществе существуют моральные нормы, заставляющие людей делиться друг с другом добытым продуктом.

Мораль обычно определяется как форма общественного сознания. Однако это определение не раскрывает специфики морали. Она является формой не просто общественного сознания, а общественной воли. Следует сказать, что если понятие общественного сознания давно уже получило права гражданства как в историческом материализме, так и в конкретных общественных науках, то несколько иначе обстоит с понятием общественной воли. Оно официально не числится в списке категорий общественных наук, хотя и широко в них используется. Достаточно вспомнить данное классиками марксизма определение права как воли господствующего класса, возведенной в закон³¹. В их работах неоднократно говорится также о государственной воле, воле государства³². Но если в классовом обществе право есть воля господствующего класса, возведенная в закон, то в социалистическом оно представляет собой возведенную в закон волю всего общества в целом. Волей общества в целом, но только выраженной не в законах, а в общественном мнении, является социалистическая мораль. В антагонистических обществах мораль носит классовый характер, является волей того или иного класса. И во всех приведенных выше примерах мы имеем дело с различными формами общественной воли, отличной от воли индивидов, индивидуальной воли.

В применении к первобытному обществу, не знающему деления на группы с противоположными интересами, имеются все основания говорить о воле общества в целом, о воле социального организма. Эту волю обычно именуют моралью. И основания для этого есть — по своему характеру она ближе всего к морали. Но мораль, начиная с перехода к классовому обществу, всегда существует как одна из форм общественной воли наряду с другими ее формами — правом, этикетом. Воля же первобытного социального организма носила нерасчлененный характер. Она обладала особенностями и морали, и этикета, и даже некоторыми чертами, присущими в классовом обществе только праву. Все это отличает ее от морали в привычном смысле. Но не желая изобретать нового термина, мы в дальнейшем изложении будем продолжать называть нерасчлененную волю первобытного социального организма моралью.

Общественная воля определяется общественными интересами. В отличие от понятия общественной воли понятие общественного интереса давно уже получило признание в марксистской общественной науке. Воля класса определяется интересами класса. Воля социального организма, не расчлененного на антагонистические классы, определяется интересами общества в целом. Общественные интересы объективны. Своими корнями они уходят к системе производственных, социально-экономических отношений. Интересы класса определяются его местом в системе производственных отношений, образующей базис общества. Интересы соци-

³⁰ «Primitive, archaic and modern economies...», p. 307—310.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 443.

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310.

ального организма определяются характером всей системы производственных отношений, существующих в нем.

Для понимания социально-экономических отношений классового общества большое значение имеют понятия необходимого и прибавочного продукта. Полезны они и при анализе перехода от доклассового общества к классовому. Но в отношении собственно первобытного общества они во многом лишены смысла, поэтому когда эти термины применяются по отношению к нему, то в них с неизбежностью вкладывается иное содержание. Говоря о необходимом и прибавочном продукте, исследователи имеют в виду то, что можно было бы назвать *жизнеобеспечивающим и избыточным* продуктом.

Жизнеобеспечивающим является общественный продукт, абсолютно необходимый для поддержания физического существования членов первобытного коллектива, причем такого, при котором их организмы функционируют более или менее нормально, не претерпевая необратимых патологических изменений. Это, выражаясь словами К. Маркса, «физически необходимый минимум жизненных средств»³³. Весь общественный продукт, превышающий этот уровень, является избыточным. Избыточен он вовсе не в том смысле, что не может быть потреблен членами коллектива, а лишь в том, что и без него возможно их нормальное физическое, а тем самым и социальное существование.

Нетрудно понять, что основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Добывание определенного количества пищи — абсолютно необходимое условие нормальной жизнедеятельности человека. Как свидетельствуют данные этнографии, пища всегда была в центре внимания людей доклассового общества. «В наиболее первобытных племенах, — писала английский этнограф О. Ричардс в специальном исследовании по этому вопросу, — голодовка есть постоянная возможность, если не реальная опасность. Поиски пищи есть главное занятие каждого активного члена общины, и все наиболее главные институты связаны с владением и распределением запасов. Эмоциональная жизнь первобытного человека поэтому управляется желаниями и тревогами, связанными с пищей. Его отношения с другими членами общины фактически определяются в огромной степени нуждой в пище, и пища сама как объект такого острого и многообразного интереса становится центром комплекса ценностей в его социальной жизни»³⁴.

«Она, — писал Ф. Белл о роли пищи в жизни меланезийцев островов Танга, — играет очень важную, если не наиболее важную роль в жизни этого примитивного народа. Их экономические усилия почти полностью направлены на производство пищи. Интересы индивида, так же как и общины, сконцентрированы главным образом на пище, и тот род жизни, который они ведут, в конечном счете определяется их нуждой в пище»³⁵. «Пища, — вторят ему африканисты М. Фортез и С. Фортез, — есть главная практическая проблема в социальной жизни таллензи. Она, как и во всех вообще примитивных обществах, является фундаментальной составляющей бесчисленного множества социальных ситуаций, непосредственно не связанных с питанием, например, жертвоприношений духам предков или погребальных церемоний»³⁶.

Важно отметить, что в двух последних цитатах речь идет о народах, давно уже перешедших к земледелию и скотоводству и производивших довольно значительный избыточный продукт. Тем более велико было значение пищи в обществах охотников и собирателей. Главная их забо-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 360.

³⁴ A. I. Richards, *Hunger and work in a savage tribe*, London, 1934, p. 14.

³⁵ F. L. S. Bell, *The place of food in the social life of the Tanga*, «Oceania», vol. 19, № 1, 1948, p. 74.

³⁶ M. and S. L. Fortes, *Food in domestic economy of Tallensi*, «Africa», vol. 9, № 2, 1936, p. 237.

та всегда состояла в том, чтобы добыть столько пищи, чтобы ее хватило для обеспечения существования.

Но хорошо известно, что ход и исход таких видов хозяйственной деятельности, как охота и в значительной степени также и рыболовство, во многом зависят не столько от собственных усилий человека, сколько от случайного стечения обстоятельств. Не желая перегружать статью примерами, которые в изобилии можно почерпнуть из описаний путешественников и трудов этнографов³⁷, ограничимся обобщающим высказыванием одного из крупнейших русских этнографов. «Какими же методами,— писал Л. Я. Штернберг,— человек борется за свое существование? В первую очередь он применяет свои собственные силы... Его основной метод борьбы за существование — это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве, в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает „его величество случай“, то, что мы называем удачей, счастьем и т. д.»³⁸.

Зависимость самого существования людей от случайностей с особой силой давала себя знать на той стадии развития, когда весь общественный продукт был только жизнеобеспечивающим. В этих условиях неблагоприятные случайности легко могли привести к гибели людей. И естественно, что необходимым условием существования общества была нейтрализация власти случайностей над добыванием пищи. А к этому вел только один путь — установление полной собственности социального организма на всю пищу, добытую его членами, причем совершенно независимо от того, была ли она ими добыта совместно или в одиночку. И эта полная собственность социального организма на пищу могла развиваться только в одном — в распределении пищи между всеми его членами, причем совершенно независимо от того, участвовали они в ее добычании или не участвовали. Только утверждение коллективной собственности и уравнительного распределения делало возможным погашение неудач одних членов коллектива в добыче пищи удачами других его членов и тем самым систематическое обеспечение каждого человека прожиточным минимумом. Так как вся пища была полнотой собственностью коллектива, то естественно, что и орудия, с помощью которых она добывалась, уже тем самым тоже были собственностью коллектива. И вполне понятно, что их распределение между членами коллектива определялось теми же самыми принципами, что и распределение пищи. В этих условиях и труд членов коллектива всегда носил непосредственно общественный характер совершенно независимо от того, трудились ли члены коллектива совместно или в одиночку. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства,— писал К. Маркс,— был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»³⁹.

На стадии, когда избыточный продукт полностью отсутствовал или был сравнительно незначителен, собственность могла быть только коллективистической, а распределение только уравнительным и никаким иным. Именно такой, а не какой-либо другой характер производственных отношений был обусловлен объемом произведенного обществом

³⁷ Литературу по этому вопросу см. в кн.: Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966, стр. 352—353.

³⁸ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции, Л., 1936, стр. 246, 247.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 404.

продукта. Но объем продукта есть не что иное, как показатель уровня производительных сил. Последний, определяя количество произведенного продукта, детерминировал тем самым природу производственных отношений на первой фазе первобытного общества.

Таким образом, характер производственных отношений первобытного общества ничуть не в меньшей степени не зависел от воли и сознания людей, чем характер производственных отношений капиталистического общества. Производственные отношения первобытного общества, как и социально-экономические отношения капиталистического общества, были материальными, объективными. И так же как производственные отношения капиталистического общества, они не могли существовать, не определяя воли людей, не воплощаясь в волевых отношениях с экономической функцией, т. е. имущественных, и не проявляясь во всех прочих волевых отношениях. И они, определяя волю людей, воплощались в имущественных отношениях и проявлялись во всех остальных.

Но так как первобытные производственные отношения в отличие от капиталистических не могли выступать и не выступали как общественные отношения вещей, то они соответственно не могли непосредственно определять волю отдельных людей даже в чисто экономической сфере, не говоря уже о других, которые, как мы уже указывали, и при капитализме детерминируются иным способом. И в результате первобытные производственные отношения определяли не только неимущественные волевые, но также и имущественные отношения в принципе тем же самым способом, которым при капитализме определяются только неимущественные волевые отношения.

Если при капитализме существует тенденция к распространению прямого экономического детерминирования и на иные, кроме имущественных, волевые отношения⁴⁰, то для первобытного общества характерно опосредствованное определение производственными отношениями даже имущественных отношений. Выступая как объективная необходимость для социального организма, как его объективный интерес, система первобытных производственных отношений определяла волю социального организма, его мораль и уже через нее волю каждого из его членов и тем самым воплощалась в имущественных волевых и проявлялась во всех прочих волевых отношениях людей.

Существование в первобытном обществе единого способа детерминации всех вообще волевых отношений делает грань между имущественными и прочими волевыми отношениями крайне относительной. Отсутствие различий в механизме детерминации делает весьма условным различие и по функции.

Конечно, и в первобытном обществе существовали волевые отношения с экономической функцией и волевые отношения, такой функции не имеющие. Но все дело в том, что отношения с экономической функцией имели наряду с ней также и другие функции, причем нередко те же самые, что и отношения без экономической функции. Любое конкретное имущественное отношение было одновременно и моральным, причем не по форме, а по содержанию, а тем самым и по функции. И экономическая функция имущественного отношения не просто сосуществовала с моральной функцией, а была неразрывно с ней связана, не могла существовать без последней.

Следует в этой связи подчеркнуть, что существование подобного же рода одного единого механизма детерминации как имущественных, так и прочих волевых отношений и, как следствие, отсутствие сколько-нибудь четкой грани между ними характерны и для, по крайней мере, части докапиталистических классовых обществ. Именно с этим связано утверждение К. Полани о существовании принципиального отличия ка-

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 426, 427.

питалистической экономики не только от первобытной, но от всех вообще докапиталистических экономик.

Для целого ряда докапиталистических обществ, в частности для древневосточных и средневековых феодальных, характерно, что имущественные отношения в них нередко являлись одновременно и политическими отношениями. При этом экономическое и политическое содержания имущественных отношений не просто сосуществовали, а были неразрывно связаны. Экономическая функция таких имущественных отношений не могла существовать без их политической функции.

Таким образом, как в первобытном, так и большинстве докапиталистических классовых обществ имущественные отношения имели, кроме экономической, также и такие функции (моральную, политическую, религиозную и т. п.), которые в капиталистическом обществе были присущи исключительно лишь неимущественным волевым отношениям. Отсюда следует, что во всех этих обществах экономическая деятельность не была резко отделена от остальных видов деятельности, не образовывала особой сферы, как это имеет место при капитализме.

А как мы уже говорили, некоторые исследователи понимают столь характерное для капитализма четкое различие между отношениями в сфере экономической деятельности — имущественными — и отношениями во всех остальных сферах — прочими волевыми — как различие между базисными, материальными отношениями, с одной стороны, и надстроечными, идеологическими — с другой. Не обнаруживая такого различия в первобытном и докапиталистических обществах, они на основании того факта, что имущественные отношения в них обладают, помимо экономической, также и функциями, которые характерны для волевых неимущественных отношений капиталистического общества, делают вывод, что в первобытном и докапиталистических классовых обществах либо совсем нет базиса, либо этот базис состоит из надстроечных, идеологических отношений. Иными словами, они приходят к отрицанию существования в первобытном и докапиталистических классовых обществах материальных, объективных производственных отношений. Именно к таким выводам пришел, как мы уже видели, Э. Террей.

В действительности волевыми и в этом смысле идеологическими, надстроечными являются имущественные отношения не только первобытного и докапиталистических классовых обществ, но и капиталистического общества. Но как те, так и другие в одинаковой степени являются формой, в которой воплощаются, в которой существуют действительные материальные производственные отношения людей, образующие реальный базис общества. Материальные производственные отношения в равной степени существуют как в докапиталистических, так и в капиталистическом обществе, и в равной степени образуют их основу, фундамент, базис. Поэтому, вопреки утверждениям К. Полани и других субстантивистов, материалистическое понимание истории в равной мере справедливо как по отношению к капиталистическому, так и докапиталистическим, включая первобытное, обществам. Все дело лишь в различии механизмов детерминации производственными отношениями тех волевых отношений, в которых они воплощаются.

V

Попробуем в свете всего сказанного выше разобраться и в той проблеме, которая так или иначе затрагивается во всех работах о первобытном обществе вообще, первобытной экономике в особенности, а именно в вопросе об отношении экономических и родственных связей.

В этом вопросе много неясного и недосказанного. Иногда в работах советских исследователей чуть ли не как синонимы употребляются термины «родственные связи», «родовые связи» и введенное Ф. Энгельсом

понятие «отношения по детопроизводству»⁴¹. Говоря о родственных связях, некоторые авторы сводят их к столь привычному для нас линейно-степенному родству, которое в свою очередь нередко понимается ими как биологическая естественная связь⁴².

В действительности существуют два качественно отличных вида родства — родство групповое, характерное для первобытного общества, и родство индивидуальное, линейно-степенное, характерное для классового общества, причем не только первое, но и второе представляя собой явление не биологическое, а социальное. Как те, так и другие родственные связи относятся к числу социальных отношений, причем не материальных, какими являются производственные отношения, а идеологических⁴³.

Но независимо от того, идет ли речь о групповом или индивидуальном родстве, родственные связи никогда полностью не совпадают с родовыми. Как хорошо известно, не только все родственники никогда не бывают сородичами, но также и все сородичи никогда, если иметь в виду линейно-степенное родство, не являются родственниками.

И наконец, ни родовые, ни родственные связи никогда полностью не совпадали с «отношениями по детопроизводству», независимо от того, понимают ли под последними половые отношения или же социальную организацию отношений между полами. Нередко первые даже исключали последние. Как известно, основным признаком рода была экзогамия, т. е. запрет половых отношений между его членами. Да и в современном обществе в брак чаще всего вступают лица, не состоящие между собой в родстве.

Не вдаваясь в детали отношений всех названных типов связей к экономическим, ибо это увело бы нас слишком далеко, ограничимся лишь принципиальной постановкой вопроса.

Как уже указывалось, первобытные производственные отношения распределения определяли волю индивида не прямо, непосредственно, а через волю общества, мораль. Общественная воля обязывала каждого трудоспособного человека делиться созданным им продуктом с другими людьми. Но уравнительное распределение по самому своему характеру возможно только в пределах сравнительно узкого круга людей. Поэтому общественная воля не может обязывать человека делиться созданным им продуктом просто с людьми вообще. Необходимостью является проведение четкой, всеми осознаваемой зримой границы между людьми, с которыми данный человек обязан делиться, и людьми, с которыми он делиться не обязан, т. е. нужна четкая формальная фиксация круга лиц, внутри которого осуществляется уравнительное распределение.

Этот круг не мог быть не только чрезмерно велик, но и чрезмерно мал и, главное, должен был оставаться сравнительно постоянным. В противном случае уравнительное распределение стало бы невозможным. Поэтому принадлежность к этому кругу с неизбежностью должна была носить пожизненный характер. Необходимостью поэтому было и существование особых правил, определявших, в состав какого именно из таких кругов должен войти человек, который только что появился на свет. Войдя в тот или иной круг, человек, как правило, оставался в нем на всю жизнь. И до самой своей смерти он был обязан делиться с его членами добытым им продуктом и соответственно имел право на долю продукта, добытого ими.

⁴¹ См., например: В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов, Еще раз о книге Ю. И. Семенова, «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 175—177.

⁴² В. М. Бахта, Т. В. Сенюта, Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии, «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, стр. 83—90.

⁴³ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, М., 1974, стр. 16—43.

На ранних стадиях развития первобытного общества круг, в пределах которого существовало уравнительное распределение, совпадал с производственным коллективом, являвшимся одновременно родом. Формой, в которой члены рода осознавали свою общность и в то же время отличие от членов всех других родов, был тотемизм⁴⁴.

Все люди, имевшие один тотем, были членами одного рода, одного социального организма и соответственно были включены в одну систему уравнительных производственных отношений.

Ответ на вопрос об отношении между производственными и родовыми связями на данном этапе зависит от того, что понимать под последними. Если под родовыми отношениями понимать все вообще связи, существующие в роде, который, как уже указывалось, был на той стадии и социальным организмом, то в таком случае и производственные отношения следует рассматривать как родовые. Они являются родовыми в том и только том смысле, что образуют базис социального организма, который одновременно является и родом.

Но если под родовыми отношениями понимать только те, что делали социальный организм родом, а именно отношения экзогамии или, точнее, агамии, то они представляют собой связи, отличные от производственных экономических отношений. Сама агамия как определенное общественное отношение в процессе эволюции первобытного общества претерпела значительные изменения. Она возникла как объективное, материальное отношение, как отношение производственное хотя и не экономическое (в привычном смысле слова)⁴⁵. В дальнейшем агамия перестала быть необходимым условием функционирования производственных сил общества, а тем самым и объективным, материальным производственным отношением, превратилась в отношение идеологическое.

Но и после того как род перестал совпадать с производственным коллективом, даже между теми его членами, которые входили в состав разных организмов, в течение еще длительного времени в определенной степени продолжало осуществляться уравнительное распределение, т. е. он продолжал еще в какой-то степени сохраняться как круг, члены которого были обязаны делиться друг с другом. В дальнейшем по мере появления, наряду с уравнительными, новых производственных отношений, круг людей обязанных делиться друг с другом, стал все в большей степени определяться не столько принадлежностью к роду, сколько родством, причем не столько даже групповым, сколько линейно-степенным.

Все это вместе взятое и дало основание для утверждения как о том, что в первобытном обществе экономические отношения отсутствуют, а их функцию выполняют родственные (родовые) отношения, так и о том, что в первобытном обществе экономические отношения являются производными от родственных (родовых) связей. И такие утверждения, казалось, соответствовали фактам. Ведь в самом деле: родственники делились друг с другом, а люди, не состоящие в родстве, не делились. И на вопрос о том, что же побуждало первых делиться, напрашивался вполне естественный ответ — родство. Они делились потому, что были родственниками. Ответ казался исчерпывающим.

Но стоит только поставить вопрос, почему то самое родство, которое побуждало людей систематически, изо дня в день делиться в первобытном обществе, не побуждает их к этому в обществе классовом, почему в ходе развития самого первобытного общества непрерывно сужался круг лиц, обязанных систематически друг с другом делиться, как становится ясным, что дело тут вовсе не в родстве, взятом самом по себе. Делиться людей заставляет не родство, а воля общества, содержание которой детерминировано системой производственных отношений; что же каса-

⁴⁴ См. Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, стр. 159—162.

⁴⁵ Подробно об этом см.: Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, стр. 516—519.

ется родства, то оно лишь определяет круг лиц, внутри которого дележ является обязательным, причем как сам факт существования такого круга, так и все его основные особенности определяются характером системы производственных отношений.

Иначе говоря, в первобытном обществе на определенных этапах его развития материальные производственные отношения воплощались в таких имущественных отношениях, которые одновременно были не только моральными, но также обязательно и родственными. Однако нельзя при этом сказать, что данные отношения имеют, кроме экономической и моральной, также и родственную функцию. Можно говорить об экономических актах, но нельзя о родственных. Можно говорить о морали как силе, заставляющей человека делиться с другими людьми добытым продуктом, но нельзя этого сказать о родстве. Делиться с родственниками заставляет не родство, взятое само по себе, а воля общества, т. е. мораль. Поэтому нет никакой особой родственной функции, которая отличалась бы от экономической, моральной, функции помощи, защиты и т. п. И это проводит грань между экономическими, моральными и тому подобными отношениями с одной стороны, и родственными — с другой. Отличие заключается в том, что первые имеют свое собственное содержание, а вторые такого не имеют. Родственные отношения — это связи не содержательные, а формальные. Они всегда существуют как способ фиксации содержательных отношений, как рамки, в которых последние проявляются. Фиксировать они могут не только имущественные, но и самые различные содержательные связи.

ON THE SPECIFICITY OF RELATIONS OF PRODUCTION (SOCIAL-ECONOMIC RELATIONS) IN PRIMITIVE SOCIETY

The author criticizes the view according to which the Marxist thesis on the material nature of social-economic relations and on their pre-eminence over all other social links is true only for capitalism and does not apply to pre-capitalist societies in general and to primitive society in particular.

The author shows that relations of production were material in character in primitive society as well and played a decisive role there; however, people's economic activity was determined by them in a different way than under capitalism.

While capitalist production links determined people's economic actions in a direct, immediate manner, primitive social-economic relations determined such actions indirectly, through the medium of morality. This inevitably leads to the illusion of the pre-eminence of morality over economy. The paper also shows that links of kinship in primitive society are also determined by links of production.

В. П. Алексеев

О РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В БИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ

Введение

Отношение к человеку как к социальному существу глубоко укоренилось в современной философской и естественнонаучной мысли; это — одно из фундаментальных понятий и философии, и конкретных гуманитарных наук, и естествознания. Не менее фундаментально оно для антропологии, где были сделаны убедительные попытки показать ведущую роль социальных закономерностей в антропогенезе¹ и подчеркнуть роль социальных факторов в расообразовании².

Из положения о примате социальной природы человека над биологической следует вывод о том, что действие биологических закономерностей в человеческом обществе в снятом виде опосредовано социальными законами³. Антропогенез при этом рассматривается как процесс, двойственный по самой природе своей, диалектически противоречивый⁴.

Роль социальных факторов в антропогенезе выявляется многими, хотя и косвенными, но убедительными наблюдениями и соображениями. К их числу относятся исследования слепков внутренней полости черепной коробки ископаемых гоминид, показывающие постепенное, но неуклонное разрастание тех областей коры, с которыми связаны развитие речи и высших ассоциативных центров⁵; закономерное уменьшение челюстей по мере приближения к современному человеку, свидетельствующее об усовершенствовании речевого аппарата⁶; соображе-

¹ Я. Я. Рогинский, К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции «Антропологический журнал», 1936, № 3; его же, Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. 1, М.—Л., 1947; А. В. Кремянский, Переход от ведущей роли отбора к ведущей роли труда, «Успехи современной биологии», т. XIV, 1941, № 2; С. Н. Давиденков, Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии, Л., 1947.

² А. И. Ярхо, Против идеалистических течений в расоведении СССР, «Антропологический журнал», 1932, № 1; его же, Очередные задачи советского расоведения «Антропологический журнал», 1934, № 3; В. В. Бунак, Раса как историческое понятие, «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938.

³ Этот вопрос рассмотрен Я. Я. Рогинским. См. Я. Я. Рогинский, Методологические основы антропологии, «Научные доклады высшей школы (биологические науки)», 1966, № 3.

⁴ Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, «Происхождение человека и древнее расселение человечества», ТИЭ, т. XVI, М., 1951; его же, Проблемы антропогенеза, М., 1969.

⁵ Ю. Г. Шевченко, Эволюция коры мозга приматов и человека, М., 1971; Ph. Tobias, The brain in hominid evolution, N. Y., 1971; В. И. Кочеткова, Палеоневрология, М., 1973.

⁶ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, ТИЭ, т. XLIX, М., 1959; Б. А. Никитюк, Нижняя челюсть «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», ТИЭ, т. 92, М., 1966.

ние о том, что физически малосильные, но обладавшие социальными инстинктами особи в совокупности были сильнее, чем физически сильные, но отличающиеся индивидуальной агрессивностью, и что это преимущество проявлялось на всех стадиях антропогенеза и особенно при формировании человека современного вида, приводило к групповому отбору и закрепляло в наследственном стереотипе поведения социальные качества⁷. Отбор на социальные качества через сцепление их с морфологическими признаками приводил к модификации морфологического типа и закреплению определенных комбинаций признаков — в этом смысл гипотезы происхождения современного человека, глубоко аргументированной Я. Я. Рогинским в перечисленных выше работах: в лобных долях мозга сосредоточены ассоциативные центры и центры подавления индивидуальной агрессивности, их сильное разрастание — характерная особенность современного человека по сравнению с его ближайшими предками; с разрастанием лобных долей мозга коррелятивно связаны другие, типичные для него признаки — близкое к вертикальному положению лобной кости, уменьшение рельефа черепа, уменьшение лицевых костей, грацилизация челюстей и т. д.

В расообразовании роль социальных факторов гораздо меньше исследована и гораздо менее ясна. В целом, в соответствии с преобладающими взглядами, весь процесс расообразования хронологически включается в историю человека современного вида, т. е. падает на последние 35—40 тыс. лет. Биологические закономерности, как уже упоминалось, теряют на этом этапе свое решающее значение и уступают место социальным законам. Биология современного человека отражает историю современного человечества, значит, и законы расообразования, биологические по своему существу, действуют только через и при посредстве социальных закономерностей. Но конкретные формы их взаимодействия мало исследованы, и эту общую декларацию трудно пока насытить непосредственным содержанием.

Какие биологические факторы выступают в роли расогенетических у человека? В биологии они давно систематизированы и сведены к четырем процессам — мутациям, отбору, смешению и изоляции⁸. Подробно исследован и пятый фактор — случайные флуктуации популяционной численности и их незначительные формообразующие эффекты: роль родоначальников при резком уменьшении численности и т. д.⁹ В образовании человеческих рас сохраняют все свое значение четыре первых фактора¹⁰, но изменяется роль случайных колебаний численности — она резко возрастает; при таких случайных колебаниях сохраняются или элиминируются гены и сочетания генов, в первую очередь специфичные для отдельных популяций, следовательно, играющие в расообразовании первостепенную роль. Впервые, насколько мне известно, в общей форме на расообразующую роль случайных колебаний численности популяций у человека обратили внимание С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров¹¹. Было много попыток показать расовую избира-

⁷ Я. Я. Рогинский, Выступление на дискуссии по проблеме происхождения *Homo sapiens*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), вып. IX, 1950.

⁸ Обстоятельное освещение этих факторов с позиций современного дарвинизма см.: Э. Майр, Зоологический вид и эволюция, М., 1968; И. И. Шмальгаузен, Проблемы дарвинизма, Л., 1969.

⁹ Обзор конкретных исследований и соответствующей теории см.: Ю. М. Оленов, Некоторые проблемы эволюционной генетики и дарвинизма, М.—Л., 1961; Р. Левинс, Генетические последствия естественного отбора, сб. «Теоретическая и математическая биология», М., 1968; В. Тимофеев-Ресовский, А. В. Яблоков, Н. В. Глозов, Очерк учения о популяции, М., 1973.

¹⁰ См.: Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955; и х же, Антропология, М., 1968.

¹¹ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, «Расы и народы», вып. 2, 1972; и х же, Этнические процессы и информация, «Природа», 1972, № 7.

тельность многих других демографических показателей, например плодовитости, но все они производились обычно расистски настроенными исследователями и остаются бездоказательными; социальные условия во всех случаях интенсивнее влияют на плодовитость, чем расовая принадлежность¹².

Итак, каково же воздействие на все эти биологические законы социальных факторов, каковы формы этого влияния и его мера, в какой степени, наконец, социальные факторы способствуют проявлению биологических закономерностей и насколько они тормозят его?

Социальные факторы как фильтр

В любом биологическом сообществе отбор, изоляция, смешение и мутагенный процесс, естественный или индуцированный — все равно, непосредственно воздействуют на генетическую структуру популяции и приводят к ее перестройке. Пожалуй, исключение составляет лишь отбор, воздействующий на фенотипы, но и в этом случае изменение генетической структуры проявляется уже в следующем поколении. Социальная структура общества, очевидно, воздвигает между биологическими факторами расообразования и результатами расогенетического процесса — фенотипической изменчивостью и ее территориальными комплексами — еще один механизм, через который передается действие биологических законов на биологическую же структуру человечества. В связи с этим сразу же встает вопрос о том, какие социальные институты ответственные за эту передачу и как биологические факторы деформируются, подвергаясь их влиянию.

Не претендуя на то, чтобы исчерпать все элементы и все факторы социальной структуры общества, влияющие на действие биологических механизмов расообразования, перечислю семь моментов, значимых для нашей темы. Сразу же оговорюсь, что такое влияние многообразно и обусловлено конкретно-исторической ситуацией. В качестве первого из этих моментов нужно назвать характер развития производительных сил, определяющий общественное развитие вообще. При достаточно резкой разнице в таком характере и уровне развития производительных сил создаются большие трудности для широкого распространения комплекса признаков, свойственного популяциям, стоящим на низком уровне общественного развития, среди сталкивающихся с ними народов, более развитых в общественном отношении. Скажем, очень типичный для коренных народов Сибири комплекс морфологических признаков и свойственные им сочетания генных частот остались малораспространенными в среде контактных народов. Смешанные с русскими популяции в силу малочисленности коренных народов также малочисленны и составляют лишь отдельные группы в составе современного населения Сибири¹³.

Большее значение имеет брачная структура соответствующих общественных коллективов. Экзогамия или эндогамия, численность семьи, преимущественное направление заключения браков, их случайный или обусловленный традицией характер — вот те моменты брачной структуры общества, которые ответственны за распределение генных потоков, направляют их соответствующим образом и через генетическую структуру воздействуют на расообразование. В качестве примера мож-

¹² Обзор таких работ см.: I. Schwidetzky, Grundzüge der Völkerbiologie, Stuttgart, 1950.

¹³ В. В. Бунак, Русское население в Забайкалье, «Антропологический сборник, IV», ТИЭ, т. 82, М., 1963; Г. М. Давыдова, Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья, там же; В. П. Алексеев, Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова, Антропологические исследования на Лене, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1968, № 2; сб. «Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк», М., 1973.

но сказать о значительных различиях между эндогамными популяциями в Дагестане¹⁴ и на Памире¹⁵ — при сходстве основного комплекса признаков, свидетельствующего об общности происхождения, эти популяции заметно различаются и по соотношению групповых факторов крови, и по вариациям ладонного и пальцевого рельефа¹⁶. Наоборот, при отсутствии четко выраженной эндогамии и наложении брачных кругов друг на друга образуются обширные зоны однородных вариаций признаков, примером чему служит Восточно-Европейская равнина: русское население однородно и соматологически¹⁷ и краниологически¹⁸, отдельные территориальные группы близки и по соотношению групп крови АВО¹⁹. Иными словами, сформировалось то антропологическое единство, которое можно назвать зоной стабильности аллелей²⁰.

Третий важный социальный фактор — характер расселения человеческих коллективов. Даже при равновероятных направлениях заключения браков сплошное или прерывистое расселение приводит к разной картине распределения генных концентраций, а следовательно, и к различной географии фенотипов. В первом случае имеет место приближение к ситуации панмиксии, а в географии фенотипов — модус локальной изменчивости, во втором — проявляется групповая дифференциация и модус типологической изменчивости²¹. При фиксированных направлениях заключения браков вследствие бытующих этнографических традиций (предпочтение тех или иных родов внутри фратрии и т. д.), отклонение от симметрии в географическом распространении генов при прочих равных условиях тем сильнее, чем полнее соблюдается соответствующий этнографический обычай; естественно, тем сильнее идет при этом и процесс новообразования фенотипов, тем сильнее выражена географическая изменчивость, следовательно, тем интенсивнее расообразование.

В распределении фенотипов и расообразовании велика роль социальной стратификации. Часто в истории того или иного народа высшие слои общества имели инородное происхождение по сравнению с основной массой населения — примером может служить происхождение английской аристократии в эпоху средневековья. В этом случае антропологические особенности иной по происхождению группы, естественно, отличаются от антропологического состава народа в целом, но образовалась такая ситуация не вследствие центробежных социальных процессов, а в результате переселения, т. е., иными словами, социальная стратификация здесь ни при чем. Однако формирование социальных групп и классов в истории общества часто сопровождалось их кастовой замкнутостью, образованием стойких социальных рубежей и заключением браков только внутри таких групп и классов. Таким образом, социальные рубежи могли выступать и в качестве генетических барьеров. Разумеется, такие барьеры никогда не были полностью непроницаемыми — мировая литература насыщена примерами борьбы про-

¹⁴ А. Г. Гаджиев, Антропология малых популяций Дагестана, Махачкала, 1971.

¹⁵ Ю. Г. Рычков, Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира), М., 1969.

¹⁶ См. также: Г. Л. Хитъ, Группы крови у таджиков Памира, «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960; ее же, Распределение групп крови в населении Памира, «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961; ее же, Дерматоглифика населения Западного Памира, СЭ, 1964, № 5.

¹⁷ «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», ТИЭ, т. 88, М., 1965.

¹⁸ В. П. Алексеев, Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование), М., 1969.

¹⁹ В. В. Бунак, Геногеографические зоны Восточной Европы, выделяемые по факторам крови АВО, «Вопросы антропологии», вып. 32, 1969.

²⁰ См. В. П. Алексеев, Молекулярные аспекты антропологии, М., 1974.

²¹ В. П. Алексеев, Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков, СЭ, 1967, № 1.

тив сословных предрассудков, описаниями так называемых неравных браков, в периоды революций и смены формаций резко усиливались реальные половые связи между представителями разных социальных групп. Общественные группировки и классы при своей многочисленности никогда не существовали настолько долго, чтобы реализовалась их потенциальная популяционная структура и они выступали бы как гомогенные элементы расовой систематики. В этом случае можно было бы говорить о симпатрическом (независимом от ареала) расообразовании у человека, а оно, как мне уже неоднократно приходилось отмечать, носит у человека аллопатрический (т. е. географический) характер²². Имеющиеся фактические данные не организованы сейчас таким образом, чтобы с их помощью можно было проследить теоретически возможные слабые тенденции к морфофизиологической дифференциации проявляющиеся в отдельных социальных группах. Но в отдельных случаях их все же удается отметить: так, Э. Бельц указывает на различия в некоторых признаках между представителями высших и низших общественных слоев в составе японского общества до конца прошлого века²³. Наконец, антропологические различия между высшими и низшими индийскими кастами, во многих случаях обязанные своим появлением разному происхождению, по-видимому, закреплены непроницаемым в данном случае генетическим барьером социального характера действовавшим к тому же на протяжении тысячелетий²⁴.

Мощное и интегрирующее, и дифференцирующее в зависимости от условий влияние на исторический процесс оказывал всегда этнический фактор. Не меньше было его влияние на расообразование. В целом этнические границы не совпадают с расовыми, что было отмечено и в общей форме, и показано в многочисленных исследованиях²⁵. В то же время можно предполагать, что на ранних этапах человеческой истории совпадение между ними было больше за счет пространственного совмещения ареалов этно- и расообразования²⁶. Но как бы ни решался вопрос о соотношении географических границ расовых и этнических общностей в общей формулировке, ясно, что этнические границы, сопровождающиеся и языковыми, служат до тех пор, пока они существуют, значительным генетическим барьером. В то же время внутри этносов идут процессы интеграции, обусловленные тем, что, как об этом свидетельствует соответствующая статистика²⁷, браки внутри этносов заключаются значительно чаще, чем за их пределами. Именно это обстоятельство позволило выдвинуть гипотезу, что этнос при определенных условиях представляет собой потенциальную популяцию²⁸. А так как этнический момент аккумулирует также культурный и языковый представляя собою генерирующий фактор, можно утверждать, что они небезразличны для расообразования, влияя на него через этническую компоненту.

²² В. П. Алексеев, Сибирь как очаг расообразования, «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968; его же, География человеческих рас, М., 1974.

²³ E. Baelz, Menschenrassen Ost-Asiens mit spezieller Rücksicht auf Japan, «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1901.

²⁴ H. Risley, The people of India, Calcutta, 1915; B. Guha, Racial affinities of the peoples of India, «Census of India, 1931», vol. 1 (ethnographical), part III, Simla, 1935; G. Olivier, Anthropologie des Tamouls du sud de l'Inde, Paris, 1961.

²⁵ Критику противоположных заключений см.: Г. Ф. Дебец, Расы, языки, культуры, «Наука о расах и расизм», М., 1938.

²⁶ В. П. Алексеев, Очаги расообразования: антропология и история, «Природа», 1973, № 5.

²⁷ См. подборку данных: Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, СЭ, 1969, № 6.

²⁸ Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия; его же, Этнос и этнография, М., 1973.

Аналогичную роль играли государственные границы. Их подвижность на протяжении истории человечества, то обстоятельство, что они существовали обычно сравнительно недолгое время, ослабляли их роль как генетических барьеров, особенно если учесть, что заключенные внутри этих границ группы населения отличались чаще всего большой многочисленностью и этническим разнообразием. Но все же и при кратковременности существования они постоянно вносили свой вклад в ограничение панмиксии и способствовали той дифференциации, которая устанавливалась этническими, культурными и языковыми различиями.

Наконец последнее, о чем в этой связи нужно упомянуть, — психологические традиции и установление тех или иных психических стереотипов поведения. Эти стереотипы пока мало исследованы, но они, безусловно, важны в формировании каких-то человеческих коллективов и в установлении отношений отталкивания или, наоборот, притягивания между ними. Стереотипы эти, конечно, полностью социально обусловлены. Многочисленная статистика, специально собранная для ответа на этот вопрос, не дала убедительных доказательств какого-либо психофизиологического предпочтения, которое люди определенных соматических типов выявляли бы при выборе брачных партнеров. Пожалуй, единственное исключение составляют рыжеволосые люди, браки между которыми заключались чаще, чем они в среднем должны заключаться в соответствии с их численностью в разных популяциях²⁹. В то же время психические предпочтения, в основе которых лежат расовые предрассудки, были распространены чрезвычайно широко и в ряде случаев несомненно повлияли на закрепление тех или иных комплексов признаков.

Итак, характер развития производительных сил, а с ним и общественного развития, господствующая в разных обществах система заключения браков, характер расселения тех или иных человеческих коллективов, социальная стратификация, этнические границы, государственные границы и сложившиеся социально-психологические стереотипы поведения — вот те элементы социальной структуры общества, которые действовали как дополнительный фильтр, ускоряя или замедляя процесс расообразования. Последняя формулировка, строго говоря, не вполне точна, так как, говоря об ускорении или замедлении процесса расообразования, следует иметь в виду те или иные конкретные ситуации. При рассмотрении вопроса в целом можно утверждать, что фильтр социальных факторов, через которые пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствовал биологической дифференциации человечества, ускорял, а не замедлял его.

В самом деле, как бы ни действовал социальный фильтр в каждом конкретном случае, все входящие в него структурные элементы или усиливают в данных условиях места и времени популяционную дифференциацию, или способствуют, наоборот, утере популяционной специфики в ходе смешения, интеграции и направленного отбора, охватывающего многие популяции. Таким образом, будь то увеличение дифференциации или закрепление одного какого-нибудь достаточно широко распространенного комплекса признаков, речь идет о новообразовании, о расовой динамике, иногда возникающей, а иногда усиливающейся благодаря социальным факторам. Поэтому сравнивая процессы расообразования в популяциях животных и человека, мы можем утверждать, что у человека (именно потому, что он является существом социальным) они протекают активнее, подразумевая под этим не глубину расовой дифференциации, а интенсивность расовой динамики.

²⁹ Об этом см.: Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Таннер, Н. Барникот, Биология человека, М., 1968.

Полное освещение всех фактов, которые могут быть мобилизованы в этой связи, требует большого места и не может быть произведено в рамках статьи, но чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Палеоантропологические материалы из Передней Азии, относящиеся к X—VIII тысячелетию до н. э., пока отсутствуют, и поэтому мы лишены возможности непосредственно судить о процессе расовой дивергенции, сопровождавшем переход к земледелию и скотоводству. Однако косвенные доказательства наличия такой дивергенции имеются в современной географии морфологических признаков. Речь идет о том, что на Иранском плато население горных районов отличается от равнинного³⁰, и можно предполагать, что различие это образовалось в древнюю эпоху и относится хронологически именно ко времени выделения скотоводов и земледельцев. Правда, первые шаги земледелия также сделало в горных районах³¹, но затем быстро распространилось на равнину, тогда как скотоводство продолжало развиваться преимущественно в горных местностях. Таким образом, разнича в направлении развития производительных сил, обусловленная переходом к земледелию и скотоводству, вызвала какую-то биологическую изоляцию популяций и способствовала расовой дивергенции.

Существовало мнение, основанное на выборочных фактических наблюдениях, что Рейн играет роль генетического барьера и препятствует контакту между популяциями, расселенными по обоим его берегам³². Однако достаточно полное исследование показало, что такое мнение не верно³³. При установившейся системе заключения браков между жителями отдельных селений водный рубеж не нарушает сложившихся брачных отношений и поэтому не может вызвать популяционной дифференциации. На первый взгляд кажется, что в данном случае нужно говорить не об ускорении, а о замедлении расообразования, так как социальный фактор задерживает дифференциацию. Но, задерживая дифференциацию, он способствует стабилизации определенного расообразовательного локуса, способствует, следовательно, в конечном итоге и расовой динамике. Когда мы говорим о характере расселения, ясно, что любой отрыв популяции от основного ареала приводит к ее специализации в направлении образования какой-то морфофизиологической и генетической специфики — процесс этот хорошо изучен и теоретически, и практически, и классическим примером его является изолят данкерс в Канаде³⁴. Эмиграция в Канаду из Европы во время, отстоящее от современности не более чем на 10—12 поколений, привела к образованию популяции с четко выраженной спецификой. В то же время компактное расселение, как это само собой очевидно, автоматически способствует стабилизации генофонда и, следовательно, устойчивости фенотипов. Как и в примере с центральными районами Европы по Рейну, оно, обеспечивая стабилизацию того или иного расового микролокуса, ускоряет расовую динамику в целом.

Выше уже говорилось о значении языковых, этнических и государственных границ как генетических барьеров, с одной стороны, и как факторов интеграции — с другой. Чаще всего они накладываются друг на друга, взаимно усиливая свое действие, и при стабильности этих

³⁰ H. Field, Contributions to the anthropology of Iran, «Field museum of natural history, anthropological series», vol. 29, Chicago, 1939.

³¹ Н. И. Вавилов, Центры происхождения культурных растений, «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, вып. II, Л., 1926.

³² M. Wolf, Der Rhein als Heirats- und Wandergrenze, «Homo», Bd VII, 1956.

³³ H. Walter, Populations-genetische Untersuchungen in Mittelrhein-Gebiet, Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1967.

³⁴ B. Glass, M. Sacks, E. Jahn, Ch. Hess, Genetic drift in a religious isolate: an analysis of the causes of variation in blood group and other gene frequencies in a small population, «The American naturalist», vol. LXXXVI, 1952, № 828; S. Garn (ed.), Readings on race, Chicago, 1960.

границ вызывают значительную однородность внутри себя и в то же время резкие отличия от других народов. Пожалуй, можно в этой связи сослаться на японцев³⁵ и китайцев³⁶, отличающихся значительной антропологической спецификой; в последнем случае эта специфика нарушена южными примесями в южных районах расселения китайцев, но в первом случае она выражена достаточно отчетливо (хотя какую-то роль могло сыграть и островное положение японцев). Наконец, легко понять, что психологические стереотипы, выражающиеся в расовых или этнических предрассудках, всегда имеют своим результатом этническое и расовое размежевание, способствуют поэтому расовой гомогенизации и усиливают, следовательно, расовую динамику.

В общей форме можно утверждать, как уже и говорилось выше, что социальный фильтр, воздействуя на расообразование, ускоряет его, в одних случаях вызывая расовую дифференциацию, в других — способствуя гомогенизации уже выделившихся расовых общностей, в третьих — стирая морфофизиологические и генетические различия, но и при этом стабилизируя отдельные микролокусы расообразования. Социальные факторы в человеческом обществе можно расценить во многих случаях как дополнительный стимул расообразовательного процесса.

Социальные факторы как стимуляторы образования генетических барьеров

Выше мы неоднократно касались этой проблемы, теперь нам предстоит рассмотреть ее систематически. Следует помнить, что социальные факторы в силу большой динамики социальных изменений изменчивы в своем действии и результатах. Вызвав к жизни образование генетического барьера, тот или иной социальный институт может исчезнуть, другие социальные факторы могут влиять на этот образующийся генетический барьер в противоположном направлении и т. д. Одним словом, социальные факторы, в том числе и перечисленные в предыдущем разделе, динамичны по своей природе, но все же их действие периодически реализовалось в формировании достаточно устойчивых генетических барьеров, чему есть много примеров, и, следовательно, способствовало проявлению изолирующих механизмов расообразования.

Неодинаковый характер и направление развития производительных сил и вытекающая отсюда разница в уровне экономического и хозяйственного развития у соседних народов представляют собой широко распространенное явление в истории человечества. В пределах первобытной ойкумены даже до перехода к земледелию и скотоводству существовали коллективы охотников и рыболовов, в некоторых коллективах преобладало собирательство. Даже в рамках одного хозяйственного уклада, например охотничьего, формировались различия в степени обеспеченности пищей в богатых и бедных фауной районах, усиливавшиеся в удачные сезоны. Такие различия в хозяйственных укладах и внутри одного уклада при прочих равных условиях способствовали этнической дифференциации, вызывали к жизни действие проникаемых, но все же в отдельных случаях достаточно долговременных генетических барьеров и обуславливали расовую дифференциацию. Известным аргументом в пользу такого подхода служат мелкие различия в технологии обработки камня на протяжении каменного века, которые с некоторым основанием можно

³⁵ М. Г. Левин, Некоторые проблемы этнической антропологии Японии, СЭ, 1961, № 2; его же, Этническая антропология Японии, М., 1971.

³⁶ Сводки данных см.: Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, ТИЭ, т. II, М.—Л., 1947; его же, К вопросу о происхождении китайцев, СЭ, 1947, № 1; его же, К этнической антропологии Южного Китая (по материалам исследований в провинции Гуандун), СЭ, 1973, № 5.

считать этническими³⁷. Неравномерность хозяйственного развития в посленеолитическое время не уменьшалась, а нарастала и представляет собою один из важных движущих факторов истории человечества. В современную эпоху эта неравномерность достигла наибольшего масштаба — общеизвестно сосуществование высокоразвитых экономически и культурно народов с народами, остающимися на сравнительно низких ступенях общественного развития даже в пределах одного государства. Во всех таких случаях, когда экономические различия уже непременно сопровождаются этническими, экономический фактор, воздействуя на культуру, образование, семейное воспитание, углубляет имеющийся разрыв.

Как влияло на генетическую структуру человечества расселение человеческих коллективов, компактность или, наоборот, разреженность популяций? Само расселение до известной степени определяется плотностью населения, но плотность влияет лишь на густоту популяций в пределах той или иной площади. Местоположение популяций по отношению друг к другу является следствием других причин — физико-географических, исторических, сложившихся традиций и т. д. Расселение в горных областях с труднодоступными перевалами всегда вызывало дифференциацию этно- и расообразования, концентрацию культурных особенностей в каких-то определенных очагах, разделенных резкими границами, образование локальной морфофизиологической специфики отдельных популяций или их групп. Именно поэтому мне пришлось писать о модуле типологической изменчивости преимущественно по отношению к антропологическому составу горных местностей³⁸. При расселении на равнине и при отсутствии серьезных природных рубежей — рек, непроходимых лесов, болот и т. д. даже при наложении брачных кругов друг на друга действует то, что С. Райт назвал «изоляцией расстоянием»³⁹, т. е. все равно образуются какие-то ареалы совмещения сходных вариаций аллелей, зоны однородности аллелей, составляющие генетическую основу формирующихся расовых общностей. Этот процесс идет интенсивнее, если он развивается на территории, пересеченной какими-то географическими рубежами гидрологического или ландшафтного характера. Таким образом, можно, по-видимому, утверждать, что любая форма расселения, если речь идет не о соседних популяциях, а о более или менее обширной их совокупности, вызывает в конечном итоге их дальнейшую дифференциацию.

Значение брачной структуры при полной эндогамии в качестве изолирующего механизма очевидно. Оно велико даже тогда, когда дополнительно мы сталкиваемся с сильной геоморфологической расчлененностью. На протяжении многих лет считалось, что многообразие языков населения Дагестана и наличие в них огромного числа диалектов объясняется в первую очередь расчлененным рельефом, недоступностью многих районов, труднопроходимыми перевалами⁴⁰. Однако Л. И. Лавров убедительно показал, что причиной языкового многообразия является эндогамия, чрезвычайно строго соблюдаемая внутри селений⁴¹. Возникновение такой традиции и ее строгое соблюдение легко понять в условиях Дагестана — селения были немногочисленны, особенно на ранних этапах

³⁷ А. А. Формозов, Древние историко-этнографические области Европейской части СССР (мезолит, неолит, энеолит), СЭ, 1958, № 5; его же, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

³⁸ В. П. Алексеев, Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков.

³⁹ S. Wright, Isolation by distance, «Genetics», vol. XXVIII, 1943; его же, Isolation by distance under diverse systems of mating, «Genetics», vol. XXX, 1946; его же, Evolution and the genetics of populations, vol. 2 — «The theory of gene frequencies», Chicago — London, 1969.

⁴⁰ О разнообразии языковой картины в Дагестане см.: Е. А. Бокарев, Краткие сведения о языках Дагестана, Махачкала, 1949.

⁴¹ Л. И. Лавров, О причинах многоязычия в Дагестане, СЭ, 1951, № 2.

истории населения Дагестана, оторваны друг от друга, поэтому, естественно, сельская община была заинтересована в сохранении рабочих рук — здоровых мужчин и женщин брачного возраста, предпочитала сохранить их у себя и соответствующим образом жестко регламентировала жизнь своих членов. При экзогамии дифференцирующий эффект брачной структуры менее очевиден, так как генный поток направлен за пределы рода, и в то же время он воспринимает направленный генный поток со стороны. Именно эта ситуация была характерна для родового строя и, следовательно, сыграла значительную роль на каком-то отрезке истории первобытного общества. Но при рассмотрении того эффекта, который она оказывала на расообразовательный процесс, следует учитывать, что направленные генные потоки имели место между определенными коллективами — родами, связанными во фратрии и племена. Еще Л. Морган привел обширные данные, подтверждающие, что племена в свою очередь эндогамны⁴². О расогенетических результатах такой замкнутости можно судить по краниологической и соматологической специфике отдельных групп племен⁴³, группирующейся и в расовые общности более высокого таксономического уровня⁴⁴. Таким образом, и при экзогамии можно говорить об изолирующем действии брачной структуры в целом.

Социальная стратификация возникает вместе с первыми шагами имущественного расслоения, но сначала она, как правило, не играет большой роли как дифференцирующий фактор и не приводит к внутривнутрипопуляционной дифференциации. Это объясняется незначительными масштабами имущественного расслоения⁴⁵ и подчинением первобытных коллективов каким-то традиционным нормам заключения браков, на которые имущественное неравенство пока не оказывает значительного преобразующего влияния. С образованием классового общества принадлежность к той или иной замкнутой общественной группировке практически полностью определяла место любого человека внутри общества. Брачные связи имели место внутри таких группировок и редко выходили за их пределы. Если бы деление общества на классы на каждом последующем этапе повторяло предыдущее и, таким образом, классовое деление сохранялось бы в неизменном виде тысячелетия, можно было бы утверждать, что оно привело бы в конечном итоге к формированию каких-то относительно однородных общностей, локализованных внутри общественных групп. Смена формаций, однако, происходит слишком быстро, чтобы эти общности успели образоваться. При количественном исследовании популяционно-генетических явлений подсчитано, что требуются сотни поколений, чтобы установилась однородность даже по простому локусу внутри немногочисленной популяции⁴⁶, тем больший срок нужен для гомогенизации обширных популяций по признакам со сложной наследственной структурой. Этот срок никогда не реализовался в истории человечества, и поэтому так мала роль симпатрической формы в расообразовании у человека. Но, теоретически говоря, нельзя полностью отрицать потенци-

⁴² Л. Морган, Древнее общество, исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации, Л., 1934. Более полное рассмотрение, основанное на панэйкуменных материалах, см.: А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

⁴³ Сводку данных см.: Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, ТИЭ, т. XVII, М., 1951.

⁴⁴ Об этом см.: В. П. Алексеев, География человеческих рас.

⁴⁵ На североамериканском материале и в общетеоретическом плане это хорошо показано: Ю. А. Аверкиева, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LXX, М., 1961.

⁴⁶ Изложение таких расчетов см.: Дж. Холдэйн, Факторы эволюции, М.—Л., 1935; см. также: В. П. Эфроимсон, Введение в медицинскую генетику, М., 1968; L. Cavalli-Sforza, W. Bodmer, The genetics of human populations, San Francisco, 1971.

ально дифференцирующего, хотя и не успевшего реализоваться влияния социальной стратификации.

Начиная с самых ранних этапов человеческой истории, существовало противопоставление своих чужим, осознание принадлежности к какой-то общности людей и противопоставления ее другим людским коллективам. Именно это осознание родства и противопоставления своих чужим служило закреплению культурных традиций и поведенческих стереотипов, возникновению языковых различий и образованию первых следов этнических различий. Возникавшие периодически межплеменные войны, не смотря на свои чаще всего скромные масштабы⁴⁷, усиливали взаимное отталкивание. Таким образом, с самых глубинных истоков истории человечества этнические, языковые и культурные различия между группами людей воздвигали между ними и брачные барьеры, вследствие чего эти различия усиливались и стабилизировались и на основе их могли возникать различия генетические. Чрезвычайно плодотворная гипотеза С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова о сгустках информации внутри этнических и биологических общностей охватывает случаи такого параллелизма и объясняет их под единым углом зрения как результат информационных процессов разной плотности и их локального своеобразия⁴⁸. По мере роста численности человеческих коллективов, освоения ранее неосвоенных разнообразных экологических ниш, наконец, усиления разнообразия социальной среды дифференцирующая роль этнических границ, аккумулирующих также языковые и культурные, постоянно повышалась, хотя, как и в случае с социальной стратификацией, длительность существования этносов почти никогда не давала возможности гомогенизации их антропологического состава. Потенциальная возможность, следовательно, лишь в редких случаях реализовывалась, да и то со значительными ограничениями.

По-видимому, аналогичные соображения можно повторить и про значение политических границ между государствами. Уже в эпоху ранних государственных образований границы, естественно, очень неопределенные, размежевывали народы, территориально близкие. Для древнего Египта это было население районов, примыкающих к Красному морю, для античных государств — варварская периферия в широком смысле слова. Большое число рабов разнообразного происхождения из завоеванных и присоединенных областей ввозилось в Грецию и особенно в Рим⁴⁹, но они мало смешивались и с греками и с римлянами. Следовательно, и политические границы при всей своей проницаемости могли выступать в качестве генетических барьеров, особенно если они сохраняли свою стабильность на протяжении нескольких столетий. Полностью, понятно, по упомянутой причине барьеры эти никогда не реализовались, как и этнические, потому что они еще кратковременнее.

Остался последний социальный фактор из перечисленных выше — психологические стереотипы, нацеленные на предпочтение того или иного внешнего облика, определенного морфологического комплекса признаков другим. В литературе, посвященной истории возникновения расизма, высказывается мысль, что оформление расистских концепций в конечном итоге связано с развитием капитализма и борьбой крупных государств за мировое господство⁵⁰. Расовое предпочтение, по-видимо-

⁴⁷ См. об этом: А. И. Блинов, Маорийские войны (1843—1872), «Океанийский этнографический сборник, I», ТИЭ, т. XXXVIII, М., 1957.

⁴⁸ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества; их же, Этнические процессы и информация.

⁴⁹ См., например, классическое исследование: А. Валлон, История рабства в античном мире, М., 1941.

⁵⁰ А. В. Ефимов, Социальный аспект биологической категории «раса», сб. «Против расизма», М., 1966. Автор также отдал дань этой точке зрения: В. П. Алексеев, Расизм в современной антропологии, там же. Не следует прибегать при опровержении

му, неспособно вызвать к жизни через предпочтительные браки расовые различия, так как оно само возникает на базе осознания этих уже существующих различий, но оно способствует их закреплению, вводя в структуру генетических барьеров дополнительный психологический фактор.

Мы рассмотрели значение социальных факторов в качестве генетических барьеров, теперь нам предстоит перейти к оценке роли тех же факторов как стимуляторов панмиксии.

Социальные факторы как стимуляторы локальной панмиксии

При оценке дифференцирующей роли перечисленных социальных факторов мы остановились лишь на одной стороне их влияния. Специфика действия этих социальных факторов состоит в том, что они полифункциональны, что наряду с дифференцирующей ролью они одновременно и параллельно играли роль интегрирующую, вызывали в любых конкретных исторических условиях противоположные следствия. Такая общественная полифункциональность является вообще, по-видимому, общим свойством социальных институтов, когда они выступают в качестве стимуляторов или причинных факторов формообразования.

Заслуживает внимания и еще одно общее обстоятельство — социальные стимуляторы никогда не вызывают панэйкуменную панмиксию. В популярной, научно-художественной и научно-фантастической литературе широко обсуждается и, как правило, положительно решается вопрос о будущем слиянии рас и переходе всего человечества на каком-то будущем этапе своего развития к единому языку. Проникло такое решение этого вопроса и в серьезную футурологическую литературу⁵¹. Не останавливаясь на лингвистической стороне проблемы, выходящей за рамки статьи, скажу, что тезис о панэйкуменных последствиях расового смешения выглядит пока бездоказательным в свете оценки роли смешения на разных этапах расовой истории человечества, в том числе и в современную эпоху, масштабов действия способствующих смешению факторов и противодействующих смешению тенденций. В литературе высказывалась, с моей точки зрения, неверная мысль о человечестве в целом как о популяции⁵². Принять эту мысль мешает действие той самой «изоляции расстоянием», о которой упоминалось выше: эта изоляция усиливается по мере того, как растет расстояние между брачующимися и уменьшается вероятность их случайных встреч для заключения браков. Человечество в целом, следовательно, даже при отсутствии каких-либо генетических барьеров географического или социального происхождения все равно распалось бы на локальные группы с определенной генетической спецификой. Наличие таких барьеров дополнительно ускоряло и усиливало на протяжении истории этот процесс распада. Таким образом, только внутри общностей, ограниченных генетическими барьерами, можно говорить о панмиксии, и эта панмиксия имела, имеет сейчас и будет иметь, пока существуют государственные и национальные границы, ограниченное локальное значение.

Такая локальная панмиксия является оборотной стороной всех тех конкретных исторических ситуаций, которые бегло рассмотрены были в двух предыдущих разделах. Коль скоро устанавливается и начинает

этой точки зрения к ссылке на античные концепции раба как низшего существа (см., например: Т. Ф. Таиров, *Расы и политика*, М., 1968). Ни у Аристотеля, ни у других античных мыслителей понятие раба не связано с расовой принадлежностью.

⁵¹ И. В. Лада, О. Н. Писаржевский, *Контуры грядущего*, М., 1965.

⁵² Ю. Г. Рычков высказал это утверждение в дискуссии по своему докладу на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г. См.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. I, М., 1968, стр. 282. Эта точка зрения поддерживается и некоторыми другими исследователями.

действовать определенный генетический барьер, а вернее говоря, система генетических барьеров, даже если они и проницаемы, внутри этой системы браки заключаются с большей частотой, чем за ее пределами. Даже если подобная ситуация существует лишь несколько поколений и таким образом потенциальные возможности ее не реализуются в действительности, не успевает установиться генное равновесие и наступить гомогенизация популяции по фенотипу, все равно эта ситуация чревата образованием популяции как основным своим формообразовательным следствием. И в этом случае не имеет значения, какой социальный факт вызывает к жизни генетический барьер — различие в уровне экономического развития соответствующих этнических и территориальных групп или тип их расселения, характер заключения браков или классовое и другое социальное расслоение, государственные и этнические границы или расовые предрассудки. Создавая генетические барьеры между определенными людскими коллективами, они как бы замыкают их в устойчивые границы, разрывают между этими коллективами брачные связи, но тем самым если и не усиливают по существу, то во всяком случае освобождают от всех посторонних влияний и охраняют процесс смешения внутри них. Выделяя внутри более многочисленных коллективов сравнительно малочисленные области, генетические барьеры, возникающие на основе действия социальных факторов, при том же уровне интенсивности панмиксии могут привести к гомогенизации внутри популяции скорейшим образом — это продемонстрировано соответствующими теоретическими расчетами⁵³.

Социальная среда и мутационный процесс

До сих пор мы занимались в основном оценкой влияния социальных факторов на интенсивность изоляции и смешения. Между тем теоретически вполне правомерен вопрос о том, как влияет социальная среда на скорость мутирования, есть ли это влияние или его нет и, если оно есть, увеличивает оно эту скорость или уменьшает? Экспериментальные данные по скорости мутирования пока очень ограничены и неполны, поэтому любые суждения могут быть вынесены лишь при частичной опоре на эти данные и опираются в значительной своей части на косвенные наблюдения и соображения.

Если попытаться суммировать коротко все, что нам известно пока о спонтанном и индуцированном мутагенезе у человека, то в первую очередь нужно подчеркнуть, что речь идет не о признаках нормы, а о патологических отклонениях от нее — хромосомных и других генетических нарушениях. Показано, что мутации отдельных генов очень редки, но при их огромном числе (около 7 млн. у человека⁵⁴) значительное число мутаций приходится на каждое поколение⁵⁵. Показано также многочисленными исследованиями, что космическое и земное излучение, экстремальный температурный режим, а также химические мутагены увеличивают число мутаций и вызывают появление аномалий⁵⁶. Однако кроме этих физических и химических агентов, определенный мутагенный эффект имеют биологические агенты — вирусные инфекции,

⁵³ См. примеры: L. Cavalli-Sforza, W. Bodmer, Указ. раб.; один из новейших обзоров общего характера: E. Lange, Mechanismen der Evolution, Lutherstadt, 1971.

⁵⁴ E. Vogel u. a., Eine vorläufige Abschätzung der Anzahl menschlicher Gene, «Zeitschrift für menschliche Vererbungs- und Konstitutionslehre», 1964, No. 4; В. П. Эфроимсон, Популяционная генетика человека и некоторые проблемы медицинской генетики, «Генетика», 1967, № 11.

⁵⁵ Сводка данных: Н. П. Бочков, Хромосомы человека и облучение, М., 1971; см. также: В. К. Щербakov, Естественный мутагенный процесс (цитогенетические закономерности), «Итоги науки. Общая генетика (мутагенез, мутации)», М., 1969.

⁵⁶ Данные суммированы: Н. П. Дубинин, Проблемы радиационной генетики, М., 1961; его же, Эволюция популяций и радиация, М., 1966.

биологические препараты и т. д.⁵⁷ Можно ожидать, что аналогичное воздействие оказывают эти агенты и на нормальную изменчивость, иными словами, они провоцируют ускорение мутагенеза по тем генам, которые детерминируют нормальную норму реакции. Следовательно, все внешние воздействия ускоряют мутирование и в этом отношении оказывают одинаковое влияние на организмы начиная с простейших и кончая человеком. Известная иллюстрация этого последнего положения — установление факта параллельных ускорений и спадов в мутировании у дрозофилы и человека на протяжении последних 30 с небольшим лет⁵⁸.

Если космический и температурный режим планеты остается более или менее постоянным и, во всяком случае, не изменяется в последние столетия направленным образом, то нельзя сказать того же о земной радиации, химическом и биологическом режиме. Радиационный эффект ядерных взрывов общеизвестен, и они увеличили радиационный фон нашей планеты⁵⁹. Распространенность вирусных заболеваний остается, по-видимому, на более или менее постоянном уровне, но широкое использование антибиотиков как медикаментозных средств усилило в ходе эволюции вирусов патогенные свойства многих из них. Постоянно происходит загрязнение атмосферы и гидросферы не только остатками радиоактивного распада, но и химическими веществами⁶⁰. Все эти процессы искусственного происхождения, вызванные к жизни человеческой деятельностью, — следствие техногенеза⁶¹. Генетические последствия искусственного облучения, скажем в Нагасаки, ужасны — среди почти 100 потомков облученных отцов зафиксировано больше 20% разных уродств⁶². Можно думать, что другие вызывающие мутации факторы техногенного происхождения хотя и менее интенсивны в своих последствиях, но все же достаточно заметно вмешиваются в процесс спонтанного мутагенеза, вызывая вспышки мутирования генов, ответственных как за нормальную норму реакции, так и за патологические отклонения. Таким образом, можно утверждать, что социальная деятельность человека создает такие продукты, которые отсутствуют в геосфере и которые целиком обязаны своим происхождением человеческому труду. Эти продукты, результаты человеческой деятельности, ускоряют мутационный процесс, а последний усиливает биологическую изменчивость человеческих популяций.

Социальная среда и процессы направленного изменения генов и признаков во времени

Процессы генного дрейфа, или генетико-автоматические процессы, теоретически исследованные С. Райтом в США⁶³, Д. Д. Ромашовым и Н. П. Дубининым в СССР⁶⁴, проявляются в любой популяции при условии ее малочисленности как следствие ее изогаметации, т. е. пере-

⁵⁷ Обсуждение проблемы см.: А. А. Прокофьева-Бельговская, Н. П. Бочков, К. Н. Гринберг, Г. Г. Мирзаянц, Е. Е. Погосянц, Е. К. Пяткин, А. А. Ревазов, Н. С. Стонова, Основы цитогенетики человека, М., 1969.

⁵⁸ Н. А. Крышова, Н. Г. Озерецковская, В. М. Милованова, Р. Л. Берг, Сопоставление динамики мутационного процесса у филогенетически отдаленных форм на примере дрозофилы и человека. «Генетика», 1970, № 3.

⁵⁹ Мировые данные суммированы: Л. А. Перцов, Природная радиоактивность биосферы, М., 1973; В. П. Шведов, С. А. Патиц, Радиоактивность океанов и морей, М., 1968.

⁶⁰ Многочисленные примеры этому приведены: Ж. Дорст, До того как умрет природа, М., 1968.

⁶¹ Термин и понятие введены: А. Е. Ферсман, Геохимия, т. 2, Л., 1934.

⁶² I. Higa, «Japanese scientific monthly», 1958, № 10.

⁶³ S. Wright, Evolution in Mendelian populations, «Genetics», vol. 16, 1931.

⁶⁴ Н. П. Дубинин, Д. Д. Ромашов, Генетическое строение вида и его эволюция, «Биологический журнал», т. 1, 1932, вып. 5—6.

хода рецессивных генов в гомозиготное состояние. Предпосылки для такого перехода в малочисленной популяции гораздо более благоприятны, чем в многочисленной, поэтому и дрейф генов в ощутимой форме проявляется только в малочисленных популяциях. В процессе дрейфа происходит перестройка генетической структуры популяции, уменьшается иногда даже до полного исчезновения или увеличивается до стопроцентного уровня концентрация одного или нескольких генов. И. И. Шмальгаузен вполне справедливо придавал ограниченное значение этому явлению в эволюции, указывая, что в любом случае основной канал изменений популяционных характеристик определяется естественным отбором⁶⁵. Хотя роль этого последнего формообразующего фактора в эволюции человеческих популяций меньше, чем в эволюции популяций животных и растений, утверждение И. И. Шмальгаузена об ограниченном эффекте генетико-автоматических процессов, по-видимому, сохраняет свою силу и по отношению к человеческому обществу.

Примеры дрейфа генов в человеческих популяциях довольно многочисленны — помимо упомянутых выше случаев значительной дивергенции эндогамных популяций Памира и Дагестана по многим генам, укажу на посветление пигментации у населения многих высокогорных районов Кавказа, также, очевидно, являющееся следствием выщепления рецессивных генов⁶⁶. Но оно падает на очень малочисленные популяции, и поэтому явление генного дрейфа не распространяется на большую площадь. Внутри популяций даже небольшого демографического объема часто действуют факторы, нарушающие панмиксию — например, традиционные брачные связи между семьями, что замедляет дрейф генов. Иногда защищаемые гипотезы дрейфа генов, охватывающего огромные площади и значительные контингенты населения⁶⁷, не могут быть приняты по теоретическим соображениям⁶⁸. Но если оценивать расообразующий эффект генетико-автоматических процессов в человеческом обществе в целом, нужно признать, что они ему, конечно, способствуют. Однако социальная среда в отличие от всех предыдущих случаев скорее снижает, чем усиливает этот эффект, так как во всех человеческих коллективах наблюдается тенденция к увеличению численности, проницаемость генетических барьеров между человеческими популяциями снижает интенсивность генетико-автоматических процессов и т. д.

Другое явление, непосредственно связанное с предыдущим, — направленное изменение морфологических признаков во времени. Какая бы прямая причина ни была ответственной за такое изменение, фенотипические сдвиги в данном случае отражают направленную перестройку генофонда. К числу процессов направленных изменений морфологических признаков во времени относятся брахицефализация⁶⁹, грацилиза-

⁶⁵ И. И. Шмальгаузен, Проблемы дарвинизма, стр. 286, 287.

⁶⁶ Карта пигментации: Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Дагестане, «Антропологический сборник, I», ТИЭ, т. XXXIII, М., 1956. Сводку данных см.: М. Г. Абдушелишвили, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964; В. П. Алексеев, Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта, «Антропологический сборник, IV», ТИЭ, т. 82, М., 1963.

⁶⁷ Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965; его же, Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 33, 1969; его же, Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики, «Вопросы антропологии», вып. 44, 1973.

⁶⁸ В. П. Пасек, О некоторых результатах действия изоляции, «Вопросы антропологии», вып. 27, 1967.

⁶⁹ F. Weidenreich, The brachycephalization of recent mankind, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 1, № 1, 1945; см. также: В. В. Бунак, Об эволюции формы черепа человека, «Вопросы антропологии», вып. 30, 1968.

ция⁷⁰, матуризация⁷¹, акселерация⁷² и т. д., одним словом, все процессы замещения каких-то комплексов другими в ходе времени. Отбор неоднократно фигурировал как основная причина таких изменений, вызывавшая приспособление к тем или иным меняющимся условиям социальной среды, но гипотеза отбора, как уже сейчас ясно, не является ни исчерпывающей, ни достаточной⁷³. Пока причины направленных изменений признаков остаются неясными, весьма вероятно, что таких причин несколько. Судя по неодинаковым темпам направленных изменений во времени, по несовпадению изменений разных признаков, гипотеза множественности причин остается, действительно, наиболее вероятной. В качестве непосредственных толчков, обуславливавших эти изменения, назывались переход к земледелию, социальная среда сама по себе, условия урбанизации, повышенный фон радиации, употребление определенных медикаментозных средств, содержание тех или иных ингредиентов в пище и т. д. Все это в то же время — социальная среда в широком смысле слова. Провоцируя направленные изменения, она в данном случае ускоряет процесс расообразования. Таким образом, консервирующее действие социальной среды на расообразовательный процесс проявляется только по отношению к генетико-автоматическим процессам.

Демографические сдвиги и расообразование

Понятие о волнах жизни, о случайных по существу, но складывающихся в закономерные циклы нарастаниях и падениях численности популяций было сформулировано и разработано нашим замечательным генетиком С. С. Четвериковым⁷⁴. Позже оно было подвергнуто математическому анализу⁷⁵, и на его основе выросли такие стандартные темы популяционной биологии, как взаимоотношения хищника и жертвы, взаимосвязь видов в биоценозе и т. д.⁷⁶ Для всех этих тем разработан математический аппарат исследования, выделена система простейших структурных единиц, составляющих исследуемую ситуацию, и получена экспериментальная проверка предложенных математических моделей. В общем можно утверждать, что нам в главных чертах ясна роль колебаний численности как в эволюции отдельных видов, так и в эволюционных взаимоотношениях многих взаимодействующих видов между собой.

Наблюдения над демографией человеческих коллективов колоссальны: это касается как динамики демографических показателей в

⁷⁰ Г. Ф. Дебец, Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы, «Антропологический журнал», 1936, № 3; его же, Палеоантропология СССР, т. IV, М.—Л., 1948; его же, О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида, СЭ, 1961, № 2; I. Schwidetzky, Grazilisierungproblem, «Номос», Bd 13, 1962.

⁷¹ М. Г. Абдушелишвили, Об эпохальной изменчивости антропологических признаков, КСИЭ, вып. XXXIII, 1960. Сам М. Г. Абдушелишвили не употребляет термин «матуризация».

⁷² А. Зельцлер, Причины и формы проявления ускоренного роста детей, М., 1968.

⁷³ В книге А. Зельцлер дан довольно полный обзор факторов направленных изменений.

⁷⁴ С. С. Четвериков, Волны жизни, Изд. О-ва любителей естествознания, географии и этнографии, дневник зоологического отдела, М., 1905.

⁷⁵ A. Lotka, Elements of physical biology, Baltimore, 1925; V. Volterra, Leçons sur la théorie mathématique de la lutte pour la vie, Paris, 1931; A. Kolmogoroff, Sulla teoria di Volterra della lotta per l'esistenza, «Giornale dell'Istituto Italiano degli Attuari», vol. 7, 1936 (расширенный вариант этой работы: А. Н. Колмогоров, Качественное изучение математических моделей динамики популяций, «Проблемы кибернетики», вып. 25, М., 1972).

⁷⁶ См., например: С. А. Северцов, Динамика населения и приспособительная эволюция животных, М.—Л., 1941; его же, Проблемы экологии животных, т. I, М., 1951.

отдельных коллективах⁷⁷, так и роста численности человечества в целом, темпов и хронологических этапов этого нарастания⁷⁸. Рассмотрено и значение демографических характеристик в этнообразовании⁷⁹. Нам предстоит воспользоваться этой информацией хотя бы частично, чтобы осветить расообразовательные аспекты демографической динамики.

Увеличение численности любой группы, какими бы причинами оно ни вызывалось, естественно ведет к увеличению плотности населения и расселению этой группы за пределы ее первоначального ареала. Чаще всего площадь расселения постепенно увеличивается, происходит диффузия населения, но иногда образуется новый ареал, мало связанный со старым. Число людей, являющихся носителями определенных морфологических комплексов, характерных для данной этнической группы, также увеличивается. Поэтому значительная численность обеспечивает сохранение расовой специфики при контакте с другими группами, в процессах смешения. Но дело не только в этом — увеличение численности и расселение приводят к нарушению панмиксии вследствие упоминавшейся выше «изоляции расстоянием», следовательно, потенциально чреватые образованием новых комплексов признаков.

Уменьшение численности любой группы создает, конечно, предпосылку для исчезновения той специфики антропологических особенностей, носителем которых является группа. Красноречивый пример — исчезновение тасманийцев, вымерших в жестких условиях европейской колонизации: об их своеобразном морфологическом типе, оставшемся неисследованным, мы можем судить лишь на основании краниологического материала⁸⁰. Другие не менее красноречивые примеры — катастрофическое уменьшение до начала XX в. численности североамериканских и многих южноамериканских племен, а также австралийцев, многих групп микронезийцев и полинезийцев и т. д. Однако параллельно с потенциальной возможностью исчезновения уменьшение численности создает и другую возможность — формирования дополнительного расового разнообразия. Оно образуется за счет действия эффекта Райта, т. е. неравномерного уменьшения численности популяций, при котором неравны вероятности сохранения разных генотипов в последующем за уменьшением численности поколении. Налицо, следовательно, та же правильность — колебания численности популяций усиливают расообразовательный процесс, хотя потенциальное его ускорение и не всегда реализуется в действительности.

Огромную роль в человеческой истории всегда играли катастрофические изменения численности в результате войн, эпидемий, голода и т. д. Из них война представляет собой специфически социальное явление. Немало написано о том, что война — одновременно немало важный биологический фактор, способствующий усилению отрицательного отбора и элиминации наиболее ценной в интеллектуальном отношении части человеческих коллективов⁸¹. При всей спорности этих утверждений бесспорно другое — война выступает сейчас и всегда вы-

⁷⁷ Сводки основных сведений см.: L. Krzywicki, *Primitive society and its vital statistics*, Warszawa, 1934; Э. Россет, *Процессы старения населения. Демографическое исследование*, М., 1968.

⁷⁸ Б. Ц. Урланис, *Рост населения в Европе (опыт исчисления)*, М., 1941; E. Deevey, *The human population, The human species*. «Scientific American», September, 1960.

⁷⁹ См., например: В. И. Козлов, *Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы*, М., 1969.

⁸⁰ G. Morant, *A study of the Australian and Tasmanian skulls based on previously published measurements*, «Biometrika», vol. XIX, 1927, part III—IV; J. Wundery, *Cranial and other skeletal remains of Tasmanians*, «Biometrika», vol. XXX, 1939, part III—IV.

⁸¹ См., например: В. В. Бунак, *Новые данные к вопросу о войне как биологическом факторе*, «Русский евгенический журнал», 1922, т. I, вып. 2.

ступала мощнейшим деформатором демографических показателей⁸². Как это влияло на расообразование? Во многих случаях вызывало к жизни действие только что упомянутого эффекта Райта и, следовательно, опять же в отдельных случаях ускорять расообразовательный процесс.

Заключение

Социальная структура общества действует как фильтр, который опосредует эффект биологических факторов расообразования. В то же время она действует как катализатор биологической дивергенции человечества, хотя возможности такой дивергенции часто не реализуются в действительности из-за динамики самой социальной среды.

Каковы перспективы исследования этого сложнейшего вопроса современной антропологии? Сложность социальных связей такова, что предшествующее изложение, конечно, не могло исчерпать те социальные факторы, которые могли бы влиять и реально влияют на расообразование. Очевидно, их выявление в полном объеме есть первая фундаментальная задача дальнейшей работы. Вторая, на мой взгляд, заключается в том, чтобы с помощью конкретных экспериментальных исследований показать роль тех или иных социальных факторов, пищи, например, в передаче влияний радиоактивного фона отдельных локальных участков нашей планеты на проживающие в их пределах человеческие популяции. Наконец, в-третьих, исключительно важным представляется углубление наших знаний о популяционной структуре человечества в системе социальных связей, так как именно популяционная структура образует тот подвижный материальный каркас, в пределах которого жестко фиксирована биологическая, в том числе и расовая изменчивость.

ON THE ROLE OF SOCIAL FACTORS IN THE BIOLOGICAL DIVERGENCE OF HUMAN POPULATIONS

The origin of man is considered in Soviet literature as a process in which biological form-building factors are superseded by social ones. From this point of view social factors are to play an important role in race formation. Social factors operate through the medium of a specific filter formed by certain social institutions; hence biological factors do not influence race formation directly but only in accordance with the social situation. The contribution of seven social factors to the formation of a social filter against biological factors of race formation is examined and the role of each factor discussed in the light of examples from the population history of mankind. These factors are: the level and character of the development of productive forces; marriage structure; settlement patterns; social stratification; ethnicity; state frontiers; and lastly, psychological traditions and psychological stereotypes. In conclusion, a working hypothesis is formulated according to which all the factors examined form genetic barriers potentially leading to population differentiation, but not existing long enough to have time to constitute stable population and race communities.

⁸² См., например: Б. Ц. Урланис, Война и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. (историко-статистическое исследование), М., 1960. См. также: А. В. Горбунов, Влияние мировой войны на движение населения Европы, «Русский евгенический журнал», 1922, т. I, вып. 1.

ДВУЕДИНСТВО ДИВЕРГЕНЦИИ
И ГОМОГЕНИЗАЦИИ

Мне представляются совершенно бесспорными основные посылы рассуждений В. П. Алексеева о том, что в ходе эволюции человека социальные (и культурные) факторы оттеснили биологические на второй план.

Заслуга автора состоит в том, что он попытался наметить иерархию этих факторов, оценить их относительное значение. Социальный фильтр, по В. П. Алексееву, в любом случае способствует развитию процесса расообразования, в одних случаях воздвигая генетические барьеры и тем самым вызывая дивергенцию, в других — стабилизируя отдельные очаги расообразования, ускоряя гомогенизацию внутри них. Именно эта сторона социального воздействия на расообразование представляется наиболее значимой, тогда как такие в конечном счете тоже социально-культурные явления, как изменение радиоактивного фона в отдельных районах и соответствующее мутагенное влияние, вряд ли имеют реальное расообразовательное значение в силу рано или поздно наступающей элиминации большинства этих мутаций (можно говорить разве что о приспособительном отборе на наименьшую подверженность им). Таким образом, интерес с точки зрения расовой антропологии вызывают по преимуществу те факторы, которые влияют на популяционную структуру человечества. В этом смысле очень удачна заключительная фраза автора, что «именно популяционная структура образует тот подвижный материальный каркас, в пределах которого нежестко фиксирована биологическая, в том числе и расовая изменчивость».

Сказано прекрасно, но обратите внимание: каркас есть, однако он подвижный; изменчивость фиксирована, но нежестко. В этих противоречивых определениях, на мой взгляд, вся диалектически противоречивая сущность рассматриваемой проблемы.

В. П. Алексеев усматривает значительное сходство между популяцией и расой и, на наш взгляд, оправданно. Естественно, что есть популяции, которые еще не расы; но нет локальной расы, которая не была бы в той или иной мере привязана к определенной группе популяций. В то же время, действительно, расообразование у человека всецело аллопатрическое, симпатрических примеров нет. Кстати, упоминаемые В. П. Алексеевым японские социально-расовые типы также связаны по происхождению с разными элементами в этногенезе японцев. Из этого следует, что популяционные границы проходят преимущественно в географическом, а не в социальном пространстве, хотя детерминируются они, прежде всего, социально. Исключения составляют те общества, в которых имеются кастовые и расовые перегородки. Генный поток в таких случаях идет в социальном пространстве преимущественно «сверху вниз»: так, расовый облик негров в ряде стран Америки существенно изменился в результате контактов с «белым» населением, последнее же такого изменения не претерпело, ибо большинство мулатов в конечном счете отбрасывалось в негритянскую среду. В странах с кастовым строем, как в Индии, ситуация была во многом аналогична. Но можно думать, что в исторически довольно близком будущем генетические, попу-

* Дискуссия по статье В. П. Алексеева будет продолжена в следующем номере журнала.

ляционные перегородки в социальном пространстве должны исчезнуть, тогда как в географическом пространстве они сохраняются.

Именно примат социально-культурных факторов в расообразовании человека ответствен, с одной стороны, за то, что различия в облике разных рас очень велики. Диапазон их существенно превышает обычный диапазон внутривидовых различий между расами и разновидностями большинства диких видов животных и скорее сопоставим с тем масштабом различий, который характерен для отдельных пород окультуренных, домашних видов животных. Но этот же примат социальных факторов ответствен, с другой стороны, и за то, что за многие десятки тысяч лет эти отличия не перешли в видовые, что человечество осталось биологически единым. Социальные факторы расообразования, с одной стороны, создают возможность для быстрой дивергенции, с другой — именно по своей социальной природе они подвержены быстрым переменам, сдвигам; границы дивергенции сегодня проходят не там, где вчера, а там, где вчера происходила дивергенция, начинается гомогенизация, и наоборот.

Остается коснуться еще футурологических аспектов проблемы. В обозримом будущем границы государств, очевидно, будут очерчивать достаточно определенные и отделенные друг от друга очаги гомогенизации. Новые этносы и этнополитические общности, несомненно, имеют тенденцию стать и популяционными общностями. И даже если сотрутся в некотором, достаточно далеком будущем, государственные границы, то все равно надо, на наш взгляд, решительно поддержать критику В. П. Алексеевым концепций, распространенных в научно-фантастической литературе (более фантастической, нежели научной), о том, что земляне будущего будут все на одно лицо и говорить будут на одном языке. Конечно, какой-то единый язык мирового общения должен образоваться, и довольно скоро, так же как по существу уже образовалась единая мировая система городской материальной культуры и норм поведения, отнюдь, впрочем, не исключающая сосуществующего с ней повсюду многообразия локальных вариантов и особенностей. Когда-то Томас Мор, исходя из экономических возможностей современной ему Европы, считал, что в социалистическом обществе все должны будут носить одинаковую, притом весьма грубую одежду. К счастью, жизнь показала, как он ошибался. Теперь нынешние фантасты повторяют ту же ошибку в отношении языка. Между тем мы видим, как множатся примеры обществ, где двуязычие и многоязычие становится отнюдь не переходным этапом к одноязычию на базе нового языка, а постоянной нормой, и разные языки выполняют те функции, которые в других случаях принадлежат разным стилистическим уровням одного языка (Парагвай, Люксембург — лишь наиболее яркие примеры). Но можно ли подумать, что помимо изолирующей роли расстояний, которая сохраняется при любом развитии транспорта, наличие общего локального языка бытового общения, локальных черт культуры, обусловленных хотя бы климатическими различиями, не влияло бы на избирательность брачных связей? Таким образом, можно предполагать, что культурное и расовое многообразие человечества тесно взаимосвязаны, хотя связь эта никогда не может быть прямой и однозначной, и это одинаково верно и для прошлого, и для будущего.

С. А. Арутюнов

Оценить в научном отношении статью В. П. Алексеева, посвященную утверждению существенной роли социальных факторов в процессе расообразования, довольно трудно как из-за сложности проблемы, так и из-за некоторой нечеткости изложения ряда ее исходных положений. Не вполне понятна, например, цель статьи. О влиянии социальных факторов на расообразование писали, как отметил сам автор, еще в начале 1930-х годов. Какие с тех пор появились новые данные позволяющие расширить и углубить рассмотрение этой темы,— неясно, кто выступает против идеи о влиянии социальных факторов — неизвестно и т. п.

Своих возможных оппонентов В. П. Алексеев пытается обезоружить в самом начале статьи, заявляя, что человек, по утвердившемуся якобы в науке мнению, является существом социальным. При такой посылке доказательство роли социальных факторов вообще не нужно и может быть заменено лишь иллюстрациями, так как социальные явления, конечно, подвержены действию главным образом социальных факторов и в своих изменениях подчинены действию социальных закономерностей. В действительности, однако, эта исходная посылка неточна, ибо, по утвердившимся в нашей науке взглядам, человек является существом биосоциальным. Применительно к обществу можно говорить о том, что биологические закономерности выступают в «снятом виде» (хотя это и не вполне понятно), по отношению к человеку — не следует. Биологическое и социальное в человеке выступают не как ведомое и ведущее, а как две стороны, каждая со своими закономерностями. От антибиологического взгляда на человека постепенно освобождаются социальные науки; демографы, например, уже достаточно уяснили, что брачная пара под действием социальных факторов может ограничить число своих детей, но эти факторы не могут изменить биологических закономерностей овуляционного цикла, развития плода и т. п. Что же касается антропологов, то для них такой антибиологизм явно неуместен; показательно, что и сам В. П. Алексеев, декларировав его на первых страницах, в дальнейшем не так уж строго придерживается такого принципа.

В рассматриваемой статье встречаются частные погрешности. Вряд ли следует, например, объяснять эндогамность селений горного Дагестана только экономическими причинами — заинтересованностью их жителей «в сохранении рабочих рук — здоровых мужчин и женщин брачного возраста» (стр. 123). При господствующем патрилокальном браке мужчины и так остаются в селении; что же касается девушек, то они могли как бы обмениваться на невест из других селений. Не останавливаясь на таких частных погрешностях, перейду сразу же к центральной проблеме, расчленив ее для ясности на вопрос о роли социальных факторов в происхождении антропологических различий и вопрос об их закреплении и распространении в популяциях.

В основе появления антропологических особенностей, будь то прослеживаемые зрительно различия в пигментации кожи и волос, в форме лица или устанавливаемые лабораторным путем различия в составе крови, реакциях слюны и т. п., лежат биологические, или, точнее, генетические закономерности. Главная причина такой, пользуясь терминологией автора, «биологической дивергенции» — мутационные изменения хромосом, передающиеся по наследству следующим поколениям. Следует признать, что число причин, которые могут вызвать мутации, в последнее время возросло: в связи с развитием атомной энергетики и атомного оружия усилилась возможность радиационного облучения, появились новые химические вещества и биологические препараты, кото-

рые также могут вызвать мутации и т. д. Трудно сказать, можно ли безоговорочно относить радиацию или, например, препараты ДДТ к «социальным» факторам, но несомненно, что появление таких новых факторов мутации и их неравномерное действие в различных странах мира и на разные группы населения создает возможность для расширения генетических вариаций людей.

В подавляющем большинстве случаев мутационные изменения хромосом оказываются если и не фатальными, то явно неблагоприятными, понижающими в той или иной степени жизнеспособность следующих поколений. В прошлом последствия таких мутаций, в частности различные уродства, обычно устранялись в ходе естественного отбора (а иногда и детоубийством); в настоящее время в связи с развитием медицины часть из них может быть сохранена, что также в принципе ведет к увеличению генетических вариаций.

Для превращения генетических вариаций или генетических отклонений в антропологические вариации необходимо, чтобы эти отклонения распространились на какую-то группу людей, на популяцию, становящуюся сравнительно однородной по фенотипу и воспроизводящую свой новый генофонд в следующих поколениях. Это возможно в случае, если мутация не нарушает резко жизнедеятельности организма или если привнесенные ею отрицательные последствия по крайней мере уравновешиваются положительными, если новые гены являются доминантными или, в случае их рецессивности, если они закрепляются в популяции за счет внутренних браков. Этот процесс возникновения антропологических вариаций остается в своей основе биологическим; социальные факторы никак не могут «деформировать» действие биологических факторов (ситуация может, вероятно, измениться лишь с развитием «генной инженерии»), но действительно могут ослабить или усилить их действие.

В. П. Алексеев выделяет семь таких социальных факторов, подчеркивая их действие в центральном выводе статьи: «Итак, характер развития производительных сил, а с ним и общественного развития, господствующая в разных обществах система заключения браков, характер расселения тех или иных человеческих коллективов, социальная стратификация, этнические границы, государственные границы и сложившиеся социально-психологические стереотипы поведения — вот те элементы социальной структуры общества, которые действовали как дополнительный фильтр, ускоряя или замедляя процесс расообразования. Последняя формулировка, строго говоря, не вполне точна... При рассмотрении вопроса в целом, можно утверждать, что фильтр социальных факторов, через которые пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствовал биологической дифференциации человечества, ускорял, а не замедлял его» (стр. 119).

Не останавливаясь опять-таки на имеющихся здесь частных неточностях, например на неоправданном ни в стилистическом, ни в смысловом отношении превращения «фильтра» из объекта в субъект, на нецелесообразности вывода, который тут же признается «не вполне точным» и корректируется, перейду к тому, насколько правильно выделены социальные факторы расообразования и насколько правильно дана общая оценка их действия.

Выделение В. П. Алексеевым социальных факторов проведено, мягко говоря, несовершенно, так как при этом не были учтены связи между ними. На наш взгляд, основным фактором здесь является социальная система заключения браков; все остальные, обусловленные типом хозяйства, классово-профессиональной и этнической принадлежности, подданством и т. д., выступают не как таксономически равные ему, а как факторы этого фактора, определяющие возможность заключения и распространения браков между теми или иными группами людей. Фактор расселения, сводимый к расстоянию между возможными брачными партнерами, а

отчасти и к природным условиям, затрудняющим их контакты, в данном отношении вообще является не столько социальным, сколько географическим. Вместе с тем был упущен из вида важный и в целом самостоятельный демографический фактор, проявляющий свое действие как через численность и плотность населения, так и через особенности половозрастной структуры, а также через число детей в семье.

Представляется неверным и общий вывод В. П. Алексеева о том, что социальные факторы способствуют популяционной дифференциации, ускоряют процессы расообразования. Приводимые в доказательство этого отдельные факты такого действия некоторых из выделенных автором социальных факторов не очень весомы; при помощи отдельных фактов можно ведь доказывать все что угодно, например, что пятница — более несчастный день, чем, скажем, среда или четверг. Конечно, резкие различия людей по типу хозяйства, племенная и кастовая эндогамия, предпочтительное заключение браков внутри сословных групп и т. п. могли приводить к их большей или меньшей генетической изоляции, а тем самым способствовать антропологической дифференциации. Однако такое действие социальных факторов по мере исторического развития человеческого общества не усиливалось, а постепенно ослабевало.

Прежняя племенная и даже религиозно-кастовая эндогамия становится рудиментом, сословная и классово-профессиональная замкнутость ослабевает, развитие миграций нарушает территориальную обособленность отдельных групп, препятствует возникновению популяционных изолятов и явлений генного дрейфа. Можно ли говорить о том, что брачная, а вместе с ней и расово-дифференцирующая роль этнических границ «постоянно повышалась» (стр. 124), если известно, например, что только в СССР к 1959 г. число национально-смешанных семей достигло уже 5,2 млн., а к 1970 г. возросло до 7,9 млн. (13,5% всех семей страны). Брачные круги по существу на всей территории страны широки и неопределенны, а в результате наложения их друг на друга образуются обширные зоны сравнительно однородных вариаций антропологических признаков. В Бразилии, на Кубе и в ряде других стран Америки в результате брачного смешения продолжается процесс антропологической нивелировки прежних монголоидных, европеоидных и негроидных компонентов. Серьезным генетическим барьером остаются, конечно, государственные границы, однако в современную эпоху они все более проницаемы. Именно современная эпоха дает многочисленные примеры массовых межгосударственных миграций, которые развиты не только между странами одного континента (например, внутри Западной Европы), но и между странами разных континентов. К уже сложившимся направлениям миграций, например из стран Европы в страны Америки, в последние десятилетия прибавляются все новые потоки; десятки и даже сотни тысяч мигрантов из различных стран Африки направляются на работу во Францию, ФРГ, Великобританию и некоторые другие страны, причем какая-то (пусть даже небольшая) часть из них вступает в брачные отношения с местным населением, а это неизбежно ведет к нарушению прежних генетических барьеров, к нивелировке прежних антропологических вариаций.

Подводя основные итоги, следует еще раз сказать о том, что с развитием человеческого общества, прежде всего с развитием его производительных сил, число мутагенных факторов увеличивается; очевидно, возрастает и число мутаций, ведущих к генетическим отклонениям. Однако это не означает, например, что жители отдельного поселка при крупной атомной электростанции под действием биолого-генетических и «социальных» факторов имеют тенденцию превратиться в особую антропологическую группу, увеличив расовую дифференциацию человечества. Социальные факторы разнообразны, и действие их далеко не однозначно. И если одни из них (и в этом В. П. Алексеев прав) могут способствовать

«биологической дивергенции», то другие, обусловленные общим ходом социально-экономического и культурного прогресса, все более препятствуют проявлению генетических отклонений на уровне популяций, мешают превращению таких отклонений в антропологические вариации, не ускоряют, а тормозят процесс расообразования среди современного человечества.

В. И. Козлов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ДИВЕРГЕНЦИЯ И ПОПУЛЯЦИИ

Статья В. П. Алексеева ставит ряд интересных, иногда дискуссионных проблем, многие из которых слабо разработаны как в биологической, так и в этнографической литературе. Дискуссионные проблемы касаются главным образом влияния социальных факторов на биологическую дивергенцию человеческих популяций и ее значения в расогенезе.

Сама по себе постановка вопроса о воздействии социальных факторов на биологические процессы вполне закономерна и заслуживает одобрения. Однако представляется, что социальные факторы выделены в статье недостаточно четко, и частично повторяют друг друга, например, характер расселения человеческих коллективов, этнический фактор и роль государственных границ; психологические традиции и этнический фактор и т. д.

Кроме того, нельзя не заметить, что хотя статья посвящена именно влиянию социальных факторов на дивергенцию, уже начиная со стр. 124 весьма убедительно показывается ограниченность их значения для предполагаемого процесса. К сожалению, не затронут важный для данной проблемы вопрос о практических следствиях воздействия социальных факторов на человеческие популяции; не показано, к каким изменениям в генотипе и фенотипе приводит воздействие социальных факторов в ходе дивергенции популяций. А без этих данных невозможно судить о значении этого воздействия.

Автор многократно отмечает, что процессы расогенеза продолжают-ся и в историческое время, в том числе и в современную эпоху. Не соглашаясь с этим, отмечу, что можно найти немало доводов в пользу того, что большие человеческие расы сложились в ходе формирования вида *Homo sapiens*, когда еще действовали силы естественного отбора, и в дальнейшем процесс расогенеза прекратился. Это видно хотя бы из того, что группы представителей различных рас, оказавшихся еще в очень отдаленные времена за пределами того ареала, где сложился их расовый тип, тем не менее сохранили этот тип и не обнаружили тенденции к складыванию в условиях новой экологической среды соответствующих приспособительных расовых черт. Это вполне закономерно, так как в ходе антропогенеза, по мере развития интеллектуальных способностей человека и его материальной базы, прекратилось действие естественного отбора, причем не только в отношении видовых, но и расовых признаков. В дальнейшем происходило главным образом смешение представителей разных рас, составлявших один биологический вид, что имело следствием размывание расовых признаков, возникновение промежуточных расовых типов и т. п. И этот процесс вел не к расообразованию, а к исторически обусловленной интеграции человеческих рас. В связи со сказанным не могу согласиться с тем, что «биология современного человека отражает

историю современного человечества...» (стр. 115), и что и в историческое время продолжают процессы расообразования (стр. 119, 121, 128, 129, 131 и др.).

Думается, что история человечества никак не сказалась на его биологической истории и не привела к изменению видовых и расовых признаков *Homo sapiens*.

Другое дело, изменение в ходе истории некоторых антропологических признаков различных групп человечества. Но происходило это не в процессе расхождения, который завершился с прекращением проявления естественного отбора, а вследствие воздействия разного рода факторов, в том числе и социальных, которые вели не к дивергенции, а к размыванию расовых признаков. В связи с этим следует выразить сожаление, что в статье не конкретизированы биологические признаки, появившиеся в процессе «дивергенции» и «расообразования», без чего трудно судить об их представительности.

Вообще мне кажется, что термин «дивергенция» не подходит для описания рассматриваемых процессов. Он означает биологическое расхождение признаков, ведущее к видообразованию, что не свойственно человеку современному виду. Сказанное касается и больших человеческих рас. То, что биологическая дивергенция не характерна для нашего времени, видно из направления развития этногенетических процессов, широко освещенных в советской и зарубежной литературе. Процессы этнического сближения, наблюдаемые, скажем, на огромной территории СССР в ходе формирования новой исторической общности — советского народа — резко противоречат предположению о дивергенции.

И, наконец, проблема популяций. Прежде всего возникает вопрос: можно ли применять этот термин к человеческим группам, так как обычно популяция понимается как совокупность особей растительного или животного мира определенного ареала, принадлежащих к тому или иному виду. Даже расовый признак представляется не столь существенным при классификации человечества вследствие его видового единства и отсутствия качественных биологических различий между расами. Популяция же, если ее понимать как часть расы, занимает еще более скромное таксономическое место.

Человечество давно уже перешагнуло границы своего первоначального биотопа и биоценоза, создало разного рода социальные организмы, что оказалось возможным на основе социально-экономической, а не биологической организации. Расселение популяций приводит к появлению новых популяций. Расселение социальных организмов, в частности этносов, совсем не обязательно приводит к появлению новых этносов, так как их объединяют социальные, культурные и другие собственно человеческие, а не биологические связи. А этносы не столь замкнуты во времени, чтобы стать основой биологических популяций, отождествляемых с расой. Принципиальное различие связей, лежащих в основе этносов и понимаемых таким образом популяций, не позволяет согласиться с тем, что «... этнос при определенных условиях представляет собой потенциальную популяцию» (стр. 118). Такой взгляд приводит к неправомерному сопоставлению процессов расообразования «в популяциях животных и человека...» (ср. стр. 118). В связи с этим неправомерно и перенесение на человека взглядов И. И. Шмальгаузена, касающихся факторов естественного отбора (см. стр. 128). Еще труднее согласиться с тем, что естественный отбор выступает как формообразующий фактор в эволюции человеческих популяций (там же).

Представляется, что даже все человечество в целом нельзя рассматривать как популяцию, так как оно является в первую очередь комплексом социальных организмов, а не биологической совокупностью животных. Тем более нет основания рассматривать как популяции группы че-

ловечества, представляющие собой социальные организмы в виде этносов, государств и т. п.

Уже само по себе применение понятий «биологическая дивергенция», «популяция» применительно к человеку современного вида открывает путь для предположений о дальнейшей дивергенции рас и популяций, складывании новых рас, консервации и углублении биологических различий между разными группами человечества. Но это противоречит сущности современных политических и этнокультурных процессов, для которых скорее характерна интеграция, чем дифференциация. Впрочем, вступая в противоречие с собственными взглядами, высказанными в начале статьи, автор рассматривает многие социальные факторы как интегрирующие, а не ведущие к дивергенции (см. стр. 125 и сл.).

Вынужденная краткостью настоящей заметки заставить меня остановиться главным образом на дискуссионных проблемах, поднятых В. П. Алексеевым. В связи с этим, чтобы не возникло неправильного представления об оценке статьи в целом, хочу отметить, что она весьма интересна, содержит много ценных мыслей и положений, и следует всячески одобрить обсуждение таких сложных проблем представителями разных наук.

Г. Е. Марков

О СПЕЦИФИКЕ РАСООБРАЗОВАНИЯ У ЧЕЛОВЕКА

Статья В. П. Алексеева озаглавлена «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций». Из такого названия трудно понять, о какой дивергенции пойдет речь — родовой, видовой, расовой, популяционной, конституциональной или какой-либо еще. Ведь сам автор рецензируемой статьи в одной из своих последних работ рассматривает разные уровни биологической дивергенции человечества, выделяя, например, в составе подсемейства людей (*Homininae*) два рода и пять видов¹. Однако при первом же ознакомлении с текстом рассматриваемой статьи становится очевидным, что в ней анализируются социальные факторы расовой дивергенции, т. е. расообразования. В. П. Алексеев выделяет семь групп таких факторов, играющих, по его мнению, роль «фильтра», который ускоряет или замедляет процесс расообразования. Факторы эти следующие: «...характер развития производительных сил, а с ним и общественного развития, господствующая в разных обществах система заключения браков, характер расселения тех или иных человеческих коллективов, социальная стратификация, этнические границы, государственные границы и сложившиеся социально-психологические стереотипы поведения...» (стр. 119). Но тут же автор, противореча сам себе, пишет: «При рассмотрении вопроса в целом есть основания утверждать, что фильтр социальных факторов, через которые пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствует биологической дифференциации человечества, ускоряет, а не замедляет ее» (там же). Фактические данные, приводимые В. П. Алексеевым для «доказательства» ускоряющего влияния социальных факторов на расообразование, как правило, неубедительны уже потому, что они доказывают вовсе не образование каких-либо новых рас, а только колебания в распределении отдельных генов в популяциях, в разной степени изолированных друг от друга генетическими барьерами. Так, например, малые популяции Дагестана и Памира обнаруживают известные, иногда довольно значительные различия в вариациях некоторых серологических и дерматоглифических признаков, которые, бесспорно, стимулируются и

¹ В. П. Алексеев, Возникновение человека и общества, сб. «Первобытное общество», М., 1975, стр. 19.

консервируются как условиями расселения в высокогорной местности, так и эндогамией в пределах отдельных селений или их соседних групп, т. е. как географическими, так и социальными факторами². Тем не менее все малые популяции Дагестана принадлежат в основном к одному — кавкасионскому — расовому типу южных европеоидов, а изоляты Памира — к другому типу той же группы рас — памиро-ферганскому. Несмотря на многовековую изоляцию малых эндогамных популяций, на их основе новые расы не возникли.

Интересно, что работы Советско-Индийской антропологической экспедиции среди эндогамных кастовых групп населения союзной территории Дели в 1971 г. показали, что все обследованные группы, несмотря на длительную изоляцию и полное отсутствие междукастовых браков, принадлежат к индопамирской ветви индосредиземноморской расы. Можно полностью согласиться с руководителем экспедиции М. Г. Абдушелишвили, что «характеристика изученных групп дает возможность сделать один, с нашей точки зрения, важный вывод — речь идет о ничтожных различиях между изученными группами»³. Очевидно, как, впрочем, и следовало ожидать, долихокефальный вариант индопамирской ветви сложился раньше, чем образовались касты, обследованные в 1971 г. Защищая положение об образовании новых рас в изолированных малых популяциях, В. П. Алексеев, на мой взгляд, явно путает процесс расообразования с изменениями концентрации отдельных генов или их групп и по существу не различает такие категории, как раса и популяция. О расообразовании в собственном смысле слова можно говорить только в тех случаях, когда в популяциях разных иерархических рангов образуются устойчивые, передающиеся от поколения к поколению комплексы многих морфологических и физиологических признаков, наследующихся, как правило, независимо друг от друга. Ни один из конкретных примеров, приводимых В. П. Алексеевым для доказательства тезиса о роли социальных факторов как стимуляторов расовой дивергенции, не удовлетворяет этим условиям и уже в силу сказанного не может считаться сколь-нибудь убедительным.

Если популяция — это «репродуктивное сообщество разнополых и рекрестно оплодотворяющихся особей, обладающих неким общим генетическим фондом»⁴, то раса — это «единица родства по происхождению»⁵. Популяция и раса — «понятия, различные по содержанию и, конечно, не заменяющие одно другое»⁶. Непонятно, почему В. П. Алексеев игнорирует это элементарное положение антропологической науки. Конечно, каждая раса складывается на основе какой-либо конкретной популяции или группы популяций, расселенных на определенной территории, и, таким образом, по самому своему происхождению является ареальной биологической категорией (о чем, кстати, в рецензируемой статье вовсе не упоминается). Основные большие расы людей современного вида (*Homo sapiens*) складывались, по мнению большинства советских и зарубежных антропологов, под воздействием адаптации к различным экологическим условиям, посредством естественного отбора

² А. Г. Гаджиев, Антропология малых популяций Дагестана, Махачкала, 1971; Ю. Г. Рычков, Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира), М., 1969; Г. Л. Хит, Распределение группы крови в населении Памира, «Вопросы антропологии», вып. 3, 1961; ее же, Дерматоглифика населения Западного Памира, «Сов. этнография», 1964, № 5; ее же, Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматологический аспекты), «Расы и народы», 5, 1975.

³ М. Г. Абдушелишвили, Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индосредиземноморской расы, «Сов. этнография», 1972, № 6, стр. 121.

⁴ Дж. Харрисон, Генетика человека, в кн.: «Биология человека», М., 1968, стр. 131.

⁵ В. В. Бунак, Комментарии, в кн.: «Биология человека», стр. 419.

⁶ Там же.

в позднем палеолите или мезолите; несколько позднее, но, во всяком случае, задолго до начала разложения первобытного общества, сформировались крупнейшие подразделения больших рас, такие, например, как северные и южные европеоиды или континентальные и тихоокеанские монголоиды⁷. Очевидно, в период формирования основных рас ни один из указанных В. П. Алексеевым «стимуляторов биологической дивергенции» не мог действовать, так как в то время не было еще сколько-нибудь значительных различий в темпах социально-экономического развития и в характере расселения первобытных охотников и собирателей по поверхности земли, не развилась известная нам по историко-этнографическим данным система заключения браков, отсутствовала социальная стратификация, не сложились характерные для более поздних периодов этнические и тем более политические границы и не могло быть и речи о психологических типах поведения, существующих в настоящее время.

Не останавливаясь подробно на «доказательствах», приводимых В. П. Алексеевым для обоснования своих положений о роли социальных факторов как «стимуляторов» или «катализаторов» расообразования, упомянем только о нескольких примерах таких «доказательств». В. П. Алексеев пишет, что «на Иранском плато население горных районов отличается от равнинного и можно предполагать, что различие это образовалось в древнюю эпоху и относится хронологически именно ко времени выделения скотоводов и земледельцев» (стр. 120). Действительно, по данным Х. Филда⁸, скотоводы Ирана более матуризированы по сравнению с их земледельческими соседями, хотя и те и другие, по мнению почти всех специалистов, относятся к одной и той же индосредиземноморской (южноевропеоидной) расе⁹. Некоторые различия в степени матуризации вряд ли имеют расовый характер; кроме того, надо иметь в виду, что в состав скотоводов Иранского плато вошли группы восточного происхождения, включавшие, вероятно, монголоидные компоненты. О роли Рейна в качестве генетического барьера В. П. Алексеев пишет, что этот водный рубеж, замедляя расообразование (?), «способствует стабилизации определенного расообразовательного локуса способствует, следовательно, в конечном счете и расовой динамике» (там же). Здесь расообразование спутано с расовой динамикой, к которой можно, конечно, отнести перемещение расовых типов в связи с миграциями населения, неравномерность демографических процессов в популяциях с различным расовым составом, межрасовую метисацию, но ни в коем случае нельзя причислять процесс образования новых рас. Правда, в отдельных случаях смешение разных рас с последующей длительной изоляцией метисированных групп может привести к возникновению более или менее устойчивых расовых комплексов переходного характера, как это имело место на Японских островах, а в более позднее время, возможно, в Бразилии, но подобные частные, хотя и очень интересные явления, не дают права утверждать, что социальные факторы всегда, или в большинстве случаев, ускоряют расообразование.

Очень странное впечатление производит упоминание В. П. Алексеевым расовой специфики китайцев со ссылкой на мои работы¹⁰. По мне-

⁷ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 139—146.

⁸ H. Field, Contributions to the anthropology of Iran, «Field Museum of natural history, anthropological series», vol. 29, Chicago, 1939.

⁹ Г. Ф. Дебец, Человеческие расы мира, «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 8, 9, 118—123; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, стр. 112—119.

¹⁰ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. II, М.—Л., 1947; его же, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1; его же, К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун), «Сов. этнография», 1973, № 5.

нию автора обсуждаемой статьи, китайцы (как и японцы) обнаруживают «значительную однородность внутри себя и в то же время резкие отличия от других народов» (стр. 121). Этот «вывод» не соответствует действительности и находится в противоречии с результатами моих оригинальных исследований в Китае, которые показали расовую неоднородность как самих китайцев (хань), так и других народов КНР на всем пути их этнической истории. Правда, В. П. Алексеев оговаривается, что расовая «специфика нарушена южными примесями в южных районах расселения китайцев» (там же). Но эта оговорка искажает полученные мною выводы, вводит в заблуждение читателей и является некорректной по отношению к автору настоящего отклика. Собранные мною материалы по китайцам и другим народам КНР показывают, что северные китайцы, включающие различные восточно- и северномонголоидные расовые типы, а на западе своего расселения, по-видимому, также европеоидные компоненты, антропологически очень близки к другим народам Центральной и Восточной Азии, в особенности к некоторым популяциям тибетцев, маньчжуров и корейцев. Южные китайцы резко отличаются от северных и по расовому составу, в котором большую, а местами и преобладающую роль играют южные монголоиды, обнаруживают большую близость к некитайским народам Юго-Восточной Азии (тай, мяо, яо, вьеты и др.), чем к населению северных провинций Китая¹¹. О какой же «расовой специфике» китайцев может идти речь?

В. П. Алексеев напрасно старается доказать, что генетические барьеры между этническими, сословными, классовыми, государственно-политическими и другими социальными общностями на протяжении всей истории человечества имеют тенденцию усиливаться, а все перечисленные общности представляют собой по крайней мере потенциальные расы, противостоящие друг другу. «Социальная структура общества,— читаем мы в заключении к статье В. П. Алексеева,— действует как фильтр, который опосредует эффект биологических факторов расообразования. В то же время она действует как катализатор биологической дивергенции человечества, хотя возможности такой дивергенции часто не реализуются в действительности из-за динамики самой социальной среды» (стр. 131).

Действие социальной среды как катализатора биологической дивергенции человечества В. П. Алексеев не связывает с какими-либо определенными периодами истории, хотя ранее он сам указывал, что расовая структура человечества в основном отражает ранние этапы его истории поэтому же антропологический материал особенно эффективен как исторический источник, когда речь идет о древних эпохах¹².

Фактически генетические барьеры, создаваемые социальной структурой, ограничены в пространстве и во времени и на протяжении человеческой истории имеют тенденцию не усиливаться, а ослабевать, хотя процесс возникновения и исчезновения этих барьеров отличается большой сложностью и противоречивостью. С различными социальными общностями, чаще всего с этносами, оказываются сопряженными не расы, а популяции¹³. В классовых обществах в периоды перехода от одной формации к другой, сопровождаемыми, как правило, революционными взрывами и связанными с ними «вертикальными» и горизонтальными перемещениями больших человеческих масс, происходит как социальная, так и этническая перетасовка населения, изменение политических границ, возрастают межэтнические, а вместе с тем и междрасовые контакты,

¹¹ См. работы, указанные в прим. 10, а также: А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография о происхождении китайцев, «Расы и народы», 3, 1973.

¹² «Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея „Этнос и эндогамия“, «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 99.

¹³ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, М., 1973, стр. 114—124.

рушатся генетические барьеры. Новые барьеры, возникшие на месте старых, почти всегда оказываются более кратковременными; с переходом от классового общества к бесклассовому барьеры эти, несомненно, будут постепенно отмирать.

В. П. Алексеев считает неверной мысль о человечестве в целом как о популяции. Принять эту мысль мешает действие «изоляции расстоянием» (стр. 125). Аргумент этот, однако, представляется неубедительным, так как брачные связи внутри единой популяции вовсе не состоят в том, что любой индивид может вступить в связь с индивидом другого пола, независимо от места обитания. Брачные связи, вызывающие обмен генов и постепенное выравнивание генофонда популяции, могут осуществляться и в действительности осуществляются путем наложения кругов брачных связей друг на друга так сказать «по цепочке», или, точнее, по нитям сложной микропопуляционной сети. Большую роль в процессе укрупнения и слияния популяций разных таксономических рангов играет интенсификация всех видов массовых и индивидуальных переселений и переездов (часто за пределы своей страны), а также временных встреч и совместного проживания молодежи в местах общей работы, учебы или отдыха. Все эти процессы в нашу эпоху резко ускоряются в связи с бурным развитием и усовершенствованием всех видов транспорта и коммуникаций вообще как внутри отдельных государств, так и между разными странами, в том числе и очень удаленными друг от друга. Взгляды В. П. Алексеева на популяционную структуру человечества, по моему мнению, противоречат не только вполне правильной точке зрения Ю. Г. Рычкова и «некоторых других исследователей», почему-то не названных в обсуждаемой статье (стр. 125), но оказываются несовместимыми с концепциями вида и популяции, общепринятыми в современной биологической науке.

В. Йоханнсен, впервые предложивший термин «популяция», понимал под ней группу свободно скрещивающихся или потенциально способных к скрещиванию организмов, населяющих определенный ареал и обнаруживающих определенные пространственно-временные взаимоотношения¹⁴. Основатель популяционной генетики С. С. Четвериков определял популяцию как сообщество свободно скрещивающихся организмов с характерными для составляющих его особей генотипом и фенотипом, обусловленными отбором. Вид, по мнению этого ученого, является самой большой и самой важной популяцией¹⁵. В уже цитированной нами книге «Биология человека», изданной на русском языке в 1968 г. под редакцией, с предисловием и комментариями В. В. Бунака, читаем: «Самая крупная менделевская популяция — это вид; ведь каждая особь потенциально (если не фактически) обладает всеми теми генами, которыми обладает вид, различные виды имеют различные генофонды, так как представители разных видов не скрещиваются между собой»¹⁶. Опираясь на эти работы, автор настоящего отклика также писал, «что высшей единицей в иерархии популяций всегда является вид в целом»¹⁷. Выделяя популяции потенциальные и реально существующие в разные эпохи истории вида (включая и вид *Homo sapiens*), а также учитывая их иерархичность, необходимо признать единое в видовом отношении человечество наивысшей категорией в системе попу-

¹⁴ W. Johannsen, Über Erblichkeit in Populationen und reinen Linien, Jena, 1903.

¹⁵ С. С. Четвериков, О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики, «Журнал экспериментальной биологии», серия А, 1926, т. 2.

¹⁶ Дж. Харрисон, Указ. раб., стр. 131.

¹⁷ N. N. Cheboksarov, Human races and populations, «Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems», М., 1974, р. 49; см. также И. А. Чебоксарова, Н. Н. Чебоксаров, Этнос, популяции, расы, «Земля и люди, 1974», М., 1974, стр. 211—219.

ляционных таксонов. Отрицание этого положения В. П. Алексеевым (хочет он этого или не хочет) неизбежно толкает его на опасный путь отрицания видового единства человечества.

Н. Н. Чебоксаров

THE DUAL CHARACTER OF DIVERGENCE AND HOMOGENIZATION

The core of the problem lies, in the author's view, in the dialectical unity of the two ways in which social factors influence race formation. By creating social barriers between populations they accelerate this process in each particular case, but since changes in social factors occur much more rapidly than in biological evolution the shifts of these barriers usually prevent these tendencies from attaining a final rigidity; on the contrary, they are conducive to homogenization.

S. A. Arutiunov

DOES THE INCREASE IN MUTATIONS LEAD TO RACE GENESIS?

The number of mutations has increased in recent decades. However, the ensuing genetic deviations are not likely to originate a process of race genesis: this is prevented by social factors, e. g. those leading to a greater mobility and a higher frequency of ethnically mixed marriages.

V. I. Kozlov

SOCIAL FACTORS, DIVERGENCE AND POPULATIONS

The paper under discussion by V. P. Alexeyev poses important controversial problems concerning the influence of social factors over biological divergence. The definition of human races as biological populations may be disputed, as well as the conception of divergence as a naturally developing process. It seems that the biological history of Homo Sapiens is characterized rather by processes of integration than by those of divergence.

G. E. Markov

ON THE SPECIFICITY OF HUMAN RACE FORMATION

V. P. Alexeyev's main thesis that the filter of social factors through which biological race formation has to operate always furthers the biological differentiation of humanity, accelerates it — runs counter to all factual data of anthropological science. In actual fact all the social factors enumerated by V. P. Alexeyev do not, in most cases, accelerate race formation processes; on the contrary, they tend to slow them down or even to stop them. These processes in the main reached their completion for the Homo Sapiens species in the late Palaeolithic and partly in the Neolithic period. V. P. Alexeyev confuses the race formation process, which is controlled by natural selection, with the variations in the concentration of individual genes in populations that are to a greater or lesser degree mutually isolated by genetic barriers. The identification by V. P. Alexeyev of «race» and «population», his denial of the potential populational unity of present-day mankind is also an error. It is only in individual cases that the mixing of different races formed under the influence of natural selection may, as a result of migrations and subsequent lengthy isolation, lead to the rise of stable group combinations of morpho-physiological traits similar to racial types. The Japanese may serve as an example of this, but not the Chinese, as is stated by V. P. Alexeyev. The denial of the potential populational unity of mankind inevitably draws V. P. Alexeyev towards the dangerous path of denying its unity as a species; this may give occasion for recognizing profound morpho-physiological and psychological differences between actual human populations and the races that have become formed upon their base.

N. N. Cheboksarov



ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Васильев

ОТКРЫТИЕ САМОДИЙСКОГО МИРА

(ИСТОРИЯ ОДНОГО НАУЧНОГО ПОИСКА)

*Светлой памяти Бориса Осиповича
Долгих посвящается*

Москва, 1926 год

Когда дверь за студентом закрылась, профессор кафедры этнографии Московского университета Александр Николаевич Максимов еще несколько раз прошелся по кабинету, потом сел к своему столу и задумался.

Студент, собиравшийся на Таймыр проводить перепись, явно был ему симпатичен. В его характере удивительно уживались природная стеснительность, даже застенчивость и упрямая, почти фанатическая убежденность в своей правоте. Перебирая в памяти детали полуторачасового разговора, Максимов подумал о том, что студент — истинный сибиряк. И фамилия подходящая — Долгих.

Максимов улыбнулся, тронул пальцами бороду, достал из кармана пиджака длинный мундштук карельской березы, заправил в него папиросу, закурил, опять прошелся по кабинету и снова присел к столу.

«А ведь вся штука в том, что он меня почти убедил, этот Долгих. Переписчиками надо направлять знающих людей. Ведь первую после революции перепись проводим. Своеобразный отчет перед всем миром придется держать. Девять лет прошло после победы Октября. В стране многое изменилось. Но это здесь, в Москве, в промышленных районах. А что на Севере? Та же дикость повсюду, туземцы поголовно неграмотны, учителей не хватает, врачей и фельдшеров — тоже. Работы непочатый край. А что мы знаем о том же Таймыре и вообще о Туруханском крае? Ну живут там тавгийцы, авамские и хантайские самоеды, юраки. А из каких подразделений они состоят? В каком родстве находятся друг с другом? Есть ли у них роды или какие-нибудь локальные группы по типу австралийцев?»



Борис Осипович Долгих в экспедиции

Нет, пожалуй, пусть он едет, этот Борис Долгих. Пусть отправляется на Таймыр и переписывает там самоедов. Эрудиции ему не занимать, паренек знающий. Кастрена читал и даже о Страленберге наслышан. В наше время мало кто вспоминает о Страленберге. Не до Страленберга сейчас. А когда-то, столетия этак два назад, это был человек весьма популярный. Во всей цивилизованной Европе его знали. Еще бы, книгу написал сенсационную, да и сам был господин любопытной судьбы, весьма любопытной».

Он снял с полки пожелтевший от времени фолиант в кожаном переплете. На титульном листе готической вязью выполнена надпись: F. I. Stralenberg. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia.

Максимов перелистал несколько страниц и задумался.

Филипп Иоганн Страленберг

На западе грохотали пушки, а с востока, со стороны Полтавы неслышными волнами накатывалась тишина. И эта густая, насыщенная запахами пороха, крови, конского пота тишина означала, что сражение, в котором решалась судьба многолетней войны между Россией и Швецией, окончилось.

Некогда победоносной армии Карла XII больше не существовало. Израненные, потерявшие управление, превратившиеся в панически бегущую толпу остатки шведских войск были неспособны не только сражаться, но и отступать.

30 июня 1709 года, через три дня после победы под Полтавой девяти тысячный конный отряд фельдмаршала А. Д. Меншикова настиг шведов возле крепости Переволочна на правом берегу Днепра у впадения в него Ворсклы и пленил около 14 тысяч шведских солдат и офицеров во главе с генералом Левенгауптом. В руки русских попало 28 орудий, 127 знамен и штандартов.

Среди офицеров, взятых в плен под Переволочной, был и капитан Филипп Табберт. Нет, он не бросил оружие, убедившись в тщетности попытки пересечь Днепр вплавь, как это сделали другие. В числе немногих Табберт благополучно достиг правого берега Днепра. А потом вдруг вернулся назад. Почему?

Впоследствии биографы Страленберга (именно под этой фамилией капитан Табберт стал известен просвещенной Европе) будут по-разному объяснять этот поступок. Одна из наиболее распространенных версий такова: Филипп не обнаружил среди спасшихся своего младшего брата Пера, тоже сражавшегося под Полтавой, и вернулся в надежде ему помочь...

Как бы то ни было, вместе с другими шведскими пленными он вскоре очутился в Москве, откуда затем был переведен в небольшой городок Хлынов, а в 1711 году в числе офицеров, заподозренных в организации и подготовке побега, сослан в Сибирь.

Так Филипп Табберт оказался в Тобольске, неофициальной столице Российской Азии. По тому времени большого города в Сибири не было. Каменный кремль с угловыми башнями и многочисленными бойницами величаво возвышался на крутом берегу Иртыша, напоминая о временах неспокойных, когда татары и уйгуры на коренастых мохнатых коньках нет-нет да появлялись вблизи города. Внизу под горой тоже каменные купеческие дома, торговые ряды, различные службы. Здесь же и резиденция губернатора князя Гагарина. На горе — резиденция власти духовной, там правит митрополит Филофей Лещинский.

Князь Матвей Петрович Гагарин отнесся к пленным заботливо. Человек столичный, он понимал, как необходимы в такой глуши образованные люди. Действительно, при их участии было построено хранилище государственной казны, иначе рентерея, которая так и стала называться

в обиходе — шведские палаты. Немалый труд вложили они и в сооружение канала, с помощью которого русло Тобола, каждую весну разливавшегося и угрожавшего городу, было отведено на три километра в сторону.

Немало среди пленных нашлось искусных столяров, живописцев, портных, сапожников, мастеров чеканки по золоту и серебру, учителей языков и музыки и т. д. Один досужий лейтенант открыл в городе даже кукольный театр.

Капитан Табберт к удивлению многих соотечественников неожиданно увлекся сибирской географией и этнографией. Он задался целью составить географическую карту Сибирской страны, о которой тогда в цивилизованной Европе знали немного.

Четыре года напряженной работы увенчались успехом. Карта была составлена. Однако Страленбергу фатально не везло. В ночь на 13 мая 1715 года в Тобольске случился большой пожар, от которого пострадал дом, где квартировал экс-капитан. В панике и суматохе чемодан с картой и другими научными бумагами исчез бесследно.

Иной бы опустил руки. Но через два года Страленберг сделал новую карту, а затем и третью, по его собственному признанию, «еще более точную и совершенную... нежели две предыдущие»¹.

А в 1720 году судьба свела его с Мессершмидтом. Даниилу-Готлибу Мессершмидту было тридцать три года, когда Петр I пригласил его из Германии в Петербург, чтобы он возглавил экспедицию в Сибирь для исследования природы и минеральных богатств этого далекого и сурового края.

Прибыв в Тобольск, Мессершмидт, который вследствие незнания русского языка особенно нуждался в переводчиках и помощниках, быстро сошелся с пленными шведскими офицерами, а среди них Табберт-Страленберг своими знаниями по географии и этнографии Сибири бесспорно выделялся.

Вскоре настойчивый Мессершмидт через Сибирского губернатора добился разрешения включить Страленберга в число участников своей экспедиции. Они вместе преодолели путь от Тобольска до Томска, а затем надолго расстались и только через полгода встретились в Абакане. В его окрестностях участники экспедиции некоторое время занимались раскопками, осмотром и выявлением археологических памятников, особое внимание уделяя наскальным писаницам. Затем они отправились в Красноярск, откуда Страленберг уже самостоятельно совершил кратковременную поездку вниз по Енисею.

Известие об амнистии шведским пленным, последовавшее вскоре после заключения Ништадтского мира, было одновременно радостным для Табберта-Страленберга и печальным для Мессершмидта.

«С горькими слезами, — написал он в своем дневнике 28 мая 1722 года, — простился я с моим честным..., верным и прилежным помощником»².

У устья реки Большой Кемчуг они крепко пожали друг другу руки. Пятеро гребцов четко взмахнули веслами, и плот, на котором уезжал Страленберг, отправился в долгий путь по Чулыму и Оби к Тобольску. Весной 1723 года он вернулся на родину, а через семь лет в Стокгольме увидела свет его книга.

Дудинка, 1927 год, апрель

Два дня пуржило в Дудинке. Заметало так, что из избушки не выберешься, впору откапывать. К утру, однако, стало понемногу стихать, и хозяин Ананьин Илья решил на свет выходить.

¹ Цит. по: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, М.-Л., 1966, стр. 31.

² Цит. по: М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 41.

Что метет, ему не внове. Ананьины — потомственные местные жители. Прадед, будто, из туруханских мещан был. А когда здесь в Малой Дудинке поселился, никто не помнит. Сначала, говорили, промысловую избушку поставил, летом только наезжал, а потом и совсем перебрался.

Оно, конечно, в тепле бы сидеть лучше. Ну, если бы сам-один был, еще ладно. А то двое постояльцев-переписчиков... Люди городские, ученые. Но простые мужики. Особенно этот молодой, который Борис. Он тебе и дровец нащелкает, и на протоку с нартами за водой сгоняет, и собак накормит. Так что и без хозяина в доме хозяин.

Илья натянул малицу. Постояльцев будить не стал. Где чай, сахар да сушки — без того известно. А мясо он, бог даст, добудет: петли куропачьи надо откопать, может, что попало, сетку в курье проверить. Да на обратном пути к свояку завернуть, Филиппу Простокишину. Ему еще третьего дня самоеды оленью тушу привезли, так тогда еще говорил: «Возьми, мол, половину для постояльцев».

За чаем переписчики молчали. Долгих читал толстую немецкую книгу, а Кудинов перебирал в памяти детали вчерашнего разговора.

Потом сказал, улучив минуту:

— Так, значит, тому шведу, о котором вчера рассказывали, миф и обязан открытием наших самоедов. И мы с вами в какой-то степени сегодня здесь по его милости.

— Нет, конечно, Георгий Александрович. О самоедах было известно и раньше. И у нас в России. И на Западе тоже. Просто Страленберг был первым, кто заинтересовался их происхождением. И сформулировал свою гипотезу. Я ведь рассказывал, что он занимался сравнительными лингвистическими штудиями. Сопоставлял самоедские слова с словами из языков различных народов, живущих на Юге Сибири. И пришел к такому заключению: все те народы — маторы, карагасы, сойоты и другие, что в его время еще говорили по-самоедски, — пришли на Юг Сибири отсюда, с Севера.

Борис отхлебнул уже остывший чай, сморщился, долил в кружку крутого кипятку и продолжал:

— Но он был не прав, полностью не прав. Родина самоедов находилась как раз на Юге Сибири. На Алтае-Саянах и в Минусинской котловине. Такая версия, гипотеза, если хотите, была высказана немногим позже страленбергской. Через пятьдесят лет. Ее автор — Фишер. Академик, историк, большой авторитет для своего времени. Но фактов Фишер собрал немного, вернее почти не собрал. Нужны были факты веские, обоснованные. А они стирались с годами. На Юге Сибири самоедская речь почти исчезла. Казалось, уже ничего нельзя записать, обнаружить и доказать. И все-таки нашелся человек, который сумел это сделать — Кастрен.

— Как вы сказали? — перебил Кудинов.

— Кастрен, — повторил Борис Долгих. — Маттиас Александр Кастрен.

Маттиас Александр Кастрен

Тервола — небольшое селенье на севере Финляндии. Там он родился, там прошло его детство. Потом были годы учебы в школе-пансионе и твердое решение избрать для будущей своей деятельности пасторскую стезю.

Поступление в университет, студенческие аудитории Гельсингфорса все наизусть переменили. У Кастрена пробуждается, а потом все более крепнет интерес к лингвистике и этнографии. «Именно в эти годы, — писал он впоследствии, — я принял решение труд моей жизни отдать изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий финского племени и других родственных племен»³.

³ Цит. по: В. Б. Муравьев, Вехи забытых путей, М., 1975, стр. 12.

Восемь лет напряженных занятий. Трудных, наполненных непрерывной работой и поисками дополнительных средств к существованию, но таких необходимых лет.

Летом 1838 года в обществе двух друзей Кастрен совершает путешествие по Финской Лапландии и впервые получает возможность изучать и записывать живую лопарскую речь, сравнивать грамматическое строение этого языка с известными ему финским и эстонским. Результатом этой поездки была диссертация «О родстве склонений финского, эстонского и лапландского языков», звание доцента и преподавателя Гельсингфорского университета.

Казалось бы, наконец, можно и расслабиться, отдохнуть, стряхнуть застарелое бремя нужды и заботы о завтрашнем дне, но Кастрена влекла живая исследовательская работа, поиски и открытия неизведанного. И поэтому, когда он получил известие о том, что Российская Академия наук утвердила его кандидатуру в качестве участника экспедиции по исследованию языков и быта народов, населяющих Сибирь, счастливее человека, вероятно, не было во всем Гельсингфорсе.

Дудинка, 1927 год, апрель (продолжение)

— И что же, довелось ему добраться до нашего Енисея? — спросил Кудинов.

— Он не только добрался, — ответил Долгих, — но вы можете себе представить... — Борис даже разволновался. — Кастрен пробыл здесь, в Дудинке больше двух месяцев. Тогда вся Дудинка состояла из каменной церкви на берегу Енисея, да четырех домиков (Кастрен их называл хижинами), низеньких с приплюснутыми крышами и узкими щелочками окошек, застекленных прозрачными льдинками. Вот в каких условиях он работал. И как работал!

Дверь распахнулась. Вместе с порывом ветра и запахом мороза через порог ступила запорошенная мохнатая фигура Ильи Ананьина.

— Живем, робяты, — сказал он громко и весело. — Полтуши дикого Илья добыл. Вам разделявать, мне спать.

И начал стягивать через голову сокуй.

К обеду на столе возвышалась миска с аппетитно дымившимся оленьим мясом. Но Кудинов ел вяло: за три месяца мотаний по тундре, поисков один бог знает где находившихся стойбищ и чумов (что поде-лаешь — перепись есть перепись) оленина ему уже полперек горла стала.

«Сейчас бы картошечки чугунок, да сметаны свежей. Эх! Да где там. До самого июня, до первого парохода придется здесь торчать. И что удивительно, этот Долгих Борис делает вид, что ничего такого не ощущает. Жует себе оленину да читает финна, забыл фамилию, что тоже когда-то в этих краях обретался. Этот финн по своей воле сюда приехал. Сам себя в ссылку отправил. Впрочем, такие чудачки и сейчас не перевелись. Взять того же Бориса. Тоже вызвался добровольцем. Университет оставил, учебу прервал, и на тебе: из Москвы — сюда в Дудинку. Тоже три месяца из тундры не вылезал, да не здесь, на Енисее, а в самой что ни на есть глухомани на Хатангском тракте и еще дальше. Где тавгийцы живут — авамские самоеды. Туда даже финн этот пробраться не смог.

И хотя бы ему что: сидит, уплетает себе оленину, как будто вкуснее ничего в жизни не ел. И читает своего финна. А хозяин спит. Выпил где-то, и теперь его — из винчестера стреляй — не добудишься. Тоска... Живым словом не с кем переброситься. Разве опять Бориса про этого финна спросить... Тут он немедленно откликнется. Сколько уж раз проверено, и всегда безотказно».

Кастрену нездоровилось. Сегодня, как никогда, он чувствовал себя плохо. Приступ подобрался незаметно. Головокружение, разламывающая боль в висках и затылке, тошнота — все это уже было. Но сегодня он потерял сознание на целых четыре часа как раз во время беседы с самоедом.

«Неужели не удастся довести до конца задуманное; свернуть с пути, когда до цели осталось не так уж много?»

Один раз ему уже пришлось это сделать. В 1844 году после неопи-сваемо трудного многомесячного путешествия по Европейскому Северу, во время которого он изучал язык и этнографию архангельских самоедов, он, наконец, перевалил вместе с зырянским торговым караваном Уральский хребет и оказался в Обдорске, заштатном городке с еле уга-дывающимися среди сугробов островами приземистых домиков и тор-говых заведений, тем не менее носившем громкий титул «Северной сто-лицы самоедской Сибири».

И здесь болезнь в первый раз открыто проявила себя. Его самочу-ствие становилось все хуже и хуже. Местный врач категорически настаивал на прекращении научных исследований и возвращении для лечения на родину. Да и сам Кастрен понимал, что сил для дальнейшего путе-шества не хватит. Пришлось примириться с неизбежным. Неужели вновь все повторится?

Он не строил иллюзий относительно своего будущего. «Легочная чахотка — вот болезнь, которая съела мозг моих костей и продолжает уничтожать его с огромной жадностью,— писал он из Обдорска в Пе-тербург своему научному куратору и покровителю академику А. И. Шег-рену.— И вот я стал разбитым человеком на весне моей жизни...»⁴.

Может быть, поэтому он и не щадил себя. Весной 1845 года он от-правился в новое путешествие в Сибирь. И вот позади месяцы, отданные изучению остяков (хантов) и лесных самоедов (ненцев) Нижнего Ир-тыша и Средней Оби, остяко-самоедов (селькупов) Нарыма и свое-образного, ни с чем не сравнимого и не схожего языка енисейских ос-тяков (кетов).

Еще в Енисейске, перед тем как отправиться дальше на Север, в Туруханский край, спутник и товарищ Кастрена студент Бергстади сказал ему:

— Кажется, путешествие в Туруханск стоит путешествия в Похьелу. Кастрен ответил ему тогда словами Леммикайнена:

— Умирать ведь только раз⁵.

Но теперь, кажется, это мрачное предсказание начинает сбываться. Он едва держится на ногах, да и у Бергстади от долгого отсутствия ви-таминов началась цинга. Сам Кастрен спасался от цинги ежедневными долгими прогулками по тундре, от которых теперь придется отказаться. Ко всему еще наступила полярная ночь, и работать стало много труднее.

«И все-таки надо продолжать начатое дело. Продолжать пока есть хоть какие-то силы. А для этого необходимо прежде всего заставить себя встать. Ну вот, кажется, и голове стало немного лучше. Да и тош-нота как будто пропала.

Как только явится Бергстади, следует отдать распоряжение, чтобы готовили оленей. И завтра же ехать в тундру. Нет, пожалуй, сегодня. Все равно, на дворе сплошная ночь. Так зачем же терять время. Не правда ли, Бергстади?»

Вместе с Бергстади целых четыре месяца пробыл он в тундре, изучая языки авамских самоедов — нганасан и енисейских самоедов — энцев. Только весной 1847 г. Кастрен и его спутник вернулись в Енисейск.

⁴ Цит. по: В. Б. Муравьев, Указ. раб., стр. 37—38.

⁵ В. Б. Муравьев, Указ. раб., стр. 54.

Отсюда Кастрен писал в Петербург Шегрену: «Наконец, я снова дышу воздухом Енисейска, но дышу гораздо труднее прежнего. Горловые и грудные недуги, приобретенные под туруханским небом, развиваются под енисейским небом как нельзя лучше — может быть, вследствие самой природы их, и от содействия суровости климата, плохого жилья и чрезмерных занятий»⁶.

В этом же письме Кастрен излагал план дальнейших исследований на юге Сибири, в Минусинском крае и просил о продлении срока своей экспедиции, поскольку, по его расчетам, эта работа должна была потребовать гораздо большего времени, чем предполагалось ранее.

Дудинка, 1927 год, апрель (окончание)

— Так, значит, из Енисейска Кастрен поехал не на родину, а дальше, теперь уже на юг Сибири? — спросил Кудинов.

— Именно так, Георгий Александрович. И путешествовал еще почти два года. За это время он изучил языки маленьких южносибирских народов: маторов, койбалов, камасинцев, карагасов и установил, что еще сравнительно недавно они говорили по-самоедски. Только весной 1849 г. он вернулся на родину, проведя в экспедиции в общей сложности почти восемь лет. Зато собранные им материалы оказались огромны и выводы тоже. И если Фишер мог только строить предположения относительно местонахождения области, где первоначально проживали самоеды, то Кастрен имел возможность подкрепить свои выводы десятками различных фактов. Да вот, послушайте, что он пишет по поводу происхождения самоедов. — Долгих взял лежавшую перед ним книгу, отыскал нужную страницу и, слегка запинаясь, стал переводить: «Несомненно, что финны через родство с самоедами вступают в связь с алтайскими народностями, потому что не может быть ни малейшего сомнения в том, что самоеды вышли с Алтая, многие ветви этого племени были обнаружены на этой горной цепи и отчасти еще продолжают обнаруживаться»⁷. Видите, как четко и ясно все изложено. Это и в первой четверти XX в. — последнее слово мировой науки. И если бы он прожил чуть больше, хотя бы на десяток, пусть даже на несколько лет...

— А что... — начал было Кудинов.

Но Долгих опередил его:

— Да, — сказал он. — Уже в самом конце экспедиции, по дороге из Иркутска в Красноярск, его болезнь перешла в последнюю стадию. Чохотка приняла открытую форму. Началось кровотечение, едва не стоившее ему жизни. Тогдашняя медицина была совершенно бессильна. После возвращения на родину Кастрен прожил только три года. Он умер в возрасте 39 лет.

— Да, — сказал Кудинов, после длительной паузы. — Вот они судьбы человеческие. Ездил, ездил...

И, видя, что Долгих собирается его перебить, прибавил:

— Однако мне непонятно, Борис. Вот этих самоедов кто только не изучал: и финны, и шведы, и немцы. А где же наши соотечественники? Или им все эти самоеды без надобности, неинтересны?

Долгих ответил не сразу, помолчал, собираясь с мыслями:

— Были, конечно, и наши. И есть. Хотя бы мы с вами. Ну пусть не мы, так другие, что сейчас работают на Тобольском Севере и за Уралом. И будут еще. Обязательно будут.

⁶ «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири», «Собрание старых и новых путешествий», ч. II, М., 1860, стр. 369.

⁷ М. А. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Pb., 1856, S. 75.

Борис встал и несколько раз взволнованно прошелся по комнате. Вернулся к столу, остановился против Кудинова и произнес отчетливо почти по слогам:

— Обязательно.

После 1927 г., будучи сотрудником Красноярского краеведческого музея, а затем аспирантом, научным сотрудником и руководителем Сектора малых народов Севера Института этнографии АН СССР Борис Осипович Долгих совершил десятки этнографических экспедиций на север Сибири.

Борис Осипович Долгих

Объявление в газете гласило: «Защита диссертации в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР 3.VI.58 на соискание ученой степени доктора исторических наук Долгих Б. О. на тему: «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке».

К 16 часам дня конференц-зал Института на втором этаже старинного особняка по улице Фрунзе был переполнен. Председательствующий член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов с удовлетворением обвел глазами аудиторию. Еще бы! В зале были не только этнографы — коллеги диссертанта, явившиеся чуть ли не в полном составе, но и археологи, историки, работники архивов, лингвисты, географы, студенты кафедр археологии и этнографии МГУ. Такое «многолюдство» случается далеко не на каждой защите.

Толстов поднялся за столом президиума:

— Разрешите открыть заседание Ученого Совета...

Один за другим выходили на трибуну официальные оппоненты. И мнение было единодушным: на рассмотрение Ученого Совета представлена работа, являющаяся большим вкладом в историческую и этнографическую науки. Автор на основании тщательного анализа исторических и, в первую очередь, архивных источников в сочетании с полевыми материалами сумел реконструировать родовой и племенной состав народов Сибири ко времени прихода русских, по-новому осветить историческое прошлое многих народов, высказал ряд оригинальных теоретических положений относительно их общественного устройства.

Доктор исторических наук М. Г. Левин: «В лице Бориса Осиповича мы имеем счастливое сочетание этнографа, свыше 30 лет ведущего полевые исследования, и историка — блестящего знатока архивов. Такое сочетание позволило Борису Осиповичу Долгих выполнить не только представленную работу, но и ряд других исследований. В этом направлении он имеет учеников и последователей.

К работе Бориса Осиповича будут постоянно обращаться и работники смежных специальностей».

По мнению доктора исторических наук (ныне — академика) А. П. Окладникова, один только перечень стоявших перед диссертантом задач свидетельствует, «насколько трудоемка была намеченная им программа, какого большого, поистине самоотверженного труда и вместе с тем глубокого знания этнографии народов Сибири требовала эта работа».

«Скажу откровенно, — продолжал он далее, — перед нами редкая диссертация, где с автором невозможно спорить, почти невозможно ему по существу возражать».

Доктор исторических наук Л. П. Потапов: «После публикации монографии Бориса Осиповича ни одна будущая научно-исследовательская работа по истории и этнографии Сибири неминуемо без учета и использования этой книги. Ее источниковедческая основа, выявленная, систематизированная и обобщенная долголетним кропотливым трудом Бориса Осиповича, послужит тому, что книга эта займет выдающееся место в научной литературе по этнографии и истории Сибири».

Высокую оценку диссертации дал и С. П. Толстов, который, заключая обсуждение, подчеркнул, что диссертация одновременно является и этнографической, и крупнейшей исторической работой. «Автор как этнограф великолепно овладел методом ювелирного подхода к анализу архивных источников и как историк овладел методом блестящего исторического подхода к основным проблемам».

Решение было единогласным. Все четырнадцать членов Ученого Совета высказались за присуждение Борису Осиповичу Долгих ученой степени доктора исторических наук.

Диссертация Б. О. Долгих была опубликована в 1960 году. С тех пор прошло более 15 лет. Список работ по этногенезу и этнической истории народов Сибири пополнился десятками новых трудов. Но книга Б. О. Долгих по-прежнему стоит в нем на первом месте.

Его заслуга в том, что он заставил заговорить архивные материалы, связав их с конкретной этнографией, расшифровал ясачные книги, показав, что за мясными, а порою и, казалось, надуманными названиями XVII в., такими как род Удамылев — у пясинской «самояди», роды Кислой шапки, Мангазеянин, Вокупин — у тазовской и туруханской «самояди», скрываются вполне реальные, зачастую различные по своему этническому облику подразделения, из которых составились впоследствии современные нганасаны и энцы.

Еще в конце 1930-х гг. видный советский лингвист и этнограф Г. Н. Прокофьев уточнил и дополнил гипотезу Фишера-Кастрена, высказав предположение о том, что в формировании большинства самодийских народов севера Западной и Средней Сибири приняло участие два компонента: южный — пришедший из Минусинских степей и Саяно-Алтайского нагорья, и автохтонный — освоивший высокие широты задолго до появления там самодийцев. В эти же годы другой советский этнограф Г. Д. Вербов установил, что все сибирские ненцы делятся на два экзогамных подразделения — фратрии Харючи и Вануйта.

Развивая идеи своих предшественников, Борис Осипович Долгих пришел к убеждению, что первая из этих фратрий представляет собою потомков южных пришельцев на Север — носителей самодийского языка, а вторая — впитала в себя автохтонов и другие иноязычные компоненты. «Можно предполагать, — писал он в одной из своих работ, — что предки оленеводов-самоедов принадлежали главным образом к фратрии Харючи, и... первоначально... вероятно, противопоставляли себя каким-то... аборигенам Севера, с которыми они заключали браки. Поэтому и все действительные или воображаемые потомки этих аборигенов — европейские ненцы, северные ханты, энцы и ненцы группы родов Вануйта — зачислялись в одну противоположную ненцам Харючи фратрию»⁸.

Так был найден ключ к разгадке основной линии этногенеза ненцев. Список трудов Б. О. Долгих по этнографии и истории народов Севера включает более пятидесяти работ. В их числе три монографии, столько же фольклорных сборников, остальное — статьи в научных трудах и журналах.

Значительная часть публикаций Бориса Осиповича посвящена самодийским народам: нганасанам, энцам и ненцам. Изучению самодийцев он отдал всю свою научную жизнь. Благодаря его работам приподнята завеса над историей энцев, реконструировано историческое прошлое нганасан. Исследование родового состава самодийских народов легло в основу первой научной публикации Б. О. Долгих «Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района», написанной на основе данных, собранных во время Всесоюзной переписи. Эта работа увидела свет в 1929 году в журнале «Северная Азия». Самодийские материалы широ-

⁸ Б. О. Долгих, Родовая экзогамия у энцев и нганасан, «Сибирский этнографический сборник», т. IV, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 78, М., 1962, стр. 220—221.

ко использованы и в последней статье Б. О. Долгих об общественном устройстве северных народов, вышедшей из печати уже после того, как его не стало. Статья была опубликована в 1974 году в канун семидесятилетия Бориса Осиповича в посвященном ему сборнике, подготовленном его соратниками и учениками.

В местах, где работал Б. О. Долгих. Воронцово, 1962 год, 29 мая

Силкин Иван Иванович — низкорослый, в потертой, выношенной малице и сам тоже будто выношенный: лицо морщинистое, волосы и щети на седые.

Капюшон его малицы сдвинут, на лбу выступили бисеринки пота. Он вкусно прихлебывает чай, уж не знаю, какую по счету кружку (чайник с печи не снимаю, только снега успевай подбрасывать) и, не спеша, рассказывает:

— Силкины, или Бай, по-нашему, здесь разные. Одни Вы-бай — тундровые Бай, так нас прозывают. Балдуха-бай еще есть. Это, рассказывают, у их старшего дяди прозвище такое было — Балдушка. Потом еще Эари-бай. Те в Потапове живут, в лесу выше Дудинки, верст может сто или больше.

Тут он маху дал. До Потапова от Воронцова все триста километров по реке. Это я знаю точно, не раз приходилось бывать. Тундрой, конечно, ближе, но кто считал по тундре эти километры. Из этнографов путь от Воронцова до Дудинки тундрой с оленеводами преодолел только один человек, мой учитель Борис Осипович Долгих. Было это в 1948 году и потребовало по времени около трех недель.

— Эари, по-нашему, нищие. Они всегда раньше мало оленей имели, сюда не ходили. Отца нынешних ребят, что там в Потаповском хозяйстве работают оленеводами, Ничеза его звали — я, может, всего раз или два и видел. А отца его, Азаку-старика, и вовсе не помню. Он умер в год большой болезни, я тогда совсем маленьким был.

«В 1908 году от оспенной эпидемии», — соображаю я.

— Еще там, в лесу были Поло-бай, по-нашему, коноплянные. Почему их так прозвали, не могу сказать. И фамилия им была не Силкин, а Кеприкин. Теперь, слышно, никого не осталось.

Он замолкает, опять отхлебывает из кружки, макает в чай ванильный сухарь.

Поселок Воронцово, где автор этих строк работает уже вторую неделю, центр самого северного из колхозов правобережья Енисея — имени Кирова. Работают в колхозе и живут в поселке ненцы, представители обеих энецких групп: тундровой (Сомату, Маду или Манто) и лесной (Бай, Муггади и Ючи), долганы, русские, украинцы, белорусы. Есть также немцы, финны, татары. Словом, конгломерат национальностей.

Для работы сельский совет выделил мне комнату в учительском доме. Ее хозяйка — педагоги местной школы-восемилетки уехали в отпуск и вернутся только к осени. У меня есть стол, два стула и табуретка, железная кровать с пружинным матрасом, на который я постелил свой спальный мешок. Печь, правда, с капризами: плохо разгорается, но зато не дымит и долго держит тепло. Словом, живи да живи.

Во времена, когда здесь работал Борис Осипович, вопросы бытового устройства решались куда сложнее. Не говоря уже о 1927 году, когда и поселка-то никакого не было, а так, две избышки промысловых, да несколько чумов. И позднее, в 1948 и 1959 годах, приезжая в Воронцово, он обычно располагался в сельсовете, а то у кого-нибудь из старожилов на квартире. Так что даже постоянного помещения для работы у него не было.

В моей полевой сумке лежит книга Бориса Осиповича Долгих, вышедшая в 1961 г. — «Мифологические сказки и исторические предания

энцев». Это публикации энецкого фольклора, первооткрывателем которого он явился, с подробными комментариями. Большинство записей сделано здесь в Воронцове в 1948 г.

В авторском предисловии к этой книге есть любопытное место, где Борис Осипович пишет об условиях своей работы. Вот оно: «Записи производились и в избушке, где жил наш основной информатор Р. А. Силкин, и в чуме другого знатока энецкого фольклора — Лебо Савалова, в конторе правления колхоза и сельсовета, в комнате секретаря сельсовета В. Ф. Панарина, в чуме иганасана Монтуку Горнока и т. д.»⁹. Так что, в сравнении с этим, мои условия следует признать близкими к идеалу.

Записи фольклора также входят в круг моих интересов. Но основное для меня — собрать как можно больше разнообразных сведений о происхождении энецких и ненецких родов. Такую задачу поставил передо мною Борис Осипович Долгих, в Секторе которого я работаю.

Поэтому и информаторы у меня иные. Меньше исполнителей фольклора, больше хранителей семейных родословных, знатоков генеалогического древа и исторических преданий. К их числу принадлежит и Иван Иванович Силкин; от него я постоянно узнаю все новые детали семейной и родовой структуры энцев и ненцев.

Беседы между нами происходят едва ли не ежевечерне. Кроме Ивана Ивановича, бывают его брат Сергей Иванович, Пилько Соколо, тоже энец. Из ненцев чаще других — Яптунэ Василий Семенович, прозванный из-за довольно обширной проплешины «голая голова», Яптунэ Борис. Да всех разве перечислишь.

Днем все заняты. Кто помоложе, смолят лодки, перебирают моторы — ведь не за горами путина — самое горячее время года. Кто постарше, чинят сети, насаживают поплавки и кибасы на невода, пилят дрова. Надо еще летли осмотреть на куропаток. А уже об охотничьем азарте, связанном с прилетом первых гусей, и говорить нечего. Это — как футбольная лихорадка в наших краях в дни международных матчей.

У меня тоже днем хватает работы. Кроме всяких хозяйственных занятий, надо еще обрабатывать черновые записи бесед и фольклорных текстов, разговаривать с приехавшими из тундры охотниками.

Так что, не успеешь оглянуться, как опять вечер.

Воронцово, 1962 год, 30 мая

Впрочем, вечер в это время года понятие относительное. Сумерки длятся часа два после полуночи. Даже электричество зажигать не требуется.

Сегодня, кроме Ивана Ивановича, у меня в гостях еще Яптунэ Василий Семенович — «голая голова». Вчера Иван Иванович сидел у стола, сегодня после чая оба моих гостя расположились прямо на полу. Иван Иванович рассказывает, Василий вставляет реплики или добавляет.

— Чистые Манто здесь только Лодоседа-Туглаковы да еще Сазо-Пилько. Остальные все пришли откуда-то. Наши старики, те из леса сюда с оленями пришли. Есть на левом берегу Енисея выше Дудинки такое место, Бай-лотта (Бай равнина), большая такая голая лайда. Так рассказывают, что там наше коренное место.

— Так будет. Это верно Ледо сказывает, — солидно подтверждает Василий, называя Ивана Ивановича его энецким именем.

И тут же перехватывает у него нить беседы.

— Наших отцов, отцы с той стороны Енисея пришли. Говорят, когда-то Гыда-яма (так называют здесь Гыданский полуостров — это мне извест-

⁹ «Мифологические связи и исторические предания энцев. Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих», М., 1961.

но) дальше жили. Быки и хаптарки ездовые (т. е. яловые важенки, которые нередко используются в качестве упряжных оленей, а иногда ходят даже передовыми) у них были такие больши-ие, такие крупны-ые.

— Вот,— говорит Василий. И опять повторяет:— Вот! Поэтому прозвание наше Хаптангарка-Ябтонгэ (Хапта нгарка — большой бык, а Ябтонгэ — название рода, которое в фамильном варианте превратилось в Яптунэ).

Это интересно. Природа родовых подразделений энцев и ненцев для меня еще не очень понятна. Сразу вспоминаю, что переписью 1897 года Хаптангарка были учтены в низовьях Енисея в качестве особого рода отдельно от Ябтонгэ. Надо бы расспросить об этом подробнее.

Но Василий Яптунэ умолкает. Берет из пачки «Севера» папиросу, закуривает.

Тут же вступает Иван Иванович. Он ведет свой рассказ независимо от Василия Семеновича, с того места, на котором тот его прервал.

— Каплины еще здесь — это не Манто. Когда-то юраки были. Салерта им родовое имя. А по-нашему скажут — Солда. Дедушка их сюда в большую воду пришел. Тожно (тогда) большая вода была: одни сопки высокие видно. Еорума — сопка там дальше в тундре есть. Нгангу-маха — хребет против Караула. Еще Хэхэ-маха — «шайтан-сопка» по Пелядке реке. Только три сопки. Лодкой, наверное, пришел,— добавляет он не очень уверенно.

Василий Яптунэ, уводя нашу беседу в сторону от этногенетических сюжетов, подробно вспоминает всякие истории, связанные с злоключениями людей, оказавшихся поблизости от Хэхэ-маха.

Я усердно пишу.

— Вот — удовлетворенно говорит Василий. — Вот.

Рассказ окончен.

Потом мы опять пьем чай, после чего Иван Иванович начинает собираться.

Василий сегодня доволен собой и не торопится.

Он не спеша прихлебывает из кружки, хитро смотрит на меня и говорит:

— Ты-то, в самой Москве живешь?

— В самой, — подтверждаю я.

— А Бориса знаешь?

Я понимаю, о ком идет речь. Так здешние старики называют Бориса Осиповича.

— Знаю.

— Ты Бориса спроси. Вот кто расскажет. Он о наших людях хорошо знает. Может, как я, знает.

— Может, больше, — тихонько вставляет Иван Иванович.

Но Василий его не слушает. Да и мой ответ не внушает ему доверия.

— Ты в Москву поезжай. В самую Москву. Бориса найди. Его спроси. Много знает-ет.

Мои гости уходят, а я еще долго сижу у стола и думаю над словами Василия.

Вероятно, в признании народа и заключается главное счастье этнографа. Высшая оценка его труда.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1975 ГОДУ

1975 год, ознаменованный 250-летним юбилеем Академии наук СССР, был последним годом девятой пятилетки, сроком завершения многих работ государственного плана. Особое внимание в работе коллектива Института этнографии АН СССР было обращено на исследования, зафиксированные в пятилетнем плане Института. Итоги года показали, что намеченный на пятилетие план выполнен в срок. В 1975 г. были завершены 32 темы государственного плана, среди них такие важные работы, как первые выпуски регионального историко-этнографического атласа «Прибалтика», первый выпуск («Хозяйство») историко-этнографического атласа «Средняя Азия и Казахстан», коллективный труд «Расы человека и их история». Досрочно закончены работы Хорезмской экспедиции в Средней Азии на затопляемой территории Тюямуянского гидроузла; досрочно завершена монография Г. С. Масловой «Орнамент русской народной вышивки как исторический источник». Институт этнографии выпустил в 1975 г. 37 книг (общий объем около 707 п. л.). Кроме того, вышли в свет 13 внеплановых книг и брошюр, написанных сотрудниками Института (общим объемом около 125 п. л.).

В научной деятельности Института в отчетном году большое внимание уделялось разработке важных проблем этнографической науки, в частности связанных с исследованиями современных этнических и культурно-бытовых процессов у народов СССР. По этой проблематике опубликованы три книги. Вышла в свет обобщающая коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР» (отв. ред. Ю. В. Бромлей), в которой впервые получили всестороннее освещение этнические аспекты национальных процессов в СССР за годы Советской власти, подробно рассматривается отражение этнических изменений в сферах материальной и духовной культуры, языка, семейных отношений у народов Советского Союза, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов. Значительное внимание уделено также разработке теории этнических процессов.

Этническое развитие отдельного региона в период, предшествовавший его современному этапу, освещено в работе А. В. Смоляк «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.)» (18 п. л.).

В книге Н. П. Лобачевой «Формирование новой обрядности у узбеков (свадьба и другие семейные праздники)» (9 п. л.) на примере одного народа рассматривается общий процесс преобразования старой традиционной обрядности и создания новой гражданской обрядности в нашей стране. В книге «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. II, «Забайкалье», Новосибирск (отв. ред. И. В. Маковецкий, Г. С. Маслова, 18 п. л.), изданной совместно с Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР и Институтом истории искусств Министерства культуры СССР, наряду с вопросами историко-культурного плана рассматриваются проблемы современного состояния материальной и духовной культуры русских, преимущественно старообрядцев (семейских).

Ряд статей, посвященных разным аспектам этнических и культурно-бытовых процессов, опубликован в сборниках «Полевые исследования Института этнографии. 1974 год» (отв. ред. В. Н. Басилов, 17 п. л.) и «Современные этнические процессы (материалы IV научной молодежной конференции)» (отв. ред. С. Б. Рождественская, 5 п. л.). Завершена авторская работа над коллективным трудом «Современные этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе» (отв. ред. В. К. Гарданов).

Изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов занимало главное место и в исследованиях по зарубежной этнографии. Проблемам современности посвящены три книги, опубликованные в 1975 г. В монографии Л. Н. Фурсовой «Послевоенная иммиграция и национальное развитие Канады (1945—1965 гг.)» (23 п. л.) рассматриваются причины, ход и последствия иммиграции в связи с анализом особенностей этнических процессов в стране. Л. А. Файнберг в книге «Индийцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории» (16 п. л.) показывает процессы разложения традиционной общественной структуры и этнических изменений у коренного населения Бразилии за последние 100 лет. В сборнике «На Берегу Маклая. Этнографические очерки» (отв. ред. С. А. Токарев, 21 п. л.) на материалах полевых исследований советских этнографов в деревне Бонгу (Новая Гвинея) в 1971 г. прослеживаются изменения, произошедшие в традиционной культуре папуасов за последние 100 лет.

Кроме того, в отчетном году завершена авторская работа над коллективными трудами «Выходцы из Индии и Пакистана за рубежом» (отв. ред. В. И. Кочнев), «Малые народы Индокитая» (отв. ред. Н. Н. Чебоксаров, А. Н. Лескинен), «Малые народы Индонезии и Филиппин» (отв. ред. Н. Н. Чебоксаров, А. Н. Лескинен), «Эмигранты из стран Восточной Азии в странах Америки и Океании» (отв. ред. С. А. Арутюнов).

В минувшем году Институт этнографии продолжал историко-этнографическое изучение традиционных культур народов мира. По этой тематике опубликован ряд книг, в большинстве посвященных народам нашей страны. В сборнике «Древнее жилище народов Восточной Европы» (отв. ред. М. Г. Рабинович, 23 п. л.) рассматриваются проблемы становления и развития типов народного жилища в указанном регионе, начиная с раннего железного века (I тысячелетие до н. э.) до XVII—XVIII вв. Сборник «Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики» (отв. ред. В. А. Александров, Н. В. Шлыгина, 20 п. л.), посвященный вопросам методики картографирования, содержит новые материалы по этнографии латышей, литовцев и эстонцев, важные для разработки проблематики историко-этнографического атласа «Прибалтика». Сборник «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана» (отв. ред. Т. А. Жданко, К. Шаниязов, 20 п. л.), тесно связанный с первым выпуском историко-этнографического атласа «Средняя Азия и Казахстан», вносит вклад в изучение многовекового трудового опыта среднеазиатских народов.

В трех книгах рассматривается такой важный элемент традиционной культуры, как религиозные верования. В статьях сборника «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии» (отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов, 24 п. л.) представлен новый, преимущественно полевой материал по широкому кругу вопросов, связанных с исследованием синкретичности ислама. Изданная совместно с Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР книга Н. А. Алексеева «Традиционные религиозные верования якутов» (13 п. л.) представляет собой попытку систематизировать, обобщить и объяснить накопленный наукой материал по религии якутов. В книге В. П. Дьяконовой «Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник» (16 п. л.) анализируются различные традиционные способы захоронения тувинцев, которые позволяют внести некоторые коррективы в сложившиеся представления об этнической истории тувинского народа.

Изучение традиционной культуры, хранящей следы прежних этнических и культурных связей с другими народами, неразрывно соединено с разработкой другого важного направления — с исследованиями в области этногенеза и этнической истории народов нашей страны. Так, в работе Р. Г. Ляпуновой «Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.)» (13 п. л.) особое внимание обращено на факты, свидетельствующие о древних контактах алеутов с эскимосами и другими народами северной окраины тихоокеанского региона. Вопросы этногенеза ороков, нивхов, энцев, нганасан, хантов, манси, кетов и эвенков рассматриваются на основе этнографических материалов, данных антропологии, археологии и фольклора в сборнике «Этногенез и этническая история народов Севера» (отв. ред. И. С. Гурвич, 19 п. л.). Происхождение и этническая история одного из малых сибирских народов освещается и в книге Ч. М. Таксами «Основные проблемы истории и этнографии нивхов» (22 п. л.), в которой автор анализирует традиционные формы культуры нивхов. В книге С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева «Проблемы этнической истории Берингоморья» (28 п. л.) на ма-

териалах Эквенского могильника предпринята попытка выяснить генезис эскимосской культуры в связи с вопросами расселения эскимосов и их этническими контактами. М. В. Великанова в работе «Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья» (25 п. л.) прослеживает процесс развития физического типа населения региона от энеолита до современности; ею отмечены многократные изменения в антропологическом составе населения области.

Исследованию традиционных культур, проблемам этногенеза и этнической истории народов нашей страны посвящен и ряд трудов, завершенных в отчетном году в авторской части. Наиболее значительные из них — региональные историко-этнографические атласы, создаваемые совместно с республиканскими научно-исследовательскими учреждениями под руководством комиссии Института этнографии АН СССР по атласам.

В 1975 г. закончены многолетние исследования, связанные с созданием атласа народов Прибалтики. Работа по его подготовке велась Институтом этнографии совместно с научными учреждениями Латвийской, Литовской и Эстонской академий наук при участии специалистов республиканских музеев и университетов, под руководством объединенной редколлегии, возглавляемой Л. Н. Терентьевой¹. В минувшем году завершена авторская работа по всем трем запланированным темам атласа — «Земледельческая техника» (куратор И. А. Лейнасаре), «Поселения и постройки» (куратор Н. В. Шлыгина) и «Одежда» (куратор М. К. Слава). Подготовлен и первый выпуск атласа «Средняя Азия и Казахстан» — «Хозяйство» (отв. ред. Т. А. Жданко). По атласу «Кавказ» закончена авторская работа над разделом «Одежда», охватывающим регион Дагестанской АССР (автор Г. А. Сергеева).

Завершены также следующие работы: Т. А. Жданко «Очерки этнической истории Приаралья»; А. А. Зубов, Н. И. Халдеева «Этническая одонтология народов СССР»; Р. Л. Садоков «Музыкальная культура Средней Азии в древности и средневековье»; В. К. Соколова «Восточнославянские весенне-летние обряды»; сборник «Кочевники на границах Хорезма» (отв. ред. М. А. Итина).

В минувшем году продолжалось и изучение традиционных культур зарубежных народов. Этой проблеме посвящено несколько публикаций. Выдающимся событием в научной жизни стал выход в свет монографии Ю. В. Кнорозова «Иероглифические рукописи майя» (22 п. л.). Работа представляет собой перевод трех уцелевших жреческих требников XII—XV вв. и комментарии к ним. Изучение этих уникальных рукописей ведется учеными различных стран более 100 лет. Ю. В. Кнорозов первым сумел перевести манускрипты, основываясь на разработанных им принципах дешифровки иероглифического письма майя. Прочтенные советским ученым рукописи являются первоклассным этнографическим источником, так как касаются почти всех сторон жизни древних майя. Итогом продолжающегося исследования древнеиндийской письменности группой советских специалистов, возглавляемой Ю. В. Кнорозовым, явился увидевший свет очередной сборник «Proto Indica, 1973» (5 п. л.). Сборник «Африкана X» (отв. ред. Д. А. Ольдерогге, 20 п. л., ТИЭ, т. 103) включает в себя статьи, посвященные разным проблемам африканской этнографии, языкознания и истории народов континента. Большой интерес представляет статья Д. А. Ольдерогге о некоторых чертах систем родства, которые обычно ошибочно истолковывались как признаки матриархата. В книге И. М. Семашко «Бхилы. Историко-этнографическое исследование» (9 п. л.) представлен всесторонний обзор хозяйства, социальной организации и традиционной культуры одного из малых народов Индии. Очередной «Сборник МАЭ» — т. XXXI («Из культурного наследия народов Америки и Африки», отв. ред. Д. А. Ольдерогге и Р. В. Кинжалов, 25 п. л.) продолжает публикацию уникальных коллекций Музея антропологии и этнографии. Важное место в сборнике отведено материалам академика Г. И. Лангсдорфа.

Кроме того, в авторской части завершены монография И. Р. Григулевича «Католическая церковь в испанской Америке в XVI—XVIII вв.» и очередной том свода «Арабские источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары» (составитель В. В. Матвеев).

¹ Подробнее об атласе см.: Л. Н. Терентьева, Из опыта работы по этнографическому картографированию, сб. «Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики», М., 1975.

Проблемам этнической истории посвящена выпущенная в 1975 г. книга Н. Н. Грацианской «Этнографические группы населения Моравии (к истории этнического развития)» (12 п. л.). В книге прослеживается процесс формирования, а также некоторые современные тенденции развития этнографических групп населения Моравии (ЧССР).

Вопросы этногенеза и этнической истории зарубежных народов рассматриваются и в завершенных в авторской части работах: Ю. В. Кнорозов «Этнографические процессы в Америке до европейской колонизации» (серия статей); М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров «Древние китайцы: проблемы этногенеза».

Как и в прошлые годы, в минувшем году одним из важных направлений работы Института было изучение разных проблем древнейшей истории человечества, имеющих важное мировоззренческое значение. Опубликовано несколько книг, посвященных основному социальной истории человечества, архаическим социальным институтам, функционировавшим в классовых обществах. В коллективном труде «Первобытное общество. Основные проблемы развития». (отв. ред. А. И. Першиц, 20 п. л.) освещено современное состояние проблем антропогенеза и социогенеза, возникновения и развития общинно-родового строя, процессов классовообразования. Особое внимание уделено вопросам развития доклассовой периферии античного и феодального мира и судьбам родовой общины в новое и новейшее время. В. Р. Кабо в книге «Тасманийцы и тасманийская проблема» (11 п. л.) поставил перед собой задачу выяснить происхождение и доколониальную историю тасманийцев, а также их место на шкале общественного и культурного развития человечества. Сборник «Социальная организация народов Азии и Африки» (отв. ред. Д. А. Ольдерогге, С. А. Маретина, 20 п. л.) посвящен особенностям социальной структуры народов, стоящих на разных ступенях социально-экономического развития. В сборнике «Социальная история народов Азии» (отв. ред. А. М. Решетов, Ч. М. Таксами, 19 п. л.) исследуются преимущественно различные формы общины этих народов начиная с ранних этапов становления классового общества и кончая серединой XX в. В работе А. М. Хазанова «Социальная история скифов (основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей)» (24 п. л.) выявлены общие исторические закономерности общественного развития, в частности особенности классовообразования у кочевников и характер их государственных образований. В книге А. В. Виноградова и Э. Мамедова «Первобытный Лявлякан (этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов)» (20 п. л.) рассматриваются вопросы периодизации, хронологии и соотношения материалов лявляканских стоянок с другими первобытными памятниками Средней Азии. Новые данные позволили установить также, что современному климату в Средней Азии предшествовала продолжительная эпоха увлажнения (Лявляканский плювиал).

В авторской части завершена монография В. Р. Кабо «Первобытная доземледельческая община».

Большая работа по изучению ранней истории человечества проведена антропологами. В авторской части подготовлены сборники «Население эпохи неолита и энеолита (реконструкция антропологических типов)» (отв. ред. Г. В. Лебединская); «Расы человека и их история» (отв. ред. В. П. Алексеев), а также книга В. В. Бунака «Факторы расообразования у человека по исследованиям современного населения».

Две публикации минувшего года свидетельствуют о дальнейшем развитии нашей фольклористики на основе использования данных и методов смежных дисциплин. Так, общие для фольклористики и этнографии проблемы рассматриваются в исследовании Э. В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (9 п. л.), посвященном основным образам так называемой «низшей мифологии»: духам природы, домашним и другим духам. В книге С. И. Дмитриевой «Географическое распространение былин (по материалам конца XIX — начала XX в.)» (8 п. л.) предпринято картографирование районов бытования былин, их жанровых модификаций и конкретных сюжетов. Прослеживается связь ареала распространения былин с движением населения из Новгорода.

Новым итогом плодотворной совместной работы группы этнической ономастики Института со специалистами других учреждений явился опубликованный Институтом этнографии и Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарева сборник «Ономастика Поволжья-4» (Саранск, 22 п. л., отв. ред. В. А. Никонов), в котором отражены результаты изучения проблем ономастики пестрого в этническом отношении региона.

Завершен в авторской части коллективный труд «Ономастика Востока» (вып. 2, отв. ред. В. А. Никонов).

Одним из результатов работ Лаборатории этнической статистики и картографии Института явился завершенный в 1975 г. в авторской части коллективный труд «Проблемы этнической географии и картографии» (отв. ред. С. И. Брук).

Публикации минувшего года свидетельствуют о продолжавшемся изучении истории этнографии. Так, в 1975 г. вышел из печати подготовленный совместно с академиями наук социалистических стран сборник «Этнография в странах социализма» (отв. ред. Ю. В. Бромлей, 21 п. л.), который имеет большое значение для понимания закономерностей и особенностей развития науки, становления марксистской этнографии в социалистических странах. В разработку проблем истории отечественной этнографической науки вносит свой вклад вышедшая в свет книга Н. И. Гаген-Торн «Лев Яковлевич Штернберг» (12 п. л.), посвященная жизни и творчеству видного полевого этнографа и теоретика, работы которого не утратили своей ценности и сегодня.

Завершена в авторской части монография Ю. П. Аверкиевой «История теоретической мысли в американской этнографии XIX—XX вв.»

Среди опубликованных книг, отражающих принципиальные позиции марксистской науки по важным мировоззренческим проблемам, необходимо назвать выпущенный совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС труд И. А. Кривелева «История религий. Очерки в 2-х томах» (40 п. л.). Исследование посвящено преимущественно так называемым мировым религиям, однако автор рассматривает также проблемы происхождения и классификации более ранних форм религии.

Вышел в свет пятый выпуск ежегодника «Расы и народы» (отв. ред. И. Р. Григулевич, А. М. Решетов, 25 п. л.). Ряд статей в нем посвящен критике политики сионизма, расизма и национального угнетения. Значительный раздел ежегодника характеризует этнические процессы в современном мире. Печатаются очередные выпуски ежегодника.

В минувшем году сотрудники Института опубликовали также свыше 100 статей в журналах «Советская этнография», «Вопросы истории», «Вопросы антропологии» и др.

Большую работу провела редколлегия журнала «Советская этнография». На страницах журнала было отмечено 30-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этой знаменательной годовщине был посвящен ряд статей: передовая «Бессмертный подвиг советского народа» (№ 3), В. К. Соколовой «Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны» (№ 3), Л. И. Лаврова «В осажденном Ленинграде» (№ 4), М. Г. Рабиновича, С. А. Токарева «Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы» (№ 4), Т. В. Станюкович «Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы» (№ 5). Итоги совещания в Хельсинки отражены в передовой статье «Европа: мир, безопасность, дружба народов» (№ 6). Международному году женщины посвящены статьи Ж. Б. Логашовой и Г. П. Васильевой (№ 6).

Важные теоретические вопросы поднимались в статье Ю. В. Бромлея и В. И. Козлова «К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР» (№ 1). Проблемы историко-этнографического районирования рассматривались в статьях Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова (№ 3 и 4), различные аспекты двуязычия в СССР — в статьях С. И. Брука и М. Н. Губогло (№ 4 и 5), связь фольклора с традиционным бытом — в статье Б. Н. Путилова (№ 2).

В № 1 была завершена дискуссия о некоторых основных проблемах первобытности. Продолжалось обсуждение вопросов агроэтнографии. В № 6 начата новая дискуссия — о происхождении искусства.

Значительное место в журнале было отведено освещению современной культуры и быта, а также этнических процессов у народов СССР и зарубежных стран. Публиковались статьи и другие материалы, посвященные критическому анализу различных течений в зарубежной этнографии.

Экспедиционные исследования по-прежнему занимали важное место в деятельности Института. В 1975 г. полевые работы вели четыре постоянных экспедиции Института (Северная, Среднеазиатская, Хорезмская, этносоциологическая) и отряды, сформированные из сотрудников ряда отделов и секторов Института. Всего в поле выезжали 19 отрядов и 9 групп; было совершено 13 индивидуальных поездок.

Экспедиции работали по основным научным проблемам Института. Одним из важнейших направлений экспедиционных исследований был, как и в прошлые годы, сбор полевых материалов для историко-этнографических атласов. Продолжалось изучение современных этнических, социальных и культурно-бытовых процессов, а также сбор данных для исследования антропогенеза, путей формирования рас и отдельных этнических общностей. Большую работу провели археологи Института в Средней Азии. В полевом сезоне минувшего года получены и этнографические киноматериалы (в Чукотском национальном округе, в Каракалпакии и Северной Осетии).

Результаты полевых изысканий Института, как и в прежние годы, нашли свое применение в практике социалистического строительства в нашей стране. Отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири передал в различные государственные органы докладные записки по ряду вопросов современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера и Сибири. Этносоциологи Института подготовили научные разработки по завершенным темам государственного плана «Перспективы социально-экономического и демографического развития деревни» и «Этносоциологическое исследование развития и сближения наций в СССР».

Как и в прошлые годы, в Институте этнографии велась большая работа по подготовке научных кадров через аспирантуру. Общее число аспирантов в 1975 г. превышало 50 человек (большой частью аспиранты были из союзных и автономных республик страны).

* * *

В 1975 г. большую научную и научно-организационную работу провели Ученый совет Института и его секции в Ленинграде. Было проведено 18 заседаний, на которых рассматривались важные проблемы науки. В работе Ученого совета нашел отражение 250-летний юбилей Академии наук СССР.

Оживленные дискуссии вызвали доклады Ю. В. Бромля и А. А. Воронова «Народная медицина как предмет этнографического изучения», И. Р. Григулевича «Идеологическая борьба и публикация работ советских этнографов за рубежом», Д. А. Ольдерогге «Эпигамия. К вопросу об эндогамии и экзогамии», Р. В. Кинжалова «Теотиуакан и майя» и др. Содержательным было обсуждение докладов Н. Н. Чебоксарова и Ю. В. Арутюняна о завершившихся в 1975 г. работах отдела Зарубежной Азии, Австралии и Океании и сектора конкретных социологических исследований по проблемам культуры и быта народов СССР. С отчетами о проделанной в минувшем году работе выступили также заведующий сектором народов Севера и Сибири И. С. Гурвич и начальник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции М. А. Итина. На заседаниях Ученого совета был заслушан ряд докладов и сообщений о зарубежных поездках сотрудников Института, в частности, о работе IV Международного конгресса финноугроведов (Л. Н. Терентьева), о совместных советско-индийских антропологических исследованиях в 1974—1975 гг. (М. Г. Абдушлишвили) и др.

Актуальные проблемы советской этнографической науки, направления и задачи дальнейшей работы обсуждались на первых заседаниях Ученого совета в Москве и его секции в Ленинграде при подведении итогов научно-исследовательской деятельности за минувший год, когда был заслушан доклад Ю. В. Бромля об основных результатах работы Института и важнейшей проблематике нового пятилетнего плана.

Как и в предыдущие годы, Ученый совет и его ленинградская секция провели большую работу по обсуждению и утверждению к печати трудов сотрудников Института. На заседаниях Ученого совета в 1975 г. были поставлены на защиту 2 докторские и 14 кандидатских диссертаций.

* * *

В 1975 г. сотрудники Института этнографии приняли участие более чем в 30 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, подготовив свыше 150 докладов по различным проблемам этнографии, антропологии, социологии, фольклористики, ономастики и других смежных дисциплин.

Наиболее представительной встречей этнографов нашей страны была организованная Институтом этнографии АН СССР и Кабардино-Балкарским НИИ при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР Всесоюзная конференция, посвященная этнографическому изучению современности (Нальчик, май). Конференция продемонстрировала

несомненные достижения советских этнографов в области этнографического изучения современности и яснее определила стоящие перед наукой задачи. На конференции были заслушаны 92 доклада; почти треть докладов была представлена сотрудниками Института этнографии АН СССР. Подводя итоги конференции, Ю. В. Бромлей подчеркнул необходимость комплексного изучения современности с широким использованием методов и данных смежных дисциплин².

Важным научным событием явилась и Всесоюзная конференция «Этнические аспекты изучения народной медицины» (Ленинград, январь), организованная Институтом этнографии и Ленинградским химико-фармацевтическим институтом³.

Ряд специалистов Института этнографии участвовал в организованной на базе Института востоковедения АН СССР Шестой всесоюзной конференции океанистов и австраловедов (Москва, январь), на которой был обсужден широкий круг проблем, связанных с историей, этнографией и современной экономико-политической ситуацией стран региона⁴.

Институт этнографии был одним из организаторов конференции «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (Ленинград, февраль)⁵. На IV съезде Географического общества СССР (Тбилиси, декабрь) Институт этнографии был представлен докладами Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова, а также В. В. Покшишевского в соавторстве с В. М. Джаошвили и О. А. Константиновым.

На всесоюзном симпозиуме «Демографические проблемы семьи» (Ереван, октябрь) выступила с докладом А. Е. Тер-Саркисянц, в работе симпозиума принимали участие Л. Н. Терентьева и Я. С. Смирнова⁶. Институт этнографии принял участие и во всесоюзной конференции «Национальный аспект в решении женского вопроса» (Ташкент, декабрь), на которой Ж. Б. Логашова прочитала доклад «Исследования этнографов о положении женщин».

На всесоюзной конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, ноябрь) Институт этнографии был представлен докладами Л. М. Левиной и А. М. Хазанова. На конференции «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири» (Томск, март) сделал доклад В. И. Васильев. На VII Тюркологической конференции (Ленинград, май) Институт этнографии был представлен докладом Б. Х. Кармышевой. Совместно с Институтом Дальнего Востока АН СССР Институт этнографии провел симпозиум «Этническая история китайцев в средневековье» (Москва, май). С докладами выступили сотрудники Института Н. Н. Чебоксаров и М. В. Крюков. На всесоюзной конференции «Проблемы атеизма и религии у городского населения» (Москва, июль) с докладом выступила Г. В. Жирнова. На всесоюзном симпозиуме «Кибернетические аспекты адаптации системы человек — среда» (Москва, май) сделал доклад А. А. Воронов.

Кроме того, специалисты Института этнографии участвовали во всесоюзной научно-практической конференции «Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы улучшения сельского быта» (Ташкент, май), во всесоюзной конференции «Достижения советских археологов» (Киев, апрель), в Первой всесоюзной конференции по медицинской генетике (Москва, ноябрь), во всесоюзном симпозиуме «Изменение положения женщины в эпоху развитого социализма» (Каунас, сентябрь), в совещании историков Северного Кавказа (Нальчик, июнь), в совещании историков Средней Азии и Казахстана (Андижан, апрель), в конференции, посвященной Международному году женщины (Москва, апрель), в Ломоносовских чтениях в МГУ (Москва, апрель), в конференции «Памяти П. Г. Богатырева» (Ленинград, октябрь), в научно-производственном совещании по проблемам развития Туруханского района Красноярского края (Москва, март), в засе-

² Подробнее см.: Н. С. Полищук, Всесоюзная конференция, посвященная этнографическому изучению современности. «Сов. этнография», 1975, № 5.

³ См. А. П. Пестряков, Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины, «Сов. этнография», 1975, № 6.

⁴ См. Д. Д. Тумаркин, Шестая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов, «Сов. этнография», 1975, № 3.

⁵ См. «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Тезисы докладов на третьей конференции «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы» (10—12 февраля 1975 г.), Л., 1975.

⁶ См. Я. С. Смирнова, А. Е. Тер-Саркисянц, Всесоюзный симпозиум «Демографические проблемы семьи», «Сов. этнография», 1976, № 2.

дании Научного совета по происхождению молдаван (Кишинев, май) и других встречах этнографов с представителями смежных наук.

В 1975 г. сотрудники Института этнографии участвовали в различных международных встречах ученых — шести международных конгрессах, пяти конференциях, двух симпозиумах, шести рабочих заседаниях и совещаниях, трех семинарах.

Наиболее значительной международной встречей ученых, в которой приняли участие сотрудники Института, был IV Международный конгресс финноугроведов (Будапешт, сентябрь), где присутствовали около 700 делегатов из 25 стран. Институт этнографии (ответственный — Л. Н. Терентьева) провел большую подготовительную и организационную работу, включавшую разработку программы, рецензирование и редактирование тезисов и докладов по историческим наукам. В составе советской делегации конгресса (160 ученых) было 12 сотрудников Института. Доклады и выступления сотрудников Института, основанные на оригинальных полевых материалах, посвященные актуальным проблемам финноугроведения, вызвали большой интерес участников конгресса и убедительно показали необходимость дальнейшего развития комплексных исследований для решения общих проблем финноугроведения⁷.

В состоявшемся в Канаде XIII Международном конгрессе Тихоокеанской научной ассоциации (Ванкувер, август) по проблеме «Будущее тихоокеанских обществ» выступил с докладом Ю. В. Бромлей, который обсудил также вопросы сотрудничества с канадскими учеными и ознакомился с деятельностью ряда канадских этнографических центров и музеев.

В работе XIV Международного конгресса исторических наук, проходившего в США (Сан-Франциско, август), участвовал В. И. Козлов; на XII Международном конгрессе ономастических наук в Швейцарии (Берн, август) выступила Р. Ш. Джарылгасинова; на III Международном конгрессе славянской археологии в ЧССР (Братислава, сентябрь) — М. Г. Рабинович.

В состоявшейся под эгидой ЮНЕСКО (в рамках Проекта изучения славянских культур) международной конференции «Славянские культуры и Балканы» (София, сентябрь) участвовал Б. Н. Путилов; на организованном ЮНЕСКО в Индии (Дели, март) IV Международном семинаре «Национальное строительство в Азии: региональные перспективы» Советскую комиссию по делам ЮНЕСКО представлял В. Н. Басилов.

А. С. Мыльников принимал участие в состоявшейся в Австрии (Эйсейнштадт, сентябрь) VII конференции Общества по исследованию культурных связей стран Центральной и Восточной Европы по теме «Книжное и издательское дело в XVIII—XIX вв. как средство связи между странами Центральной и Восточной Европы».

На международной конференции «Экономические и социальные исследования в этнографии» (Лейпциг, октябрь) выступили А. И. Першиц, Б. В. Андрианов, Ж. Б. Логашова. В международном симпозиуме «Кочевники в прошлом и настоящем» (Лейпциг, ноябрь) приняли участие Т. А. Жданко и Б. Х. Кармышева. На Международной конференции по исследованию народностей, созывавшейся в ВНР (Бекешчаба, октябрь) с докладами выступили В. Н. Басилов и Н. Н. Грацианская. На IV Международном симпозиуме по балканскому фольклору, посвященном сравнительному изучению этнографии и фольклора балканских народов (СФРЮ, Охрид, июль), с докладами выступили В. К. Соколова, М. С. Кашуба и С. И. Дмитриева.

На конференции «Этнография Праги» (Прага, ноябрь) выступили с докладами М. Н. Шмелева и Н. С. Полищук. На организованном Институтом этнографии Словацкой Академии наук (Братислава, октябрь) втором философско-методологическом семинаре «Единичное, особенное и общее в процессе изменения народных традиций в условиях строительства социализма» основными докладчиками выступили И. С. Кон и Г. П. Васильева. В проводившейся учеными ГДР дискуссии по проблеме «Историческое значение этнических факторов» на теоретическом семинаре, организованном АН ГДР и Обществом историков ГДР в Дрездене (ноябрь), принял участие Д. Д. Тумаркин.

Институт был представлен также на двух юбилейных торжествах этнографов социалистических стран. О. А. Ганцкая присутствовала на заседании Польского этнографического общества по случаю 80-летия его образования (Вроцлав, сентябрь), во время которого состоялась научная сессия по вопросам польской этнографии. С. А. То-

⁷ Подробнее см.: И. М. Золотарева, З. П. Соколова, Л. Н. Терентьева, Исторические науки на IV Международном конгрессе финноугроведов, «Сов. этнография», 1976, № 3.

карев был приглашен на X конгресс Этнологического общества Югославии (Загреб, октябрь), посвященный 80-летию известного югославского этнографа М. Гавацци.

Укреплению международных связей Института этнографии АН СССР способствовало участие сотрудников Института в международных конференциях, проводившихся в СССР. Одной из таких международных встреч явилась конференция «Корреляция древних культур Сибири и сопредельных территорий» (Новосибирск, октябрь), на которой с докладами выступили В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, И. И. Гохман, Г. И. Дзенискевич, В. Р. Кабо, А. Б. Спесивовский, Ч. М. Таксами. В конференции советских и польских историков по проблеме «Политические взаимоотношения стран Восточной Европы и Причерноморья с конца XV до начала XVIII в.» (Сухуми, октябрь) участвовал В. А. Александров.

Сотрудничество с учеными социалистических и капиталистических стран продолжалось осуществляться в текущем году путем подготовки совместных исследований, участия в совместных экспедициях, деятельности в международных научных организациях, обмена учеными, участия в этнографических выставках. Для обсуждения хода работы над международным коллективным трудом — трехтомником «Этнография славян» Ю. В. Бромлей, возглавляющий международную редколлегия, и К. В. Чистов, ответственный редактор первого тома («Введение. Восточные славяне»), выезжали в Польшу (Варшава, март), где участвовали в заседании международной редколлегии и в работе конференции «Этнография славянских народов», на которой выступили с докладом «Освещение общих методологических и исторических проблем в 1-м томе трехтомника „Этнография славян“». В целях обсуждения вопросов подготовки международного коллективного труда «Этнологический атлас Европы и сопредельных стран» С. И. Брук ездил в Югославию (Загреб, октябрь) на очередное заседание Постоянной международной комиссии по атласам. В связи с участием Института в международном исследовании «Будущее сельских коллективов в индустриально развитых обществах» Ю. В. Арутюнян принимал участие в совещании европейских ученых в Югославии (Пула, сентябрь). Для обмена опытом музейной работы в Лейпциг был приглашен Этнографическим музеем заведующий сектором музейной работы Ленинградской части Института этнографии АН СССР Л. М. Демин (октябрь).

Сотрудники Института имели возможность в минувшем году проводить за рубежом и полевые исследования. В феврале 1975 г. был завершен очередной сезон советско-индийских антрополого-этносоциологических исследований в Индии, в которых принимали участие В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, И. М. Семашко. В результате трехмесячных работ по всем разделам программы было обследовано 10 эндогамных групп в центральных и западных провинциях Индии; полученные материалы обрабатываются совместно с индийскими учеными. А. В. Виноградов, начальник разведочного отряда Советско-афганской экспедиции Института археологии АН СССР, произвел в Афганистане (сентябрь — декабрь) разведки стоянок каменного века в песках на левом берегу Амударьи. Ю. В. Иванова, выезжавшая в двухнедельную командировку в Югославию (июль) по приглашению Института фольклора в Скопле, провела полевые этнографические наблюдения среди македонского, албанского и смешанного по национальному составу населения в ряде городов и сел Западной Македонии. В декабре 1975 г. была командирована в Италию Н. А. Красновская для работы по теме «Социально-экономические проблемы и национальные процессы на юге Италии».

Находясь за рубежом, сотрудники Института выступали с лекциями. С. А. Токарев, посетивший Югославию по приглашению Белградского и Люблянского университетов, прочитал цикл лекций по разным проблемам этнографии. В Ираке, в Багдадском университете, выступил с лекциями С. И. Брук, в Венгрии, в различных научных центрах — Н. Н. Чебоксаров, в ГДР — Д. Д. Тумаркин, приглашенный Этнографическим музеем Лейпцига. На этнологическом отделении Хельсинкского университета прочитали лекции по американистике Ю. П. Петрова-Аверкиева и Р. Г. Ляпунова. Активным было сотрудничество Института с международными научными организациями, обществами, редколлегиями журналов, членами которых состоят Институт и отдельные ученые. Ю. В. Арутюнян участвовал в разработке многолетнего международного проекта «Будущее сельских коллективов в индустриально развитых обществах» (по линии ЮНЕСКО). В подготовке издающегося ЮНЕСКО фундаментального труда «Всеобщая история Африки» участвовали Д. А. Ольдерогге и В. В. Матвеев. Велась подготовка

к предстоящему X Международному конгрессу антропологических и этнологических наук, который состоится в 1978 г. в Дели. Продолжался подбор материалов для международного реферативного журнала «Demos». В целях дальнейшего развития сотрудничества в крупнейшем международном журнале «Current Anthropology» Институт приглашал в Москву нового ответственного редактора журнала проф. С. Бельшоу.

Институт продолжает поддерживать связи с Международным комитетом по информации и документации в области общественных наук (ICSSD) при ЮНЕСКО, участвуя в подготовке издания «International Bibliography of Social Sciences. Anthropology», публикуемого в Бельгии лондонским издательством «Tavistock Publications Limited». Сведения о советской литературе были представлены уже в первом выпуске издания (1958 г.). С 1971 г. библиографию советской литературы по этнографии, фольклору и народному искусству (около 1000 названий научных работ за каждый год) составляет заведующая отделением БАН СССР при Ленинградской части Института этнографии Н. И. Дерябина (отв. ред. Ю. В. Маретин). В 1975 г. вышел 19-й выпуск издания, содержащий данные о публикациях 1973 г.

Музей антропологии и этнографии АН СССР принимал в 1975 г. участие в ряде зарубежных выставок. Экспонаты из МАЭ были отправлены в США на выставку «Сибирь научная» и на выставку, посвященную Джеймсу Куку.

Прием в Институте зарубежных ученых, как и в прежние годы, способствовал общему обмену информацией, опытом работы. В 1975 г. гостями Института были 115 ученых из различных стран всех континентов. Многие из приезжавших ученых выступили в Институте с лекциями и докладами по своей специальности, с обзорами ведущих в их странах исследований.

* * *

Как и в прошлые годы, Институт продолжал уделять большое внимание популяризации научных знаний. Пропаганда этнографических и антропологических знаний велась в форме публикаций этнографических и антропологических работ, рассчитанных на массового читателя, чтения лекций, выступлений по радио и телевидению и т. д. Так, в течение 1975 г. популярные статьи сотрудников Института появились на страницах журналов «Природа», «Наука и религия», «Вокруг света» и др.

В 1975 г. вышло в свет несколько научно-популярных книг и брошюр сотрудников Института: Н. А. Бутинов «Путь к Берегу Маклая», В. А. Вельгус «Цзацзуань. Изречения китайских писателей (IX — XIX вв.)» (изд. 2-е); Л. М. Демин «Сингапур многоликий»; В. И. Козлов «Национальности СССР (этнодемографический обзор)»; И. А. Крывелев «Религиозное утешение и его социальная роль»; П. И. Пучков «Современная география религий»; Ю. Б. Симченко «Зимний маршрут по Гыдану»; Ч. М. Таксами «Ленивая навага»; А. М. Хазанов «Золото скифов».

По телевидению выступали С. И. Вайнштейн, Н. Р. Гусева, М. В. Крюков; по радио — М. Я. Жорницкая, М. А. Итина и другие сотрудники.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний провел Музей антропологии и этнографии, который в 1975 г. посетило около полумиллиона человек. Кроме того, Институт принял участие в организации свыше 10 различных выставок в нашей стране (в частности, в юбилейной выставке «250 лет АН СССР» на ВДНХ, в выставке «Декоративно-прикладное искусство стран Востока» в Петродворце и т. д.), предоставив для экспонирования материалы, отображающие как традиционную культуру народов мира, так и работу советских этнографов.

Общественность страны высоко оценивает деятельность этнографов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1975 г. ряд сотрудников Института был награжден орденами и медалями в связи с 250-летним юбилеем Академии наук СССР. Книга Ю. В. Бромлей «Этнос и этнография» была удостоена Президиумом АН СССР премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. За эту книгу Ю. В. Бромлей был также награжден серебряной медалью ВДНХ, а В. А. Никонов за книгу «Имя и общество» и Н. Н. Чебоксаров за большой вклад в создание монографии «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии» получили бронзовые медали ВДНХ.

В. Н. Басилов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО КУШИТОЛОГИИ

С 8 по 12 сентября 1975 г. в Париже проводился Международный коллоквиум по кушитским языкам и народам, которые говорят на них. Коллоквиум был организован Национальным центром научных исследований Франции. Всю подготовительную работу осуществлял Центр по исследованиям проблем Восточной Африки, директор которого — известный ученый-африканист Жозеф Тюбиана.

Целью коллоквиума был обмен информацией о работах в области кушитологии, т. е. истории, этнографии, социологии, лингвистики и литературы народов, говорящих на кушитских языках. Следует подчеркнуть, что доклады и выступления касались главным образом кушитских народов Эфиопии, Судана, Сомалийской Республики и Французской территории афаров и исса. Были только отдельные упоминания о галла и сомали Кении.

Самое активное участие в работе коллоквиума приняли африканские ученые: от Эфиопии — Хайле-Бубамо-Арфиччо, Хайле-Фидаа, Сэйфу-Мэтафериа (в настоящее время он преподает в Хартумском университете), от Судана — Дерар Салех Дерар, Хассан Мохаммед Салих (последний сейчас работает в Англии), от Французской территории афаров и исса — Абдалла Мохаммед Камиль и Исмаил Гуади Харед.

В работе коллоквиума также участвовали: от Англии — И. Люис, П. Бакстер, Б. Анджеевски, Р. Хайуорд, А. Йорк, Х. Читтик (сейчас работает в Кении), от Израиля — К. Рабин, от Италии — Л. Риччи, А. Триульци, С. Тэдэски; от США — Г. Грагг и В. Леслау; от ФРГ — Э. Хаберланд; от Франции — Л. Галлан и П. Галлан, М. Гаскон, Д. Козн, М. Лиге, Ж. Ле Галь, М. Перре, Ж. Тюбиана, М.-Ж. Тюбиана, М. Ферри (работает во Французской территории афаров и исса).

От социалистических государств в коллоквиуме приняли участие: от ПНР — А. Заборски, от Советского Союза — М. Райт.

В прениях неоднократно выступал обучающийся в Англии сомалец Абдисалам Яссин Мохаммед; слушателями коллоквиума также были эфиопские и сомалийские студенты, которые учатся в Париже. Интерес к коллоквиуму проявляли работающие в эфиопских представительствах во Франции граждане Эфиопии.

Работа коллоквиума была организована следующим образом: за исключением дня открытия (8 сентября), каждый последующий день был целиком посвящен определенной области кушитологии. Так, 9 сентября велась дискуссия по проблемам истории, 10 сентября обсуждались этнографические и социологические аспекты, 11 сентября велась дискуссия по проблемам лингвистики, 12 сентября обсуждались вопросы изучения литературы, а вечером была принята общая резолюция и создана Постоянная комиссия.

Ход дискуссий на коллоквиуме показал своевременность постановки обсуждаемых проблем, большую заинтересованность представителей интеллигенции кушитских народов в изучении их языков и литератур, в воссоздании их подлинной истории.

Поскольку четыре основных доклада были заранее разосланы участникам коллоквиума, они не оглашались на заседаниях, что значительно облегчило работу и дало возможность не только их всесторонне обсудить, но и дополнить смежными сюжетами.

Большая дискуссия развернулась по докладу Э. Хаберланда «Заметки по истории народов Южной Эфиопии». В докладе рассматривались проблемы образования государств в Южной Эфиопии народами, говорящими преимущественно на кушитских языках, воздействие эфиопской христианской цивилизации на этот процесс, роль ислама в Южной Эфиопии, миграции галла в XVI в. в Центральную и Западную Эфиопию, влияние этих миграций на дальнейшую судьбу различных народов Южной и Центральной Эфиопии. В прениях выступили А. Триульци, Л. Риччи, Дерар Салех Дерар, М. Перре, П. Бакстер, М. Райт, Хассан Мохаммед Салих и Абдисалам Яссин Мохаммед. Суданские ученые посвятили свои выступления истории народа беджа, населяющего как Эфиопию, так и Судан. А. Триульци, М. Перре и М. Райт в своих сообщениях старались показать, что не только семитоязычные народы Северной и Центральной Эфиопии оказали влияние на культуру и историю народов, говорящих на кушитских языках, но и последние оказывали и оказывают значительное воздействие на народы амхара, тиграи, гураге и др. В отличие от французского ученого М. Перре, акцентирующего внимание

слушателей в первую очередь на ассимиляционных процессах в Эфиопии и в меньшей степени — на интеграционных, М. Райт старалась проанализировать вклад различных кушитских народов в формирование эфиопской нации.

Второй доклад был подготовлен Й. Люнсом. Он назывался «Народы, говорящие на кушитских языках,—загадочная картинка для социальных антропологов». Доклад носил преимущественно обзорный характер. В нем рассматривались исследования в области этнографии и социологии народов агау, афар, сомали, галла, сидамо, консо, каффа. Выступившие в прениях К. Рабин, П. Бакстер, М. Райт, Дерар Салех Дерар А. Триульци, Л. Риччи, А. Заборски главным образом дополнили доклад работами тех авторов, которые не были упомянуты Люнсом. Так, А. Заборски, Дерар Салех Дерар и Хассан Мохаммед остановились довольно подробно на малоизвестных исследованиях, посвященных беджа; А. Триульци привел данные, касающиеся изучения галла; М. Райт рассказала о работах советских ученых в области этнографии и социологии сомалийцев и в первую очередь о совместной советско-сомалийской экспедиции. Только П. Бакстер свое выступление посвятил описанию бытующего среди женщин галла аруси праздника «атете».

Обзорный доклад, посвященный изучению кушитских языков, на которых говорит около 14 миллионов человек, был сделан польским ученым А. Заборски, затем был зачитан доклад чехословацкого африканиста К. Петрачка «Проблемы кушитской лингвистики» (автор не смог приехать на colloquium). В прениях по этим докладам выступили Ж. Тюбиана, Хайле-Фидаа, Р. Хайуорд, К. Рабин, Хайле-Бубамо-Арфиччо, Л. Риччи, Абдалла Мохаммед Камиль, Б. Анджеевски. Ряд выступлений был посвящен оригинальным исследованиям в области кушитской лингвистики: Р. Хайуорд подготовил сообщение на тему «Причастия в языке афар — данные для воссоздания глагольных суффиксов», Хайле-Бубамо-Арфиччо посвятил свое интересное выступление проблеме отражения языка хадья в топонимике; Хайле-Фидаа выдвинул для обсуждения вопрос о транскрипции языка оромо (галла); К. Рабин посвятил свое выступление проблеме кушитско-семитской этимологии, Абдалла Мохаммед Камиль рассказал о результатах полученных им при изучении языка афар. Среди участников colloquium был распределен также доклад Х.-Ю. Сассе на тему «Распространение макро-сомали», однако его не обсуждали, так как сам докладчик не смог приехать на colloquium.

На последнем заседании обсуждался доклад Б. Анджеевского «Кушитские литературы (1940—1975). Обзор». Автор с исключительной скрупупольностью собрал все, что было опубликовано по фольклору и литературе народов, говорящих на языках афар, баскетто, хадья, каффа, ироб, камбатта, консо, мале, оромо, сала, сидамо, сомали. В прениях выступили А. Триульци, А. Заборски и Дерар Салех Дерар. Последний посвятил свое выступление творчеству Махмуда эль Фаладж, поэта народа беджа. А. Заборски привел дополнительные материалы по изучению фольклора беджа; А. Триульци в свою очередь дополнил данные по изучению фольклора галла-мечча.

10 сентября состоялось рабочее заседание историков-кушитологов, на котором обсуждался вопрос о дальнейших путях изучения истории народов, говорящих на кушитских языках.

На заключительном заседании 12 сентября участники colloquium приняли резолюцию с выражением благодарности Национальному центру научных исследований Франции и всем организаторам colloquium за ту большую работу, которую они сделали по его подготовке и успешному проведению. В принятой резолюции участники colloquium подчеркнули растущую роль народов, говорящих на кушитских языках, в жизни современной Восточной Африки; указывалось также на увеличение исследований в области истории, этнографии, социологии, лингвистики и литературы этих народов. Было решено создать Постоянную комиссию с целью координации усилий ученых различных стран по изучению народов, говорящих на этих языках, по организации записей их устного народного творчества, по подбору исторических источников для создания в будущем фunderированной истории кушитских народов. В задачу комиссии будет входить публикация информационных бюллетеней о результатах проводимых исследований в области кушитологии.

М. В. Райт

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ НА XIV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

С 22 по 29 августа 1975 г. в Сан-Франциско (США) работал XIV Международный конгресс исторических наук. На конгрессе обсуждался широкий круг проблем истории человеческого общества от древности до современности. В секции «История в хронологические периоды», в разделе «Средние века» специально рассматривалась тема «Кочевые общества». Но при обсуждении этой темы затрагивались некоторые вопросы, касающиеся не только средневековья, но и более поздних периодов. В работе

секции участвовали ученые многих государств, в том числе представители развивающихся стран.

В обширном докладе Ц. Джиуреску (СРР) «Кочевые общества в евроазиатском пространстве и их роль в образовании средневековых государств» была сделана попытка осветить историю кочевых племен и народностей, у которых в прошлом ведущей формой хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство — от скифов и сарматов до монголов, включая гуннов, алан, аваров, печенегов, команов. Особое внимание было уделено вторжению кочевников Азии на европейский континент и оценке влияния вторжения на политическую историю континента.

В докладе Ш. Нацагдорж (МНР) «Основные черты феодализма у кочевых народов на примере монгольского общества» несомненный интерес представляет обобщающая характеристика современного уровня знаний об общественно-экономической сути феодальных отношений и роли земли и скота как средства производства у кочевников. Справедливо положение докладчика, что общественные отношения в кочевых обществах развивались, хотя и медленно; традиционные социальные институты постепенно наполнялись классовым содержанием, а политические структуры эволюционировали от племенной организации к феодальному государству. Ш. Нацагдоржем предложена периодизация истории феодализма в монгольском обществе.

В докладе подчеркнуто, что «нашествия Чингисхана и его преемников принесли огромные бедствия и страдания народам Азии и Европы, задержали их развитие на целые столетия», но ошибочно полагать, что «отношение кочевников к своим оседлым соседям было всегда агрессивным, а отношение последних к кочевникам — миролюбивым». Это положение докладчик попытался раскрыть на примере экспансионистской политики китайских императоров.

В докладе Ф. Шпулера (ФРГ) «Монгольский нomaдизм в оседлом обществе. Золотая Орда» показаны важные моменты в политической истории Золотой Орды, верно отмечены подтвержденные советской исторической литературой факты «растворения» завоевателей в тюркской среде, освоение ими языка, приспособление к социально-экономическим и бытовым условиям этой среды, значимость принятия монголами ислама, торговых связей Золотой Орды с сопредельными государствами.

А. Ханеда (Япония) в своем докладе «Кочевники и города» подверг критике тезис о том, что кочевники вообще не обрабатывали землю, совершенно не знали никаких элементов городской жизни и городской культуры, показал взаимосвязь истории городов в кочевой зоне с историей ремесла.

Доклады вызвали оживленную дискуссию. В ней приняли участие Ш. Бира (МНР), Д. Вернер (ГДР), О. Латтимор (Франция), М. Мола (Франция), И. Фуджейда (Япония) и другие. Из советских делегатов выступили А. Р. Корсунский (Москва), Г. Ф. Дахшлейгер (Алма-Ата), А. Ташмухамедов (Ташкент). Обсуждались вопросы о путях развития кочевых обществ как в средневековье, так и в более позднее время, о взаимодействии оседлого и кочевого населения, о причинах миграций кочевых племен и народностей, о месте экстенсивного скотоводческого хозяйства в экономической истории и необходимости оседания в современном мире, о роли феодальных владетелей в образовании государств у кочевников.

А. Р. Корсунский полемизировал с отдельными положениями доклада Ц. Джиуреску, касавшимися социального строя и государственных институтов у гуннов, хазар, печенегов, главным образом с тезисом о возможности существования не рабовладельческого и не феодального кочевого государства. Он указал также на необходимость учитывать историческую обстановку в Европе во время вторжения в нее кочевых народностей.

А. Ташмухамедов рассказал о процессе оседания кочевников и полукочевников в XVIII—XIX вв. на территории современного Узбекистана.

Г. Ф. Дахшлейгер в своем выступлении отметил, что в докладах Б. Шпулера и А. Ханеды не до конца преодолено положение об извечной конфронтации кочевых и оседлых племен и народностей. В советской исторической литературе, отнюдь не идеализирующей общественный строй кочевников и тем более их захватнические, несправедливые войны, доказано, что в истории существовали не только постоянные противоречия или войны кочевых обществ и оседлых цивилизаций, но и мирные контакты кочевников и земледельцев в хозяйственной, социальной и культурной жизни, взаимозависимость земледельческого и скотоводческого хозяйства.

Советские ученые указывали на то, что в докладах Б. Шпулера и А. Ханеды политическая и экономическая история кочевых обществ неправомерно рассмотрена вне системы их общественно-экономического строя. Именно соотношение истории кочевых народностей с определенной системой общественных отношений (в средневековье у большинства народностей, очевидно, системой феодальной) является ключом к объяснению всей совокупности фактов как внутренней жизни и быта кочевников, так и их войн. И только с таких позиций можно найти ответ на вопрос — отличались ли качественно феодальные распри и усобицы, в частности, в Золотой Орде и средневековой Европе.

На секции отмечалось, что картина взаимоотношений Золотой Орды и русских княжеств в докладе Б. Шпулера явно неполна. Он не осветил сложности и противоречивости исторической обстановки не только на восточных, но и на западных рубежах русских земель, не показал значимости борьбы народных масс против ига завоевателей.

Вызвали возражения также положения доклада Б. Шпулера о том, что, тюркоязычное население территории Казахстана и Средней Азии было прямым союзником Чингисхана и его преемников. Монгольские феодальные владетели действительно пытались насильно использовать в своих интересах народности, населявшие степи и оазисы Казахстана и Средней Азии. Ряд представителей тюркоязычной феодальной верхушки перешли на сторону завоевателей. Но разве можно умалчивать об обороне Отра-ра, Ургенча, Мерва, Нисы и других городов казахстанско-среднеазиатского региона? Разве не характерны сообщаемые Джувейни и Рашид ад-Дином факты восстания 10 тысяч канглы против завоевателей?

Советские ученые отмечали, что в целом понятие «кочевничество» как хозяйственно-культурный тип — категория историческая. При всей устойчивости форм кочевого скотоводческого хозяйства и быта эти формы явно не однозначны во времени и пространстве (разные системы расселения, циклы кочевания, разная степень связи с оседлостью, существенные отличия в этнополитической и религиозной истории, в обычаях и обрядах). А главное — различия в уровне общественно-экономического развития. Никогда нельзя сбрасывать со счета и то, что большая часть народностей и племен, обычно именуемых кочевыми обществами, по сути вела полукочевой-полуседлый образ жизни.

Историю кочевых обществ невозможно объективно представить в изоляции от истории оседлых народов, вне системы господствующих общественных отношений, их динамики, т. е. вне социально-экономических формаций.

Кочевничество как хозяйственно-культурный тип во многих районах земного шара сыграло известную прогрессивную роль и оставило заметный след в истории и культуре; оно прошло этапы становления, расцвета и упадка. Со временем кочевое скотоводческое хозяйство, образ жизни и соответствовавшие им феодальные, патриархально-феодальные или патриархальные отношения и социально-бытовые институты постепенно все более изживали себя. Так возникла проблема реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства, перехода кочевников и полукочевников к оседлости. В СССР эта проблема уже решена, в ряде стран Азии и Африки она решается, однако многие миллионы людей еще ведут экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство и, по вполне понятным причинам, повседневно ощущают тяжкие издержки отсталости. Доказательство тому — трагедия, переживаемая в последние годы племенами и народностями, населяющими Сахель, — территорию Африки, простирающуюся от Сенегала, Мавритании и Мали через Нигер, Чад и Верхнюю Вольту к Судану, Эфиопии и Сомали.

Советские ученые отмечали, что исследователи истории кочевых обществ не могут стоять в стороне от жизни, от проблемы оседания. Конечно, модель оседания кочевников и полукочевников в СССР не универсальна. Тем не менее, поскольку необходимость оседания кочевников и полукочевников приобрела глобальный характер, нельзя не учитывать общезначимые черты советского опыта оседания — комплексность подхода к разрешению проблемы, правильный учет роли природно-экономических факторов, выбор наиболее приемлемых форм хозяйствования для оседающих, уважение к национально-особенным, традиционным социально-бытовым институтам, государственно-организованная помощь, обязательность взаимодействия экономических мер (строительство жилья, развитие ирригации и т. д.) с коренными социальными преобразованиями и культурным прогрессом. Разумность и оправданность таких черт советского опыта оседания подтверждена уже почти сорокалетней после перехода к оседлости историей расцвета материальной и духовной культуры бывших кочевых и полукочевых народов СССР.

Дискуссия на секции прошла на высоком научном уровне в доброжелательной, творческой обстановке. Она показала актуальность и важность создания в перспективе обобщающей фундаментальной монографии «Кочевники. История и современность» при участии ученых разных стран.

Г. Ф. Дахшлейгер

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ ПРАГИ»

11—12 ноября 1975 г. в Праге состоялась организованная Институтом этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук (ЧСАН) конференция, посвященная этнографии Праги.

Конференция была весьма представительной. Наряду с большим числом чехословацких ученых из Праги, из филиала Института этнографии и фольклористики ЧСАН в Брно, Института этнографии Словацкой Академии наук, вузов и различных музеев Чехословакии, в ней участвовали также ученые НРБ, ГДР, ПНР и СССР.

Конференцию открыл директор Института этнографии и фольклористики ЧСАН А. Робек. Он отметил большое научное и политическое значение этнографического изучения пражских рабочих. Такое изучение, подчеркнул А. Робек, значительно расширяет и углубляет исторические исследования, посвященные рабочему классу.

На конференции рассматривались три основных блока вопросов: этнографическое изучение пражских рабочих в эпоху капитализма (1848—1938 гг.) — «блок А», этнография города и его окрестностей — «блок В», рабочий и городской фольклор — «блок АВ».

Первое заседание было посвящено этнографическому изучению пражских рабочих. Основная проблематика его рассматривалась в докладе М. Моравцевой (ЧССР). Этнографическая проблематика пражской периферии (на примере г. Жижкова) раскрылась в докладе Ф. Ванчика (ЧССР). О. Скальников (ЧССР) познакомила участников конференции со спецификой общественного быта рабочих Праги, уделив особое внимание соседским отношениям. Два доклада — И. Свободовой (ЧССР) и Я. Гавранека (ЧССР) — были посвящены рабочей семье. К. Новотный (ЧССР) рассказал об объединении союзов пражских набойщиков в середине прошлого столетия и о сохранении и развитии цеховых традиций в общественной жизни рабочих-красильщиков в период капитализма.

На второе заседание были вынесены доклады по этнографическому изучению города. Открылось оно докладом М. Н. Шмелевой (СССР) «Опыт этнографического изучения городского населения среднерусской полосы в прошлом и настоящем». Б. Навка (ГДР) рассказал о проблемах, возникающих при интеграции жителей (лужичан), переселившихся из деревни в городские промышленные центры округа бурого угля, и опыте их изучения. Э. Петрашек (ПНР) остановился на проблеме соотношения национальной и народной культуры. В докладе Г. Георгиева (НРБ) освещалась социальная топография современного болгарского города; в докладе Г. Ю. Раха (ГДР) — культурно-исторические аспекты взаимоотношения города и деревни при капитализме. К. Фойтик (ЧССР) рассмотрел функцию традиции в формировании предместий Брно.

На третьем заседании были заслушаны доклады по фольклору и духовной культуре рабочих. Первой выступила Д. Климова (ЧССР) с докладом «Понятие традиции в рабочей городской культуре с фольклористической точки зрения». А. Сатка (ЧССР) охарактеризовал изменения, происходящие в фольклоре промышленной области. Доклад Б. Бенеша (ЧССР) был посвящен проблеме взаимосвязей городского и сельского фольклора. Д. Адамцева (ЧССР) проанализировала репертуар пригородных кино-театров 1920—1930 гг. и его влияние на вкусы и культурный уровень пражских рабочих. На этом же заседании был заслушан доклад Н. С. Полищук (СССР) «Место и роль фольклора в духовной культуре русских рабочих в дооктябрьский период (к постановке вопроса и методике исследования)».

На заключительном, четвертом, заседании обсуждались вопросы материальной культуры рабочих. Наибольший интерес вызвали доклады чехословацких ученых И. Варжека — «Специфические черты жилища пражских рабочих (1848—1938)» и М. Моравцевой — «Одежда пражских рабочих с точки зрения общественных и обычных норм 1890—1939 гг.»

Уже один перечень основных докладов (а всего их было около 30) свидетельствует о том, что тематика конференции была весьма широкой и охватывала едва ли не все вопросы, возникающие при изучении быта, материальной и духовной культуры рабочих. Разумеется, подавляющее большинство их рассматривалось на примере рабочих Праги, что было обусловлено самой программой и основной направленностью конференции.

В дискуссии, развернувшейся на конференции, выступили около 20 человек. К сожалению, выступавшие касались в основном частных вопросов. Возможно причиной этого была перенасыщенность ряда докладов фактическим материалом, что, естественно, способствовало привлечению внимания к деталям, к отдельным конкретным вопросам.

В ходе конференции выяснилось, что ученые социалистических стран хорошо осведомлены о работах по этнографическому изучению рабочих и городского населения, ведущихся в СССР. На конференции поднимался вопрос о необходимости дальнейшего расширения и углубления контактов между этнографами социалистических стран с целью выработки общей проблематики и методики исследований. По мнению многих, это дало бы возможность в будущем приступить к созданию обобщающих работ на основе накопленного в разных странах сопоставимого материала.

К конференции была приурочена выставка, раскрывающая разработанную в Институте этнографии и фольклористики ЧСАН методику выявления, сбора и хранения этнографических материалов. Обращает на себя внимание продуманное распределение обязанностей, при котором каждый член коллектива отвечает за конкретный участок работы (сбор иллюстративного материала, выявление архивных данных, составление библиографии и выявление источников и т. п.). Выставка вызвала большой интерес у всех участников конференции.

Общезвестно, что тематические конференции всегда способствуют обмену опытом, укреплению имевшихся и установлению новых контактов между учеными различных стран, разрабатывающими одну проблематику. Конференция, состоявшаяся в Праге, в этом плане была весьма полезной для всех ее участников.

Хотелось бы поблагодарить Институт этнографии и фольклористики ЧСАН за предоставленную возможность принять участие в конференции «Этнография Праги». Чехословацкие коллеги были очень гостеприимны. Они не только создали нам условия для успешной работы, но и сделали все возможное, чтобы мы, несмотря на кратковременность пребывания в Праге, сумели познакомиться с мемориальным комплексом Линдце, одним из старейших рабочих центров ЧССР — Кладно и достопримечательностью страны — Карловыми Варами.

Н. С. Полищук, М. Н. Шмелева

ЗАСЕДАНИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

Научный совет по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР осуществляет координацию исследований, ведущихся академическими учреждениями. В нем объединены и специалисты, работающие в вузах. На заседаниях совета в 1975 г., как и в предыдущие годы, обсуждались теоретические вопросы развития наций и национальных отношений в СССР и за рубежом, проблемы национальной государственности, языковых взаимодействий, особенности национальной психологии и др.

На заседании Научного совета, состоявшемся в октябре 1975 г., его председатель академик Е. М. Жуков говорил о новом направлении в работе совета в предстоящем пятилетии. Оно состоит в том, чтобы на заседаниях Научного совета с участием руководителей и экспертов из государственных учреждений страны, осуществляющих в своей повседневной работе национальную политику, обсуждать вопросы, связанные с выработкой научно-практических рекомендаций.

Одной из основных задач Научного совета должно быть, в частности, глубокое раскрытие главных тенденций и основных закономерностей развития национальных отношений в СССР, закономерностей становления, формирования и функционирования новой исторической общности — советского народа, складывания интернационального единства всех советских народов и формирования общесоветского сознания, развития национальных и интернациональных традиций.

В декабре 1975 г. очередное заседание Научного совета под председательством Э. А. Баграмова (член редколлегии журнала «Коммунист») проходило с участием представителей Управления переписи населения ЦСУ СССР. Оно было посвящено обсуждению вопросов, связанных с предстоящей переписью населения, которая, согласно Постановлению Совета Министров СССР, будет проводиться в январе 1979 г. С докладом «Национальность и родной язык в переписях населения СССР» выступил С. И. Брук (Ин-т этнографии АН СССР). Он рассказал о трактовке этих двух вопросов во всех проведенных ранее переписях. Как отметил докладчик, изучение того, как человек определяет свою национальность и родной язык, имеет большое научное, практическое и политическое значение. Поэтому на формулировку вопросов в переписи, фиксирующих их, следует обратить особое внимание.

Доклад начальника Управления переписи населения ЦСУ СССР А. А. Исупова был посвящен вопросам о национальности и языке в проекте программы предстоящей переписи. Он отметил, в частности, что перепись 1979 г. — мероприятие большого политического, народнохозяйственного и научного значения. Проект программы уже обсуждался на совещаниях при участии специалистов по национальным и социальным проблемам. А. А. Исупов познакомил членов Научного совета с макетом проекта, в основу которого положена программа переписи 1970 г.

В ходе заседания будут получены подробные данные по численности, размещению, социальному и классовому составу населения СССР в целом, а также по союзным и автономным республикам. Анализ этих материалов позволит решить много важных проблем. В докладе было отмечено, что формулировки вопросов, связанных с учетом национального и языкового состава населения, еще не окончательно уточнены. В проекте эти вопросы представлены следующим образом: «Национальность. Для иностранцев указать также гражданство», «Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым владеет».

Вопросы об определении национальности и о владении вторым и родным языками вызвали оживленную дискуссию. С интересными предложениями выступили Э. А. Баграмов, М. Н. Губогло (Ин-т всеобщей истории АН СССР), Ю. Д. Дешериев (Ин-т языкознания АН СССР), М. С. Джунусов (Ин-т социологических исследований АН СССР), М. И. Исаев (Ин-т языкознания АН СССР), С. Т. Калтачян (МГУ), В. И. Козлов (Ин-т этнографии АН СССР), М. И. Куличенко (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Согласно проекту инструкции, при заполнении переписного листа родной язык предполагается записывать по самоопределению опрашиваемого. Если опрашиваемый затруднится назвать какой-либо язык родным, то следует записать название языка, ко-

торым он лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей определяется родителями. В ходе обсуждения был рассмотрен вопрос и о выработке критерия для понятия «родной язык» с учетом методик, применяющихся в мировой практике (М. С. Джунусов). Как сообщил А. А. Исупов, во время предварительного обсуждения проекта некоторые исследователи предлагали заменить вопрос о родном языке на вопрос о разговорном языке. Однако, по мнению А. А. Исупова, это полностью не отразит существующую языковую ситуацию. Отмечая постоянный рост числа лиц с родным языком, не соответствующим своей национальности, прежде всего с русским как языком межнационального общения, С. Т. Калтахчян предложил ввести в перепись два самостоятельных вопроса — о родном и разговорном языке.

Оживленно дискутировался также вопрос о владении вторым языком народов СССР. В проекте предлагается учесть всех, кто может объясняться на втором языке, а не только тех, кто свободно им владеет. Кроме того, в переписи должен быть показан уровень владения вторым языком. М. И. Куличенко предложил оставить вопрос о языке в прежнем виде, чтобы иметь реальную и сопоставимую с прошлым картину.

Дальнейшее обсуждение и разработка четких, всесторонне продуманных и обоснованных формулировок вопросов в переписном бланке будет способствовать решению многих теоретических и практических проблем в области национальных и социальных отношений, в области демографии и лингвистики.

На заседании Научного совета, проходившем в феврале 1976 г. под председательством академика Е. М. Жукова, обсуждались проблемы изучения русского языка в национальных школах. И. В. Баранников (Научно-исследовательский ин-т преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР) подчеркнул в докладе огромное значение русского языка как языка межнационального общения. Анализируя состояние обучения в национальных школах, он отметил, что русский язык в СССР изучается добровольно и преподается наряду с родным языком во всех общеобразовательных школах. В стране издаются учебники русского языка, специально разработанные для национальных школ.

Однако в этом важном деле все еще имеются определенные трудности: недостаток квалифицированных преподавательских кадров, несовершенство учебных пособий. И. В. Баранников рассказал о том, что в Институте в настоящее время ведутся поиски оптимальных способов обучения второму (русскому) языку. В числе разрабатываемых мер и рекомендаций, важных для улучшения учебного процесса, были названы следующие: составление единого типового учебного плана для различных республик; организация подготовительных классов для детей, начиная не только с семилетнего, но и с шестилетнего возраста; улучшение качественной подготовки преподавателей русского языка, увеличение срока их обучения в педагогических институтах до пяти лет.

В обсуждении доклада И. В. Баранникова приняли участие В. А. Аврорин (Ленинградское отд. Ин-та языкознания АН СССР), С. И. Брук, Ю. Д. Дешерев, М. С. Джунусов, Л. М. Дробизева (Ин-т этнографии АН СССР), Е. М. Жуков, Г. И. Литвинова (Ин-т государства и права АН СССР), К. Х. Ханазаров (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В. К. Малькова

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Кафедра русского народного творчества МГУ летом 1975 г. начала полевую работу на р. Мезени и ее притоках.

С 3 по 30 июля в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области работали три отряда фольклорной экспедиции. Цель экспедиции — собирание произведений фольклора разных жанров и наблюдение над современным состоянием фольклорной традиции.

Отряд под руководством В. Н. Кочетова (12 чел.) собирал материалы на р. Пезе (правый приток Мезени) и частично на р. Мезени по маршруту Мосеево — Бычье — Дорогорское. Было обследо-

вано 10 деревень Мосеевского, Быченского, Жердского и Дорогорского сельских советов. По нашим данным, обследование р. Пезы фольклорной экспедицией осуществлено впервые.

Записан 2251 текст, в том числе 17 былин (6 неполных текстов и 11 пересказов сюжетов), 12 исторических песен, 19 баллад, 4 пересказа духовных стихов, 21 сказка, 7 преданий и легенд, 71 быличка и поверье, 20 причитаний (13 свадебных, 1 рекрутское, 6 похоронных), 25 заговоров и народных способов лечения, 44 свадебных и величальных песни, 252 лирических протяжных, 120 игровых, плясовых, хоровод-

ных, 65 песен литературного происхождения, 1003 частушки, 195 загадок, 60 пословиц и поговорок, 95 гаданий и примет, 11 прибауток, 176 произведений детского фольклора (из них 40 «баек»), а также описания свадебного обряда, рассказы о прошлом, песенный репертуар.

Отряд под руководством А. В. Кулагинной (10 человек) работал в низовьях Мезени по маршруту: г. Мезень — пос. Каменка — Жердь — Лампожня — Заозерье — Заакакурье — Кимжа. Записано 2199 текстов, в том числе 6 былин (4 стихотворных текста, 1 пересказ, 1 стихотворный отрывок), 7 исторических песен, 8 баллад, 7 сказок, 5 преданий и легенд, 21 быличка и поверье, 30 рассказов о прошлом, 61 свадебное причитание, 38 заговоров и народных способов лечения, 59 свадебных и величальных песен, 124 лирических протяжных, 140 игровых, плясовых, хороводных, 183 песни литературного происхождения и «жестокых» романса, 1114 частушек, 72 загадки, 56 пословиц и поговорок, 83 гадания и приметы, 19 прибауток, 92 произведения детского фольклора (из них 29 «баек»), кроме того, описания свадебных и похоронных обрядов, репертуары хоровых коллективов и др.

Отряд под руководством Н. И. Савушкиной (12 человек) работал в среднем течении Мезени по маршруту: Погорелец — Козьмогородское — Кильца — Печище — Целегора — Мелогора — Юрома — Тиглява. Записано 4338 текстов, в том числе 27 былин (12 неполных текстов и отрывков, 15 пересказов сюжетов), 13 исторических песен, 37 баллад, 14 духовных стихов, 82 сказки, 109 преданий и легенд, 262 былички, 224 свадебных и похоронных причитания, 164 заговора и народных способов лечения, 121 свадебная и величальная песня, 372 протяжных лирических, 192 игровых, плясовых, хороводных, 70 песен литературного происхождения, 1459 частушек, 304 загадки, 181 пословица и поговорка, 215 гаданий и примет, 79 прибауток, 233 произведения детского фольклора (среди них 96 «баек»), кроме того, устные рассказы, описания праздников, обрядов и обычаев, песенный репертуар.

Значительный объем собранного материала (8788 текстов) и наблюдения над бытованием фольклора позволяют сделать некоторые выводы о состоянии фольклорной

традиции на нижней и средней Мезени и Пезе.

Былины в этих местах фактически забыты. Нам удалось зафиксировать 21 сюжет, однако преимущественно в пересказах, небольших стихотворных отрывках. Относительно полных текстов только восемь: «Иван Окулович», «Михайло Козарин», «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (записаны в двух вариантах от одних и тех же исполнителей), «Добрыня и змей», «Хотен Блудович». В пересказах наиболее часто встречаются сюжеты «Женитьба Алеши на жене Добрыни» (7 вариантов), «Исцеление Ильи Муромца» (7 вариантов).

Среди сказок преобладают волшебные и о животных, рассказываемые детям. Наиболее распространены сюжеты «Марьюшка-Косиковнушка» (8 вариантов) и «Строй и Строиха» (3 варианта).

Значительная часть исторических и топонимических преданий связана с местными объектами и героями (о строительстве Юромской церкви, богатыре Пашко, разбойнике Зажоге, ссыльных). Исторические песни и баллады представлены немногими поздними сюжетами («Про Платова казака», «Смерть Александра I», «Как во славном было во городе во Астрахани», «Как за реченькою было за Невагою», «В непоказанное время царя требуют в Сенат», «Муж жену губил», «Братья-разбойники и сестра», «Муж-солдат в гостях у жены», «Дети вдовы»).

Свадебные и похоронные причитания известны многим пожилым женщинам, что связано с устойчивостью самих обрядов (свадебного вплоть до 1920-х годов, похоронного и в настоящее время).

На сохранность традиционных песен (особенно протяжных лирических, свадебных, плясовых) в мезенских деревнях большое влияние оказывают хоровые коллективы (г. Мезень, пос. Каменка, деревни Кимжа, Жердь, Лампожня, Заозерье, Заакакурье, Быче и др.), постоянно включающие их в свой репертуар.

Фольклорное обследование бассейна р. Мезени будет продолжено в 1976 году. После обработки собранный материал будет храниться в архиве кафедры фольклора МГУ.

**В. Н. Кочетов, А. В. Кулагина,
Н. И. Савушкина**

С 3 по 27 июля 1975 г. в Мало-Пургинском и Киясовском районах Удмуртской АССР работала этнографическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея.

В состав экспедиции входили научные сотрудники, художник, студенты Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР. Руководила экспедицией С. Х. Лебедева — заведующая досоветским отделом музея.

Цель экспедиции — сбор памятников материальной культуры и данных о народных умельцах, запись обрядов и традиций, заполнение углубленных анкет-вопросников по населенным пунктам, разработанных в период подготовки экспедиции, фотографирование и зарисовка построек, различных бытовых предметов, традиционной одежды удмуртов.

Экспедиция обследовала 15 населенных пунктов: деревни Нижние и Средние Юри, Новая Монья, Кечево, Аксакшур, Баграш Бигра, Малая Пурга Мало-Пургинского района; деревни Старая Салья, Верхняя Малая Салья, Ермолаево, Мушак, Карамас Пельга, Лутоха, Колошур, Киясово Киясовского района.

Материалы собирались по следующим темам: история заселения, крестьянские промыслы, одежда, жилище, хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия. Сделано более 20 черно-белых зарисовок (интерьеры жилых домов, детали внутреннего и внешнего убранства жилищ, резьба на воротах), а также выполнены чертежи (планы жилищ); произведена фотосъемка; приобретены 154 экспоната — предметы традиционной одежды южных удмуртов (мужские и женские рубашки, фартуки, головные платки, головные полотенца, верхняя женская и мужская одежда, обувь), образцы ткачества, вышивки,

вязания и различные бытовые предметы конца XIX — начала XX в.

Традиционная одежда в настоящее время сохраняется еще у населения пожилого и среднего возраста, шьют ее как из домашней пестряди, так и из фабричных тканей — ситца, сатины, атласа.

В советский период национальная одежда подверглась изменениям: широкая туникообразная женская рубашка с оборкой заменена рубашкой-платьем полугородского покроя, также с оборкой.

Среди собранных экспонатов имеются изделия народных мастериц — ковры. Особенно интересен ковер, вытканый в 1972 г. ковровщицей из дер. Карамас Пельга Киясовского района З. А. Мазитовой. Он выполнен в традиционной манере: на черном фоне узор «сечками» (наиболее старинный узор) выборного ткачества. Узор составлен из разноцветных шерстяных нитей (желтых, зеленых, красных, оранжевых, синих, голубых, алых, фиолетовых).

В дер. Баграш Бигра, являющейся в настоящее время центром ковроткачества, члены экспедиции встретились с народными мастерицами Д. И. Курбатовой, А. Е. Евдокимовой, М. Н. Антипиной — неоднократными участницами районных и республиканских выставок народного творчества. Эта встреча дала нам возможность зафиксировать процессы коврового, браного и выборного ткачества.

Программа работ экспедиции выполнена. Привезенные экспонаты и полевые исследования дают возможность проследить сложные процессы взаимосвязей южной группы удмуртов и татарского населения и подтверждают, что традиционные черты в материальной и духовной культуре южных удмуртов сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Собранный материал обработан и сдан в фонды Удмуртского республиканского краеведческого музея.

С. Х. Лебедева

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Социальная история народов Азии. Отв. редакторы А. М. Решетов и Ч. М. Таксам. М. 1975, 275 стр.

Рецензируемый сборник подготовлен и издан в честь 70-летия известного советского этнографа, доктора исторических наук С. М. Абрамзона, внесшего значительный вклад в изучение этногенеза, этнической истории, социальной организации народов Средней Азии, а также в решение общетеоретических проблем этнографии, связанных с родо-племенной структурой, браком и семьей и т. д.

Сборник посвящен традиционным социальным институтам, существовавшим у народов Азии и Кавказа в прошлом — в скифское время (по данным археологии), в XVII—XVIII вв. (по архивным материалам), в XIX — первой половине XX в. (по данным этнографии). Статьи в сборнике расположены по региональному принципу: две статьи по Кавказу, три по Средней Азии, пять по Сибири, семь по Зарубежной Азии и одна статья (археологическая) охватывает Казахстан, Сибирь и Центральную Азию. Авторы рассматривают общину у абхазов, киргизов, кумандинцев; возникновение первого общественного разделения труда у народов Северо-Восточной Сибири; собственность на землю, пастбища и кочевья у тувинцев; издолжные отношения у узбеков; социальную организацию у корейцев, тибетцев, вьетнамцев, народов Бихара (Индия); вступают в дискуссию по вопросу о рабовладении на Кавказе, о кастах в Индии; анализируют концепцию «рыхлой структуры» тайландского общества; дают характеристику кавказских «вольных обществ», мужских объединений в Ферганской долине, ремесленных цехов в Турции.

Сборник открывается статьей Л. И. Лаврова о «вольных обществах» и рабовладении на Кавказе. О «вольных обществах» автор говорит сравнительно мало (стр. 6—8). По его мнению, сначала эти общества находились под властью феодалов, и лишь потом освободились и стали «вольными», учредив у себя демократические порядки. На вопросе же о том, проходили ли народы Кавказа рабовладельческую формацию, автор останавливается более подробно и высказывает свою точку зрения весьма решительно, резко противопоставляя ее всем остальным. «До сих пор,— утверждает он,— этот вопрос решался не столько на основе фактов, сколько на основе схемы и далеких аналогий» (стр. 8).

Автор полагает, что рабовладельческой формации на Кавказе не было, хотя там существовал все же рабовладельческий уклад (стр. 14). В своем общем выводе автор, вероятно, прав, но мы думаем, что вряд ли стоило упрекать инакомыслящих в том, что они «закрывают глаза» на факты и руководствуются лишь «косвенными соображениями».

Р. К. Чанба пишет об общине и земельных отношениях в Абхазии в XIX в. Из его статьи читатель почерпнет весьма ценные сведения о наличии в начале XIX в. социальной дифференциации внутри абхазской общины (стр. 19), о системе управления общинной жизнью, об институте трудовой взаимопомощи (*керас*), о переходе общинного управления в руки привилегированных сословий (в середине XIX в.), о дальнейшем имущественном и социальном расслоении в общине, о появлении частной собственности на землю. Некоторые детали нуждаются в уточнениях. Неясно, например, по какому принципу строился *керас*: по родственному (как говорится на стр. 23) или по территориальному (как говорится на стр. 22). Сомнительно, чтобы «все члены одного рода, какого бы поколения они ни были, считались братьями и сестрами» (стр. 20).

Большой интерес представляют материалы, приведенные И. Нураковым в статье об аильной общине у киргизов конца XIX — начала XX в., и Ф. А. Сатлаевым в статье об аильной общине у кумандинцев во второй половине XIX — первой четверти XX в. Как и в абхазской, в этих общинах наблюдалась социальная дифференциация. Правда, Ф. А. Сатлаев полагает, что имущественное неравенство в кумандинской общине появилось недавно, после прихода в предгорный Алтай русских (стр. 107), но это положение им в статье не доказано. Не исключено, что неравенство, может быть не

столь резко выраженное, существовало и раньше. Что касается киргизской айльной общины, то в ней, как пишет И. Нураков, «уже давно существовало глубокое социальное расслоение» (стр. 65).

Второй важный признак этих общин — большое значение родственных уз, вплоть до наличия родовых групп. В этой связи встает вопрос о том, насколько правильно называть эти общины сельскими. Видимо, прав И. Нураков, когда он пишет, что айльная община киргизов, которая уже не была родовой, «не была в то же время территориальной в прямом смысле этого слова» (стр. 72). Все дело в том, что путь развития от родовой общины к общине сельской содержит нередко промежуточную ступень — общину, состоящую из нескольких больших семей, с социально неоднородным составом, в которой связи по родству еще сильны, но они обслуживают иные, чем в родовой общине, отношения, а именно — отношения социального неравенства. Рассматриваемые в статье общины (абхазскую, киргизскую, кумандинскую) точнее было бы представляется нам, отнести к этой стадии.

Р. Р. Рахимов в статье «Мужские объединения у узбеков и таджиков Ферганской долины», в основу которой положены полевые материалы автора, собранные им в 1972 г., рассказывает о гостевых домах (гап или гаплаш, гапхури) объединявших от 10 до 30 мужчин. Он справедливо указывает, что пока старики сохраняют память об этом социальном институте, этнографы должны его изучить. В статье дается описание гостевого дома, коллективных трапез, устраиваемых в нем. Автор считает, что эти мужские объединения генетически восходят к мужским союзам первобытного общества (стр. 34).

А. Д. Грач и Г. Н. Грачева в своих статьях пытаются по материалам погребений (первый — скифского времени, вторая — современных или недавних захоронений) делать выводы о характере хозяйственной деятельности и формах социальной организации, в частности о таких институтах, как экзогамия и род, семья, возрастные группы, положение женщины в обществе, социальная и имущественная дифференциация. Материалы и выводы авторов заслуживают внимания. Прав, видимо, А. Д. Грач, что реконструкция форм общества и семьи, по данным археологии, «находится еще в самом начале пути». Но прав он и в том, что это перспективное дело (стр. 179).

Малоубедительной представляется статья Р. Я. Рассудовой «Издольные отношения в некоторых районах Средней Азии (конец XIX — начало XX в.)». Опираясь главным образом на собственные полевые материалы, собиравшиеся с 1952 г. в Ферганской долине, Самаркандской области, в верховьях р. Кашкадарьи и в Ташкентском оазисе, автор пытается проследить, как изменялось значение терминов, обозначавших различные группы крестьян-узбеков. Так, например, термин «каранда», по ее мнению, сначала обозначал зажиточных крестьян, имевших свою землю (стр. 52, 53); позднее этим термином стали называть издольщиков (стр. 54); еще позднее термин «каранда» вообще вышел из употребления, будучи вытесненным термином «чайрикор» (стр. 55). На наш взгляд, автор допустил ошибку в методе исследования, положив в основу данные полевой этнографии (стр. 51). Ведь значение терминов в разные хронологические периоды можно установить главным образом по архивным материалам (кстати, на последние в статье не дается прямых ссылок).

И. С. Вдовин показывает, как возникло первое общественное разделение труда у народов северо-востока Сибири. В этом районе, как известно, не было ни земледелия, ни пастушеского скотоводства. Автор справедливо отмечает, что наряду с отделением скотоводства от земледелия возможны и другие варианты первого общественного разделения труда. На северо-востоке Сибири последнее сложилось «на основе пришедших в соприкосновение двух охотничьих культур — сухопутной (коряков и чукчей) и культуры, созданной эскимосами — охотниками на морских млекопитающих» (стр. 148). Важно подчеркнуть мысль о том, что это разделение труда возникло не само по себе, не под влиянием одних только природных условий, а «посредством установления обмена между ранее независимыми сферами производства, носителями которых генетически и этнически были разные племена, пришедшие в соприкосновение. До установления постоянных контактов между континентальными охотниками и морскими зверобоями все они пережили долгую историю изолированного развития» (стр. 150). Следует отметить, что положения, приведенные выше, вытекают из множества фактов, которыми насыщена эта статья.

Автор прослеживает развитие связей чукчей и коряков с эскимосами и вызванные этим изменения в образе жизни, хозяйстве этих народов, специализацию одной части населения в области оленеводства, другой — в области морского зверобойного промысла и рыболовства. Как показано в статье, появление русских ускорило эти процессы и завершило оформление первого общественного разделения труда (стр. 154).

Л. П. Потапов рассказывает о феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев (XVIII — начало XX в.), причем выдвигает тезис о том, что земля у тувинцев была основным средством производства и находилась в частной собственности, в руках феодальной верхушки. По мнению автора, это и являлось основой феодального способа производства (стр. 124).

Ч. М. Таксами и В. А. Туголуков поставили перед собой задачу разобраться в терминах, применявшихся русской администрацией и служилыми людьми для обозначения различных групп населения Сибири в период с XVIII до начала XX в. Авторам интересуют значение таких терминов, как уезд, волость, юрт, род, улус, земля (земли-

ца), наслег и т. д. и то, в какой мере каждый из них соответствовал традиционным делениям, в частности племенным и родовым. В статье отмечается, например, что «тунгусская волость не совпадает ни с родом, ни с племенем» (стр. 78).

Авторы поднимают большой архивный материал, вводят в научный обиход новые ценные данные. Не вполне ясно, однако, в каком значении сами авторы употребляют термины племя и род.

Каждая из семи статей, посвященных социальной организации народов Зарубежной Азии, по-своему примечательна и интересна. Примером может служить статья вьетнамского ученого Нгуен Куок Лока «К вопросу о социальной организации у эдэ (Южный Вьетнам)». Аустронезийский народ эдэ интересен тем, что сохраняет вплоть до настоящего времени материнско-родовые порядки. Община, занимающая деревню, состоит из нескольких групп семей, происходящих по женской линии от общего предка (автор называет эти группы семей матронимиями). Надо полагать, что не все члены семей входят в состав матронимии (по всей вероятности, она экзогамна). Члены матронимии часто располагаются в одном длинном доме, иногда — в нескольких домах. Сведений о хозяйственных и социальных функциях матронимий автор, к сожалению, не приводит. «Несколько матронимий, живущих в одном селении, составляют общину соседского типа, называемую буон» (стр. 220). Ранее он называет эту общину сельской. Буон имеет общее управление, общие религиозные церемонии, члены общины называют себя анак буон санг (дети одной общины). Возглавляет общину попинеа — эта должность передается по женской линии, от матери к старшей дочери, но фактически управляет не сама попинеа, а ее муж (стр. 221). Статья Нгуен Куок Лока — заявка на большое и интересное исследование.

А. М. Решетов и А. Г. Яковлев привлекают внимание читателя к социально-экономическим отношениям у тибетцев в первой половине XX в. Характеризуя эти отношения как феодально-теократические у земледельцев и феодально-патриархальные у скотоводов, авторы, наряду с русскими и западноевропейскими, широко используют китайские источники, особенно журнал «Миньцзу яньцзу» («Исследование национальностей»). В статье говорится о классах и сословиях Центрального Тибета, о монашестве, о социальных институтах тибетцев-скотоводов (где классы и сословия не были ярко выражены). В заключение авторы касаются проблем, связанных с существованием у тибетцев многоженства и многомужества. По мнению авторов, эти формы брака возникли у тибетцев поздно, в период формирования классового общества, и их не следует трактовать как пережитки группового брака.

Тибетское общество слабо изучено, поэтому попытка авторов обобщить фрагментарные сведения о нем заслуживает одобрения. Однако тезис о том, что «социальная организация у кочевников по форме резко отличалась от таковой у земледельцев» (стр. 209), представляется нам недостаточно ясным. Вряд ли правомерно различия между феодально-теократическим строем и феодально-патриархальными отношениями трактовать как различия по форме. К тому же нам представляется, что общество Тибета в социально-экономическом отношении было единой системой, включая в себя в равной мере и земледельцев, и скотоводов, и поэтому желательно охарактеризовать его в целом, а не только по частям.

В статье Е. В. Ивановой рассматривается концепция рыхлой структуры тайландского общества, выдвинутая американским этнографом Джоном Эмбри четверть века назад. Автор дает весьма четкое представление о концепции рыхлой структуры, показывает ее достоинства и недостатки. Е. В. Иванова отмечает, в частности, что выводы о рыхлой структуре тайландского общества делаются на основании изучения отдельных деревень (репрезентативность которых никем не была доказана), а не общества в целом.

А. Н. Седловская пишет о некоторых чертах социальной организации малых народов («зарегистрированных племен») индийского штата Бихар, населяющих труднодоступные горные и лесные районы и сохраняющих в своем образе жизни черты родо-племенного строя. Автор обстоятельно характеризует земельные отношения в штате, общинную организацию этих народов (их называют также «адиваси», т. е. первопоселенцы), их семейную жизнь. Некоторые выводы автора представляются нам недостаточно обоснованными. Так, она полагает, что «среди этих народов в недалеком прошлом существовал групповой брак» (стр. 247), не указывая, что она понимает под «групповым браком» и как ей удалось определить время его бытования.

Ю. В. Ионов в статье «О социально-экономических отношениях в Корее XIX в.» пытается «проследить, как архаические формы социальных структур — рода и общины — органически вплелись в структуру феодального строя Кореи» (стр. 195). Не вполне понятно, почему сельская община рассматривается автором как архаическая (для феодализма) форма. С другой стороны, трудно представить себе, на наш взгляд, род, органически вплетенный в феодализм, даже в качестве архаического явления. Статья состоит из двух частей, слабо связанных одна с другой: в первой дается краткое описание феодальных институтов, во второй — институтов общинных и тех групп, которые автор называет патронимией и родом.

О. Г. Парфенов рассматривает некоторые аспекты проблемы касты в трудах советских исследователей. Он отмечает, в частности, большую заслугу М. К. Кудрявцева, показавшего, что индийская община была кастовой. Тем самым впервые нарушена давняя традиция, по которой индийскую общину изучали вне и в отрыве от каст, и

открыт новый этап в изучении как общины, так и кастовой системы. О. Г. Парфенов, правда, предполагает, что произошло «сращивание кастовой структуры с общинной» (стр. 256), и тем самым выдвигает тезис о возникновении каст вне общины и о периоде, когда община и касты в прошлом существовали отдельно друг от друга. Можно, однако, предполагать возникновение каст внутри общины, на почве разделения труда в ней. В статье отмечается также ценность работ А. А. Куценкова о городских кастовых группах, оказывающих заметное влияние на жизнь индийского города. Эти группы состоят из лиц, объединенных принадлежностью к одной касте и проживанием в одном районе. О. Г. Парфенов справедливо подчеркивает большой и важный вклад советских ученых в изучение каст в Индии.

В. П. Курылев в статье «К организации ремесленных цехов в Турции», опираясь главным образом на труды местных историков и этнографов, пишет о значительной специализации ремесел (в Стамбуле в XVIII в. кожевенное производство, например, делилось на 35 ремесел), об управлении цехами, процедуре приема в цех, обязанностях мастера и ученика, наказаниях за нарушение устава цеха. Статья содержит немало интересных данных. У нас есть, однако, два замечания. Автор подвергает сомнению тезис В. А. Гордлевского о том, что организация цехов в Турции сложилась под воздействием иранской культуры, и утверждает, что она сложилась под влиянием Византийской империи (стр. 267). Вряд ли, однако, здесь есть почва для противопоставления взглядов, так как В. А. Гордлевский отмечал и воздействие Византии на организацию турецких цехов, а сам автор статьи признает, что влияние Ирана «безусловно было, оно проявляется хотя бы в том, что значительная часть терминологии, связанной с ремесленными организациями Турции, имеет иранское происхождение» (там же). Далее, отмечая упадок и исчезновение цеховых организаций в наши дни, автор выражает сожаление по поводу исчезновения традиций, связанных с ними (стр. 268). Вряд ли эти сожаления обоснованы. Достаточно вспомнить, что ученик обязан был в течение пяти—семи лет «честно и правдиво служить мастеру, членам семьи, родным и детям его» (стр. 261), не получая при этом никакой платы.

Сборник, как уже было отмечено, обращен в прошлое, «от ранних этапов становления классового общества до середины XX вв.» (стр. 3). Это прошлое представляет большой интерес само по себе. Кроме того, прошлое в данном случае — это не всегда то, чего нет в настоящем. Кто хочет понять современную Азию, тот должен хорошо изучить ее прошлое по той простой причине, что оно имеет широкий выход в наши дни. Проблема каст актуальна для современной Индии, в Турции еще существуют ремесленные цехи, в Южном Вьетнаме — матронимии. Сборник в целом не только актуален, но и современен в широком значении этого слова.

К сожалению, в некоторых статьях сборника не чувствуется достаточной осведомленности авторов в современных теоретических разработках по вопросам социальной организации, в частности общины. Поэтому за обилием важного и интересного конкретного материала подчас исчезает перспектива его дальнейшего изучения и осмысления, остается не вполне ясным то значение, которое имеет этот материал для решения в общетеоретическом плане проблем, поставленных в сборнике.

Н. А. Бутинов

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЗАПИСЕЙ ЗОРИАНА ДОЛЕНГИ-ХОДАКОВСКОГО

Zorian Dołęga Chodakowski. Spiewy sławiańskie, pod strzechą wiejską zebrane. (Opracował z rękopisu, wstępem i komentarzem opatrzył Julian Maślanka. Teksty pieśni odkryła Leonila Małasz-Aksamitowa. Przedmowę poprzedził Julian Krzyżanowski). Warszawa, 1973, 306 s.

Українські народні пісні в записах Зоріана Долєнги-Ходаковського. (Упорядкування, текстологічна інтерпретація і коментарі О. І. Дея. Атрибуція автографів і копій та передмова Л. А. Маляш і О. І. Дея). Київ, 1974, 782 стр.

Сегодня даже трудно представить, каким важным событием для всего славянско-го мира было бы издание этих песен во втором десятилетии прошлого века, т. е. тогда, когда они были записаны. Их бы встретили с не меньшим восхищением, чем, скажем, знаменитые сербские народные песни в издании Вука Караджича. В широко известном сборнике Михаила Максимовича «Малороссийские песни», вышедшем в Москве

в 1827 г., насчитывалось около 130 народно-поэтических произведений. Здесь же речь идет о двух с лишним тысячах украинских народных песен, записанных в 1814—1819 годах! А есть еще песни польские, русские, белорусские, собранные тем же Зорианом Доленгой-Ходаковским (настоящие его имя и фамилия — Адам Чарноцкий, 1784—1825) — археологом, этнографом и фольклористом.

По национальности поляк, Зориан Доленга-Ходаковский родился в Белоруссии, долго жил на Украине, много странствовал по России. Жизнь его была очень тяжелой. В его письмах то и дело упоминаются долги, нищета и в то же время чувствуется большая страсть и романтическая одержимость ученого. Ни девятимесячное тюремное заключение в Петербурге за попытки якобы сотрудничать с польским подпольем, ни осуждение за это на пожизненную солдатскую службу, с которой ему удалось бежать, ни преждевременная смерть жены и единственного сына — ничто не сломило воли этого человека, его тяготения к научным разысканиям. Кстати, стоит продолжить поиски дневника «*Bez chęci podroż moja*» («Путешествие против воли»), который З. Доленга-Ходаковский вел по пути на солдатскую каторгу в Сибирь и куда он записывал наблюдения над жизнью и обычаями встречавшихся ему народностей. Не хочется верить, что такой интересный материал утерян навсегда.

Научная деятельность З. Доленги-Ходаковского длилась каких-то 10 лет — между Отечественной войной 1812 г. и восстанием декабристов. За это время в трудных условиях он успел сделать очень много. Его справедливо считают одним из первых исследователей славянских городищ. Он составил историко-географический словарь, который одобрил и собственноручно переписал для себя известный чешский ученый П. Шафарик. Такой авторитетный в те времена ученый, общественный и культурный деятель, как Н. М. Карамзин, после замечаний Ходаковского вынужден был внести более 20 поправок в свою «Историю государства Российского». Труд исследователя славянских древностей, в частности «Слова о полку Игореве», высоко ценил А. С. Пушкин, а в поэме «Езерский» даже назвал себя полушутя «новым Ходаковским». С восторгом была встречена одна из немногих прижизненных публикаций З. Доленги-Ходаковского — статья «*O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem*» («О славянстве перед христианством», 1818). Вот какую оценку дал ей советский ученый М. К. Азадовский: Работы «такого обширного синтетического плана еще не появлялось ни в русской и славянской, ни в западноевропейской науке»¹. З. Доленга-Ходаковский не получил специального образования, и нет ничего странного в том, что его научные методы с современной точки зрения несовершенны, что его работа несколько бессистемна. Наоборот, удивительно, как удалось ему собрать такой богатейший материал по этнографии, археологии и фольклору славян! Особенно по фольклору. Целью научных исследований З. Доленги-Ходаковского было доказать единство и общность славянских народов в древности. Он прекрасно понимал, что родную историю нельзя изучать изолированно, и настаивал на принципе сравнительного изучения. «Если,— писал он,— я перестану быть братом русинов, чехов, венгров, то мне придется оставить свои планы, и польская древность исчезнет»². Такова вкратце характеристика этого труженика.

О Доленге-Ходаковском уже написано немало. Библиография русской, украинской и польской литературы о нем дается в конце статьи Л. И. Ровняковой «Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив»³. Правда, она неполна. Так, сюда не вошли некоторые важные работы, например книга В. Юзенко «Українська народна поетична творчість у польській фольклористичній XIX ст.» (Київ, 1961). Из работ, появившихся в последние годы, следует отметить книгу «*Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne*» (Warszawa, 1965) польского исследователя Юлиана Маслянки и его же издание «*„O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem“ oraz inne pisma i listy*» (Warszawa, 1967), а также работы советских ученых: три статьи Л. А. Малаш-Аксамитовой — «*Pionier folklorystyki słowiańskiej Zorian Dołęga Chodakowski*» («Literatura Ludowa», 1967, № 1—3), «Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие» («Луд», 1967, т. 51), «У пошуках фольклорних збірників Доленги-Ходаковського» («Народна творчість та етнографія», 1970, № 4) и статью А. И. Дея «Автограф «Слов'янських пісень» Доленги-Ходаковського знайдено» («Народна творчість та етнографія», 1973, № 1). К этим работам примыкают, разумеется, два новых издания, о которых пойдет речь в настоящей рецензии.

О Ходаковском давно пишут и спорят, но самое ценное из его наследия — записи народных песен — до сих пор были опубликованы лишь частично. Достаточно сказать, что из 206 песен, составляющих польское издание «*Spiewy słowiańskie, pod strzechą wiejską zebrane*» («Славянские песни, собранные под сельской стрехой»), только три

¹ М. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 283.

² «*Listy Zoriana Chodakowskiego z lat 1817—1821*», «Biblioteka Warszawska», 1866, т. II, zes. 5, s. 163.

³ «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М.—Л., 1963, стр. 90—94.

документальных и поэтических украинские записи Ходаковского можно встретить в нескольких доктябрьских сборниках, а также в публикации песенного собрания Н. В. Гоголя. Намерение издать их полностью высказывали М. Максимович, О. Бодянский, М. Драгоманов, В. Гнатюк, В. Доманицкий и другие. Удалось это осуществить лишь теперь, спустя 150 лет после смерти З. Доленги-Ходаковского.

Обе рецензируемые книги, вышедшие почти одновременно в Варшаве и Киеве, являются серьезным вкладом в славяноведение. Выход обеих стал возможным благодаря настойчивым поискам, проведенным научным сотрудником Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР Л. А. Малаш-Аксамитовой и заведующим отделом Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН Украинской ССР А. И. Деєм. В частности, А. И. Дей разыскал в Тернопольском областном краеведческом музее оригинал сборника «*Śpiewy sławiąskie, pod strzechą wiejską zbierane*» (последнее слово, как видим, в польском издании передается «zebrane», в котором, по его подсчетам, содержится 680 украинских, 184 польских, 131 белорусская, 20 русских и 1 чешская народные песни).

З. Доленга-Ходаковский считал народную песню живой и вечной, проливающей свет на предысторию народа. Сознание этого было движущей силой его деятельности. Особенный интерес проявлял он к старинным песням — календарным и обрядовым. Так, в сборнике «*Śpiewy sławiąskie, pod strzechą wiejską zebrane*» 88 свадебных песен; в книге «*Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського*» их больше трети.

Украинское издание, включающее почти 1900 народно-поэтических произведений (так называемые «срамные» песни сюда не вошли), дает особенно большой материал для понимания жизни, культуры и быта народа. Записи сделаны на обширной территории — в Галиции, на Волыни, в Центральной Украине, в Полесье. «Это, — как правильно отмечается в предисловии к книге, — своеобразная энциклопедия народной поэзии Украины на грани XVIII и XIX столетий. В таком жанровом и тематическом обилии, в таком количестве образцов в то время не было зафиксировано песенное творчество никакого другого славянского народа». В песнях содержится много ценных этнографических сведений. Здесь и старинные названия одежды, орудий труда, и описания обычаев, и отражение народной морали, семейных и общественных отношений.

Известно, как восхищался Ходаковский записанной в Галиции старинной колядой «*O turze, co złote rożki ma*» («О туре с золотыми рожками»), которую в предисловии к польской книге Ю. Кшижановский назвал уникальной. Древний славянский обычай отразился и в украинских колядках с так называемым вождением тура или козы. В польских свадебных песнях упоминаются львы, а также серны или олени с золотыми перстнями на рогах, в украинских — кукушки, лебеди, соколы, страусиные перья; и в тех и в других часто поется о воде, которая «луга унесла» или же «взяла венок из руты», о реке Дунае, название которой, кстати, в украинском издании дается с прописной буквы, а в польском со строчной, как реки вообще. З. Доленга-Ходаковский внимательно изучал подобные детали и сопоставлял их по возможности с письменными памятниками, в том числе и со «Словом о полку Игореве». Неумолимого исследователя можно упрекнуть кое-где за чересчур вольную фантазию в рассуждениях, но в основном — в записях народных песен — он был точен, как никто другой из славянских фольклористов первой половины XIX в. У него не найти даже мелких вторжений в тексты, хотя записи он делал не с пения непосредственно, а со слов, и при переписывании не мог не замечать частых нарушений метрической системы. На добросовестность Ходаковского — собирателя песен как на замечательную черту указывают авторы вступительных статей к польскому и украинскому изданиям его записей народно-поэтического творчества. В обеих отмечается, что язык фольклора ученый рассматривал как источник обогащения национальной культуры.

К сожалению, З. Доленга-Ходаковский не датировал своих записей и не указывал фамилий исполнителей песен. В лучшем случае он отмечал, что песня записана «под Кремендом», «под Киевом», «в Переяславе», в «Мазовше», «в Дорогобуже на Горыне», «в Грушеве Владимирского уезда», «В Ковельском уезде», «в Перемышльской земле», «на Волыни» и т. д.

Составители обеих рецензируемых книг постарались очень большую работу по одолению текстологических трудностей, а также по приведению записей в определенную жанровую систему. Украинские песни Ходаковский записывал польским алфавитом, причем не придерживаясь определенных правил. Особенно потрудился над жанровой классификацией А. И. Дей. В предисловии к украинскому изданию песен дается даже их жанрово-структурная статистическая таблица.

Составителям и украинского и польского изданий; предстояло разобраться не только в песенных записях З. Доленги-Ходаковского, но и во многих их копиях, сделанных фольклористами в разное время.

З. Доленга-Ходаковский тщательно собирал варианты песен. В «Українських народних піснях...» они обозначаются буквами (А, Б, В и т. д.). В одном только случае, кажется, допущена ошибка: варианты одной шуточной песни напечатаны в разных местах как два самостоятельных произведения («Ой посіяв козак гречку» и «Ой на дубу на верхечку»). В книге «*Śpiewy sławiąskie...*» варианты не выделены; их, правда, здесь немного, но они все-таки есть (см. тексты под номерами 113 и 122, 153 и 154).

Примечательны встречающиеся в обоих изданиях польские и украинские варианты одной и той же песни. Взять хотя бы такую параллель:

U sąsiada domek luby,
żonka jego warta chluby;
a ja dotąd nie mam chaty,
anim jeszcze nie żonaty.
U sąsiada kłos dojrzywa,
u sąsiada będą żniwa;
u mnie rola nie żorana,
u mnie jeszcze nie zasiana...

А сусіда жито сіє,
А у сусіда зеленіє,
А у мене ні сіяно,
А на полі не орано.
А у сусіда хатка біла,
А у сусіда жінка мила;
А у мене ні хатинки,
Ані щастя, ані жінки...

Общность здесь очевидна. Более известна, между прочим, украинская народная песня «У сусіда хата біла» — вариант без инверсии строф и по ритмике полностью созвучный с польским. Юлиан Книжановский в своем вступительном слове к польскому изданию называет песню «U sąsiada domek luby» авторской, но автор, к сожалению, не указывается даже в примечаниях.

Обратим внимание на один весьма интересный факт. Когда-то И. Франко дважды писал о так называемой «полковой песне» «Гей, козаче, в ім'я бога», считая, что она возникла в 1831 г. в польском повстанческом полку Кароля Ружицкого⁴. Автор настоящей рецензии также повторил эту мысль⁵. Теперь же, с опубликованием фольклорных записей З. Доленги-Ходаковского, выяснилось, что указанная песня существовала задолго до польского освободительного восстания 1830—1831 гг., а в «Ружицком полку» ее, по-видимому, только приспособили к новым обстоятельствам. К этой, по словам А. И. Дея, «полународной песне» в рукописи дано такое примечание на русском языке: «Можно думать, что песня сия относится ко времени короля Батория. Восклицание „ура!“ или „урага!“ заимствовано с татарского (а не с англ.) языка, на коем оно значит: „бей!“». Существование одного в малорусском языке совершенно оправдывает сие замечание г. Марлинского (см. „Аммалат-Бек“). А. И. Дей полагает, что это примечание сделал сам З. Доленга-Ходаковский, но в действительности оно принадлежит либо О. Бодянскому, с чьей копии взят текст песни, либо кому-то другому. Во-первых, Ходаковский плохо владел русским литературным языком и, скорее всего, дал бы примечание к украинской песне на родном, польском языке; во-вторых, он не мог ссылаться на кавказскую повесть Марлинского «Аммалат-Бек», написанную в 1832 г., т. е. после смерти ученого.

В книге «Українські народні пісні...» начальная строфа песни «Гей, козаче, в ім'я бога» имеет непонятное окончание: «Кому мине, ди в не бога [?]. За проклятий невздогін». Вопросительный знак — составителя, которому в рукописи не удалось прочесть неразборчивые строки. Согласно «полковой песне», здесь должно быть: «Кому милі дім, небога,— За проклятим навздогін!».

Интересно проследить также жанровые метаморфозы, происшедшие с некоторыми песнями за время их существования. Так, например, польскую миниатюру «Pod opą góga siedzi wilk» Ходаковский записал как свадебную песню; теперь же на Украине она (за исключением первой строфы) бытует как детская («Ой на горі жито»).

Соотношение песен, записанных Доленгой-Ходаковским на Украине (между Бугом — Днепром) и в Польше, Юлиан Маслянка передает пропорцией 10 : 1, а А. И. Дей и Л. А. Малах — 16 : 1. При этом и в польском и в украинском изданиях ссылка делается на самого Ходаковского. Возможно, в основе несогласованности — разное прочтение цифр, написанных рукой Доленги-Ходаковского — «0» принят за «6», или наоборот (к сожалению, нам не представилось случая это проверить).

Еще в 1973 г., когда издавались «Śpiewy sławiańskie...», Юлиан Маслянка писал в предисловии, что Ходаковскому принадлежит свыше 1500 записей украинских песен. Через год книга «Українські народні пісні...», в которой опубликовано 2012 текстов, опровергла это. Да и к справочной литературе теперь нужно делать поправку. Например, «Українська радянська енциклопедія» (т. 4, Київ, 1961), «Український радянський енциклопедичний словник» (т. 1, Київ, 1966), «Радянська енциклопедія історії України» (т. 2, Київ, 1970) единогласно утверждали, что Ходаковский всего «записал около 2000 песен, из них почти 1400 украинских».

Если говорить об отдельных недочетах, то в книге «Śpiewy sławiańskie...» следовало ставить три точки после незаконченных записей; на стр. 41 (первая строка), 67 (пятая строка) и других встречаются опечатки. В «слове» от составителя и в предисловии к изданию «Українські народні пісні...» почти одинаково сказано о замечках

⁴ См. «Записки Наукового товариства імені Шевченка», Львів, 1913, т. 114, стр. 94; І. Франко, Твори в двадцяти томах, т. 19, Київ, 1956, стр. 655.

⁵ См. М. И. Шалата, Маркіян Шашкевич. Життя, творчість і громадсько-культурна діяльність, Київ, 1969, стр. 149.

В. Науменко относительно песенных жанров; на стр. 23, 24 пишется о Л. Кропинском, по кто он не разъясняется.

Оба издания прекрасно иллюстрированы и фотографиями (главным образом копиями записей), и рисунками (польское — художницы Эльжбеты Муравской, украинское — художника В. М. Дозорца). К сожалению, в украинском издании нет портрета З. Доленги-Ходаковского.

Итак, польские и украинские народные песни в записях Зориана Доленги-Ходаковского наконец изданы. Теперь предстоит издать собранные им русские и белорусские песни. Только тогда деятельность замечательного ученого может быть оценена в полной мере.

М. И. Шалата

НАРОДЫ СССР

Современные этнические процессы в СССР. Редакция: Ю. В. Бромлей (отв. редактор), И. С. Гурвич, В. И. Козлов, Л. Н. Терентьева, К. В. Чистов. М., 1975. 542 стр.

Среди различных аспектов национальных процессов в нашей стране в последние годы значительное внимание исследователей привлекал этнический аспект, или, иначе говоря, собственно этнические процессы, т. е. изменения культурной специфики этнических общностей и их самосознания. В разработке этих вопросов довольно долгое время наблюдалось некоторое отставание, которое объяснялось трудностями теоретического и методического характера, недостаточной изученностью разнохарактерных этнических процессов в различных регионах нашей многонациональной страны. Однако успехи в разработке теории этноса и этнических процессов, теоретических проблем языковых и культурных контактов, а также накопление огромного этнографического материала по народам СССР сделали возможным появление этого крупного обобщающего труда по современным этническим процессам в СССР, ставшего заметным событием в научной жизни. Книга эта несомненно окажет влияние на дальнейшее развитие целого научного направления в современной этнографии — изучения этнических процессов в условиях развитого социализма. Глубокий и всесторонний анализ этнических процессов приобретает все возрастающее значение для осмысления национальных отношений в СССР на современном этапе формирования новой исторической общности — советского народа, для выявления сущности и механизма дальнейшего сближения народов страны в различных сферах материальной и духовной жизни. Актуальность и своевременность выхода книги определяется тем, что «национальные отношения и в обществе зрелого социализма это — реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи»¹.

В первых шести главах (стр. 9—155) рассматриваются методология исследования, а также исторические предпосылки, условия и факторы развития этнических процессов в СССР. Разработке теории этноса и этнических процессов посвящена глава I — «Этнические процессы как предмет исследования» (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов). Следует отметить целенаправленность теоретических рассуждений авторов главы, раскрывших и четко очертивших содержание понятия «этнические процессы», что позволило ясно сформулировать цели и задачи монографического исследования, определить его структуру.

В соответствии с «широким» и «узким» пониманием сущности этноса Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов различают этносоциальные (преобразования в социально-экономической, политико-идеологической сферах жизни людей) и собственно этнические процессы (изменения в сферах языка, культуры, самосознания). При этом внимание акцентируется на взаимосвязи этих явлений в реальной жизни; именно они в совокупности и образуют национальные процессы, которые ведут к изменениям в социально-экономических и этнокультурных характеристиках этносов. Таким образом, этнические процессы, как специфический аспект национальных процессов, в методическом отношении совершенно правильно вычленяются для специального изучения. Вместе с тем в монографии подчеркивается, что их исследование должно осуществляться в тесной связи с социально-экономической и политической ситуацией. Эти, в теоретическом и методическом отношении глубоко и обстоятельно обоснованные, положения будут широко использованы в практике исследований, в том числе при изучении современной этнической истории конкретных народов.

Характеризуя основные типы этнических процессов — консолидацию, ассимиляцию, межэтническую интеграцию — авторы справедливо обращают внимание на тесную взаимосвязь этих явлений, а также на преобладание процессов консолидации в период социалистического строительства и процессов межэтнической интеграции в современную эпоху развитого социализма.

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1973, стр. 48—49.

Принципиальное значение и актуальность имеет сформулированное в первой главе понятие о завершенности (или незавершенности) этнических процессов. «В ходе исторического процесса, — пишут Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов, — может значительно измениться этническая территория, а некоторые части этноса — даже отколоться от его основного ядра, может измениться словарный состав языка..., а некоторые части этноса вообще могут сменить язык, т. е. подвергнуться языковой ассимиляции, может сильно измениться материальная и духовная культура и т. д., но пока у входящих в этнос людей сохраняются этнические черты и самосознание, этнос продолжает существовать как таковой» (стр. 11). Целиком присоединяясь к этой емкой формулировке, все же заметим, что сохранение самосознания после «языковой ассимиляции», очевидно, временное состояние, так как смена языка имеет следствием качественные сдвиги в этнической психологии людей.

На развитие внутритнических и межэтнических контактов (и, следовательно, на ход этнических процессов) влияют специфика территориального размещения этносов, природно-климатические условия, демографическая ситуация и т. д. Анализ этих вопросов в монографии придано важное значение. Им посвящена глава II «Природная среда и территориальное размещение народов» (В. И. Козлов), в которой на основе совокупности признаков очерчены районы наиболее активного этнического смешения.

В главе III «Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России» (Т. А. Жданко) впервые представлена обобщенная характеристика этнических общностей и этнических процессов до революции. Исследования, посвященные этногенезу и этнической истории народов СССР, хронологически обычно завершаются периодом сложения народности, т. е. XV—XVII вв. Этническая история в последующую эпоху и до начала XX в. изучена слабо; остаются неясными или противоречиво интерпретированными вопросы, связанные с определением уровня этнической консолидации ряда народов накануне Октябрьской революции. Рецензируемая глава существенным образом восполняет этот пробел. Сформулированные Т. А. Жданко заключение и выводы (как теоретического, так и конкретно-исторического характера) создают основу для объяснения многих черт этнических процессов в СССР, особенно в первые десятилетия после Октябрьской революции.

Отмечая большую неравномерность этнического развития народов царской России, Т. А. Жданко убедительно, с привлечением обширного фактического материала объясняет ее различиями в уровне социально-экономического развития этих народов, национально-колониальной политикой самодержавия, шовинистическими и националистическими устремлениями господствующих классов и т. д. Эти причины тормозили ход этнических процессов, препятствовали свободному развитию как национальной консолидации, так и сближению народов и их культур.

Большой интерес ученых вызовет типологизация этнических общностей в дореволюционной России. В зависимости от исторически сложившегося уровня этнического развития Т. А. Жданко выделяет четыре типа народности (стр. 50). Хотя автор эту типологию называет «предварительной», ее полезность как инструмента исследования несомненна, и это убедительно иллюстрируется анализом этнической ситуации в дореволюционной России. Сложнее обстоит дело с определением уровня национальной консолидации. Известно, что среди советских ученых имеются расхождения по вопросу об уровне национального развития узбекского, казахского, киргизского, башкирского и некоторых других народов в дореволюционный период. В монографии имеются интересные рассуждения об установлении критериев «национальной зрелости», однако в целом этот сложный вопрос остается не до конца решенным.

Многообразие этнических процессов в дореволюционной России Т. А. Жданко рассматривает в свете ленинского учения о двух тенденциях в национальных отношениях. Если первая, историческая тенденция, по справедливому заключению Т. А. Жданко нашла выражение в процессах национальной консолидации, которые преобладали, то вторая тенденция отразилась «в начавшихся развиваться в дореволюционной России процессах межэтнического сближения и интеграции» (стр. 77). «Однако, — подчеркивается в книге, — тенденция к сближению с другими нациями при капитализме коренным образом отличается от современного этнического процесса этого типа и историческая преемственность их относительна» (стр. 84).

Три последующие главы (IV—VI) монографии — «Национально-государственное строительство и развитие этнических процессов в СССР» (В. И. Козлов), «Социально-экономические условия развития этнических процессов в СССР» (§ 1 — С. И. Вайнштейн, § 2 — Ю. В. Арутюнян), «Изменения в расселении и урбанизация народов СССР как условия и факторы этнических процессов» (В. И. Козлов) — посвящены детальному рассмотрению политических, экономических и социальных факторов и условий, которые предопределили направление и особенности современных этнических процессов в СССР. Отметим высокий теоретический уровень и насыщенность фактическим материалом указанных глав.

Образование СССР, осуществление широкой программы национально-государственного строительства явились мощным рычагом ликвидации экономического, социального и культурного неравенства народов. Около 98% населения, или почти все коренные народы, приобрели в той или иной форме свою национальную государственность. В монографии убедительно показано, что процесс преодоления и выравнивания социально-экономического и культурного развития «развернулся прежде всего внутри соответствующ-

ших национально-государственных образований, где создались особо благоприятные условия для ускоренного развития коренных народов» (стр. 87).

Много внимания в книге уделено сближению социальной структуры советских народов. В этом процессе выделены этап создания однотипной классовой структуры советских народов в результате победы социализма и этап постоянного усиления социальной однородности советских национальностей в период развитого социализма. Подчеркнуто существенное влияние «сходства или различия в социальной структуре этноса... на ход собственно этнических процессов» (стр. 119).

В тех же главах анализируются особенности и трудности социалистического преобразования социальной структуры у ряда отсталых в прошлом народов, в частности в республиках Средней Азии (стр. 121—122), где на протяжении длительного времени фиксируются пониженные темпы роста рабочего класса из представителей коренной национальности, невысокие темпы миграции коренного населения в города (стр. 153). Однако причины этих явлений невозможно считать исчерпывающе исследованными. Объяснение замедленной миграции населения в города его «специализацией на трудоемких технических культурах», особенно хлопководстве, явно относится лишь к Средней Азии и не объясняет отмеченных явлений в Казахстане, Башкирии и некоторых других районах. В монографии правильно отмечено, что в республиках с замедленными темпами урбанизации коренного населения рабочий класс формируется как многонациональный. Неясно, однако, каков удельный вес «национальных» рабочих (стр. 134) в составе многонационального рабочего класса (например, в Грузии и Казахстане, Эстонии и Башкирии), недостаточно показана на конкретном материале его роль в национальных, в том числе этнических процессах.

В целом социально-экономический и культурный прогресс, количественный и качественный рост рабочего класса, коренные изменения в социальной структуре народов СССР явились, как сказано в монографии, с одной стороны, основой национальной консолидации коренного населения республик, с другой, — важнейшим фактором укрепления дружбы народов, развития процесса межэтнической интеграции, формирования новой исторической общности — советского народа.

Собственно этническим изменениям, происходящим главным образом в области культуры, и тесно связанным с указанными выше этносоциальными процессами расцвета и сближения советских наций и народов посвящены главы VII—IX (стр. 157—430), образующие центральную часть монографии: «Отражение этнических процессов в материальной культуре народов СССР» (§ 1, 3 — Т. В. Станюкович, § 2 — Г. С. Маслова), «Этнолингвистические процессы» (§ 1, 2, 5 — М. Н. Губогло, § 3 — Л. И. Лавров, § 4 — В. А. Никонов), «Духовная культура и этнические процессы» (§ 1, 3, 4, 5 — К. В. Чистов, § 2 — Л. М. Дробижева, § 6 — Л. М. Сабурова, § 7 — Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов). Авторскому коллективу этих глав удалось удачно решить сложную методическую задачу: избежать традиционной описательности и представить целенаправленный анализ громадного этнографического материала под углом зрения основной темы монографии — современных этнических процессов в СССР.

В рецензируемых главах нарисована яркая картина прогресса культуры народов СССР за годы Советской власти. Темпы культурного развития, как свидетельствуют статистические данные, были особенно высокими у ранее отсталых, угнетенных народов национальных окраин России. В эпоху научно-технической революции, широкого распространения современных средств коммуникаций повсеместно распространилась общесоветская форма культуры. Этот нарастающий в наше время процесс закономерно ставит, по утверждению авторов монографии, вопрос о формах и характере соотношений в каждой национальной культуре общего и особенного, о перспективах развития этих соотношений. Постановка этих вопросов одновременно имеет в виду выяснение исторических этапов, современного состояния и перспектив развития в СССР этнических процессов.

Расцвет национальных культур в результате победы социализма в нашей стране способствовал (наряду с социально-экономическими и политическими факторами) развертыванию процессов этнической консолидации, которые протекали в различных формах (сложение новых этнических общностей, упрочение сплоченности существующих этносов и т. д.) и с различной интенсивностью. В результате консолидационных процессов, которые, как верно подмечено в монографии, наиболее активно протекали в первые десятилетия Советской власти, уменьшилась этническая пестрота в стране (количество фиксируемых переписью национальностей уменьшилось примерно с 200 в 1926 г. до 120 в последних переписях), сложились новые общности или стали более крупными в результате слияния этнографических групп ранее образовавшиеся нации или народности.

Огромную роль в росте интеграционных процессов в нашей стране играет марксистско-ленинская идеология, интернациональное сплочение трудящихся масс. Межэтническая интеграция находит выражение, как неоднократно подчеркивается в книге, в сближении культур народов СССР, в тенденции к культурной интеграции.

Следует сказать, что авторы книги, рассматривая различные аспекты изменения культуры в связи с этническими процессами, решая или ставя ряд теоретических вопросов, впервые формулируют выводы и обобщения, касающиеся закономерностей развития культуры в связи с этническими процессами. Обобщением многолетних исследований истории развития культуры в СССР является тезис о том, что в различных сферах культуры межэтническая интеграция проявляется по-разному, что объясняется как спецификой культурных взаимодействий в различных регионах страны, так и влиянием общих

факторов культурной эволюции. В области материальной культуры национально-специфическое отстает быстрее под натиском индустриальных, стандартизованных форм культуры. Но и здесь поселения и типы жилищ, например, меняются быстрее, а в оформлении интерьеров тех же жилищ, в одежде, особенно пище, т. е. в областях, которые хотя и косвенно связаны с духовной культурой, но где конкуренция массового производства промышленности ощущается менее остро, — этнические особенности еще в той или иной мере сохраняются. Ценно то, что, исследуя эволюцию культуры от крайне разнообразных форм в дооктябрьский период к интеграции в современных условиях, авторы книги достаточно рельефно раскрывают механизм воздействия на те или иные области материальной культуры таких преобразующих социально-экономических факторов, как индустриализация, коллективизация, подъем материального благосостояния всех слоев трудящихся, урбанизация и т. д. Если в некоторых случаях взаимосвязь изменений в материальной культуре с этническими процессами отчетливо не просматривается (например, в перестройке поселений), то это — следствие недостаточной изученности предмета. Авторы раздела о материальной культуре сами отмечают имеющиеся пробелы и в качестве перспективной ставят задачу типологической классификации сельских и городских поселений в СССР. Кстати, если иметь в виду общую картину городского жилищного строительства, особенно в РСФСР, то, как нам кажется, следовало бы несколько смягчить заключение о том, что «город приобретает яркую национальную окраску благодаря использованию традиционных архитектурных материалов и приемов» (стр. 184). Заметим, однако, что возможности в этом направлении (в том числе неиспользованные) действительно очень богатые. Обзор типов жилищ, которые развиваются в направлении «унификации» в пределах этноса или историко-этнической области (стр. 189), показывает интернационализацию этой сферы культуры, широкое проникновение на село урбанизированных форм, распространение повсюду общесоветских типов жилища. Однако этот обзор несколько чрезмерно подробен.

Этнические традиции сохранились в одежде ряда народов, но и здесь современный национальный костюм является, как убедительно показано в монографии, сочетанием, точнее, синтезом традиционных и общегородских (общесоветских) элементов.

Большое внимание уделено в книге этнолингвистическим изменениям, как одной из важных сторон этнических процессов. В соответствии с этапами и особенностями социально-экономического и культурного развития в СССР подмечено, что к середине 1950-х годов неуклонно расширялось обучение на национальных языках, а с конца 1950 гг. заметно возрастает изучение русского языка. В книге дается глубокое и всестороннее объяснение этому прогрессивному процессу: в условиях научно-технического прогресса русский язык выполняет не только функцию межнациональной связи, но и служит средством духовного общения, способствует взаимообогащению национальных культур. В то же время в книге приводятся убедительные доказательства того, что в СССР не происходит слияния языков. Напротив, опыт языкового и культурного строительства свидетельствует о расширении функций национальных языков (например, в печати), показывает, что литературные языки народов СССР свободно развиваются.

Распространение двуязычия в монографии рассматривается, и совершенно правильно, как одно из важнейших явлений в этнических процессах. Постоянное расширение использования второго языка в качестве средства межнационального общения является, по мнению авторов монографии, отличительной особенностью этнических процессов в период развитого социализма. Доказательно звучит утверждение о том, что свободное владение русским языком около 55 млн. человек нерусской национальности (стр. 307) само по себе неопровержимо свидетельствует о свободном распространении русского языка — могучего средства взаимосвязи и сплочения социалистических советских наций.

В монографии раздел, посвященный духовной культуре и этническим процессам, — один из самых интересных, но, пожалуй, именно здесь перед авторским коллективом встали наиболее трудные задачи. «Теоретическое осмысление» этнографических аспектов общей теории духовной культуры, как верно отмечается в книге, «лишь начинается». В существенной степени теоретическое осмысление многих сторон этой темы «начинается» или получает развитие именно в рецензируемой монографии. Среди общих положений и выводов о закономерностях и особенностях развития духовной культуры в связи с этническими процессами отметим тезисы о постепенном перемещении в современных условиях национальных особенностей из сферы материальной культуры в сферу духовной, о тесной взаимосвязи духовной культуры и этнического самосознания, о существенной роли языка в развитии многих форм духовной культуры, о возможности возникновения двуязычной или многоязычной культуры, о сосуществовании в различном соотношении бытовых и профессиональных форм духовной культуры и т. д. Это последнее положение имеет принципиальное значение, так как соотношение бытового и профессионального слоя в культуре характеризует «структуру духовной культуры каждой этнической общности, ее этнический облик» (стр. 317).

По заключению авторов, «роль различных форм духовной культуры в этнической консолидации народов и формировании и развитии этнического сознания и влияние этнических процессов на характер и структуру духовной культуры несомненны». Специфика этого процесса зависит от конкретных этнических ситуаций, но одна общая его закономерность сформулирована: «... роль духовной культуры в этих процессах возрастает вместе с развёртыванием профессиональных форм культуры» (стр. 362). Широкое распространение профессиональной художественной культуры среди народов СССР до-

стигалось и достигается на основе ее развития в национальных формах. Но в то же время в профессиональной культуре взаимодействие и взаимопроникновение интернациональных форм культуры происходит особенно активно. Подчеркнута важная мысль о том, что соотношение национальных и интернациональных форм в профессиональных видах духовной культуры характеризуется не вытеснением одного другим, а гармоничным сочетанием. Национальные элементы в духовной культуре по мере общего культурного подъема советского народа становятся достижением не только данного народа, но и всей общесоветской культуры. Эти явления отражают процесс выравнивания уровней культурного развития всех советских народов, окончательное преодоление архаичных форм, дальнейшее сближение культур и межнациональную интеграцию.

В сближении духовной культуры народов СССР ведущую роль «играло и продолжает играть идеологическое и политическое единство, характерное для эпохи строительства социализма и коммунизма в нашей стране» (стр. 362). Объективную картину отражают подробно развернутые в книге положения о многообразном характере процесса культурного сближения и взаимодействия: «Сближение регионального характера и сближение культур близкородственных народов развиваются на фоне общесоветских процессов и, с другой стороны, перекрываются сближением в общесоветских масштабах» (стр. 370). Далее следует важный и убедительно аргументированный вывод, имеющий методологическое значение для изучения культурной ситуации конкретных народов в связи с этническими процессами: «Духовная культура советских народов... состоит из трех органически связанных между собой составных частей — форм, развивающихся на национальных языках, форм, которые одновременно обслуживаются и национальными языками и русским языком, и одноязычно-русских форм. Соотношение этих трех компонентов прежде всего и характеризует современный этнокультурный облик духовной культуры каждого народа» (стр. 382).

Детальному изучению подвергнута в монографии особая роль русскоязычной культуры, синтезировавшей многие достижения национальных культур. Убедительно показано, что русскоязычная культура образует ядро общесоветской культуры и в этом качестве играет важную роль в процессах интеграции, в освоении народами СССР достижений мировой культуры. Детально рассмотрены в органической связи с этническими процессами интернационализирующая роль науки, особенно общественных дисциплин, а также формирование общественных традиций. В итоге авторы приходят к следующему важному выводу: «под воздействием исторических, социально-экономических, политических факторов происходит постепенное формирование специфической, общесоюзной межэтнической системы духовной культуры, обслуживающей все народы Советского Союза. Именно эта система и выражает в конечном счете результаты и направления современных этнических процессов в СССР в области духовной культуры» (стр. 378).

Отражению этнических процессов в семейно-брачных отношениях посвящена глава X — «Семья — микросреда этнических процессов» (§ 1 — О. А. Ганцкая, § 2 — О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева). Обобщение опубликованных работ по семье и браку народов СССР, богатый фактический материал позволили авторам установить общие тенденции в развитии современной семьи у народов СССР. Семья была и остается носителем этнических черт. В то же время победа в СССР социализма, советское законодательство, социальные и культурные изменения «создали единую для всех народов СССР основу возникновения, формирования и стабилизации новой советской семьи» (стр. 442). В процессе развития советская семья приобрела новые качества, ушли в прошлое многие архаичные и пережиточные семейные традиции. В монографии показано, что у всех народов СССР в семейных отношениях сложились и складываются такие новые явления, как выравнивание брачного возраста, рост равноправия членов семьи и демократизация их взаимоотношений, раскрепощение женщины и т. д. Эти общие тенденции в развитии советской семьи и являются, указывают авторы, одним из показателей интеграции многонационального населения СССР.

Межнациональные браки, говорится в книге, «положительно влияют на процессы сближения этносов и усиление межэтнических контактов» (стр. 480), так как смешанная семья — микросреда процесса интеграции быта, культуры, традиций различных народов, формирования у них общесоветских черт.

С национально-смешанными семьями связаны процессы этнической ассимиляции. Известно, что буржуазные идеологи всячески стремятся преувеличивать масштабы этого процесса, стремясь доказать «руссификацию нерусских народов», «уничтожение» национальностей и их культур в СССР. Рецензируемая монография — убедительный, основанный на фактах, ответ клеветникам. Никто, конечно, не отрицает, что в СССР — стране с быстро развивающимся народным хозяйством, значительными масштабами миграций развиваются и процессы ассимиляции, главным образом в результате роста национально-смешанных браков (доля национально-смешанных семей возросла с 10,2% в 1959 г. до 14% в 1970 г.). Однако, во-первых, они происходят наряду с гораздо более ярко выраженными процессами консолидации, межэтнической интеграции, формирования общесоветской общности. Во-вторых, они носят добровольный, естественный характер и, в-третьих, масштабы ассимиляционных процессов сравнительно невелики; затрагивают они главным образом представителей национальностей, проживающих за пределами своих республик в другом этническом окружении. Что касается культурного взаимодействия и сближения, то на огромном материале всей монографии доказывается, что растущее культурное сходство и общность многих культурных проявлений у всего

советского народа сопровождаются увеличением культурного фонда каждой нации, который функционирует в значительной степени в этноспецифических формах.

В свете отстаиваемого авторами монографии понимания процесса этнической ассимиляции в СССР выскажем пожелание дополнить имеющиеся исследования по национально-смешанным семьям анализом их устойчивости, особенностей функционирования. Целесообразно также более развернуто объяснить содержание понятия «добровольной ассимиляции», имея в виду, что это — обусловленная рядом факторов инициатива самих представителей ассимилируемой группы.

В двух последних главах (XI—XII) — «Этнические процессы и динамика численности народов» (В. И. Козлов), «Общее и особенное в этнических процессах у различных народов СССР» (И. С. Гурвич) — рассматриваются некоторые этнические аспекты национальных процессов в СССР. Устанавливается зависимость этнических процессов от абсолютной численности и сокращения численности контактирующих народов, от миграций, темпов прироста населения, урбанизации и т. д. Обобщая материалы предшествующих глав, И. С. Гурвич выделяет и подробно анализирует разные варианты проявления этнических процессов в СССР, различающихся разной степенью интенсивности.

В кратком «Заключении» (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов) суммируются результаты этого сложного многопланового исследования. В борьбе за построение социализма, подводят итог авторы, сложились советский образ жизни, общесоветская культура, которая является важным компонентом нового исторического образования — советского народа, социально-политической интернациональной общности. В то же время, подчеркивается в книге, «это не означает, что советский народ уже превратился в новую этническую общность в результате слияния наций и народностей. Путь к предсказанному В. И. Лениным слиянию наций долг и сложен» (стр. 541).

В предисловии к книге говорится, что представленное исследование является «первым опытом монографического исследования этнических процессов в СССР» и поэтому «не может претендовать на исчерпывающее освещение темы», так как, несмотря на обширную литературу, в освещении этой проблемы немало «белых пятен» (стр. 8). Это действительно так. Некоторые из этих белых пятен сказались, как упоминалось, на освещении ряда вопросов. Не свободна монография и от недостатков редакционного характера: длиннот, повторений, противоречий, касающихся, правда, несущественных вопросов. Доходчивость некоторых разделов значительно возросла бы, если бы к книге была приложена карта народов СССР. Но эти частности не меняют общей высокой оценки исследования. Авторскому коллективу удалось успешно решить главную задачу — благодаря единству и с марксистско-ленинских позиций глубоко разработанному замыслу создать монографический свод, в различных аспектах освещающий одну большую проблему, впервые поставленную столь масштабно, ярко и доказательно, показывающий, что советский социалистический строй, объединяя людей разных национальностей, формирует у них общие черты культуры и единое общесоветское самосознание.

Р. Г. Кузев

Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие. (Ответственные редакторы М. П. Ким и В. П. Шерстобитов). М., 1975, 519 стр.

По общему количеству работ, посвященных национальным проблемам, в том числе формированию, истории, функционированию советского народа как новой исторической общности людей, 1975 год, пожалуй, не уступает 1972 году, когда отмечалось пятидесятилетие СССР. Если в юбилейном году основное внимание уделялось истории образования и развития многонационального Советского государства, то в значительной части работ, вышедших в 1975 г., рассматриваются методические и концептуальные проблемы новой исторической общности людей — советского народа. Таким образом, на смену историческим исследованиям юбилейного года закономерно пришли публикации, посвященные социально-экономическим, культурно-бытовым, этническим и другим важнейшим аспектам национальных проблем. Выступая на торжественном заседании, посвященном 250-летию Академии наук СССР, Л. И. Брежнев еще раз напомнил советским ученым, что они «призваны помогать партии наиболее правильно решать такие исторические задачи, как прогрессирующее стирание классовых граней и утверждение в нашем обществе полной социальной однородности, дальнейшее развитие ленинской национальной политики партии, укрепление единства советского народа»¹.

Среди литературы прошедшего года, посвященной новой исторической общности — советский народ, которая насчитывает около 50 названий (книги и брошюры), видное место принадлежит книге «Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие», подготовленной большим авторским коллективом под руководством М. П. Кима и В. П. Шерстобитова². Авторский коллектив поставил

¹ «Коммунист», 1975, № 15, стр. 7.

² Теоретические вопросы, связанные с новой исторической общностью, в течение ряда лет разрабатываются советскими учеными. См., например: М. П. Ким, Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; М. И. Куличенко, Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, М., 1972.

перед собой задачу раскрыть роль Великой Октябрьской социалистической революции как решающей политической предпосылки формирования советского народа, показать создание и развитие социально-экономических, политических и культурно-идеологических основ новой общности, возрастание социальной однородности и сплоченности социалистических наций и народностей, выявить общие черты в идеологии и морально-политическом облике советских людей, продемонстрировать ведущую роль рабочего класса, Коммунистической партии в процессе развития советского народа.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Она построена по проблемно-историческому принципу. При этом процесс формирования и развития советского народа анализируется по двум крупным этапам: от Великой Октябрьской социалистической революции до построения социалистического общества (конец 30-х гг.), и с конца 30-х гг. по настоящее время.

Об этапах формирования советского народа как новой исторической общности высказываются и несколько отличные точки зрения. Видимо, было бы целесообразно в связи с этим в книге дать историографическую справку и более полное обоснование изложенной в монографии концепции.

Во введении раскрывается понятие советский народ как социально-исторической, социально-классовой и межнациональной общности. Становление и развитие интернациональной общности рассматривается в неразрывной связи с всесторонним расцветом и сближением наций.

В первой главе раскрываются глубокие исторические предпосылки создания новой исторической общности. Особое внимание при этом обращается на традиции классовой и интернациональной солидарности.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила буржуазно-помещичье господство, ликвидировала систему эксплуататорских отношений в стране и положила начало коренным преобразованиям социально-классовой структуры общества, заложила основы построения социалистической экономики, национально-государственного строительства. Все эти политические факторы имели решающее значение для формирования советского народа как новой исторической общности людей. Социалистическая революция стала своеобразным водоразделом между предысторией советского народа и началом его подлинной истории (стр. 56), исходным рубежом формирования принципиально новой, возможной только в условиях социализма общности людей.

Советский опыт национального строительства показал, и это убедительно раскрывается во второй главе, что в такой многонациональной стране, как наша, после Великой Октябрьской социалистической революции громадное значение приобрели государственные принципы решения национального вопроса. Новая государственная общность выражала интересы представителей всех входящих в нее народов, порождала новые социальные и межнациональные связи на основе полного доверия, братства и сотрудничества между народами (стр. 63).

В главе третьей выделены три основных фактора, которые способствовали созданию социально-экономических основ новой исторической общности: 1) ликвидация многоукладности и создание социалистического хозяйства; 2) создание материально-технического фундамента социализма, устранение экономического неравенства окраинных районов и превращение страны в индустриальную державу; 3) преобразование прежней социально-классовой структуры и социального облика населения страны.

Наша социалистическая наука располагает обширной литературой по проблемам индустриализации и коллективизации. И если бы авторы, рассматривая их, не избрали свой особый угол зрения, им трудно было бы избежать повторения уже известных истин. Поэтому в книге акцентируется внимание на особенностях индустриализации и коллективизации в национальных республиках, на значении специализации и кооперирования в народном хозяйстве страны. В той же главе показан также процесс формирования социально-классовой структуры новой общности. При этом большое внимание закономерно уделяется рабочему классу, который из преимущественно русского стал многонациональным, что повысило его роль в интернациональном сплочении трудящихся.

Образованию СССР посвящена в первом разделе книги глава четвертая. На обширном фактическом материале в ней анализируются причины, факторы, ход объединительного движения народов, которые привели к образованию СССР, созданию и укреплению единого советского многонационального государства. Особенно интересны в этой главе, на наш взгляд, разделы, посвященные преодолению фактического неравенства народов. Разграничив юридическое (правовое) и фактическое неравенство наций, авторы показывают сложную систему государственно-правовых мероприятий, направленных на ликвидацию фактического неравенства и переход к социализму всех народов СССР, несмотря на разный в прошлом уровень их социально-экономического и культурного развития.

В методологическом отношении ключевым для всего первого раздела книги является помещенный в четвертой главе параграф «Формирование социалистических наций и становление межнациональной общности», обобщающий материалы о социально-экономических факторах, способствовавших складыванию межнациональной общности народов СССР.

Здесь высказываются важные и интересные мысли, характеризующие историческую общность людей. Интернациональное единство советского народа сложилось на основе общности социально-экономического, политического и духовного облика социалистических наций и народностей. Эти мысли нашли подтверждение и развитие в последующих главах книги. Думается, что в связи с принципиально важным значением данного параграфа его следовало композиционно выделить в структуре первого раздела. Видимо, он мог бы логически завершить рассмотрение всего круга проблем, касающихся первого этапа становления новой исторической общности людей.

Три последние главы первого раздела (пятая, шестая и седьмая) посвящены становлению духовного облика советского народа, формированию общесоветских черт в культуре народов СССР и языковому строительству.

Во втором разделе рассматривается развитие новой общности в условиях строительства и упрочения зрелого социализма. Глава первая посвящена укреплению единства советского народа в годы Великой Отечественной войны. В этот период все народы СССР совместно боролись за свободу и независимость, за сохранение исторических завоеваний социалистического строя. Героическая борьба на фронтах и самоотверженный труд в тылу во имя общей победы укрепили солидарность советских наций и народностей. Перебазирование промышленности, эвакуация из западных районов миллионов людей интенсифицировали общение между народами. Возросла роль русского языка как средства межнационального общения. Усилился взаимный обмен культурными и научными достижениями, что ускорило процессы формирования и закрепления общих черт в духовном облике народов (стр. 262).

Важное значение для понимания развития новой исторической общности в послевоенный период имеет глава вторая «Воздействие социалистической экономики и социалистических отношений на развитие новой исторической общности». В ней показано дальнейшее сплочение наций и народностей в процессе общей борьбы за развитие социалистической экономики, углубление специализации и кооперирования производства, выравнивание уровня экономического и культурного развития, способствовавших тому, что советский народ как многонациональная общность поднялся на новую ступень единства.

В главе третьей выделены пять основных тенденций в развитии социальной структуры советского общества: 1) постоянное увеличение как абсолютной, так и относительной численности самостоятельного населения, свидетельствующее о возрастающей занятости жителей страны и развитии производительных сил; 2) ускоренный рост численности и повышение удельного веса городского населения; 3) быстрые темпы роста рабочего класса; 4) опережающие темпы роста численности интеллигенции (даже по сравнению с рабочим классом); 5) постепенное сокращение численности и удельного веса колхозного крестьянства.

С точки зрения социального прогноза, по нашему мнению, наиболее интересен в рецензируемой книге краткий, но емкий параграф этой главы об однородности социальной структуры советских наций. На обширном материале переписей ЦСУ и этносоциологических исследований в этом параграфе сделана попытка представить пути дальнейшего социального развития отдельных «национальных отрядов» советского народа. Здесь отмечается, что однотипная социальная структура сформировалась у всех наций и народностей в переходную эпоху, что, однако, не исключало различий в соотношении классов и внутриклассовых групп. Причем, социальная однородность советских наций в послевоенный период увеличилась. Этому способствовали процессы урбанизации, рост числа рабочих коренных национальностей в союзных республиках, рост удельного веса интеллигенции, увеличение единообразия в составе общественных групп всех народов, повышение образования и квалификации рабочих и крестьян, сближение умственного и физического труда. Ускоренное социальное продвижение многих нерусских народов привело к выравниванию их социальной структуры с русскими и другими более развитыми в прошлом народами. Социальное развитие народов оказывает непосредственное воздействие на формирование новой исторической общности, усиливая интеграционные и в известной мере консолидационные процессы. Действительно, с одной стороны, квалифицированным группам населения в большей мере свойственны интегрированные формы общечеловеческой культуры, а с другой — быстрый рост городского населения за счет сельского вносит в городскую среду народные традиции, народную культуру, придавая городам дополнительную этническую окраску (стр. 315).

Анализ социального развития проведен в этом параграфе в национальном разрезе. Авторы считают, что основные изменения в социальной структуре населения республик и отдельных наций и народностей будут в дальнейшем происходить за счет изменения внутренней структуры и роста квалификации рабочих, колхозников и интеллигенции.

В четвертой главе, посвященной развитию и упрочению государственно-политического единства советского народа, особенно ценным представляется параграф о роли общественной и национальной государственности в укреплении государственно-политической общности и выравнивании уровней развития народов СССР. Здесь выдвигается и обосновывается тезис о том, что достижение фактического равенства наций при социализме не снимает необходимости дальнейшего выравнивания уровней социально-экономического развития народов.

В этой же главе показано, что важнейшим рычагом перераспределения материальных средств с целью выравнивания уровней развития республик являются финансовая, бюджетная политика и система закупочных цен на основную сельскохозяйственную продукцию. Справедливо высказано здесь мнение, что на современном этапе, когда многие отсталые в прошлом народы превратились в высокоразвитые нации и народности, односторонняя помощь более развитых народов уступает место многостороннему сотрудничеству и взаимопомощи всех народов.

Выравнивание уровней экономического развития следует понимать и как решение общесоюзных задач, содействующее дальнейшему укреплению и расцвету межнациональной общности.

В пятой главе, дополняющей некоторые выводы четвертой, рассматривается вопрос о роли экономического единства советских республик в развитии социалистической общности людей. В качестве важных факторов развития межнациональной общности на современном этапе справедливо называются экономические взаимосвязи советских народов, в том числе все более полная интеграция труда, совместное сооружение крупных хозяйственных объектов, обмен передовым опытом и кадрами, организация школ передового опыта, социалистическое соревнование.

В шестой главе говорится о дальнейшем укреплении духовной общности народов СССР, когда все большее значение приобретает осознание принадлежности к новой исторической общности. Национальное же самосознание народов выступает только как один из элементов новой системы общественного сознания.

Седьмая глава посвящена расцвету и сближению национальных культур. Этот процесс рассматривается как историческая закономерность развития социалистической интернациональной культуры советского народа. Перечисляются идеологические факторы дальнейшего укрепления единства советских людей; выделены также наиболее характерные направления культурного развития народов, показан рост культурных запросов населения в национальных республиках и перечислены мероприятия, направленные на их удовлетворение. Принципиальное значение имеет положение, что сближение образовательного уровня народов СССР, выравнивание условий культурной жизни в различных районах страны способствуют взаимобогащению культурными достижениями, а значит, расширению основы для развития национальных фондов культуры народов СССР. Как конкретно происходит развитие этого фонда, показано в этой же главе, в параграфе, рассматривающем процессы взаимообогащения культур народов СССР.

В восьмой главе характеризуется советская литература. Справедливо положение о том, что традиции интернационализма характеризуют всю многонациональную советскую литературу — литературу новой межнациональной общности.

В девятой главе, посвященной одной из важных проблем — языковому развитию новой исторической общности в период зрелого социализма, показана роль русского языка, добровольно избранного всеми народами СССР как средство межнационального общения.

В конце рецензируемой книги помещена библиография по теме «Политические и социально-экономические основы формирования и развития советского народа как новой исторической общности», представляющая собой первую попытку собрать воедино литературу по этим вопросам. Жаль только, что в библиографии недостаточно представлены многочисленные публикации советских этнографов, занимающихся исследованием современных этнических процессов. Слабо отражена и новейшая социологическая и этнографическая литература, раскрывающая существенные закономерности функционирования новой исторической общности. Библиографию, заключающую такой фундаментальный труд, целесообразно было бы дополнить именным указателем.

В работе над книгой кооперировались представители различных научных дисциплин. Такое сотрудничество очень эффективно, но требует от авторского коллектива и особенно от редакционной коллегии большой гибкости, таланта и мастерства в «состыковке» отдельных узловых проблем. И авторы и редакторы в основном успешно справились с этой ответственной задачей. Однако приходится констатировать, что не все главы написаны на одинаковом исследовательском уровне. О таких серьезных явлениях, как процессы выравнивания уровней национальных культур, являющихся предметом специального рассмотрения в исторической литературе, в некоторых главах книги (например, во втором разделе, VIII гл.) говорится либо слишком абстрактно, либо делаются ссылки на единичные примеры.

В то же время, при освещении процессов взаимодействия национальных литератур народов СССР, упускается из вида такая важнейшая с точки зрения перспектив культурного развития народов СССР проблема, как издание произведений национальной художественной литературы на инонациональном языке, например, с помощью единого языка межнациональных общений.

В некоторых главах книги наблюдается известное забегание вперед в освещении процесса достижения фактического экономического и культурного равенства народов. Так, период, когда решались прежде всего задачи преодоления культурной отсталости народов оценивается в первом разделе (VI гл.) практически так же (и в тех же терминах), как и период дальнейшего выравнивания уровней культурного развития народов в условиях зрелого социалистического общества. Не во всех главах одинаково выдержано соотношение фактического материала с теоретическими соображениями. Привлечение

цифровых данных и широкое внедрение методов количественного анализа в исторические исследования — знамение времени. Одно из достоинств книги как раз в том и состоит, что авторы привлекли и тщательно проанализировали огромный цифровой материал. Вместе с тем, такой материал (особенно в таблицах), конечно, требует точной интерпретации. В таблице 1 (стр. 83), посвященной ходу коллективизации в СССР, указано, что 98% крестьянских дворов в Молдавской ССР в 1940 г. вошли в коллективные хозяйства. Неясно о каких районах — левобережных, входивших до 1940 г. в состав Молдавской АССР, или правобережных идет речь. На стр. 163 говорится о том, что в 20-е гг. республики существенно отличались друг от друга по степени активности избирателей, причем наиболее низкие показатели давали республики Средней Азии. Однако это положение не вполне согласуется с данными таблицы 5, помещенной на той же странице. Из нее следует, что активность избирателей Узбекистана и Белоруссии в 1926 году, например, была практически одинаковой: соответственно — 45,8 и 46,5% и в 1927 году — 46,8 и 46,3%.

В монографии, отражающей многие стороны формирования новой исторической общности — советский народ, по-видимому, неизбежны отдельные историографические упущения. Например, в главе VII (первый раздел) подчеркивается, что латинизация, «составляющая особый этап в развитии письменности народов СССР, сыграла положительную роль в культурном и социальном развитии многих народов нашей страны» (стр. 210—211). Представляется, что в оценке латинизации следовало бы проявить большую осторожность, так как в культурном развитии отдельных народов (молдавского народа, например) латинизация сыграла отрицательную роль, затруднив развитие молдавской национальной культуры и литературного языка молдавской нации.

В целом рецензируемая монография является не только фундаментальным исследованием, восполняющим известные пробелы в изучении истории советского народа, но и важным этапом в разработке проблем ленинской национальной политики.

М. Н. Губогло

М. С. Муканов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, 200 стр.

На протяжении многих лет М. С. Муканов занимается изучением этнической истории отдельных племен, вошедших на рубеже XV—XVI вв. в состав казахского народа. Он автор ряда работ и соавтор крупного исследования по этой проблеме¹. Рассматриваемая монография является итогом его многолетнего труда.

Родо-племенной состав и расселение казахов — недостаточно исследованные разделы истории казахского народа. За последнее десятилетие проведено комплексное изучение проблемы этногенеза казахов историками, археологами, этнографами, лингвистами. Анализируются этнические компоненты, ставшие основой казахской народности и образовавшие три казахских жуза — Старший, Средний и Младший, являвшихся экономико-политическими объединениями различных родо-племенных групп. Изучается история племенных союзов и раннефеодальных государств. Получены новые данные о начальном этапе этногенеза казахов в дотюркское и тюркское время. Плодотворная работа по исследованию проблем этнической истории казахов в новейшее время нашла отражение и в рецензируемой книге.

Монография написана на основе тщательного, скрупулезного анализа огромного архивного материала и малоизвестных опубликованных источников. М. С. Муканов использовал данные арабских, персидских, китайских, западноевропейских авторов, труды востоковедов, сведения русских летописей, а также историческую литературу нашего времени. Особую ценность для исследователя представили его собственные полевые материалы, собранные им в экспедициях Отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР с 1955 по 1964 г.

М. С. Муканов ограничил свое исследование только одним казахским жузом, но в действительности круг вопросов, которые им затронуты и в известной мере решаются, гораздо шире. Книга по своему содержанию многопланова. В ней рассмотрена история происхождения всех трех казахских жузов, история образования казахской народности и казахских ханств.

В первой главе «Территория и племена Среднего жуза» изложение материала начато со второй половины XV в. Автор кратко рассказывает об истории государственных образований на территории Казахстана XIII—XIV вв. Однако этот истори-

¹ В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968.

ческий очерк недостаточен для раскрытия этнических процессов. В этом плане интересно рассмотреть теоретические положения, выдвинутые Т. А. Жданко в статье, посвященной специфике формирования этнических общностей в Средней Азии и Казахстане². Т. А. Жданко считает, что у многочисленных тюркоязычных кочевых народов этого региона первоначальные элементы этнической общности появились в средневековые (в IX—XII вв.), когда формировались основы их языков, этнические территории, этнографическая специфика хозяйства, образа жизни, быта. Этническое ядро казахской народности, по всей вероятности, сформировалось в XI—XII вв., в его основе лежали восточнокипчакские политические объединения, а завершающим этапом явился XVI в. М. С. Муканов акцентирует свое внимание в основном именно на XVI в., когда в результате совокупности экономических, социальных и военно-политических факторов обособились три группы племен и на их основе образовались объединения-жузы: Старший (в Семиречье), Младший (в Западном Казахстане) и Средний (в районе Сырдарьи, Северного, Восточного и Центрального Казахстана).

В этой главе целесообразно было бы уделить внимание вопросам об эволюции племени в эпоху феодализма и нового времени, трансформации социальной структуры племени, утере им кровнородственных связей и в то же время устойчивости некоторых родо-племенных традиций.

В исследовании подробно освещена этническая история племен, составивших Средний жуз: кереев, найманов, аргынов, кипчаков, конратов, уаков. Причем история каждого племени представляет собой материал для исследователя. Опираясь на различные источники и труды советских и зарубежных авторов, М. С. Муканов приходит к выводу о том, что керей и найманы — тюркские племена, и на их примере показывает длительный и сложный процесс миграций тюркских племен. Вследствие жестокой борьбы с союзом монгольских племен во главе с Чингисханом, керей и найманы вынуждены были оставить исконные места кочевок и переместиться далеко на запад, в степи Юго-Восточного, Центрального и Северного Казахстана.

Автор отмечает влияние на процесс складывания казахской народности ряда пришлых, в том числе монгольских, племен в результате вторжения татаро-монголов в Среднюю Азию и Казахстан. Так, конраты до начала XII в. входили в состав союза монгольских племен. Затем, в результате слияния с тюркскими родами, произошло их оформление в самостоятельное казахское племя.

В книге впервые глубоко и полно освещена этническая история одного из крупнейших казахских племен — аргын. В источниках это племя стало упоминаться лишь после монгольского завоевания. Автор считает, что новый племенной союз возник в период борьбы с татаро-монголами.

Племя уак появилось также в послемонгольский период, и автор устанавливает его родственную связь к керейям.

Уделяя большое внимание кипчакам, М. С. Муканов отмечает роль этого племени в этнической истории не только казахов, но и узбеков, каракалпаков, киргизов, народов Южного Урала и Алтая.

С началом присоединения Среднего жуза к России в 30-е годы XVIII в. автор связывает новый этап в этническом развитии казахской народности. В этот период, наряду с прогрессивными моментами в политической, экономической, общественной и культурной жизни казахского народа, действуют и факторы, замедляющие национальную консолидацию казахов, интеграцию в их составе обособленных родо-племенных групп. Это — колониальная политика царского правительства, устойчивость патриархально-феодалных пережитков и др. Автор подробно останавливается на указанных моментах. Как положительные факторы, способствовавшие дальнейшему прогрессивному развитию казахского общества, он рассматривает ликвидацию ханской власти в жузе, введение нового политико-административного деления, что способствовало прекращению междоусобий.

Автор убедительно доказал, что реформы 1822—1891 гг., вводившие новое административное деление в казахской степи, узаконили за каждой волостью, аулом определенные территории обитания. Если до реформы нельзя было точно указать границы кочующих общин, то с введением областного, волостного и аульного делений появилась возможность локализовать размещение казахских родов по административным единицам. Автором создана ценная карта расселения казахских родов во второй половине XIX — начале XX в.

Существенным моментом, повлиявшим на размещение казахских родов, явилось переселенческое движение из центральных и сибирских губерний на территорию Казахстана и Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. Переселение крестьян, с точки зрения автора, объективно сыграло прогрессивную роль в жизни казахского общества. Оно сопровождалось изъятием у народов края, в том числе и у казахов, обширных земельных площадей, что нарушило веками сложившиеся традиционные пути кочевания, но одновременно привело к закреплению пастбищ за отдельными родами и усилило процесс оседания казахских хозяйств, способствовало сближению и взаимосвязям коренного и пришлого населения.

² Т. А. Жданко, Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.), «Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы», вып. 4, М., 1974, стр. 10—26.

Наряду с общей положительной оценкой книги М. С. Муканова следует указать также на отдельные упущения. Так, в историографическом обзоре изложение трудов академика В. В. Бартольда (стр. 21), на наш взгляд, следовало бы переместить в предыдущий раздел, где рассматривались труды буржуазных ученых.

Неясна позиция автора в определении времени образования трех казахских жузов — он относит его то к XV, то к XVI вв. (стр. 23, 26).

При описании территориальных границ Среднего жуза в XVIII—XIX вв. М. С. Муканов не использовал богатый картографический материал Центрального государственного военно-исторического архива СССР и Отдела карт Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Автором недооценен трехтомный труд по истории, этнографии, демографии и географии Среднего казахского жуза, составленный офицером Генерального штаба М. Красовским. Это ценное исследование построено на богатейших документальных источниках и личных наблюдениях. В то же время следовало бы отметить характер служебной деятельности М. Красовского, те предпосылки, которыми руководствовался исследователь, и особо остановиться на необходимости критической оценки документальной основы труда и методов исследования М. Красовского. В этом случае стало бы обоснованным отрицательное отношение М. С. Муканова к труду М. Красовского, который до сих пор привлекает внимание исследователей. К сожалению, читатель не найдет этого в рецензируемой монографии.

Во второй главе «Вхождение Среднего жуза в состав России и расселение казахских племен (вторая половина XVIII — середина XIX в.)» предыстория принятия русского подданства связывается только с борьбой казахов с Джунгарией. Автор не отметил сложившиеся в предшествующие века политические и экономические связи этого района с Россией, взаимную заинтересованность в объединении.

Статистические таблицы, которые должны были отразить динамику демографических процессов в Казахстане, не соответствуют этой задаче. Не все таблицы датированы и связаны с текстом, структура их не идентична. Специфика статистических источников, касающихся кочевых народов, требует при составлении таблиц привлечения и тщательного анализа целого комплекса документов. Автор же в ряде случаев разрабатывает таблицы, основываясь на единственном документе, без сопоставления его с другими источниками и разъяснения степени его достоверности, что ставит под сомнение полученные статистические результаты о населении жуза в XIX — начале XX в. В то же время те таблицы, которые отражают волостную систему, аналогичную родовой внутри округов, с указанием географии зимних и летних мест кочевков, представляют большой интерес.

Вызывает сожаление и то, что М. С. Муканов не привел развернутых родовых схем для всех изучаемых казахских племен. Богатый материал монографии давал возможность это сделать не только для конратов и кипчаков. Публикация подробных родовых схем, подобных тем, что уже опубликованы башкирскими, узбекскими, киргизскими учеными, позволила бы доскональнее разобраться в этнической истории казахских племен; они важны при разработке вопросов этногенеза.

В целом рецензируемая книга представляет, несомненно, большой научный и практический интерес. Автор поставил перед собой задачу изучения казахов Среднего жуза не только в этнографическом аспекте, но и в демографическом, и в основном эта задача решена им успешно. Все разделы книги по содержанию тесно связаны между собой, создавая целостную картину этнической истории казахов Среднего жуза в дореволюционный период.

В. Я. Басин, Н. Е. Бекмаханова

Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Рота-принт. Душанбе, 1974, 195 стр.

Ходжент (Ленинабад), крупный торговый и промышленный центр Востока, расположен в горловине Ферганской долины на перекрестке древнейших караванных путей. По числу ремесленных организаций этот город считался одним из крупнейших в Средней Азии. Еще в начале XX в. 40% его населения было занято в 103 отраслях ремесленного производства. Особенно славился Ходжент ткачеством. Здесь вырабатывалось 60 видов тканей — от простой бязи до высокосортных полуселковых и шелковых материй. Одних гладких, полосатых, клетчатых или абровых канаусов местной выделки было известно более 20 сортов. Ходжентские нарядные ткани вывозились не только в различные области Средней Азии и Казахстана, но и в Сибирь, Европейскую Россию, на Кавказ, в Иран и Афганистан.

Изучению богатой своими традициями ткацкой промышленности этого древнего города посвятил исследование уроженец Ходжента Назиржон Турсунов.

Автор задался целью на материалах текстильных промыслов города Ходжента и его пригородов описать технику обработки волокна, сообщить о состоянии производства текстильных промыслов, выявить и показать развитие новых капиталистических отношений в условиях господства феодального способа производства.

Работа Н. Турсунова наглядно показывает, что «ремесло, являющееся прочной хозяйственной основой средневековых городов, было феодальной промышленностью, поэтому исследование его социально-экономической структуры позволяет глубже осветить историю феодальной общественно-экономической формации». Кроме того, изучение ремесла, которое уже само по себе вносит ценный вклад в разработку истории материальной культуры народа, может пролить свет на генезис капитализма в Средней Азии, углубить наше понимание истории формирования национального пролетариата и буржуазии.

В историко-этнографической литературе по Средней Азии данные о ходжентских ремеслах встречаются нередко, однако монографическое исследование, посвященное одной определенной отрасли ремесленного производства, появляется впервые.

Рецензируемая работа написана на основании собранных автором этнографических материалов и архивных данных, тщательно им изученных. Она дает исчерпывающую характеристику истории городского ремесла Северного Таджикистана и в полной мере соответствует той задаче, которую поставил перед собой автор.

Большое достоинство книги — ее четкая структура. Монография состоит из введения, двух обширных глав и заключения.

Во введении к книге (стр. 7—21) Н. Турсунов наряду с определением объекта исследования и его задач рассматривает литературные источники, анализирует материалы своих предшественников с XVI в. до наших дней. При этом автор умело обращается с источниками, оценивает их достоинства и недостатки, уважительно относясь к тому, что было сделано его предшественниками.

В первой главе (стр. 107—150) обстоятельно рассматривается техника обработки волокна, освещается производство бумажной, пуховой и шелковой пряжи. Значительное место отведено описанию техники изготовления различных видов тканей и их отделки. Такого рода описания известны и по работам других авторов, сообщавших сведения о ткачестве в Средней Азии, но рецензируемая работа значительно полнее и подробнее их. Наряду с характеристикой техники тканья и выработки тканей автор дает довольно подробное описание орудий производства, чертежи которых помещены в специальном приложении в конце книги.

Описывая орудия производства, употреблявшиеся в Ходжете в конце XIX — начале XX в., автор указывает, что ткацкие станки — основные орудия для тканья — были двух типов. Первый, наиболее распространенный, ручной станок, в котором челнок перебрасывался рукой; второй — станок с погонялками, более усовершенствованный, появившийся в конце XIX в. На станке этого типа челнок приводился в движение не рукой, а специальным аппаратом — механической погонялкой. Естественно, что на подобном станке производительность труда была выше, чем на ручном.

Достоинство этой главы — хорошо разработанная терминология, касающаяся как различных способов обработки волокна, производства тканей, приспособлений и станков в целом, так и мельчайших деталей. Этот материал — хорошая основа для специального изучения ремесленной терминологии Средней Азии, исследование которой, несомненно, дало бы дополнительный этнографический материал.

Организации производства и производственным отношениям ходжентских ремесленников, обрабатывавших волокно, посвящена вторая глава (стр. 107—150). Она содержит довольно большой, добротный исследованный материал. Особенно полно изложены сведения, касающиеся типов мастерских. Классифицируя типы предприятий, автор приходит к правильному выводу о том, что их размер, количество рабочих рук, положение социальных групп ремесленников и система производственных отношений зависели прежде всего от широты и емкости рынка. Малые мастерские, которые занимались, по определению автора, «слаборазвитым» промыслом, обеспечивали потребность местного рынка. Их продукция редко шла на вывоз. Владельцами таких мастерских были ремесленники-одиночки, работавшие без помощи наемных мастеров. Особым типом ходжентских предприятий были средние по своим размерам мастерские, которые Н. Турсунов определяет как феодальную корпорацию, ближайшую предшественницу мануфактуры. Хозяева мастерских были той социальной прослойкой, из которой в исследуемый период вышли предприниматели и образовалась прослойка наемных мастеров.

Так же подробно изложены сведения, относящиеся к мастерским мануфактурного типа. Весьма тщательно описаны автором состав работавших в них людей, условия труда и оплаты. Интересны и сведения о владельцах этих мастерских, среде, из которой они выходили, их положении в производстве и торговле. Проведенный Н. Турсуновым анализ материалов свидетельствует, что в Ходжете в рассматриваемый период концентрация ткацкого производства была выше, чем в Бухаре и в других центрах ткацкого производства Средней Азии. Это, по мнению автора, выразилось в увеличении концентрации средств производства и в слиянии мелких мастерских в крупные предприятия. Большой интерес в этом разделе представляет исследование углубившегося в связи с развитием ремесленного производства разделения труда.

Один из центральных моментов рецензируемой работы — анализ социальной организации ремесла (гл. II, разд. 2). Рассматривая социальные группы ремесленников, автор пишет о большом значении самостоятельного ремесленника — хозяина маленькой мастерской и ремесленника — хозяина мастерской с небольшим числом наемных работников. Н. Турсунов показывает, что владельцами мануфактуры в исследуемый период были капиталисты-предприниматели, а функционирование предприятий основывалось на эксплуатации труда десятков наемных работников (халифа). Автор высказывает личное зависимое положение, в котором оказывался наемный мастер. В этой связи он исследует сущность института «бунак» («бунак» — денежный аванс, который халифа получал от предпринимателя при поступлении к нему на работу). Таким образом, предприниматель получал гарантию, что халифа не уйдет на другую работу, не возвратив долга.

Существенным дополнением к этому разделу является анализ социальных групп крупных предпринимателей и скупщиков. В работе уделено внимание еще одной фигуре на ходжентском ткацком предприятии — ученику и его положению в системе производственных отношений. Обращает на себя внимание рассмотрение структуры корпорации ремесленников, а также материалы о деятельности старшины цеха и функциях цеховых собраний. В разделе характеризуются также религиозные представления и верования, породившие у ремесленников особые культы, которые связывались с мифическими основателями ремесла и его отдельных отраслей. Эта часть работы содержит много интересных этнографических деталей.

Материал третьего раздела II гл. свидетельствует о том, что изучение иерархии цеховых организаций, их трансформации в различные периоды феодализма имеет большое значение для освещения социальной истории народов Средней Азии.

При общей положительной оценке работы необходимо отметить, что автору не удалось избежать и некоторых недостатков. Так, организация труда и условия работы в мелких и средних мастерских освещены сравнительно скупо. Проследившая эволюцию структуры и характера ремесленных корпораций, автор приходит к заключению, что для ремесленных корпораций на раннем этапе развития феодальной промышленности был характерен цех с двучленной системой производственных отношений (мастер — ученик). А позднее, с развитием товарно-денежных отношений и расширением рынка, появился цех с трехчленной системой (мастер-хозяин, наемный мастер и ученик). Дальнейшее развитие социальной структуры ремесленных корпораций, по мнению автора, привело к появлению в цехах текстильного производства Ходжента новой фигуры — *нимкор* (подмастерье). Нам кажется, что здесь автор не совсем точен. Прежде всего, вызывает недоумение неувязка при описании автором функции цеха в условиях развитой мануфактуры в Ходженте. Рассматривая организацию цеха, существовавшего при развитой мануфактуре, автор, однако, дает почти патриархальную картину. Недостаточно четко определены обязанности халифа в мастерской. Нечетко определяется положение халифа и по отношению к цеху. Вопрос о статусе нимкора, которого автор считает подмастерьем, также не доработан. Поэтому при чтении монографии складывается впечатление, что ученик и нимкор в системе производственных отношений — одна и та же фигура.

Книга не лишена и известных повторений. Кажется несколько неуместным постоянное выделение местных терминов шрифтами. Вероятно, было бы лучше выделять их лишь при первом упоминании, тем более что в книге помещен соответствующий терминологический указатель.

Подводя итоги, следует отметить, что исследование Н. Турсунова вносит заметный вклад в изучение среднеазиатского городского ремесла. Автор успешно разрешил сложную задачу этнографического изучения текстильного производства в Ходженте. Можно с уверенностью сказать, что работа эта войдет в основной фонд трудов, посвященных изучению жизни городов Средней Азии конца XIX — начала XX в.

Е. М. Пещерева, Р. Р. Рахимов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Alfonso de Otazu y Llana. El «Iguaritarismo» vasco: mito y realidad. San Sebastian, 1973, 454 p.

Книга молодого испанского историка Альфонсо де Отасу и Льяна посвящена одному из интереснейших аспектов социальной истории басков. Этот небольшой народ с давних пор привлекал к себе внимание языковой и культурной самобытностью, особенностями социального развития. Широкое распространение получило мнение о басках, как о народе «равных и свободных» людей, никогда не знавших никаких форм феодальной зависимости, поголовно участвовавших в решении всех вопросов местного самоуправления. Более того, в значительной мере именно памятью о «прежних правах и свободах» вдохновлялись местные сторонники карлистских претендентов на трон в борьбе против правительства, стремившегося отменить особый статус баскских земель. Деятели националистического движения конца XIX—XX вв. также противопоставляли басков как носителей «свободного духа» всем остальным народам Испании, на которых лежала печать «многовекового рабства».

На основании своего исследования, охватывающего период примерно с XI до начала XIX в., автор книги пришел к выводу, что так называемое «исконное равенство» басков — не что иное, как миф, никогда не имевший реальной основы. Баскское общество знало и деление на антагонистические классы, и сеньориальный режим, и восстановление эксплуатируемого населения против господствующей элиты. Но Отасу и Льяна не просто развенчивает традиционные представления, но и вскрывает причины их возникновения и удивительной живучести. Он считает, что на каждом историческом отрезке идеи «равенства» оказывались выражением интересов определенных слоев общества. Социальная база этих идей неоднократно менялась в соответствии с социально-экономическим развитием баскских провинций.

Возникновение тезиса об «изначальном равенстве» всех басков автор относит к XIV в. Он рассматривает XIV—XV вв. как период господства феодальных сеньоров (*parientes mayores*), против которых в этот период развертывалась борьба сельских и городских общин, завершившаяся к началу XVI в. почти полным уничтожением могущества и влияния феодалов и укреплением органов общинного и муниципального самоуправления. В этих условиях идеи «исконного равенства» призваны были закрепить одержанную победу.

Однако и в это время население Страны басков и Наварры было крайне неоднородно. Многократно говорилось и писалось о «коллективном дворянстве» басков, избавлявшем их от всех видов зависимости и уплаты налогов. Отасу и Льяна приводит цифры, из которых видно, что идеальгия распространялась здесь лишь на часть населения: она составляла 50% жителей Бискайи и Гипускоа, 20% — Алавы и всего 6% наваррцев. Автор сообщает о разного рода повинностях, которые несли большие группы населения рассматриваемого региона и после политического разгрома класса феодалов. Кроме того, для Басконии и Наварры характерно существование групп так называемых «аготовов» (*agotes*) — совершенно бесправного населения, подвергавшегося различного рода притеснениям и сохранившего свою обособленность вплоть до XX в.

Но и в среде баскских «дворян» имелись глубокие социальные и экономические различия. Так, в группе северонаваррских селений, обладавших правами коллективного дворянства, существовала огромная дистанция между владельцами стад и общинных пастбищ и теми общинниками, которые могли лишь работать пастухами; однако им не позволялось иметь собственный скот.

В подтверждение своего тезиса о неоднородности баскского общества уже в начале исследуемого им периода автор выдвигает предположение, что многолетняя вражда кланов Басконии была не чем иным, как борьбой «двух типов общества»: пастухов горной части страны и торговцев, моряков и земледельцев прибрежной зоны.

Тогда же, с конца XVI в., «изначальное равенство» басков оказалось также орудием противопоставления автохтонного населения «чужакам», стремившимся поселиться на землях той или иной общины. В связи с этим автор указывает на большую роль, которую в истории басков сыграла необходимость поддержания равновесия между природными ресурсами страны и количеством обитавшего в ней населения. Этим объясняются, в частности, некоторые специфические местные обычаи.

В XVII—XVIII вв. на сцену выходит новый класс, берущий на вооружение тезис об «изначальном равенстве». Автор считает, что основным источником «первоначального накопления» в Басконии стали деньги басков, разбогатевших за пределами своей родины, в Испании или Америке. По возвращении они скупали земли, торговые и производственные предприятия и очень скоро превратились в могущественную олигархию, господствовавшую в экономике и внутренней политике Страны басков. Свое «темное» происхождение эти люди компенсировали тем, что роднились с потомками бывших феодальных сеньоров. И уже вскоре они видоизменили идеи «всеобщего равенства». Идеологи главенствующего слоя утверждали, что среди баскского народа, состоящего

из идальго, есть патриции и плебеи. Реально эта мысль соответствовала все большему сосредоточению власти в руках экономически господствовавшей группы. Были введены специальные ограничения на участие в выборных органах, что оправдывалось необходимостью определенных расходов по «представительству». По подсчетам автора в разных частях Басконии избранными на должности в органах местного самоуправления могли быть представители всего лишь 1—2% населения. Фактически знаменитая демократическая система баскской автономии служила в XVII — начале XIX в. формой господства немногочисленной группы буржуазии.

Капитализация экономики Страны басков ухудшала положение средних и мелких производителей и полностью отсняла их от решения важнейших вопросов внутренней жизни. Это вызвало яростные вспышки борьбы против угнетателей. В поисках выхода из тяжелого положения массы крестьян и ремесленников в конце XVIII в. обращаются все к той же концепции «изначального равенства», противопоставляя ее действительности. Идеализируя прошлое, они неизбежно оказываются в лагере реакции, что и продемонстрировали карлистские войны XIX столетия.

Реакционный характер обращения к прошлому усиливается, по мнению автора, вследствие участия местных священников в борьбе трудящихся еще с XV—XVI вв. Представляет интерес анализ автором этого явления, наложившего отпечаток на все баскское национальное движение. Он считает, что причиной антагонизма между священниками и феодалами, а впоследствии пришедшими им на смену олигархами, были экономические трения. Дело в том, что, так как церкви в Басконии основывались на землях того или иного клана, глава клана, будущий сеньор, становился их покровителем, а одновременно — получателем десятины от прихожан. Это «покровительство», ставшее священников в зависимость от «патронов», существовало и в дальнейшем, причем, как правило, священники считали себя обделенными. Обладатели права на получение церковной десятины обычно выплачивали им определенную сумму, не считаясь с ростом числа прихожан и иными факторами.

В предисловии к книге автор так сформулировал вопросы, на которые намеревался ответить в своей работе: существовал ли в Стране басков феодализм, имелись ли здесь классы и народное движение? На эти вопросы он ответил положительно, заняв непримиримую позицию в споре с теми, кто отстаивает противоположную точку зрения, опираясь при этом на свидетельства современников. Позиция автора, основанная на анализе социально-экономического развития Басконии, представляется достаточно убедительной и многое дает для понимания истоков и характера национального движения басков. Правда, мне кажется, что в стремлении доказать тождественность исторического пути басков и окружающих народов Отасу и Льяна порой пренебрегает немаловажными чертами самобытности населения исследуемого региона. Так, по его мнению, «парьентес майорес» — это феодалы обычного западноевропейского типа, установившие в XIV—XV вв. настоящий сеньориальный режим в Басконии. Но само их происхождение из клановой верхушки («парьенте майор» — «старший родственник»), наряду с многочисленными свидетельствами существования достаточно ярко выраженных явлений, характерных для родового строя, заставляет думать, что дело обстоит несколько иначе. На основании данных, приведенных в книге, можно предположить, что примерно до начала XVI в. в баскском обществе шла упорная борьба между прежней родовой аристократией, стремившейся монополизировать землю и превратиться в сеньоров, и рядовыми общинниками, противившимися этому. Победе последних способствовал ряд обстоятельств. В ходе двухвековой войны кланов, разделившей всю Басконию на два лагеря, была истреблена значительная часть клановой верхушки. Кроме того, кастильские короли сами способствовали ослаблению позиций родовой элиты. Мало того, что они основывали поселения в местах, важных с торговой, военной или религиозной точек зрения, не спрашивая согласия кланов, владевших землей, — они предоставляли жителям этих «бургов» (сначала индземцам, а затем и баскам) особые права и привилегии, ставившие их вне юрисдикции клановых вождей. Наконец, короли охотно жаловали жителям целых селений и даже областей Басконии пресловутое «коллективное дворянство», что сводило на нет претензии «парьентес майорес». Кроме того, в XVI в. население баскских провинций стало смешанным, что привело к ослаблению родовых связей и укреплению соседских, и это обстоятельство нанесло последний удар тенденции к превращению бывшей родовой верхушки в феодальных сеньоров. К концу XVII в., когда появилась новая олигархия, от былого влияния «парьентес майорес» осталось не так уж много.

Следует также оговориться, что рецензируемая работа построена главным образом на «испанско-баскомском» материале. В небольшой главе, посвященной Французской Басконии (областям Суль, Лабур и Нижняя Наварра), говорится, что основные этапы их социальной истории примерно соответствуют общественному развитию испанской Страны басков вплоть до Великой французской революции.

В целом книга Альфонсо де Отасу и Льяна представляет большой интерес для исследователей истории и этнографии басков, а косвенно — и других народов Испании.

А. Н. Кожановский

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

НОВЫЕ РАБОТЫ О НАРОДАХ НЕПАЛА И БУТАНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛЕ¹

Перед нами номер журнала «Обже э Монд», посвященный теме «Человек и высокогорье: Гималаи». Это уже третий специальный выпуск этого журнала, в котором публикуются исследования по все еще малоизученной этнографии Непала и соседних стран². Нужно сказать, что с 1965 г. Национальный центр научных исследований во Франции проводит в Гималаях координированные исследования с участием географов и этнографов. С 1970 г. эта программа специально нацелена на изучение среды обитания человека.

В начале номера внимание привлекает фотография, сделанная в конце ноября 1972 г. со спутника. На ней хорошо различимы массивы Аннапурны (8090 м) и Дхаулагири (8172 м). Фотографию расшифровывает приложенная схема. Показан большой район на западе Центрального Непала — квадрат со сторонами 150 на 150 км. Снежная линия спустилась уже до 3000 м над уровнем моря. На северных склонах без снежного покрова остались лишь узкие — шириной всего лишь по одному километру — долины рек Гандаки, Бхери и Панзанга. Зимой линия снегов на этих склонах опускается еще ниже — до 1000 м. Весной и летом она отступает, но не поднимается даже на южных склонах выше 4800—5200 м над уровнем моря. Еще выше находится царство вечных снегов. На фотографии видны белые пятна снегов лишь на самых высоких местах к югу от линии Дхаулагири — Аннапурна. Здесь долины более обширны и лежат на высоте 400 м и ниже в зоне тропического и субтропического климата. Эти долины недостаточны суровому холоду высокогорий.

Муссоны, переставшие дуть в сентябре, оставили на склонах высочайших гор массу осадков (70—90% годового количества). Но ко времени съемки наступил уже сухой сезон, который будет длиться до самого мая.

О жителях этой горной страны, об их экономике, их адаптации к высокогорьям рассказывается на страницах рецензируемого издания. Структура его такова: вслед за кратким предисловием Ж.-Ф. Добреме и К. Жеста помещен небольшой эколого-демографический раздел. Затем следует 10 статей собственно этнографического содержания. Далее опубликованы информационные статьи об изучении экологии Гималаев в Музее человека (С. Тьерри), об этномузыкалогии Непала (М. Эльффер) и ботанических коллекциях из этой страны (Ж.-Ф. Добреме). За этими статьями следует краткое заключение Ж.-Ф. Добреме и К. Жеста. В разделе библиографии рассмотрены три новейшие публикации по Непалу (рецензии Ж. Тоффена). Издание иллюстрировано прекрасными фотографиями и картосхемами.

В небольшой по размеру статье Ж.-Ф. Добреме дана всесторонняя характеристика природной среды Гималаев, отличающейся чрезвычайным разнообразием климата, типов растительности и т. д., что отражается в сложной мозаике экологической среды. В районе Центральных Гималаев автор выделяет более 70 вариантов экологической среды, что соотносится с очень большой этнической дробностью (стр. 228). Выводы автора, сделанные в результате полевых исследований, интересны, однако его положение о прямой связи между экологическим разнообразием и сложностью этнического состава в Гималаях вызывает сомнение.

Статья Ф. Виньи посвящена демографическим проблемам Непала. Отмечается крайняя неравномерность распределения населения при средней довольно высокой плотности (более 80 чел. на 1 км²). Встречаются как обширные районы, почти незаселенные, так и зоны высокой плотности населения (в долине Катманду плотность достигает 950 чел. на 1 км² — стр. 240). В 1971 г. население страны превышало 11,5 млн. человек. Ежегодный прирост населения составляет 2%. Из миграционных процессов автор останавливается подробно на переселении в зону восточных тераев (болотистые жаркие низменности на юге страны), чему очень способствует успешная борьба с малярией. Важное значение для Непала имеет миграция рабочей силы в Индию, куда на заработки уходят многие юноши. В Непале наметилась тенденция к переселению из сельской местности в города, где проживает всего 3,6% населения. Из работы Виньи видно, что Непал характеризуется высокой для горной страны плотностью населения. Причины этого еще далеко неясны, но одна из них несомненна — традиционно развитые торгово-экономические отношения, которые с древности связывали страну с Индией и Тибетом.

В этом же разделе опубликованы еще три сообщения: Р. М. Фор и К. Жеста — об источниках термальных серных вод, широко применяемых непальцами в терапевтических целях; А. Ламинг-Эмперер — о находке орудий из шлифованного камня неолитических обитателей Гималаев; Ж. Дюрана — о физиологической адаптации местного населения к высоте.

¹ «Objets et Mondes», t. XIV, f. 4, 1974.

² См. «Objets et Mondes», t. VI, f. 2, 1966; t. IX, f. 1, 1969.

В работе К. Жеста «Верхняя Сети, страна бога Ланга» дан обзор экологии, занятий и этнического состава населения крайнего запада Непала. В долине р. Сети перепад высот значителен: на участке длиной в 38 км река спускается с 4000 до 2250 м. Горы, окружающие долину, возвышаются более чем на 6000 м над уровнем моря. По этой долине шел до недавнего времени торговый путь из Тибета в Индию. Торговля была сосредоточена в руках хумли и бьянси.

Долина населена дхулиалами, частью касты матвари четри (основная масса матвари четри расселена далее к югу) и бьянси. Язык дхулиалов и бьянси близок к непали. На склонах гор живут хумли и кхампа (чхампа, чампа). Это народы тибетского происхождения. Они занимаются разведением яков и дзо, а также караванной торговлей, о которой автор сообщает интересные сведения. Дхулиалов и бьянси можно рассматривать как этнографические группы в составе народа непали. Степень этнической консолидации у тибето-бирманцев в Непале ниже, чем у индоевропейских по языку групп, которые сплавиваются вокруг хумли. Хумли и кхампа следует считать самостоятельными этническими общностями.

В долине содержится много стад крупного рогатого скота (прежде всего яков и дзо — гибридов от скрещивания яков с коровами), который используется для вьючной транспортировки товаров. Горные пастбища расположены в верхнем течении реки. В нижнем течении на высотах до 2000 м устроены на террасах орошаемые рисовые поля. В долине три деревни, в которых в 1971 г. насчитывалось 791 чел. Все эти поселения поддерживают взаимные брачные связи (стр. 261).

Подробные данные о земледельческом и скотоводческом хозяйствах тибетского населения долины р. Лими (округ Хумла) содержатся в статье М. Голдстейна. Довольно высок здесь уровень развития обоих взаимодействующих отраслей. В долине Лими основная сельскохозяйственная культура — ячмень. Он возделывается на орошаемых, частью террасированных полях, на которые вносят достаточно удобрений. Ячмень здесь поднимается до высоты 3950 м. Скотоводство носит отгонный характер. Автор выделяет три типа скотоводческих хозяйств. Круглогодичная пастба больших стад характерна для зажиточных семей, в которых за стадами следят лишь некоторые члены семьи. Интересно, что это главным образом женщины. Для другого типа характерно меньшее количество животных в стаде и стойловое их содержание зимой. Третий тип представлен в деревне, имеющей поблизости хорошее зимнее пастбище, облегчающее зимовку скота. В зимнее время население этой деревни занимается столярными работами и вырезанием деревянных чаш.

Описанию деревни Марфа, населенной тибето-бирманской группой пакгау, посвящена статья П. Валекса. Деревня расположена в верховьях р. Гандаки, в ущелье Тхаккхоло. В этом ущелье расселены также родственные по языку тхакали. Строго соблюдаемый принцип эндогамии внутри деревни обособляет население Марфы от остальных пакгау (стр. 271). На террасированных и орошаемых полях на высоте 2800—3500 м выращивают рожь, пшеницу, просо, кукурузу. Альпийские луга позволяют разводить скот, но численность его на одно хозяйство оказывается значительно меньше, чем в упомянутой выше долине Лими. В составе стада преобладают лошади, ослы, козы и овцы. Во всей долине Гандаки ослы — основное тягловое животное в сельском хозяйстве. На них же перевозят вьюки с товарами. Роль торговли значительна. Многие местные жители с декабря по март уходят на юг в терас со своими вьючными животными. Там своими караванами они перевозят на рынки сельскохозяйственную продукцию земледельцев терав (особенно рис). Возвращаясь в горы, они везут с собой зерно и другие продукты, так как своего урожая им не хватает (стр. 275).

В статье М. Фор дана разносторонняя характеристика долины р. Гандаки. Автор обращает внимание на выраженную «этажность» хозяйственного освоения долины: если местоположение поселения часто вызвано историческими причинами, то расположение полей, водного источника, леса, пастбищ экологически детерминирует вертикальную зональность в организации работ. Как справедливо отмечает М. Фор, экологическая среда — не единственный фактор, определяющий освоение человеком высокогорий; важны также факторы социально-экономические, демографические. Так, если деревня Марфа, лежащая в Трансгималаях высоко в горах, в последнее время в какой-то степени процветает благодаря туризму, то деревня Бхурунг, расположенная южнее и в менее суровом климате, оказалась вне этого влияния. Значение туризма для Непала уже сейчас довольно велико, и надо думать, что он будет возрастать. Этой деревне, населенной магарами, посвящена статья Ф. Алироля. Бхурунг расположена на юго-восточном склоне Дхаулагири (на высоте 2500 м). Через деревню течет небольшой приток р. Гандаки. Ниже по ущелью на высоте 1500 м в нескольких километрах от Бхурунг находится Татопани — деревня тхакали. Населяют Бхурунг 150 чел., в основном из тибето-бирманской народности магаров. Из них в английскую, а позже в индийскую армии вербовалось много солдат (в гуркхские части). В начале 1970-х годов в английской и индийской армиях все еще служило несколько человек. Несколько мужчин из деревни, бывших солдат, находилось на пенсии. В этой же деревне проживает группа дамай (каста портных) и ками (каста кузнецов, лесорубов и деревообделочников). Язык этих каст близок к непали. Дамай и ками эндогамны, в деревне они занимают особый квартал. Автор описывает жилище магаров, уборку урожая и его хранение; особенно подробно сообщает он о празднестве, посвященном божеству — защитнику деревни Бара и божеству земли Бхуме.

Заметку о празднестве в честь духов предков в деревне пакгар поместил К. Жест. Заметка снабжена фотографиями с подробными пояснениями. Духами-хранителями деревни здесь считаются яки. Поэтому в церемонии участвуют два персонажа, изображающие яков. Эти роли играют двое мужчин, одетые в соответствующие костюмы.

Интересно исследование о пастухах-гурунгах Ламжунг Химала, горного массива к востоку от Аннапурны, опубликованное Д. А. Мессершмидтом. Эту местность гурунги занимают издавна. Они традиционные скотоводы. Но еще в XIX в. началось постепенное движение гурунгов вниз, где они стали заниматься полеводством. У северных же гурунгов до сих пор преобладает овцеводство. Летом со стадами они поднимаются до 5500 м, зимуют на высоте 800—1100 м. Поселение, исследованное автором, лежит на этом кочевом маршруте. Поэтому два раза в год (весной и при сборе урожая) стада подходят к поселению, и тогда устраиваются празднества. Помимо овечьих отар автор выделяет у гурунгов еще три вида стад: коз, коров и буйволов по 10—20 голов. Кроме того, буйволиц, ежедневно дающих молоко, пасут поблизости от дома. С каждым видом стада связан особый хозяйственный распорядок и разделение труда между членами семьи (стр. 309). Автор тщательно прослеживает организацию хозяйства, сезонные кочевья, торговлю скотом.

Ж. Сашерер описывает небольшую общину шерпов, насчитывающую 200 человек, в долине Ролваллинга на севере Непала. Основное занятие их — разведение яков, дополнительное — выращивание картофеля, который вообще в северных районах восточной половины Непала стал важнейшей полеводческой культурой. Автор отмечает собирательство съедобных корней дикого растения ариземы (из семейства ароидных). Это занятие строго регламентируется, чтобы не сокращались запасы этого растения (стр. 318). Скотоводческое хозяйство обусловило подвижность образа жизни шерпа. В разное время года они живут в одном из трех главных и пяти дополнительных поселений, нигде не оставаясь больше трех с половиной месяцев. В самое нижнее поселение шерпа переходят в ноябре. Тогда к этой общине поднимаются для торговли таманги и шерпы из более южных районов. Община шерпов, изученная автором, чрезвычайно интересна широким спектром хозяйственных занятий, позволяющих ей адаптироваться к суровым условиям северного Непала.

Населению долины р. Анкху Кхола, расположенной в 45 км к западу от Катманду, посвящена статья Ж. Тоффена. Это территория тамангов. Позднее сюда переселились гурунги, камы и невары. Экологическое разнообразие здесь велико — от тропической среды на дне долины до альпийских лесов вверх. В сложной этнической среде роль *lingua franca* играет не непали, а язык тамангов. Автор прослеживает легендарную историю тамангов, связывающую их происхождение с Тибетом, уделяет много внимания их социальной и этнической структуре, культам. Довольно подробны сведения об интересной касте кузнецов камы (язык их индоевропейский) (стр. 331, 332). Сведения о тамангах особенно важны. Это один из развитых народов Непала. Расселены они отдельными группами по всей территории страны. По мнению ряда исследователей, таманги появились из Тибета в VII—VIII вв. н. э. Ю. Н. Рерих их этноним связывает с тибетским термином, означающим конницу. Г. Г. Стратановичем была высказана гипотеза, что группы с таким же названием в Бирме, на Малакке и на о. Калимантане, сохраняющие коневодческие традиции, этнически родственны³. Все это вызывает повышенный интерес к материалам Ж. Тоффена.

Основной раздел номера завершает работа Ф. Т. Денвуда об архитектуре Бутана. Автор кратко обрисовывает физико-географические условия Бутана, дает этнографический очерк бутанцев (самоназвание друкпа), кратко останавливается на истории этой страны, на ее взаимоотношениях с Тибетом. Часть статьи посвящена сельскому дому, представленному на западе и в центре страны. Это двухэтажный дом со стенами из утрамбованной земли. Характерная двускатная крыша опирается на деревянную каркасную конструкцию, которая образует помещение для хранения фуража. Скаты крыши до стен не доходят, что, возможно, связано с тем, что дома бутанцев традиционно строятся как дома-крепости. Из такого чердачного помещения легко было наблюдать за осаждающими дом и защищать его. Нижний этаж отводится под хлев. Этот тип дома описан довольно подробно. Далее рассматривается архитектура монастырей и монастырей-крепостей, в которой отмечается влияние Тибета. В заключительной части автор, касаясь вопроса о происхождении крыши бутанских домов, рассматривает проблему тибетского влияния и, наконец, что очень важно, сообщает о новейших течениях в бутанской архитектуре. Оказывается, что административные постройки в столице Тхимпху следуют народной традиции (стр. 346).

Конечно, народы гималайских стран еще слабо исследованы, но рассмотренная публикация во французском этнографическом журнале — важный шаг вперед в расширении наших представлений о горцах Гималаев. Она очень важна для решения проблемы экологической адаптации этих народов в высокогорьях.

³ Г. Г. Стратанович, Проблема скользящих этнонимов. сб. «Этнонимы», М., 1970, стр. 56, 57.

S. Dewdney. The sacred scrolls of the southern Ojibway. Toronto. 1975, 191 p.

Автор книги, художник и этнограф, уже много лет занимается изобразительным искусством и пиктографией аборигенов района Великих Озер. Два предыдущих исследования С. Дюдни были посвящены наскальным изображениям канадских индейцев-алгонкинов.

В рецензируемой книге Дюдни поставил перед собой цель систематизировать и опубликовать как можно полнее обрядовые пиктографические документы индейцев оджибве, относящиеся к обряду Мидевинин, возникшему у оджибве в XVI в.¹ Это понятие связано с важнейшим в аборигенной культуре ряда алгонкинских племен тайным знахарским обществом, объединявшим верхушку индейской общины — старейших лекарей, заклинателей и провидцев, владевших секретами народной медицины и пиктографического письма.

Исследователь отобрал не все виды свитков, а лишь те, в которых отражены мифы о сотворении мира и появлении самого обряда, а также обрядовые миграционные карты племени, инструкции по проведению ритуалов и некоторые другие.

Каждая из 11 глав работы посвящена одному из аспектов описания свитков: возможностям березовой коры как материала для пиктографического письма; роли мифологических представлений в жизни индейцев и особенностям их пиктографической стилизации; отдельным видам свитков, которые классифицируются по темам и структуре изображений. Дюдни ставит вопрос о значении свитков как историко-мифологических документов, способных служить важным источником для датировки и определения путей географического распространения священных обрядов Мидевинин.

В книге впервые воспроизводятся более 100 свитков, выявленных автором в 40 общественных и частных фондах и коллекциях, дается их полный перечень и описание. Однако подробная интерпретация их содержания, даже с привлечением всей предшествующей литературы об оджибве как американской, так и индейской, была бы невозможна без непосредственного общения с живой традицией. Информация, почерпнутая автором в беседах с одним из последних хранителей святынь Мидевинин, вождем Красное Небо с озера Шоал, легла в основу книги. Существенным добавлением к собранному материалу явились и 7 свитков из коллекции Красного Неба.

Проследивая хронологию и структуру изображений на свитках, Дюдни приходит к выводу, что обряд Мидевинин является символическим воспроизведением миграции оджибве с побережья Атлантики на запад континента. При этом обряд сыграл важнейшую роль в процессе социально-культурного единения оджибве. Основная мысль Дюдни состоит в том, что в процессе социально-экономических перемен произошла и переориентация шаманизма оджибве: от индивидуального произвола отдельных шаманов к социально-контролируемому обряду, делающему акцент на «белую», а не на «черную» магию. В таких условиях повысилась роль свитков как средств сохранения и дальнейшего развития устной традиции.

Дюдни не ставит своей целью воссоздать общую «текстовую» структуру обряда Мидевинин; вместе с тем его работа может считаться шагом вперед в исследовании этой проблемы.

Дюдни намечает соотношение между различными видами свитков в рамках обряда. Однако совокупность пиктографических «текстов» и их место в структуре обрядового цикла Мидевинин не рассматривается автором. В частности, остается неясным, как связаны между собой «миграционные» и другие свитки с песенными текстами (Дюдни указывает только, что при исполнении обряда звучат «десятки песен»).

Между тем очевидно, что многочисленные песни Мидевинин, отраженные в пиктографических записях, имеют уже известную традицию исследования в американистике и представляется, что они заслуживают системного изучения в качестве «священных свитков оджибве». Не исключено, что при этом в большей мере будет конкретизировано и значение самих песен Мидевинин как памятника народной словесности, синкретичного по природе, отражающего несколько важных областей человеческой деятельности. Выяснить художественно-образную природу эпических памятников аборигенов лесного и приозерного района США и Канады особенно важно. В устнопоэтическом творчестве аборигенов именно этого района сложились особенно яркие и художественно целостные эпические системы, частично отраженные в пиктографии и иных мнемонических средствах. По отношению к таким памятникам, вероятно, можно говорить об особом характере раннего эпоса. По существу эта проблема была поставлена известным американистом Д. Г. Бринтоном в его восьмитомном издании «Библиотеки литератур американских аборигенов». В последние годы в связи с социальной и культурной активизацией индейцев в США эта проблема все больше привлекает внимание исследователей².

¹ См.: H. Hickerson, Notes on the post-contact origin of the Midewinini, «Ethnohistory», 1962, vol. 9, № 4.

² См., например, J. Bierhorst, Four masterworks of American Indian literature, N. Y., 1974.

Обращение автора к проблемам народной историографии делает закономерным дальнейшее сопоставление рассматриваемых свитков Мидевинин с пиктографическим памятником делаваров — хроникой «Валам Олум». В обоих случаях речь идет о памятниках, основных в народной культуре, обладающих рядом стиливых и сюжетных параллелей, которые еще предстоит детально изучить.

Анализируя пиктографическую символику свитков, Дюдни соотносит изображения основных персонажей (выдры, медведя, черепахи, Манабозо и других духов) с соответствующими мифологическими преданиями, что позволяет автору говорить о «раскованном, аллегорическом характере мышления и чувственного мира оджибве» (стр. 10). В акцентировании свободы и «раскованности» мистицизма мифологической традиции оджибве, очевидно, содержится скрытое сопоставление с традицией их соседей — ирокезов, по отношению к которой не раз говорилось об общей усложненности и хронологической последовательности отдельных циклов.

Несмотря на накопленную к настоящему времени значительную литературу об оджибве нельзя недооценивать и те новые фактические данные, которые приводятся Дюдни. В частности, несомненный интерес представляет указание на то, что «Валам Олум» делаваров переводился в середине XIX в. на английский язык Джоном Копуэем — вождем, священником и литератором оджибве, со слов одного из делаваров (стр. 128).

Таким образом, заслуга Дюдни состоит и в том, что его работа по характеру многоцелевая. Полнота в воспроизведении и расшифровке содержания свитков — лишь одно из ее достоинств. Как всякая серьезная работа, посвященная редким областям индейской культуры, какими до сих пор остаются аборигенная письменность и мифология, книга раскрывает перспективы дальнейшего исследования искусства, историографии, мифологии, фольклора оджибве.

Книга Дюдни может служить подтверждением того, что, во-первых, мифологические образы и понятия как части обряда Мидевинин сохранились в среде оджибве до наших дней, пусть на завершающей стадии своего бытия; во-вторых, что уже заявляет о себе их «вторая жизнь» в сфере изобразительного искусства, литературы.

Современное движение аборигенного населения США и Канады за национальное равноправие порождает у молодого поколения индейцев интерес к древним культурным ценностям, в частности, обуславливает возникновение самобытной школы живописи (неоднократные ссылки автора на Н. Моррисо) и первых литературных произведений. Несомненно, что книга «Священные свитки южных оджибве», на последних страницах которой отмечено появление этих новых веяний в социальной жизни индейцев, сама проникнута духом времени. В ней дана разносторонняя оценка актуальных явлений народной культуры, определен самый масштаб материала, еще подлежащего исследованию, а тем самым ставится проблема и популяризации индейского культурного наследия — живой части современной североамериканской культуры.

А. В. Ващенко

НАРОДЫ АФРИКИ

«Africana». Африканский этнографический сборник, X. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», т. XIII, Л., 1975, 228 стр.

В течение двух последних десятилетий Институт этнографии АН СССР систематически издает сборники «Africana» под редакцией Д. А. Ольдерогге. Основу сборников составляют статьи этнографического этноисторического и этнолингвистического характера, а также работы «чисто» исторические, филологические, лингвистические и др. Рецензируемый X сборник «Africana» продолжает традицию комплексного изучения культуры народов Африки, установившуюся в советской африканистике.

Сборник открывается небольшой, но чрезвычайно интересной статьей Д. А. Ольдерогге «Брат — сын матери (псевдоматриархат)», в которой предлагается новое объяснение явления, использовавшегося долгое время в качестве одного из аргументов при доказательстве существования матриархата. Известно, что во многих африканских языках имеется своеобразный способ образования термина родства для обозначения брата — с помощью аналитической конструкции — «сын матери». Поскольку такой способ обозначения сиблинга не определяется ни типом системы родства, ни структурой языка, многие исследователи (Дж. Байнон, Г. Марси, М. Делафосс) считали, что этимологическое значение термина «сын матери» указывает на некое состояние общества, когда господствовали нормы материнского права или матриархата. Однако, как впервые показал Д. А. Ольдерогге, у матрилинейных народов сиблинг не обозначается таким образом, в то время как подобная терминология встречается у многих народов с патрилинейной филиацией и патрилокальной формой брачного поселения (сомалийцы, фульбе

Фута-Джаллона, датога, конкомба, эве, йоруба, игбо и др.). Автор на многих примерах убедительно доказывает, что дети одной матери в условиях полигамной семьи и патрилокальности составляют в экономическом отношении более тесную группу, чем дети одного отца и разных матерей. Правда, следует заметить, что у матрилинейных ашанти и фанти сиблинги буквально называются «дети матери» (*ниа* или *ниа*, где *ни* — «мать», *ша* — фонетический вариант слова, *ба* — «дита»)¹, но появление этого термина, по-видимому, можно объяснить переходом этих народов к патрилокальности и укреплением полигамной семьи. Таким образом, нет никаких оснований считать эту форму передачи термина «брат» пережитком матриархата как стадии в эволюции семейно-родственных отношений.

В статье Н. Н. Кошевской «Скульптура Ифе и этнография» исследуются назначение и смысл бронзовой и теракотовой скульптуры из Ифе. Опираясь на этнографию йоруба, эдо, джукун и других народов Западной Африки, автор по-новому истолковывает ряд художественных особенностей ифской скульптуры и прежде всего реализм скульптурного портрета, который не укладывается в обычные представления о нормах африканского искусства, что заставило многих исследователей искать истоки ифских традиций в искусстве великих цивилизаций древности. Н. Н. Кошевская полагает, что реализм — не случайное, а вполне закономерное явление, тесно связанное с содержанием скульптуры, и находится в соответствии с представлениями йоруба о «загробном мире», культе предков и культе умерших властителей. Эта важная мысль подтверждается и древнеегипетскими материалами, где сходные представления вполне конвергентно вызвали аналогичные процессы в искусстве.

Близкая к статье Н. Н. Кошевской проблематика рассматривается в сообщении З. Л. Пугач «О назначении фигурок бари». Автор обращает внимание на противоречивость объяснений назначения статуэток бари. Наиболее общепризнанное мнение о том, что они представляют собой «пенаты» (изображения умерших родственников), основано на материалах Г. Швейнфурта и В. В. Юнкера. Но, как установлено автором, ни один из них не видел, как бари обращаются с фигурками. Поскольку изготовление статуэток прекратилось к началу XX в., вопрос об их назначении все еще является открытым.

В статье И. Н. Головановой и З. Л. Пугач «Африканские коллекции братьев Соломенцевых в Тарту» дано квалифицированное описание предметов, собранных в 1930-х годах русским врачом, работавшим во Французском Конго (сейчас Народная Республика Конго) и ныне хранящихся в ГМЭ Эстонской ССР в г. Тарту. На первый взгляд, статья может показаться чисто описательной, однако информация о назначении и различных особенностях ритуальной скульптуры, методах ее изготовления и способах придания ей магической силы делают статью весьма серьезной этнографической работой, в которой рассматривается культ предков.

Сложной и малоразработанной проблеме этнокультурных контактов народов Африки и Эгеиды посвящена статья Ю. К. Поплинского «Африка и Эгеида во II тыс. до н. э.». Автору удалось восстановить общие контуры истории этого периода, охарактеризовать основные области торговых и культурных контактов на североафриканском побережье, а также приблизительно определить уровень социально-экономического и культурного развития населения Северной Африки, что оказалось возможным сделать только при использовании комплексной методики исследования, предложенной советскими этнографами для решения проблем этнической истории. Ю. К. Поплинский привлек весьма широкий круг источников: древнеегипетские и древнегреческие письменные источники, наскальные изображения Сахары, памятники материальной и духовной культуры, антропологический материал. Изучение афро-эгейских контактов позволило подойти вплотную к решению одной из наименее изученных проблем в этнической истории континента — к проблеме гарамантской цивилизации. Обнаружив сходные черты в культуре гарамантов и эгейцев, автор связывает появление гарамантов в Африке с походами «народов моря» во II тыс. до н. э. В целом исследование Ю. К. Поплинского расширяет наши знания об Африке и ее роли в мировом культурно-историческом процессе. Однако работа, несомненно, выиграла бы, если бы текст (особенно разделы о мореходной технике и о материальной культуре гарамантов и эгейцев) сопровождался иллюстрациями (рисунками или фотографиями). Ощущается также отсутствие этнической карты Северной Африки (хотя термин «этническая карта» не раз фигурирует, в тексте) и картосхем морских маршрутов в Восточном Средиземноморье и маршрутов транссахарской караванной торговли.

Две работы В. А. Вельгуса посвящены доказательству гипотезы о том, что Китай уже во II—I вв. до н. э. мог знать о египетском городе Александрия. В статье «Первые сообщения китайских источников об Александрии в Египте» идентифицируются страны Ли-сянь и Ли-цзянь, упоминаемые в древнекитайских и тибетских источниках, с Александрией Египетской, а также делается вывод о том, что произошедшему в форме Ли-цзянь, известной с конца I в. до н. э., предшествовала форма Ли-сянь. Во второй статье «Александрийские фокусники в Китае» рассказывается о фокусниках-иллюзионистах из страны Ли-сянь (Ли-цзянь).

Название статьи В. В. Матвеева «Земледелие у зинджей (по арабским источникам X—XII вв.)» несколько шире ее содержания, поскольку посвящена она не земледелию

¹ W. T. Balmer, F. C. F. Grant, A grammar of Fante-Akan language, London, 1929, p. 63.

во всем комплексе, а только сельскохозяйственным культурам, которые выращивали **зинджи** в X—XII вв. В работе собраны и систематизированы сведения средневековых арабских источников об этих растениях, и на основании этой информации делается вывод о том, что население Восточной Африки обладало высокоразвитой культурой земледелия. Сведения арабских источников о земледелии у населения Восточной Африки очень важны, так как археологических данных по этому региону почти не имеется.

Небольшое сообщение А. А. Жукова «Из образцов старосуахилийской литературы» представляет собой публикацию старосуахилийского манускрипта с текстом поэмы «Стихи Лионго». Публикация поэмы, обнаруженной автором в 1972 г. в архиве суахилийских рукописей университета Дар-эс-Салама, делает возможными сопоставления с уже известными вариантами этого произведения.

В лингвистическом отделе сборника привлекают внимание прежде всего статьи И. М. Дьяконова и А. И. Еланской. И. М. Дьяконов представил лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков и высказал соображения о родине протоафразийцев. Сделана также попытка определить приблизительное время расхождения между семитской и кушитской ветвями афразийской семьи языков. Статья А. И. Еланской «Закон пропорции в коптском и категория времени в древнеегипетском языке» касается одной из любопытных проблем языков древнейших письменностей. Характер древнеегипетской иероглифики, исключая абсолютно достоверную вокализацию (на которую в языках афразийской семьи падает значительная, а нередко и основная часть грамматики), породил в свое время мнение о видовом характере древнеегипетского глагола. А. И. Еланская, опираясь на закон пропорции в коптском языке, рассматривает возможность временной характеристики древнеегипетского глагола, которая обычно отрицалась.

Л. Палмайгис исследует личные местоимения в протоафразийском и праиндоевропейском в связи с вопросом бореальных реконструкций. А. С. Четверухин делится наблюдениями над староегипетскими предложениями и гентивным управлением. И. А. Осницкая в статье «„Имя владетеля“ в языках чадской группы» рассматривает конструкции с префиксом *mai/masu*, который является очень продуктивным в языке хауса. Появление этих конструкций связывается с влиянием суданского субстрата. В другой статье И. А. Осницкой исследуется структура имени в чадских языках.

Сборник завершается двумя филологическими статьями С. Б. Чернецова. В статье, написанной по материалам эфиопских рукописных амулетов из собрания Музея антропологии и этнографии, С. Б. Чернецов предпринял сопоставление трех эфиопских магических сюжетов («Сети Соломона», «Отлучения Сатаны» и «Ограждения Креста») с аналогичными сюжетами других христианских народов, что позволило ему установить общие источники этих сюжетов. Вторая статья, «Эфиопская литература XVII в.», представляет собой краткий обзор эфиопской литературы XVII в.—времени наивысшего расцвета историографического и агиографического жанров эфиопской средневековой литературы. Произведения обоих жанров — исключительно ценные источники, способствующие пониманию исторической и культурной обстановки средневековой Эфиопии. Несомненным достоинством статей С. Б. Чернецова, так же как и многих других статей сборника, является прекрасный язык изложения. Вызывает сожаление лишь излишняя краткость сообщения об эфиопской литературе (7 стр.), носящего в отдельных местах конспективный характер. Совершенно очевидно, что тема заслуживает гораздо большего объема. Представляется также необходимым прилагать к подобной работе образцы литературных жанров.

В заключение нельзя не заметить, что все статьи сборника снабжены резюме на английском или французском языке. К сожалению, приходится посетовать на чрезвычайную краткость большинства из них.

В целом сборник, несомненно, является полезным вкладом в советскую африканистику.

В. А. Попов

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров (Москва). 50 лет журнала «Советская этнография»	3
Л. Н. Чижикова (Москва). Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации.	27
С. И. Вайнштейн (Москва). Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.	42
Г. В. Лебединская (Москва). Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития.	63
А. И. Шаскольский (Ленинград). Негритянские гетто — «внутренняя колония» Америки?	71
Б. Б. Парникель (Москва). Межэтнические отношения в Малайзии и их отражение в современном малайском рассказе.	78

Из истории науки

С. М. Абрамзон (Ленинград). «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа).	90
---	----

Дискуссии и обсуждения

Ю. И. Семенов (Москва). О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества.	93
В. П. Алексеев (Москва). О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций.	114
С. А. Арутюнов (Москва). Двуединство дивергенции и гомогенизации.	132
В. И. Козлов (Москва). Ведет ли усиление мутаций к расогенезу?	134
Г. Е. Марков (Москва). Социальные факторы, дивергенция и популяции.	137
Н. Н. Чебоксаров (Москва). О специфике расообразования у человека	139

Поиски, факты, гипотезы

В. И. Васильев (Москва). Открытие самодийского мира (История одного научного поиска).	145
---	-----

Хроника

В. Н. Басилов (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1975 году.	157
--	-----

Научная жизнь

М. В. Райт (Москва). Международный коллоквиум по кушитологии.	167
Г. Ф. Дахштейгер (Алма-Ата). Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV Международном конгрессе исторических наук.	168
Н. С. Полищук, М. Н. Шмелева (Москва). Конференция «Этнография Праги».	170
В. К. Малькова (Москва). Заседания Научного совета по национальным проблемам.	172
Коротко об экспедициях	173

Критика и библиография

Общая этнография

Н. А. Бутинов (Ленинград). <i>Социальная история народов Азии.</i>	176
М. И. Шалата (Дрогобыч). Новые публикации записей Зорiana Доленги-Ходаковского.	179

Народы СССР

Р. Г. Кузеев (Уфа). <i>Современные этнические процессы в СССР.</i>	183
М. Н. Губогло (Москва). <i>Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие.</i>	188

В. Я. Басин (Алма-Ата), Н. Е. Бекмаханова (Москва). <i>М. С. Муканов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза.</i>	192
Е. М. Пещерева, Р. Р. Рахимов (Ленинград). <i>Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.).</i>	194

Народы зарубежной Европы

А. Н. Кожановский (Москва). <i>Alfonso de Otazu y Llana. El «igualitarismo» vasco: mito y realidad</i>	197
--	-----

Народы зарубежной Азии

Я. В. Чеснов (Москва). Новые работы о народах Непала и Бутана во французском журнале.	199
---	-----

Народы Америки

А. В. Вощенко (Москва). <i>S. Dewdney. The sacred scrolls of the southern Ojibway.</i>	202
--	-----

Народы Африки

В. А. Попов (Ленинград) « <i>Africana</i> ». Африканский этнографический сборник, X	203
---	-----

На первой странице обложки: Журнал «Советская этнография» в разные годы.

SOMMAIRE

A. I. Perchits, N. N. Tchéboksarov (Moscou). Cinquante ans de la revue «Sovietskaya Etnografiya»	3
L. N. Tchijkova (Moscou). Etude de l'habitat rural des Slaves de l'Est. Résultats et tâches d'une classification	27
S. I. Vaïnchtein (Moscou). Problèmes de l'histoire de l'habitat des nomades des steppes de l'Eurasie	42
G. V. Liebédivskaya (Moscou). La reconstruction plastique du visage d'après le crâne et les voies de son développement	63
A. I. Chaskolski (Léningrad). Les ghetto nègres — une «colonie intérieure» de l'Amérique?	71
B. P. Parnickel (Moscou). Rapports interethniques en Malaisie et leur reflet dans la nouvelle malaisienne moderne	78

De l'histoire de la science

S. M. Abramzon (Léningrad). La «Sovietskaya Etnografiya» au début des années trente (des souvenirs d'un ethnographe)	90
--	----

Discussions et délibérations

Yu. I. Sémionov (Moscou). Du caractère spécifique des rapports de production (socio-économiques) de la société primitive	93
V. P. Aléxéiev (Moscou). Sur le rôle des facteurs sociaux à la divergence biologique des populations humaines	114
S. A. Aroutiunov (Moscou). Dualité de la divergence et de l'homogénéisation	132
V. I. Kozlov (Moscou). L'accroissement des mutations, amène-t-il à la genèse raciale?	134
G. Ye. Markov (Moscou). Facteurs sociaux, divergence et populations	137
N. N. Tchéboksarov (Moscou). Du caractère spécifique de la formation raciale chez l'Homme	139

Recherches, faits, hypothèses

V. I. Vassiliév (Moscou). La découverte du monde samodien (histoire d'une recherche scientifique)	145
	207

Chroniques

- V. N. Bassilov (Moscou). Activités de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S., en 1975 157

Vie scientifique

- M. V. Raït (Moscou). Un Colloque international pour les problèmes de kushitologie 167
G. F. Dachschleiger (Alma-Ata). Quelques problèmes de l'histoire des sociétés nomadiques aux XIVe Congrès International des Sciences Historiques 168
N. S. Polichtchouk, M. N. Chmélioïva (Moscou). Une Conférence dite «Ethnographie de Prague» 170
V. K. Malkova (Moscou). Séances du Conseil scientifique pour les problèmes des nationalités 172
Missions en bref 173

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

- N. A. Boutinov (Léningrad). *Histoire sociale des peuples de l'Asie* 176
M. I. Chalata (Drogobytch). Nouvelles publications des notes de Zorian Dolega Chodakowski 179

Peuples de l'U.R.S.S.

- R. G. Kouzéïev (Oufa). *Processus ethniques modernes en l'U. R. S. S.* 183
M. N. Gouboglo (Moscou). *Le peuple Soviétique, une nouvelle communauté historique d'hommes. Le devenir et le développement* 188
V. Ya. Bassine (Alma-Ata), N. Ye. Bémakhanova (Moscou). M. S. Moukanov. Composition ethnique et établissement des Kazakh du Joz Moyon 192
Ye. M. Piechtchéïeva, R. R. Rakhimov (Léningrad). N. O. Toursonov. De l'histoire de l'artisanat urbain du Tadjikistan du Nord (industries textiles de Khodjent et des faubourgs de celle-ci, fin XIXe — début XXe siècles) 194

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

- A. N. Kojanovski (Moscou). *Alfonso de Otazu y Llana. El «igualitarismo» vasco: mito y realidad* 197

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

- Ya. V. Tchésnov (Moscou). Nouvelles études sur les populations du Népal et du Bhutan dans une revue française 199

Peuples de l'Amérique

- A. V. Vachtchéno (Moscou). S. Dewdney. The sacred scrolls of the southern Ojibway 202

Peuples de l'Afrique

- V. A. Popov (Léningrad). «Africana». *Recueil ethnographique africain, X.* . . . 203

Sur la couverture: La revue «Sovietskaya Etnografiya» à travers les années.

Технический редактор Л. И. Глинка

Сдано в набор 11/V-1976 г. Т-09069. Подписано к печати 19/VII-1976 г. Тираж 2670 экз.
Зак. 4154. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Бум. л. 6¹/₂. Уч.-изд. л. 21,6.

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10